

Роберт Артур

**Милое
семейство**

2017

РОБЕРТ АРТУР

**Милое
семейство**

**Паровая типолитографія А. А. Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2017**

Роберт Артур
10.11.1909 – 02.05.1969

Роберт Артур. Милое семейство. – Москва, Паровая типолитография
А. А. Лапудева, 2017 – 326 с.

Впервые под одной обложкой собраны все переведённые на русский язык рассказы Роберта Артура. В издании сохранены оригинальные иллюстрации.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

© А. А. Лапудев, составление, библиография, 2017

Угадай, кто?

Году в 1982 я начал очень серьёзно относиться к журнальной фантастике. И то сказать, журналы в то время были самым быстрым и безболезненным способом регулярно читать фантастику. А иного я тогда и не читал.

Я был подписан едва ли не на все доступные журналы — «Вокруг свет», «Техника — молодёжи», «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Знание — сила», «Юный техник»... В то же время я стал активным посетителем букинистических магазинов, где оные журналы лежали стопками. Разумеется, пришлось завести отдельные школьные тетрадки на каждый журнал, для внесения номеров журналов с указанием опубликованной в них фантастики. Дабы не купить лишнего. Фамилию авторов я писал, а вот имя-отчество сокращал до инициалов. Вполне успешно. Пока в журнале «Юный техник» не был опубликован рассказ «Марки страны Эль Дорадо». И вот тут-то я озадачился. Автором был указан Роберт Артур. Р. Артур? Или А. Роберт? Других произведений этого автора мне не встретилось, и, махнув рукой, я так и записал. Полностью. «Роберт Артур».

Годы шли, фантастика пошла косяком, тетради были уже благополучно заброшены, а во всё новых сборниках ужасных рассказов обнаруживались всё новые рассказы того непонятого автора. Впрочем, теперь я уже знал, что «Артур» — это всё-таки фамилия. А рассказы — вполне симпатичны.

Не так давно, просматривая старый номер «Еслей», я наткнулся на следующую строчку: «Однако, к сожалению, собственный сборник Роберта Артура так и не был опубликован, и лучшие рассказы писателя остались рассеянными по журналам».

Как так? Обидно выходит... И незамедлительно решил восполнить это упущение. Пусть и в электрическом виде.

Так что, приятного чтения вам, уважаемые читатели!

*Антон Лапудев,
Москва, 2017 год*

Смертницы

Уже в десятый раз в этот день голосом, который слегка дрожал, Марта Холсей перечитывала вслух заметку, опубликованную в «Еженедельных новостях».

«Фирма по продаже недвижимости «Боггс энд Боггс» извещает о предполагаемой продаже старого особняка, расположенного напротив здания суда. Этот особняк принадлежал сёстрам Марте и Луизе Холсей, дочерям покойного судьи Гирэма А. Холсея. О продаже особняка распорядилась племянница сестёр миссис Эллен Холсей Голдвин».

На этот раз сидевшая в инвалидном кресле Луиза ничего не сказала. Лишь с выступившими голубыми венами её руки нервно терзали края пледа, согревавшего колени. Единственным собеседником Марты, казалось, был северный ветер, хлеставший по стёклам окна ветками стонущих под его порывами деревьев.

Ещё рано утром, до завтрака, когда Марта вытащила газету из почтового ящика, сёстры внимательно изучили и обсудили содержание заметки. Вначале Луиза настаивала, что это какая-то ошибка. Но Марта презрительно отвергла такую возможность. Затем Луиза предложила позвать Эллен, чтобы та всё им объяснила. Однако какое-то глубокое внутреннее чувство осторожности побудило Марту отвергнуть и эту идею.

Теперь, после долгих размышлений про себя и вслух, когда Марта утомилась и утомила сестру различными предположениями, ответ на мучавшие вопросы пришёл к ней внезапно. Единственно возможный ответ. Всё стало на свои места. Мгновенно нашлось убедительное объяснение странным событиям, которые происходили в последнее время, включая и смерть кошки Куинни на прошлой неделе.

У Марты от озарения перехватило дыхание. Обретя голос, она тихо и спокойно сказала правду Луизе:

— Я убеждена, что Роджер и Эллен хотят нашей смерти.

— Нашей смерти? — Луиза посмотрела на сестру недоумённо. — О, нет, нет, Марта!

— Другого объяснения нет, — категорично заметила Марта.

Её черты лица, серого и изрезанного морщинами, были высечены словно из гранита. Несмотря на свои восемьдесят лет, она не утратила сообразительности, и её голубые глаза сверкали убеждённостью.

— Теперь я понимаю, почему Роджер и Эллен так настаивали, чтобы мы переселились из особняка к ним, — продолжала рассуждать Марта. — Ясно также, почему они уговорили нас подписать распоряжение о передаче права на владение особняка Эллен. Под предлогом освобождения нас от утомительных и обременительных обязанностей, как выразился Роджер. Правда всегда проста, если взглянуть фактам в лицо, — говорила Марта. — Сначала Роджер и Эллен изолировали нас от всех наших друзей и соседей. Теперь они осмелели настолько, что объявили о продаже нашего дома. Скоро, очень скоро они рассчитывают стать владельцами наших акций и ценных бумаг.

— Но они не могут получить их, пока мы живы! — воскликнула Луиза.

— Вот именно об этом я тебе и толкую.

Марта встала и проковыляла к окну комнаты с двумя кроватями, где они обитали. Вывих правого бедра мешал ей нормально двигаться. Старая женщина приоткрыла окно и подставила лицо холодному осеннему ветру.

— Тобби, Тобби! — позвала она кота. — Тобби, иди сюда!

Она не услышала привычного ответного «мяу». Ласковое существо, покрытое густой шерстью, не прыгнуло на подоконник. Марта задвинула наглухо раму и похромала обратно к столу с ярким жёлтым кругом посередине от света небольшой электрической лампы.

— Сначала Куинни, теперь Тобби, — сказала она, обращаясь к сидевшей неподвижно в инвалидном кресле сестре. — Вот что я тебе скажу, Луиза. Завтра или на следующий день Роджер принесёт сюда мёртвого Тобби и будет разыгрывать крайнее огорчение, как он это делал на прошлой неделе, когда принёс Куинни. Отравленную, конечно.

Марта пристально посмотрела на сестру. У той слезы навернулись на глазах.

— Бедная Куинни, — прошептала Луиза. — Роджер сказал, что кошка, возможно, съела отраву, которую разбрасывают фермеры для лисиц на огородах. Фермеры часто так поступают.

— Разве могла Куинни съесть что-нибудь подобное, после того как ты кормила её восемь лет из собственных рук? — спросила Марта.

— Куинни была очень разборчива в еде. Я скажу тебе, кто отравил Куинни. Это сделал Роджер, и только он!

Луиза уставилась на сестру. Снаружи ветер ещё сильнее затряс деревья.

— Но почему он так поступил?

— Подумай сама немного. Вспомни, как ты себя чувствовала весь прошлый месяц. Приступ слабости, недомогания в один день, и вроде бы нормальное состояние на следующий. И так — целый месяц! Как ты объясняешь такие странные перепады?

— Ну, если тебе уже семьдесят пять...

— Чепуха. У тебя никогда не было таких перепадов самочувствия, когда мы жили в нашем доме.

— Да. Со мной такого там не было.

— То-то! Я уверена в виновности Роджера. Не забывай, что он фармацевт и имеет свободный доступ ко всяким снадобьям, в том числе и ядам.

— О, Марта! Этого не может быть!

— Роджер — очень умён. Он пользуется ядом малыми дозами с тем, чтобы мы постепенно чувствовали себя хуже и хуже, пока в один прекрасный день, прекрасный, разумеется, для него, мы не умрём... умрём якобы от обычных болезней. — Марта почти прошептала последние слова. — У тебя наблюдаются, Луиза, все признаки постепенного отравления. Мышьяком, по всей вероятности. Куинни ела из твоей тарелки. Будучи очень маленькой, она умерла, а твоё состояние ухудшилось. Роджер выдумал всю эту историю относительно разброшенной фермерами отравы.

Марта глубоко задышала. И презрительно продолжила:

— Затем Роджер понял, что то же самое может произойти и с Тобби. Но кот мог умереть на глазах у нас, и мы бы заподозрили неладное. Поэтому он решил избавиться от Тобби навсегда. И бедный, бедный Тобби исчез.

— О, как это ужасно! — поёжилась Луиза. — Однако на чём ты делаешь свои выводы?

— На основе веских доказательств. И одно из них — покупка Роджером вчера новой машины.

— Но это вовсе не новая машина, — возразила Луиза. — Он купил подержанный автомобиль, который необходим Роджеру, чтобы ездить по округе зимой.

— В том-то всё и дело. Необходим! Роджеру и Эллен очень нужны деньги. Ты же знаешь, как мало зарабатывает Роджер в аптеке мистера Джебвея. Ты должна принять во внимание все факты. Два года назад Роджер появился здесь. Словно с неба упал. Его никто не знал. Он встречает Эллен и тут же женится на ней!

Но почему? Эллен — далеко не красавица. Что привлекло в ней Роджера? Я тогда ещё не могла этого понять. Теперь я знаю. Он женился на нашей племяннице только потому, что она наша единственная наследница. У нас — особняк, отец оставил нам акции, ценные бумаги. И Роджер решил воспользоваться случаем. Он задумал прибрать к рукам всё наше состояние, отравив нас.

— Возможно, он женился на Эллен не по любви, — заметила Луиза, но тень сомнения легла на её маленькое морщинистое лицо. — У Эллен действительно весьма заурядная внешность. Но у неё добрый характер, а мужчина не всегда выбирает себе жену по тому, как она выглядит.

Марта прицелилась своим указательным пальцем в сестру.

— Ты знаешь так же хорошо, как и я, что Эллен изменилась. Ты определённо заметила, какой скрытной она стала. Ведь она ничего нам не сказала, что хочет продать особняк. Ты заметила, как она и Роджер тайно переглядываются, когда думают, что мы не наблюдаем за ними? И всегда, стоит нам заговорить о деньгах, они тут же меняют тему разговора.

Марта наклонилась вперёд и понизила голос:

— Я совсем забыла. Они могут подслушивать, стоя за дверью. Ещё раз тебе повторяю: посмотри на факты. Мы были счастливы в нашем особняке. Прошлым летом Роджер и Эллен пытались убедить нас, что они обеспокоены нашим положением. Обеспокоены тем, что у меня постоянный вывих бедра, и тем, что ты не можешь самостоятельно передвигаться из-за твоего артрита. Они утверждали, что мы уже не в состоянии сами за собой должным образом ухаживать. Какая чепуха! Ведь мы могли бы продать акции и ценные бумаги и нанять служанку и повара.

Но нет. Как старые глупые создания мы позволили себя уговорить. Мы выдали Эллен доверенность и переехали к ним. И теперь мы совершенно одни. Нас никто не посещает. И мы вряд ли сможем когда-нибудь покинуть этот дом. Мы даже не получаем никакой почты. Даже судья Бекк не проведal нас. Три дня назад я написала ему

письмо, прося — нет, умоляя — его зайти к нам. Написала, что мы хотим обсудить с ним нечто очень важное.

— Ты написала судье Бекку письмо? — воскликнула Луиза. — И ничего не сказала мне об этом?

— Я поступила так потому, что не хотела тебя волновать своими подозрениями. Но теперь уверена, что нас замыслили отравить. И я намерена поставить судью в известность обо всём. Если, конечно, мы когда-нибудь увидим его. Думаю, Роджер не передал моё письмо по назначению.

Марта плотно сжала губы. И после некоторого молчания прошептала сквозь вставные зубы:

— Ничего не поделаешь. Роджер торопится. Ясно, что он замышляет разделаться в первую очередь с тобой. Затем покончить со мной. И никто ничего не заподозрит!

— О, Марта! — Бледно-голубые глаза Луизы тревожно заблестели.

— Я хочу позвать их и послушать, что они скажут. Нет, я не собираюсь предъявлять им обвинения. Но по их ответам мы сможем определить, как много они от нас скрывают.

Марта прохромала к двери, соединявшей комнату с небольшим холлом и остальной частью дома. Открыв её, позвала:

— Роджер! Эллен!

— Да, тётушка? — послышался голос молодой женщины.

Марта вернулась на своё место, и вскоре в комнате появилась Эллен, особа на вид лет тридцати, пучеглазая, со скошенным подбородком и озабоченным выражением на лице. Она вытерла руки о фартук и улыбнулась:

— Через минуту я принесу ужин. Тушёная говядина на этот раз. Неплохо звучит?

— Спасибо, Эллен, — ответила Марта. — Но мы хотели бы поговорить с Роджером.

— Кто-то меня спрашивает? — В холле послышались тяжёлые шаги, и за спиной Эллен появился Роджер, приземистый, упитанный субъект с курчавыми волосами, симпатичную внешность которого несколько портили резкие губные складки и очки в массивной роговой оправе.

— А вот и я, тётушка, в целости и сохранности, — Роджер засмеялся, словно ему показалось, что он удачно пошутил. — Чем могу быть полезен?

Он обнял жену за талию и улыбнулся старым женщинам. Но скрытые стёклами очков его глаза, казалось, не улыбались, а старались проникнуть в тайные мысли Марты и Луизы.

— Мои три любимые девочки все вместе под одной крышей, — продолжал острить Роджер. — Мой тайный маленький гарем.

Он легонько похлопал Луизу по руке.

— Роджер, я несколько удивлена тем, что судья Бекк до сих пор нас не навестил, — сказала Марта — Ты передал ему моё письмо?

— К сожалению, нет, — Роджер немного смутился. — Я оставил письмо его секретарю. Я хотел сегодня сказать вам об этом. Судьи Бекка нет в городе.

— Нет в городе? — словно эхо отозвалась Луиза.

Роджер прокашлялся, и даже Луиза заметила, как он переглянулся с женой.

— Судья Бекк уехал в Бостон по делу. Его секретарь сказал мне, по весьма важному делу.

— Но какие у судьи дела в Бостоне? — сурово спросила Марта.

— Он уехал туда по просьбе местного жителя, — ответил Роджер. Выражение неловкости на его лице усилилось.

— И когда судья вернётся? Судья Бекк терпеть не может Бостона.

— Через день или два. Как только он вернётся, ему вручат ваше письмо, тётушка.

— Ммммм... — Марта быстро посмотрела на сестру. Та чуть кивнула ей головой, давая ясно понять, что она тоже видит, как Роджер изворачивается.

— Мы прочли в газете заметку, Роджер, — продолжала допрос Марта. — В ней утверждается, что Эллен намерена продать наш особняк при посредничестве фирмы «Боггс». Используя, разумеется, доверенность, которую мы ей дали. В этой заметке всё верно?

Опять сёстры увидели, как муж и жена переглянулись. От наигранной бодрости Роджера не осталось и следа.

— Да, там всё верно напечатано, тётушка Марта, — сказал он. — Дом нуждается в капитальном ремонте. Мы думали, вы будете счастливы с нами, и мы... мы решили, что лучше продать особняк.

— Роджер! — Марта встала и оперлась о свою трость. Она пристально уставилась на мужа племянницы. Тот отвёл глаза. — Я хочу напомнить тебе, что мы согласились жить здесь с вами только при том условии, что мы в любой момент можем вернуться к себе обратно, в особняк. Не так ли, Эллен?

— Да, вы правы, тётушка Марта. — Руки Эллен нервно теребили края фартука.

— Это подразумевает, что мы не желаем продавать особняк. Пока мы живы.

— Мы хотим вернуться обратно, — сказала Луиза дрожащим голосом.

— Но, тётушка Луиза, — запротестовала Эллен. — Вы не можете этого сделать!

— Почему же, интересно? — вмешалась Марта.

— Почему? Зима приближается, — пояснил Роджер, обретая уверенность. — В особняке не функционирует отопительная система. Отремонтировать её — долгое и дорогостоящее занятие. Может быть, следующим летом что-нибудь удастся сделать. Но нет ничего хуже для больного организма, чем старое и холодное помещение. — Он говорил почти умоляющим тоном, хотя складки у его рта, казалось, стали ещё заметнее. — Кроме того, как уже сказала Эллен, мы хотим, чтобы вы жили с нами. Мы думали, вам здесь хорошо.

Луиза открыла рот, чтобы спросить ещё кое-что, но Марта её опередила.

— Мы подумаем об этом и обсудим с судьёй Бекком, — сказала она.

— Вот и ладно. А теперь, Эллен, давайте поужинаем. Мне сегодня придётся подежурить в аптеке. Мистер Джебвей приболел гриппом.

Роджер и Эллен удалились в свои комнаты.

Марта спросила Луизу.

— Ну, что? Теперь-то ты согласна со мной?

— О, да! — вздохнула Луиза. — Ведь, дорогая, он наговорил столько лжи! Отопительная система в нашем особняке всегда была в порядке. У нас никогда не возникало никаких проблем на этот счёт с тех пор, как отец проложил трубы тридцать семь лет назад.

— А как тебе нравится сказка о каком-то жителе Бостона, по делу которого уехал судья Бекк? — спросила с явным презрением Марта,

смотря сестре прямо в глаза. — И ты заметила, как вдруг Роджер решил, что ему надо срочно идти в аптеку? Он явно не хотел, чтобы мы его расспрашивали дальше. Похоже на то, что он намерен взять ещё больше яда из запасов мистера Джебвея.

— Тише, Марта, — Луиза приложила палец к своим трясущимся губам.

В эту ночь сёстры спали плохо. Марта несколько раз вставала, надевала халат, ковляла к окну, чтобы позвать Тобби. Но так и не услышала знакомого «мяу».

— Тобби мёртв, — сказала Марта сестре на следующее утро. — Мы никогда больше его не увидим.

— Бедный Тобби! — Слёзы покатались из глаз Луизы. — Племянница и её муж — ужасные люди. Раньше я думала, что Эллен такая добрая.

— Она такой и была, — заметила Марта. — Однако под влиянием Роджера её характер совершенно изменился. Жена обычно следует за мужем.

— Но неужели она готова помочь ему убить нас?

— Пока что они довольствовались тем, что убили наших кошек. Мы должны каким-то образом помешать им убить нас. У меня есть план. — Голос Марты посуровел. — Мне не хочется осуществлять его, но, если возникнет необходимость...

В холле послышались шаги, и в комнату вошла Эллен с подносом в руках.

— Доброе утро, — сказала она и поставила тарелки с едой на стол. Эллен выглядела так, словно тоже не выспалась. — Варёные яйца, горячие пирожки и чай. Вкусно и питательно. Между прочим, ночью были заморозки, и вода в ведре, которое я выставила наружу, покрылась льдом.

— Мы почти не спали, — заметила Марта. — Нас беспокоило отсутствие Тобби.

— О, тётушка, разве он не вернулся? — Эллен, казалось, была искренне огорчена. — Надеюсь, с ним ничего не произошло. Возможно, кот где-то бродит по округе. Но я уверена, он объявится.

— Я не могу есть. Правда, не могу, — жалобно пробормотала Луиза, когда Эллен ушла. Она едва надкусила покрытый золотистой корочкой пирожок.

— Мы должны сохранить наши силы, — сказала Марта. — Поешь варёных яиц. Они в скорлупе, поэтому совершенно безвредны. И выпей немного чаю.

— Я попытаюсь. — Луиза справилась с одним яйцом и чашкой чая. Марта съела все яйца и пирожки, лежавшие на её тарелке. Но чай показался ей слишком крепким.

— Как ты думаешь, ты сможешь добраться до телефона и позвонить судье Бекку? — спросила Луиза, когда они покончили с едой.

— Ты забыла! — Марта выразительно посмотрела на сестру. — Пршлым месяцем Роджер убрал из дома телефонный аппарат.

— О, господи, я действительно забыла, — воскликнула Луиза. — Он сказал, что пользование телефоном слишком дорого.

— А мы ведь предложили ему оплачивать счета. Таким образом он изолировал нас.

— И теперь мы лишились всякой возможности позвать на помощь! — в голосе Луизы прозвучала паника.

— Да, лишились. Я уже говорила тебе вчера вечером: у меня есть план. Мне крайне не хочется приводить его в жизнь, но, если это будет абсолютно необходимо, я сделаю то, что задумала. А сейчас почитаем газету. Сделаем вид, что мы чем-то заняты. Что тебя интересует?

— Почитай мне траурные извещения. Может быть, кто-то из наших знакомых умер. — Лицо Луизы помрачнело. — Мы уже не в курсе последних событий. Раньше Мэри Томпсон рассказывала нам обо всём. Но с тех пор, как она перестала к нам ездить... — Луиза услышала, как Марта ахнула. — В чём дело?

— Здесь напечатано о Мэри Томпсон!

— Она, надеюсь, не умерла? — встревожилась Луиза.

— Нет. — Марта поджала губы. — Но лучше бы она умерла. В газете пишут, что её поместили в дом для престарелых.

— Нет, не может быть!

— По её собственной просьбе. Бедняжка! — Марта грустно покачала головой. — Только представь: женщина её возраста вынуждена доживать свои дни в этом ужасном месте! В холоде, в грязи, в обществе крыс. Этот интернат называется «Райская обитель». Но прекрасные названия не делают жизнь прекрасной. Все знают, что это приют для нищих, позор для всей округи. Лучше бы Мэри умерла!

— Бедная Мэри! — скорбно сказала Луиза. — О, я никогда не забуду те счастливые вечера, когда она приезжала к нам на чай. Мы

сидели у камина, в тепле. Кошки дремали у наших ног, и Мэри рассказывала нам всякие интересные истории.

На лице Луизы появилось выражение ребячьего азарта:

— Если бы нам удалось вернуться в наш особняк, мы бы пригласили Мэри жить с нами! Мы бы наняли людей, готовых нам помочь, и всё было бы так прекрасно!

— Мы это сделаем! — пообещала Марта. — Наша подруга Мэри Томпсон не умрёт в приюте. Мы найдём средства, чтобы помочь ей.

Перспектива вновь оказаться в родном доме, да ещё и в обществе словоохотливой Мэри Томпсон, на несколько минут улучшила настроение Луизы. Она принялась распускать своё лучшее шерстяное платье, которое носила двадцать лет назад. Внезапно Луиза прервала своё занятие.

— Я ... я плохо себя чувствую. — Секунды две она помолчала, затем испуганно посмотрела на сестру. — Мне плохо. Я лучше прилягу.

Марта помогла ей улечься в постель, помассировала запястья.

— Тебе лучше? — спросила она через некоторое время.

— Я странно себя чувствую, — прошептала Луиза. — Ощущение слабости, беспомощности... И странная сухость во рту. Словно... словно меня отравили! — Последние слова вырвались из её рта свистящим шёпотом. Сёстры посмотрели друг на друга, словно одна и та же мысль пришла одновременно им в головы.

— Чай! — сказала Марта. — О, он очень умён. Роджер. Я чай не пила. Ты ограничилась чашкой. Это тоже немного. — Она схватила сестру за руки. — Я уверена, что этого недостаточно, чтобы отравить тебя. Я убеждена, что Роджер намеревается покончить с нами постепенно, чтобы всё выглядело естественно. Но мы должны потребовать, чтобы к нам пригласили доктора Робертса. Доктор передаст судье Бекку нашу просьбу явиться сюда.

— Ты такая проникательная, Марта! — восхищённо прошептала Луиза.

— Пока мы не встретимся с судьёй, мы никому не должны говорить, что подозреваем Роджера и Эллен, — предупредила Марта. — Если Роджер догадывается, что нам известно о его замыслах, он не будет медлить.

— Не будет, конечно, не будет...

Однако Эллен, зайдя к старым женщинам, не изъявила желания вызвать врача. Племянница посуетилась вокруг Луизы, предложила ей выпить аспирин и бикарбонат, положила в постель бутылку с горячей водой. Марта продолжала настаивать на вызове врача, и в конце концов Эллен неохотно согласилась. Она надела пальто и отправилась к соседям, которые проживали в четверти мили и у которых был телефон. Вернувшись, она сообщила своим родственникам, что доктор Робертс занят приёмом родов и, как только освободится, прибудет.

Часы тянулись медленно. Луизе не стало хуже. Но она оставалась в постели, издавая время от времени стоны. Марта массировала ей запястья и растирала виски одеколоном. Обе они отказались от ланча к видимому огорчению Эллен.

— Но вы должны есть, — настаивала племянница. — Это необходимо для поддержания ваших сил.

— Я хорошо позавтракала, — заявила Марта. — И я уверена, что Луиза почувствует себя хуже, если она съест что-нибудь при её теперешнем состоянии. Если желудок расстроен, лучше поголодать.

С обиженным и обеспокоенным видом Эллен унесла поднос с едой.

Доктор Робертс явился после полудня. Низкорослый, тучный, с остатками седых волос на черепе он страдал отдышкой и был немного моложе двух сестёр.

— Так в чём дело? В чём же дело? — спросил он, усаживаясь и нащупывая пульс Луизы. — Ммммм... Пульс учащённый. Покажите мне ваш язык, молодая леди.

Марта с озабоченным видом находилась рядом и наблюдала, как доктор Робертс потянулся за своим стетоскопом и послушал биение сердца Луизы.

— Вы чем-то расстроены, Луиза? — спросил врач, поглаживая свой подбородок. — Эллен сказала мне, что ваш кот потерялся.

— Кошку отравили, — вмешалась Марта. — А теперь Тобби исчез. Мы опасаемся, что он тоже отравлен.

— Ммммм... Это весьма прискорбно. Боюсь, вы придаёте слишком большое значение домашним животным. Я выпишу вам лекарство, которое приготовит Роджер в аптеке. Вам очень повезло, что в доме фармацевт. Это резко снижает расходы на лечение. Лекарства в наши дни очень дороги.

— Слишком большое значение! — протестуя, воскликнула Луиза. — Да знаете ли вы, доктор...

Марта жестом призвала сестру к молчанию. Врач, занятый составлением рецепта, ничего не заметил.

— Доктор, — сказала Марта, когда Робертс собрался уходить. — Вы не передадите судье Бекку на словах кое-что от нас?

— Конечно, конечно, Марта. Но что именно? — Врач встал и провёл ладонью по лысине.

— Попросите его, чтобы он зашёл к нам сегодня. Скажите ему — это очень важно!

— Важно? Мммм... Но мне крайне не хочется заставлять судью выходить из дома в такую погоду. Несколько дней назад он простудился.

— Так, значит, он не в Бостоне? — взволнованно спросила Луиза.

— В Бостоне? Откуда вы это взяли? Он был нездоров, когда я видел его в последний раз.

— Пожалуйста, попросите его прийти, — взмолилась Марта. — Передайте ему: речь идёт о жизни и смерти!

— О жизни и смерти? Мммм... — Седые пышные брови врача поползли вверх. — Хорошо, хорошо... Если он будет чувствовать себя нормально... Но вы не очень-то переживайте по поводу Куинни и Тобби. Найдите себя парочку милых котят, заботьтесь о них, и ваше настроение улучшится.

— Когда мы вернёмся в наш особняк, мы, разумеется, так и поступим, — твёрдо сказала Марта. — Очень приятно наблюдать за играющими у огня камина котятками.

— Вы хотите вернуться в особняк? — врач искоса посмотрел на Марту. — Но зачем вам это нужно? Для вас — это слишком большое сооружение. Слишком большое. Вы не можете поддерживать порядок в особняке. Я советую вам оставаться здесь, где о вас заботятся.

Доктор Робертс удалился. Сёстры услышали, как Эллен задержала врача в холле. Марта прохромала к двери и прислушалась. Через минуту она вернулась к постели Луизы.

— Он сказал ей, что у нас плохое настроение. Что мы чем-то обеспокоены, — сообщила Марта. — И прописал успокаивающее.

— Успокаивающее! Мы должны были ему сказать, что нас хотят отравить!

— Он бы не стал слушать. Разве, ты не видишь? Роджер и Эллиен одурачили всех. Все думают, что они добрые, заботливые, сердечные люди, которые искренне ухаживают за двумя беспомощными женщинами.

Марта в отчаянии заломила руки.

— Луиза, даже если судья. Бекк придёт сегодня сюда, он нам не поверит. Мне это ясно теперь. Через месяц мы обе будем лежать в могилах, и все будут сочувствовать Роджеру и Эллиен.

— Может быть, нам следует отдать наши акции и ценные бумаги Роджеру и Эллиен? — прошептала Луиза. — У них тогда не будет причины убивать нас.

— Определённо не будет, — отрезала Марта. — Тогда они просто отправят нас в приют. Ты хочешь умереть в этом ужасном заведении?

— Лучше я умру здесь. Но никто не захочет поверить нам...

— Нам остаётся только одно. Бежать!

Порывы ветра сотрясали стёкла окна.

— Но, Марта! — Луиза даже приняла сидячее положение. — Ты же знаешь, мы не можем бежать. Ты даже не сможешь дойти до дома соседей, что в четверти мили отсюда. Тем более ты не сможешь откатить меня туда в коляске. Мы замёрзнем до смерти. Послушай, какой ветер!

Однако Марта лишь загадочно улыбнулась.

— Я же тебе говорила: у меня есть план. Мы спасёмся, и ты не бойся!

— Предположим, твой план удастся. Они заявят, что мы выжили из ума и заберут нас обратно.

— Я это тоже принимаю во внимание. Нам необходимо бежать. Они будут вынуждены позволить нам жить в нашем старом доме. Но следует дождаться, когда Роджер вернётся.

Несмотря на проявленное Луизой любопытство, Марта не стала раскрывать перед ней детали своего плана.

К вечеру погода ухудшилась. Температура воздуха понизилась. И, когда наступили ранние сумерки, сёстры почувствовали, как холод проникает снаружи в комнату сквозь щели оконной рамы. Марта начала собирать их личные вещи и бижутерию, затем завернула жалкие пожитки в старую шаль.

— Многого мы не сможем взять с собой, — заметила она. — Нам придётся оставить большую часть нашей одежды здесь. Но мы можем продать несколько акций и купить себе новые вещи.

Луиза почувствовала себя лучше и уже сидела в кровати.

— Мне хотелось бы побольше узнать о твоём плане. Ведь ты не сможешь везти меня в инвалидной коляске так далеко. Мы наверняка замёрзнем.

— Помощь придёт вовремя, — пообещала Марта. — А теперь запомни: Роджер и Эллен не должны ничего заподозрить. Они — убийцы. Они уже убили Куинни и Тобби и хотят убить нас. Молчи. Я сама буду с ними разговаривать.

— Пусть будет по-твоему, — неохотно согласилась Луиза. — Но при всех обстоятельствах нам не следует есть обед.

— Разумеется. А теперь ... тссс... Роджер пришёл. Я слышу, как Эллен направляется сюда.

Раздалось позвякивание посуды, и в комнату вошла Эллен, неся поднос с тарелками и столовыми приборами. За ней появился Роджер. Его глаза поблёскивали сквозь толстые стёкла очков.

— Доктор Робертс заказал мне изготовить для вас специальное лекарство, тётушка Луиза, — сказал Роджер. Он широко обнажил зубы в улыбке и достал из кармана пузырёк, подбросил и поймал его. — Чистый золотой песок будет дешевле этого лекарства. Но через неделю вы себя почувствуете как молодая кобылка.

— Благодарю вас, Роджер. Я приму лекарство позже.

— Его нужно пить перед едой. Таково указание врача. Вот лекарство. Проглотите.

Он протянул ей на ладони розовую малюсенькую капсулу и другой рукой подал стакан воды. Луиза умоляюще посмотрела на Марту, затем проглотила пилюлю.

— Вот и хорошо, моя дорогая. Лекарство нужно принять ещё один раз сегодня. Перед сном.

— Вы не видели Тобби? — спросила Марта. — Его всё ещё нет.

Роджер облизал губы. Эллен быстро сказала:

— Тобби? Нет, мы его не видели. Но я уверена, он объявится. Ему, очевидно, захотелось побродяжничать.

— Я, кажется, слышала, как он мяучит в подвале. Так жалобно. — Марта с беспокойством посмотрела на племянницу и её мужа. —

Пожалуйста, Роджер, спуститесь сейчас в подвал и посмотрите, там ли Тобби.

— В подвал? — Эллен и Роджер недоумённо переглянулись.

— Я не могу понять, как он может там оказаться? — спросил Роджер, обращаясь к жене.

— Ну, пожалуйста, Роджер. Спустись и посмотри, — ответила Эллен и добавила: — Вы тоже слышали, как он мяукал, Луиза?

— О, да. Я почти уверена, что он в подвале.

— Особого труда не составит убедиться, там он или нет, не правда ли, Роджер, — заметила Эллен. — Возможно, кот забрался туда два дня назад, когда я доставала консервы.

— Хорошо. Я пойду и посмотрю. — Роджер приподнял и опустил плечи, словно ему не оставалось ничего другого делать.

— Итак, в подвал на поиски старины Тобби!

Он вышел в холл, и они услышали, как он стал спускаться по лестнице в подвал. Немного погодя до них донёсся его приглушённый голос:

— Кота вроде бы здесь нет.

— Эллен, пожалуйста, спустись тоже и помоги Роджеру. У него такое слабое зрение, — настойчиво попросила племянницу Марта. — Тобби может прятаться за кучей угля.

— Хорошо, тётушка, — ответила Эллен и спустилась в подвал, где находился её муж. — Тобби, Тобби, — послышалось, как она зовёт кота. — Иди сюда, Тобби!

Марта быстро проковыляла в холл, тихо опустила дверь, ведущую в подвал и задвинула тяжёлый засов.

— Вот и всё! — воскликнула она торжествующе. — Теперь мы спасены!

— Но мы замёрзнем! — заныла Луиза, когда Марта почти выволокла её из постели и одела в тёплое пальто. — Они заберут нас обратно!

— Нет, этого они не сделают.

Марта надела своё пальто, натянула на голову шаль и посадила Луизу в инвалидную коляску. Роджер и Эллен, обнаружив, что их закрыли в подвале, громко стучали в дверь, закрытую на засов.

— Тётушка Марта, — кричала Эллен. — Выпустите нас. Зачем вы так поступили?!

— Эй, тётушка! — вторил жене Роджер. — Шутка вам удалась. Но выпустите нас. Тобби здесь нет. Мы всё осмотрели.

— Его там нет, потому что они убили его, — Марта убеждённо сказала Луизе.

Она вытолкнула инвалидную коляску в холл, а затем через входную дверь по нескольким ступенькам во двор. В почти непроницаемой темноте осеннего вечера выл ветер. Шуршали и скрежетали голые ветки деревьев.

Луиза испуганно захохала, но Марта, не обращая на это внимания, откатила сидевшую в коляске сестру по тропинке примерно футов на сто от дома. Затем она развернула коляску и поставила тормоза на колёса.

— Жди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Марта похромала обратно к дому, не обращая внимание на доносившиеся из подвала умоляющие вопли. Закутавшись в пальто, Луиза ждала её в темноте. Холодный ветер трепал платок на её голове, словно иголками колол кожу лица. Вскоре Марта появилась, держа в руке узелок с пожитками.

— Марта! — закричала Луиза. — Я замерзаю. Что ты намерена делать?!

— Сейчас ты увидишь. — Марта, тяжело дыша, остановилась у неё за спиной и опёрлась на свою трость. — Сейчас ты увидишь, Луиза. Внимательно посмотри на дом.

Луиза посмотрела. Сначала она заметила в боковом окне, где располагалась их комната, жёлтый язычок пламени. Несколько мгновений язычок колебался в нерешительности, затем взметнулся к потолку. Разрастаясь, он превратился в чудовище из огня, которое с каждой секундой продолжало увеличиваться, становясь всё ярче и сильнее. Ветер своими порывами подгонял огонь и очень скоро всё строение воспламенилось.

— Пожар! — крикнула Луиза. — Дом горит!

— Я разлила керосин из бидона, что стоял в холле, по полу нашей комнаты и подожгла его, — сказала Марта. — Не забывай: Эллен и Роджер намеревались убить нас. Они убили наших любимцев. Мы должны были как-то защитить себя. У нас не было другого выхода.

Голос Марты задрожал от напряжения.

— И запомни. Мы никому не скажем о том, что они замыслили и что произошло. Они наши родственники. Никто нам не поверит. Пусть

все думают, что произошёл трагический несчастный случай. Ты меня понимаешь?

— О, да, да! — ответила взволнованно Луиза. — Ты такая умная. Кто-нибудь увидит огонь и вызовет пожарную команду. Не так ли?

— Так. На пожар кто-то обязательно должен поспешить. Это был единственный способ позвать кого-нибудь нам на помощь. Единственный, учитывая нашу беспомощность. Теперь никто не помешает нам вернуться в наш особняк.

Старухи замолчали, наблюдая за пожаром. Они молча смотрели, как занялась огнём и рухнула крыша, а за ней и стены. Где-то вдалеке послышалась пожарная сирена.

— Мне так тепло от этого огня, — пробормотала Луиза, выставив вперёд ладони с растопыренными пальцами навстречу пышущему смертью жару. — Мне так хорошо...

Когда, наконец, взвизгнули тормоза пожарной машины, и выскочившие из неё люди развернули шланги и другое оборудование, в сущности, им уже нечего было делать.

Горевшие в камине поленья уютно потрескивали. Марта и Луиза сидели в гостиной дома судьи Бекка, наблюдая за маленьким огнём и видя в нём счастливые картинки своего ближайшего будущего.

— Скоро мы снова будем дома, — тихо сказала Луиза. — Котятка будут играть на ковре, и Мэри Томпсон украсит нашу компанию. Миссис Роджерс обещала прислать молодую женщину, которая за двадцать пять долларов в неделю будет работать у нас служанкой. Мы вполне можем себе это позволить.

— Нам определённо хватит денег, чтобы безбедно прожить до конца наших дней, — охотно согласилась Марта. — Кажется, судья идёт.

Дверь открылась, но вместо человека в гостиную прокрался большой сиамский кот. Он прыгнул к Марте на колени и удовлетворённо замыкал.

— Тобби! — воскликнула Луиза.

— Тобби! — отозвалась эхом Марта.

— Я подумал, что кот станет для вас приятным сюрпризом, — сказал судья Бекк довольно сухим тоном, входя в гостиную. В свои шестьдесят лет он сохранил величественную осанку и держал себя очень прямо. — Что-то должно сглаживать даже самые тягостные

минуты жизни. Один из пожарников подобрал кота недалеко от пепелища.

Судья пожал формально руки старухам и затем шумно просморкался в носовой платок.

— Извините, — сказал он. — Простудился ещё до поездки в Бостон. Ужасный город. Шум. Суета.

— Как — вы были в Бостоне? — изумилась Марта. Её рот внезапно побелел.

— Я там провёл три дня. Зря потратил время, должен вам сказать. Судья уселся в кресло и покачал головой.

— Какая трагедия! Деревянные дома — часто огненные ловушки. Но лучше уже не говорить об этом. Лучше не копаться в пепле, насколько я понимаю. Теперь, когда Роджера и Эллен не стало, я хочу поговорить с вами... о вас.

— О, с нами всё в порядке, — заметила поспешно Луиза. Мы поселимся снова в нашем особняке. И мы хотим, чтобы Мэри Томпсон жила с нами. Она не должна оставаться больше ни одного дня в таком кошмарном месте, как интернат для престарелых.

Судья снова просморкался. Затем мрачно уставился на золотую цепь от своих карманных часов.

— Марта... Луиза... — Он сделал паузу. — Мне нелегко вам это сказать, но моя поездка в Бостон имела прямое отношение к вам.

Две пары блестящих от напряжения старческих глаз уставились на судью.

— Прямое отношение к нам? — переспросила одна из сестёр.

— Да. Дело касалось того наследства, которое оставил ваш отец. Как известно, оно состояло из определённой суммы денег, которую вы давно потратили, и из акций и ценных бумаг одной из железнодорожных компаний в Торонто.

— И что же? — спросила Марта.

— В наши дни многие компании, особенно железнодорожные, переживают серьёзные трудности. Та компания, чьими акциями вы владели, разорилась прошлым летом. Вот почему Эллен и Роджер забрали вас к себе. Они хотели заботиться о вас, учитывая, что вы остались без средств к существованию. Эллен взяла у вас доверенность на право распоряжения особняком и другим оставшимся имуществом для того, чтобы скрыть от вас, что вы разорены. Я давно хотел сказать вам правду, но ваша племянница отговорила меня, убедив, что это

может вредно отразиться на вашем здоровье. Вот почему мы держали всё в секрете.

Судья помолчал и сурово посмотрел на старух.

— Вы должны знать, Марта и Луиза. К несчастью для вас старый особняк непригоден для жилья. Признаться, мы даже не можем найти для него покупателя. У вас нет денег, чтобы привести особняк в порядок. У вас вообще нет никаких денег.

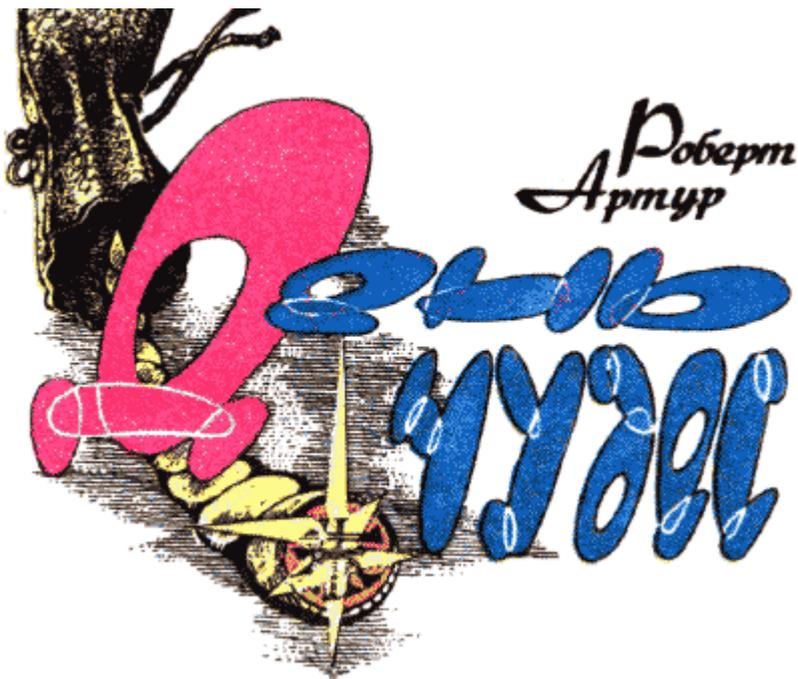
Судья опять умолк и затем вкрадчиво продолжил:

— Вы, очевидно, не раз удивлялись, почему Роджер и Эллиен иногда что-то от вас утаивали, выглядели смущёнными... Почти виноватыми. Не так ли? Теперь вы знаете. Они ничего не имели против вас. Они хотели вам только добра. Они любили вас...

Старухи переглянулись. Их охватил немой ужас. Ужас перед будущим.

— Нас ждёт приют... — еле слышно пробормотала Луиза.

Другая смертница вообще не сказала ничего.

Дэнни сидел на корточках на верхних ступенях лестницы и прислушивался к разговору взрослых, собравшихся внизу в гостиной. Он не должен был находиться здесь. Ему следовало быть в постели, так как он всё ещё болел ветрянкой.

Но когда всё время лежишь в кровати, начинаешь чувствовать себя таким одиноким, и поэтому он просто не мог противиться искушению потихоньку выбраться из спальни, прокрасться по коридору к лестнице, уютно устроиться на ней в своей тёплой шерстяной пижаме и послушать, о чём говорят папа, мама, сестра, дядя Бен и тётя Анна.

Папа — все звали его доктором Норкроссом и приходили к нему лечиться, когда заболевали, — и остальные играли в бридж. Сестра зубрила свою латынь, но не настолько усердно, чтобы не принимать участия в общей беседе.

В основном они разговаривали о других людях из Локаствилля, который был городком таким маленьким, что все в нём знали всех, ну, по крайней мере, знали достаточно хорошо, чтобы обсуждать.

— Локаствилль! — Это сказала мама и глубоко вздохнула. — Спору нет, городок наш замечательный, и речка в нём есть, и зелени

много, и леса вокруг, и у Тома здесь прекрасная практика, но что за люди в нём живут! Вот бы что-нибудь однажды хорошенько встряхнуло их, чтобы они, наконец, поняли, какие они жалкие и ограниченные!

— Нетти Питерс, например, — сухо вставил папа. Дэнни знал мисс Питерс. Одна у неё забота — трещать направо и налево обо всём, что вынюхала о ком-нибудь. Только и делает, что шушукается. И всё какие-то гадости норовит рассказать. — Она источник всех слухов и сплетен нашего городка. Если бы Господь вознамерился дать женщинам два языка, она была бы первой претенденткой.

Дядя Бен рассмеялся.

— Возможно, дела обстояли бы иначе, — заметил он, — если бы здесь был более активный денежный оборот. Если бы Джейкоб Эрл не владел прямо или косвенно половиной городка, тогда бы и жизнь в нём была живее. Но ведь почти все у него в должниках, потому и не отваживаются рты открывать.

— Странное дело, — проговорил папа, — как это некоторым удаётся наживаться за чужой счёт. Такое впечатление, что всё, к чему прикасается Джейкоб Эрл, начинает печатать для него деньги — деньги, так и выпрыгивающие из карманов других. Возьмите хотя бы этот участок с золотиносным песком, что он выкупил у Джона Уиггинса. Интересно было бы взглянуть на него, если бы всё происходило наоборот.

— Но если уж говорить о настоящей скупости, — с негодованием воскликнула тётя Анна, — то здесь Люк Хоукс даст фору любому. Видела я однажды, как он покупал своим детям какие-то безделицы в магазине на Ярмарочной площади. Уж так он не хотел расставаться с деньгами, что можно было подумать, что они приклеены к его пальцам.

— Это ещё вопрос, что хуже, — сказал папа, — скупость или лень. Впрочем, наверное, всё же скупость. Ленивые люди, как правило, добродушные. Вот, например, Генри Джонс. Генри постоянно чего-нибудь хочет, но ведь и палец о палец не ударит, чтобы добиться этого. Если бы желания были лошадьми, у Генри было бы самое большое стадо по эту сторону Миссисипи.

— Но в Локаствилле есть и очень милые люди, — вступила в беседу сестра. — Мне без разницы, что там говорит старая сплетница мисс Питерс или эта напыщенная миссис Нортон. Я считаю, что мисс

Эйвери, наша учительница английского и физкультуры, просто душка. Красавицей её, конечно, не назовёшь, но она очень миленькая. А стоит ей заговорить, в её голосе так и слышится перезвон серебряных колокольчиков, и если бы этот Билл Морроу, сынок владельца фабрики, тренирующий нашу школьную футбольную команду, не был таким придурком, то он давно бы в неё влюбился. Она по нему с ума сходит, но слишком горда, чтобы это показать, а эта тупая Бетти Нортон так и увивается вокруг него, строит ему глазки да всё восхищается, какой он прекрасный спортсмен.

— Если он женится на Бетти, — сказала тётя Анна, — наш городок может лишиться миссис Нортон. Ведь её просто распирает от важности, что она жена президента банка и руководитель всей общественной жизни Локаствилля. Если она заполучит Билла в зятя и через него завладеет фабрикой Морроу, то раздуется ещё чуть-чуть и полетит над городом, как воздушный шарик.

Все засмеялись, и беседа постепенно сошла на нет.

Мама заметила, как она не любит двуликую Минерву Бенсон, которая вроде бы всегда приветлива и доброжелательна, а за глаза только и делает, что перемывает всем косточки.

Сестра сказала, что мистер Уиггинс, владелец книжного магазинчика, очень милый и приятный человек и ему давно следовало бы жениться на мисс Уилсон, портнихе, тихой и невзрачной женщине, которая была бы прекрасной, как картинка, если бы её внешность соответствовала её душе.

Но этого никогда не случится, сказала сестра, потому что у мистера Уиггинса нет денег, и он ни за что не решится предложить ей руку и сердце, когда и себя-то прокормить толком не может.

Потом они опять увлеклись бриджем. Дэнни почувствовал слабость и решил быстренько вернуться в постель, пока мама не застала его на лестнице. На цыпочках он пробрался в спальню, как можно плотнее завернулся в одеяла, просунул руку под подушку и наткнулся на странную штуковину, которую нашёл сегодня в старом сундуке, где хранил коньки, игрушки и прочие свои богатства.

Она была завёрнута в лоскут мягкой кожи, когда Дэнни обнаружил её в самом углу на дне сундука. На коже выцветшими чернилами было написано имя: «*Джонас Норкросс*». Папиного дедушку звали Джонас, так что, может быть, эта штука когда-то принадлежала ему.

А представляла она собой маленький кусочек слоновой кости, заострённый с одной стороны и закруглённый с другой, как будто его отпилили от кончика бивня. Только вдоль всей поверхности его закручивалась тоненькая спираль, отчего он немного был похож на домик улитки, и из-за этой спирали Дэнни думал, что бивень отпилили не у слона, а у другого животного, которое он однажды видел на картинке в книжке, — оно было похоже на лошадь, только над носом у него рос длинный рог. Он забыл, как это животное называлось.

Кость пожелтела от времени, а у основания её был вырезан непонятный значок, очень сложный, весь состоящий из пересекающихся чёрточек. Может, это был китайский иероглиф. Джонас Норкросс служил капитаном на клипере и возил из Китая разные товары, так что, возможно, эта штука и китайская.

Лёжа в постели, Дэнни крепко сжал в кулачке своё сокровище. Его гладкая поверхность приятно грела ладонь. Дэнни подумал о картинке в своей книжке о Короле Артуре и его рыцарях Круглого стола — на картинке была нарисована золотоволосая королева Гиневра. Наверное, эту картинку имела в виду сестра, когда говорила о том, какой красивой могла бы быть мисс Уилсон.

Разговоры взрослых иногда так трудно понимать — почему-то они всегда говорят то, чего не бывает на самом деле.

Дэнни зевнул. Да, а здорово было бы... Он зевнул ещё раз, и мягкая усталость осторожно сомкнула его веки. Но ещё до этого одна, последняя мысль лениво проплыла у него в сознании.

Как только она успела сформироваться, Дэнни показалось, что лёгкий и нежный ветерок прошелестел по комнате. Он всколыхнул занавеси и тихонько поскрёб маленькими коготками оконное стекло. В какой-то момент Дэнни подумал, что в комнате кроме него есть ещё кто-то. Но тут же всё снова пришло в норму, и он, улыбнувшись своей весёлой мысли, заснул.

В то утро Генри Джонса разбудил аппетитный запах жареного бекона. Он зевнул и с наслаждением потянулся. На комод у противоположной стены стояли часы, но поворачивать голову, чтобы посмотреть на них, было для него занятием слишком утомительным.

Генри скосил глаза на пол и увидел, что яркие солнечные лучи едва коснулись коврика у кровати. Значит, уже девять, понял он.

На первом этаже гроыхали кастрюлями. Марта уже давно встала и возится по дому. Опять будет ворчать, что он залёживается в постели!

— Ууууаааа! — от души зевнул Генри и отбросил одеяло. — Как бы я хотел просыпаться уже одетым!

Как будто в ответ на его зевок со стороны большого неухоженного сада, располагавшегося позади дома, раздался какой-то странный звук, более всего похожий на приглушённое ржанье. Не обратив на него внимания, Генри натянул брюки, рубашку, носки и туфли, повязал галстук, пригладил ладонями волосы и вприпрыжку помчался в столовую.

— Слава богу, встал! — приветствовала Генри его жена Марта, появившаяся в дверях с блюдом в руках в тот самый момент, когда он рухнул на стул. — К твоему сведению, уже десятый час. Если ты намеревался искать сегодня работу, то тебе давно уже следовало быть на ногах!

Генри озабоченно покачал головой, глядя, как она ставит перед ним тарелку яичницы с беконом.

— Пожалуй, сегодня я никуда не пойду, — пробормотал он. — Что-то чувствую себя неважно. М-м-м-м, вкусно пахнет! Но как бы мне хотелось хоть иногда побаловаться колбаской...

Из сада снова донеслось тихое ржанье, оставшееся незамеченным.

— Колбаса дорогая, сам знаешь, — сказала Марта. — Вот получишь хорошую работу, тогда и позволим себе, что захотим.

— Смотри, Хоуксы пошли, — сказал Генри, с любопытством рассматривая в окно важно вышагивавшего мимо их дома худого длиннолицего мужчину и торопливо семенившую за ним миловидную, но довольно бедно одетую женщину. — Наверное, Милли наконец уговорила его купить детишкам новую одежду. По-моему, не чаще раза в год ей удаётся заманить его в магазин.

— А глядя на него, можно подумать, что он доживает свои последние часы, — добавила Марта. — И только потому, что ему придётся расстаться с четырьмя долларами. Ведь дешевле он нигде не найдёт двух пар детских туфель! А какие замечательные у них мальчишки! И как только можно жалеть для них денег! Почти уверена, что, когда они едят, он попрекает их каждым куском хлеба!

— Эх, как бы я хотел иметь столько денег, сколько он накопил, — задумчиво пробормотал Генри, с завистью покачав головой.

С заднего двора донёлся дробный перестук копыт. Однако Марта была слишком рассержена на Генри, чтобы заметить его.

— Тебе бы только хотеть, хотеть да хотеть! — воскликнула она. — Почему, интересно, у тебя никогда не возникает желания поработать?! О Генри, более несносных, чем ты, людей я в жизни не встречала!

— Да, Марта, я тебя недостоин, — тяжело вздохнув, согласился Генри. — Как бы я хотел, чтобы у тебя был достойный муж. Серьёзно.

На этот раз ржание, издаваемое, несомненно, уже многими глотками, было слишком громким, чтобы не завладеть их вниманием. Пышнотелая жена Генри вздрогнула, озадаченно посмотрела на мужа и выбежала на кухню. Через мгновение он услышал её пронзительный крик.

— Генри! Скорее сюда! На нашем заднем дворе полно лошадей! Ты только посмотри на это!

Новость была довольно неожиданной и потому без особого труда проникла в сознание Генри, затуманенное привычной для него утренней сонливостью. Примчавшись на кухню, он встал рядом с женой у окна и выпученными глазами уставился на двор позади дома.

Двор был забит — или, по крайней мере, им так показалось — животными. Марта назвала их лошадьми. Однако это были не совсем лошади. Но, с другой стороны, и не пони. Для лошадей они были слишком маленькими, а вот для пони, пожалуй, несколько крупноватыми. Кроме того, бока их покрывала очень уж длинная шерсть, буйные гривы безудержно развевались на ветру, а на вид они казались такими сильными и свирепыми, что, наверное, могли бы и тигра копытами забить.

— Будь я проклят! — воскликнул Генри, дрожащей рукой стирая с круглого лица крупные капли пота. — Хотел бы я знать, откуда взялись эти чудовища!

— Генри! — взвизгнула Марта, схватив его за руку. — Теперь их пять!

Только что их было четыре, скакавших по двору, тыкавшихся носами в останки автомобиля, на котором Генри когда-то ездил, пробовавших копытами на прочность деревянный забор, мешавший им вырваться на простор. Но теперь, действительно, их было пять.

— Ч-чёрт! — выдохнул Генри. Его кадык лихорадочно запрыгал вверх и вниз. — Наверное, мы неправильно посчитали. Как, по-твоему, они сюда попали?

— Но что это за лошади, Генри? — взволнованно спросила Марта, продолжая крепко держать его за руку, как будто ища у него защиты, чего не случалось с ней уже несколько лет. — И кому же они принадлежат, а, Генри?

Генри положил руку на пухленькую талию жены и ласково прижал её к себе.

— Хотел бы я это знать, Марта, — пробормотал он. — Хотел бы я это знать.

— Генри! — Теперь в её голосе звучал неподдельный ужас. — Их уже шесть!

— Семь, — едва слышно поправил её муж. — Две новые только что... как будто прямо из воздуха появились...

Раскрыв рты, они смотрели, как семь косматых пони беспокойно топтались по двору и беспрестанно тыкались носами в забор, как будто искали выхода из западни, в которую неожиданно попали.

Количество их не менялось. Хоть какая-то стабильность позволила Генри и Марте почувствовать себя немного увереннее.

— Генри, — сказала Марта строгим тоном, словно обвиняя в происходящем мужа, — тебе это не кажется странным? Таких лошадей сроду не бывало в Индиане.

— Может, это цирковые лошади, — предположил Генри, с восхищением разглядывая сильных животных.

— А может, они наши?

— Наши? — Челюсть Генри отвисла ещё ниже. — Как они могут быть наши?

— Генри, — решительно сказала Марта, — тебе надо пойти и посмотреть, клеймёные ли они. Я где-то читала, что любой может поймать дикую лошадь и заявить на неё свои права, если у неё нет клейма. А уж это наверняка дикие лошади, если я в них хоть что-нибудь понимаю.

Марта, разумеется, ничего не могла понимать в диких лошадях, поскольку никогда в жизни их не видела, но слова её звучали вполне разумно. Муж её, однако, не торопился бежать на задний двор.

— Слушай меня, Марта, — распорядился он. — Оставайся здесь и следи за ними. В сад никого не пускай. А я схожу на конюшню за Джейком Харрисоном. Он когда-то торговал лошадьми. Он точно сможет сказать, что это за порода, и определить, кто их хозяин.

— Хорошо, Генри, — согласилась его жена, и это, по меньшей мере за два последних года, был первый случай, когда они пришли к единому мнению. — Только ты не задерживайся. Умоляю, не задерживайся.

— Я мигом! — крикнул Генри уже на бегу и, даже не надев шляпы, выскочил из дома.

Джейка Харрисона, владельца платной конюшни, Генри сначала пришлось долго уговаривать, а потом чуть ли не силой тащить за собой. Но когда он подошёл к окну кухни и выглянул в сад, от его бывшего скептицизма не осталось и следа.

— Боже ты мой! — с восторгом выдохнул Джейк. — Генри, где ты их раздобыл?

— Неважно, — ответил Генри. — Ты лучше скажи, кто они такие?

— Это монгольские пони, — уверенно ответил долговязый владелец конюшни. — Точно на таких лошадках гарцевали воины Чингисхана, когда завоёвывали большую часть известного им мира. Я в книгах видел их изображения. Подумать только! Монгольские пони здесь, в Локаствилле!

— Ну, — сказала Марта, строго посмотрев на мужчин, — вы так и будете стоять или всё-таки посмотрите, есть ли у них клейма? Или вы, два здоровых мужика, просто боитесь нескольких маленьких пони?

— Думаю, ничего они нам не сделают, — решил наконец владелец конюшни, — если мы будем действовать осторожно. Ну-ка, Генри, проверим, не отвык ли я обращаться с лассо. Миссис Джонс, можно мне воспользоваться этим мотком бельевой верёвки?

Генри открыл дверь кухни и следом за Джейком Харрисоном вышел в сад. При их появлении семь лошадок — Генри был искренне рад, что за время его отсутствия их число не увеличилось, — перестали беспокойно топтаться по двору и, подняв головы, с любопытством посмотрели на мужчин.

Джейк завязал петлю на бельевой верёвке и принялся раскручивать её над головой. Пони зафыркали и предусмотрительно попятись к забору. Выбрав самую маленькую лошадку, Джейк метнул в неё лассо, и петля, к его удивлению, опустилась точнёхонько на шею животному.

Ноздри пони тревожно затрепетали. Лошадь отступила назад, встала на дыбы и взволнованно забила в воздухе передними ногами, а шестеро остальных животных бросились врассыпную и поспешили ретироваться к дальнему забору сада.

Джейк Харрисон, крепко держа верёвку, медленно приблизился к лошади. Та удивительно быстро успокоилась и без проблем позволила Джейку обнять себя за шею.

— Точно, чтоб мне пусто было! — возбуждённо воскликнул владелец конюшни. — Это самый настоящий монгольский пони! Длинная шерсть ему необходима, чтобы защищаться от холода в горах Тибета. Так, а теперь посмотрим, есть ли у него клеймо. С этой стороны ничего. Ну-ка, покажи мне копыто.

Смирно стоявший пони без возражений позволил Джейку приподнять его левую переднюю ногу. Генри наклонился, внимательно всмотрелся в копыто и удивлённо присвистнул.

— Смотри, Джейк! — закричал он. — У него есть клеймо! С моим именем! Эти красавцы мои!

Джейк присел рядом с ним на корточки. На копыте крошечными буквами было вырезано: «Генри Джонс».

Владелец конюшни выпрямился.

— Спору нет, Генри, они твои, — подтвердил он. — А теперь кончай водить меня за нос и признавайся, откуда они взялись.

Генри, ещё секунду назад так и подпрыгивавший на месте от ликования, сразу поскучнел и растерянно покачал головой.

— Честно, Джейк, понятия не имею. Я и сам бы хотел знать... Осторожно!

Владелец конюшни едва успел отскочить назад. Между ним и Генри возник восьмой пони — так близко, что чуть было не сбил их с ног.

— От-ткуда... — пробормотал Джейк, отступая к калитке и дрожащими пальцами нашаривая задвижку. — От-тку-да...

— Да не знаю, говорю же тебе! — Генри не отставал от него ни на шаг. — Я сам бы хотел это... Нет! Не хочу! Ничего не хочу!

Полупрозрачный пони, появившийся перед ними, туманный и лёгкий, как сгустившийся дым, так же быстро растворился в воздухе.

Генри вытер мокрое от пота лицо.

— Ты видел то же, что и я? — спросил он, и Джейк, с трудом сглотнув, кивнул.

— Т-ты т-только захочешь чт-то-нибудь, и они сразу появляются, — пробормотал он и, справившись, наконец, с задвижкой, толкнул калитку. — Давай-ка сматываться отсюда!

— Стоит мне что-нибудь захотеть... Разрази меня гром! — Генри сдавленно застонал. — Вот как они появились! Как только я говорил, что хочу что-нибудь... Ты думаешь... Ты думаешь...

Разинув рты, они уставились друг на друга. Владелец конюшни медленно кивнул.

— Боже ты мой! — прошептал белый как полотно Генри. — Никогда бы не поверил, что такое возможно. Как бы я хотел, чтобы всё это...

В этот раз не успели слова слететь с его губ, как девятый пони, внезапно возникший прямо перед ними, радостно застучал по земле копытами.

Это было слишком. Генри развернулся и побежал прочь. Джейк ни на шаг не отставал от него. Последний пони, заинтересовавшись мужчинами, помчался за ними в погоню. Его братья, не желавшие оставаться взаперти, бросились следом, оглушая улицу радостным ржаньем.

Забежав за угол, Генри и Джейк оглянулись в тот самый момент, когда последнее животное, покинув задний двор Джонсов, выскакивало на Главную улицу. Утренняя тишина была взорвана пронзительными криками девяти вырвавшихся на свободу животных и громоподобным топотом тридцати шести копыт.

— Джейк, они обезумели! — воскликнул Генри. — Мы должны окружить их прежде, чем они успеют разнести тут всё вдребезги. О Господи, как бы я хотел, чтобы всё это оказалось сном!

Десятый пони, визгливо заржав и ударив землю копытами так, что в лицо мужчинам полетели комья подсохшей грязи, бросился вдогонку за сородичами.

Приблизительно в то самое время, когда Генри Джонс отправился на конюшню за Джейком Харрисоном, Люк Хоукс придирчиво ощупывал ткань детских костюмчиков длинными нервными пальцами.

— Это самое дешёвое, что у вас есть? — спросил он и, получив утвердительный ответ (все продавцы Локаствилля знали Люка достаточно хорошо, чтобы сразу показывать ему только самые дешёвые товары), удовлетворённо кивнул.

— Беру, — буркнул Люк Хоукс и неохотно потянулся к заднему карману брюк.

— Люк, тебе не кажется, что этот материал слишком тонкий? — заискивающим тоном проговорила Эмили Хоукс. — Прошлой зимой Билли постоянно простужался, а Нед...

Мужчина не потрудился ответить. Достав из кармана пухлый бумажник, он осторожно погрузил в него большой и указательный пальцы и выудил двадцатидолларовую банкноту.

— Возьмите, — протянул Люк деньги продавцу. — Таким образом, Эмили, — сказал он, повернувшись к жене, — я сэкономил тринадцать долларов сорок центов.

Взяв банкноту и начав поворачиваться, продавец в недоумении замер. Люк Хоукс по непонятной причине выхватил деньги у него из руки.

— Простите, что-нибудь... — начал продавец и замолчал. Явно раздражённый покупатель продолжал протягивать ему банкноту.

— Берите же, — недовольно распорядился он. — Не заставляйте меня ждать.

— Да, сэр, — пробормотал продавец и крепче ухватился за деньги. Однако ему не удалось забрать банкноту у Люка Хоукса. Продавец потянул деньги к себе. Рука Люка дёрнулась вперёд. Скорчив возмущённую физиономию, Хоукс потянул руку на себя. Но деньги так и остались в ней.

— В чём дело, Люк? — спросила Эмили Хоукс. Муж бросил на неё исподлобья хмурый взгляд.

— Не знаю, клей на ней какой-то, что ли, — проворчал он. — Прилипла к пальцам. Сейчас, молодой человек, я дам вам другую.

Люк вернул двадцать баксов в бумажник, где они охотно расстались с его пальцами, и достал из него две десятки. Но и с ними ему никак не удавалось расстаться.

Люк Хоукс слегка побледнел. Переложил банкноты в левую руку. И хотя левой рукой он без проблем взял деньги из правой, продавец, сколько ни пытался, так и не мог получить банкноты у покупателя. Как бы крепко он ни хватался за них, он просто не мог оторвать их от руки Люка. Они казались настолько прочно приклеенными к пальцам Хоукса, как будто были его собственной кожей.

Щёки Люка залились густым багрянцем. Он всеми силами избегал встречаться взглядом с женой.

— Я... я просто не понимаю... — пробормотал он. — Подождите, я положу их на прилавок. А вы потом возьмёте.

Он осторожно опустил на прилавок десятидолларовую банкноту, медленно раздвинул пальцы и потихоньку стал поднимать руку. К его

безмерному ужасу листочек зелёной бумаги взмыл вверх вместе с рукой, намертво прилипнув к кончикам пальцев.

— Люк Хоукс, — строго провозгласила его жена, — это наказание тебе. Господь наложил проклятье на твои деньги.

— Тише! — взмолился Люк. — Посмотри, вон Нетти Питерс стоит и прислушивается. Сейчас побежит и такой чепухи всем...

— Это не чепуха! — воскликнула Эмили, притопнув ножкой. — Это правда. Теперь ты никогда не сможешь расстаться со своими деньгами!

Люк Хоукс побледнел так, что даже Эмили испугалась. Выругавшись вполголоса, он вытащил из бумажника все деньги и попытался бросить их на прилавок. С невыразимым облегчением он увидел, как одна из сложенных пополам зелёных бумажек отделилась от общей массы и легко выскользнула из его руки.

— Ага! — радостно воскликнул он. — Ничего подобного! Ну-ка, парень, глянь, сколько там!

Продавец развернул листочек.

— Это... это купон из коробки сигар, сэр, — выдавил он не своим голосом.

Люк Хоукс расстался с последней надеждой. Поразмыслив, он снова засунул все деньги в бумажник и, следя, чтобы пальцы его касались только кожи, протянул его жене.

— На, — распорядился он. — Заплати ему, Эмили.

Эмили Хоукс гордо сложила руки на груди, и смело посмотрела в испуганные глаза мужа.

— Люк Хоукс, — твёрдо сказала она, и её звонкий голос разнёсся по всему магазину. — Восемь лет я вынуждена была терпеть постоянные унижения из-за твоей идиотской жадности. Теперь ты не можешь потратить ни цента своих денег. Ты умрёшь с голоду, потому что не сможешь купить себе даже куска хлеба. Теперь ты целиком и полностью зависишь только от меня. Если я не куплю тебе чего-либо, будь уверен, никто другой тебе этого не купит. Всё население нашего городка просто надорвёт себе животы от смеха, видя, как ты с полными руками денег клянешь у них еду. Но и её они тебе не дадут.

Люк Хоукс знал, что будет именно так. Дрожа от волнения, он смотрел на жену, которая никогда раньше не осмеливалась разговаривать с ним таким тоном.

— Нет, — прошептал он. — Эмили, не говори так, прошу тебя. Вот, возьми все деньги, распорядись ими, как хочешь. Купи всё, что нам нужно. Я предоставляю тебе право решать. Ты... если надо... если считаешь нужным, купи нашим мальчишкам костюмчики подороже.

— Ты хочешь сказать, что с этого дня я буду заниматься семейным бюджетом? — строго спросила Эмили Хоукс. Муж согласно закивал.

— Да, Эмили, да, — подтвердил он. — Вот, возьми всё. Прошу тебя, возьми.

Его жена взяла бумажник, легко расставшийся с руками Люка Хоукса, и пересчитала деньги.

— Пятьсот долларов, — задумчиво проговорила она. — Знаешь, Люк, выпиши-ка мне, пожалуйста, чек на все деньги, что ты держишь в банке. Если мне теперь придётся делать все покупки, то и деньги должны быть у меня.

— Чек! — с облегчением воскликнул Люк. — Точно! Мне не нужны деньги! Я расплачусь чеком!

— Попробуй, — предложила Эмили. — Боюсь только, что ничего у тебя не выйдет.

Люк попробовал. Чек тоже никак не желал расставаться с его пальцами. Он просто порвался пополам, когда продавец попытался взять его у Люка.

После этого ему оставалось только сдаться. Достав чековую книжку, он подписал незаполненный бланк, который с лёгкостью перекочевал в руки Эмили. Она самостоятельно вписала в него всю сумму, хранящуюся на банковском счету Люка, — двадцать тысяч долларов, как он вынужден был признать, едва выдавив из себя эту цифру.

Довольная собой, Эмили спрятала чек в вырезе платья.

— Теперь, Люк, — сказала она, — ты можешь спокойно отправляться домой. Я пойду в банк и переведу эти деньги на свой счёт. А потом займусь покупками. Ты мне больше не нужен.

— Но как же ты одна донесёшь всё домой? — тихо промямлил Люк.

Эмили Хоукс была уже у двери, в которую секундой раньше выскочила возбуждённая Нетти Питерс, спешившая разнести новость по городу. Эмили остановилась, повернулась к бледному и залитому потом мужу и одарила его ослепительной улыбкой.

— Я попрошу довести их инструктора из салона, — ответила она. — Инструктора по вождению из автосалона, Люк. На машине, которую я куплю, когда улажу все вопросы в банке.

Мисс Уилсон оторвала от шитья удивлённый взгляд, когда услышала топот копыт, простучавших по улице мимо её маленького ателье.

Она успела только заметить, как что-то низенькое молнией пронеслось мимо окна. Не успев удивиться, она случайно наткнулась взглядом на своё отражение в большом зеркале, перед которым клиенты примеряли сшитые ею платья.

Её полное имя было Элис Уилсон. Но прошли уже долгие годы с тех пор, как кто-либо называл её Элис. В свои тридцать три она была серенькой и неприметной, как церковная мышь...

Но... нет! Мисс Уилсон, не веря глазам, рассматривала своё отражение. Она... она больше не была похожа на мышку! Теперь она была — о да, сомневаться в этом не приходилось — почти красавицей!

Забыв об отрезе ткани и иголке, которые по-прежнему держала в руках, Элис Уилсон с удивлением смотрела на женщину в зеркале — миниатюрную, со счастливой улыбкой на румянном лице, обрамлённом длинными локонами золотых волос, локонами, от которых, казалось, исходило сияющее свечение.

У женщины в зеркале были мягкие и влажные красные губы, а её голубые глаза обладали чистотой и глубиной небесной лазури. Элис Уилсон снова улыбнулась, не в силах сдержать своё радостное удивление. И женщина в зеркале опять улыбнулась ей в ответ.

Кончиками пальцев Элис осторожно прикоснулась к лицу. Что случилось? Может, это сон или обман зрения? Каким образом...

Она вздрогнула от неожиданности, услышав приближающиеся звуки торопливых шагов. В комнату вбежала раскрасневшаяся от возбуждения Нетти Питерс. При ходьбе она смешно выставляла вперёд голову на тощей шее, отчего сразу становилась похожей на встревоженную курицу.

Ателье мисс Уилсон располагалось на Ярмарочной площади рядом с магазином, и потому обречено было стать местом первой остановки Нетти в её круизе по городу. Наконец перед мисс Питерс был слушатель, с которым она могла поделиться новостью о проклятии Люка Хоукса.

— Мисс Уилсон, — выдохнула она с порога. — И что же вы думаете...

— Она думает, что ты явилась, чтобы растрезвонить о каком-нибудь скандале или рассказать очередную сплетню, — перебил её пронзительный голос, похожий на скрежет напильника.

Голос, как ей показалось, доносился из её собственного рта. Нетти Питерс подозрительно посмотрела на портниху.

— Мисс Уилсон, — строго проговорила она, — если вы предпочитаете практиковаться в чревоуещании, вместо того... чтобы выслушать, что я собираюсь вам рассказать... — «Точно так же, как ты собираешься рассказать это всем остальным», — снова перебил её второй голос, и Нетти Питерс едва не лишилась чувств — второй голос действительно раздавался из её рта!

Она в панике схватилась обеими руками за горло, но, поскольку мозг её был ослеплён ужасом, язык сам собой продолжал трещать о том, что она собиралась рассказать.

— Я видела Люка Хоукса... — «Точно так же, как ты видишь всё, что тебя не касается», — взвизгнул пронзительный второй голос, легко заглушив её обычную речь: — ...В магазине на Ярмарочной площади, и там он с женой... — «занимался своим делом, что и тебе иногда не мешало бы». — ...Покупал одежду для своих бедненьких голодненьких детишек, над которыми они просто измываются... — «Только последний идиот тебе поверит!» — ...И когда мистер Хоукс попытался расплатиться с продавцом... — «А ты так и присматривалась, сколько у него денег», — ...То банкноты буквально прилипли к его пальцам... — «А ты никогда не задумывалась, что все жители этого городка были бы просто счастливы, если бы все твои слова прилипли к твоему горлу?»

Городская сплетница, обессилев, смолкла. Слова выскакивали из неё наперегонки, полностью лишая её рассказ какого бы то ни было смысла, как будто два голоса старались перекричать друг друга. Она чувствовала в горле странное трепыхание. Как будто одновременно говорила двумя языками...

Мисс Уилсон озадаченно смотрела на неё, и Нетти Питерс только теперь впервые обратила внимание на необычайное свечение волос портнихи, на непривычную мягкость черт её лица.

Бессвязные слова забились в горле старухи, просясь наружу. В глазах её вспыхнул ужас. Она развернулась и, сдавленно всхлипнув, выбежала из ателье.

Поражённая Элис Уилсон всё ещё смотрела ей вслед, когда дверной проём заслонила другая фигура. Это был мистер Уиггинс, владелец убыточного книжного магазинчика, располагавшегося с противоположной стороны от её ателье.

Обычно мистер Уиггинс был бледным и застенчивым. Из-за сильной сутулости и толстых линз очков он казался значительно старше своих тридцати восьми. Он постоянно улыбался, но это была робкая и осторожная улыбка человека, который просто не осмеливается не улыбаться от страха, что судьба окончательно отвернётся от него.

Однако сегодня, в этот день странных происшествий, мистер Уиггинс стоял на удивление прямо. Его волосы были взъерошены, очки съехали набок, а глаза сияли от возбуждения.

— Мисс Уилсон! — воскликнул он. — Со мной случилось нечто невероятное! Я просто должен рассказать об этом кому-нибудь. Прошу вас, не сердитесь на меня за то, что я ворвался к вам так неожиданно!

Элис Уилсон взглянула на него и в тот же момент забыла о собственном странном перевоплощении.

— О нет! — ответила она. — Конечно же, я не сержусь. Я... я рада!

За окном простучали копыта, и раздалось пронзительное лошадиное ржанье, сопровождаемое взволнованными криками мужчин.

— Такое впечатление, что по городу бегают стадо диких пони, — поделился мистер Уиггинс с мисс Уилсон. — Один из них заскочил на тротуар и чуть было не сшиб меня с ног, когда я шёл сюда. Мисс Уилсон, вы ни за что не поверите тому, что я хочу вам рассказать. Вы должны сами это увидеть. Только тогда вы не подумаете, что я сошёл с ума.

— Что вы! Я бы никогда так не подумала! — заверила его мисс Уилсон.

Не слушая, что она говорит, мистер Уиггинс схватил мисс Уилсон за руку и буквально потащил за собой к двери. Щёки её залил нежный румянец, когда мистер Уиггинс прикоснулся к ней.

Она выскочила вместе с ним из ателье, пробежала с дюжину ярдов по тротуару и, чуть запыхавшаяся, оказалась в полумраке его крошечного книжного магазинчика.

По пути она мельком успела заметить трёх или четырёх косматых пони, весело гарцевавших дальше по улице, и Генри Джонса с Джейком Харрисоном, которые пытались поймать их под улюлюканье собравшейся вокруг них толпы.

А уже в следующее мгновение мистер Уиггинс, дрожа от возбуждения, насильно усаживал её в старое мягкое кресло.

— Мисс Уилсон, — торжественно начал он, — я сидел именно на этом самом месте, когда ко мне в магазинчик — было это не более пятнадцати минут назад — зашёл Джейкоб Эрл. Вы прекрасно знаете, как он ходит — напыщенно и величаво, как будто вся земля ему принадлежит. Я знал, что ему от меня нужно. Он хотел получить тысячу долларов, которые я ему должен. Я занимал их, чтобы купить книги для магазина. А у меня... ну, в общем, у меня нет таких денег.

Если вы помните, когда в прошлом году умерла моя тётя, она оставила мне в наследство участок земли за рекой, который я потом продал Джейкобу Эрлу за пятьсот долларов. Он делал вид, что оказывает мне великое одолжение, покупая мою землю только ради того, чтобы я смог начать своё дело.

А потом на этой земле был обнаружен золотиносный песок, и теперь она стоит по меньшей мере пятнадцать тысяч долларов! Я случайно узнал, что об этом песке Эрлу давным-давно было известно. И несмотря на это, он продолжает требовать тысячу, которую мне ссудил.

— Да, о да! — воскликнула мисс Уилсон. — С него станется! И что же вы сделали, мистер Уиггинс?

Мистер Уиггинс пригладил ладонью торчавшие во все стороны волосы.

— Я сказал ему, что у меня нет денег. Тогда он снял перчатку — правую перчатку — и заявил, что если денег не будет и завтра, то он заберёт вместо них все мои книги и движимое имущество. А потом он положил руку на моего медного китайского, божка. И догадитесь, что случилось!

— О, что вы! — прошептала мисс Уилсон. — Ни за что не догадаюсь!

— Смотрите! — воскликнул мистер Уиггинс дрогнувшим голосом и торжественно приподнял большую тряпку, которой был накрыт какой-то предмет, стоявший на прилавке прямо перед мисс Уилсон. Этим предметом оказался маленький китайский божок, не более фута в высоту, сидевший в позе лотоса и державший на бёдрах вместительную чашу.

По его медному лицу блуждала хитрая улыбка, а губы открытого рта были округлены, как будто божка застали врасплох в момент крайнего удивления.

На глазах у потрясённой мисс Уилсон изо рта маленького божка выкатилась золотая монета и с музыкальным звоном упала в чашу на его бёдрах!

Элис Уилсон задержала дыхание.

— О, Джон! — сумела наконец выговорить она, впервые в жизни назвав мистера Уиггинса по имени. — Это... это деньги?

— Китайские деньги, — объяснил мистер Уиггинс. — Там их уже полная чаша. Каждую секунду у него изо рта выскакивает новая монетка. А первая появилась в тот самый момент, когда мистер Эрл положил руку ему на голову. Смотрите!

Обеими руками зачерпнув содержимое чаши, он поднёс золотые монеты к лицу мисс Уилсон и высыпал их ей на колени. Она осторожно взяла одну и подняла к глазам.

По размеру монета была похожа на американский пятицентовик. В центре её было проделано квадратное отверстие. По ребру монету опоясывали причудливые иероглифы. Золотой кружок был таким блестящим и новеньким, как будто только что вышел из-под печатного станка.

— А это настоящее золото? — взволнованно спросила она.

— По крайней мере, двадцать каратов! — заверил её Джон Уиггинс. — Пусть это деньги китайские, зато каждая монета должна стоить не меньше пяти долларов за один лишь металл. И посмотрите — чаша опять наполовину полна!

Затаив дыхание и широко распахнув от удивления глаза, они наблюдали за маленьким ухмыляющимся божком. Каждую секунду — хоть по часам проверяй! — из его открытого рта выскакивала очередная золотая монетка.

— Как будто... как будто он сам их чеканит, — прошептал Джон Уиггинс.

— Это просто чудо! — в восторге проговорила Элис Уилсон. — Джон, я так рада! Рада за вас. Теперь вы сможете расплатиться с Эрлом.

— Его собственными монетами! — весело ответил мистер Уиггинс. — Ведь всё началось с того, что он положил на божка руку, так что, наверное, можно сказать, что это его монеты. Может, он нажал на какую-то тайную пружину, включившую механизм, который теперь выуживает монеты из нутра божка? Не знаю.

Но самое смешное в том, что он не смог их подобрать! Представляете, он сделал вид, что уронил несколько первых монет в чашу, но, когда протянул к ним руку, они сами по себе выскочили из чаши и покатались от него по полу. Вот тогда он, по-моему, перепугался. Схватил шляпу, перчатки и выскочил вон.

Вдруг Джон Уиггинс смолк. Он потрясённо уставился на мисс Уилсон, только сейчас заметив происшедшие в ней перемены.

— Вы... вы... — пробормотал он. — Вы знаете, что ваши волосы такого же цвета, что и эти монеты?

— О, что вы! — смущённо воскликнула мисс Уилсон и густо покраснела — ведь это был первый комплимент, который она услышала от мужчины за последние десять лет.

— Нет, в самом деле! — настаивал мистер Уиггинс. — Вы... вы просто прекрасны, Элис. Почему я никогда раньше не замечал, как вы прекрасны?! Вы прекрасны, как... как картинка!

Он заглянул ей в глаза и, не отводя взгляда, осторожно взял её за руки, потянул к себе из кресла, и Элис, всё ещё румяная от радостного возбуждения, встала перед ним и так же прямо посмотрела на него.

— Элис, — сказал Джон Уиггинс, — Элис, я так давно знаю вас, но до сегодняшнего дня я был слеп. Наверное, постоянные тревоги и волнения ослепили меня. Иначе я бы давно заметил, как вы прекрасны, и понял то, что открылось мне только сейчас. Я знаю, что жених из меня незавидный, но... но, Элис, согласны ли вы стать моей женой?

Элис Уилсон тихо вздохнула и прижалась щекой к его плечу, чтобы он не увидел слёз, выступивших у неё на глазах. Прежде счастье всегда ускользало от неё, но этот момент с лихвой компенсировал долгие годы ожиданий своего единственного принца.

Джон Уиггинс нежно обнял её, не обращая внимания на хитрую усмешку маленького медного божка, с завидным трудолюбием продолжавшего чеканить золотые монеты...

Джейкоб Эрл тяжёлыми шагами вошёл в библиотеку своего особняка и слегка трясущимися пальцами запер за собой дверь.

Бросив шляпу, трость и перчатки в кресло, он схватил с письменного стола сигару и озабоченно раскурил её, всеми силами стараясь подавить охватившее его волнение.

И действительно, как тут не разволноваться, если кладёшь руку на холодное медное пресс-папье и чувствуешь, как эта штука буквально вздрагивает у тебя под ладонью, как живая, чувствуешь, будто по пальцам проносится слабый разряд электрического тока, а потом видишь, как эта железка ни с того ни с сего начинает выплёвывать золотые монеты! Да любой бы на его месте ещё и не так разволновался!

Золотые монеты — и Джейкоб Эрл почти со страхом посмотрел на свои пухлые белые ладони, которые жили собственной жизнью. Потому что, когда он попытался поднять деньги, они увернулись от него. Они от него просто сбежали!

Задрожав от негодования, он отбросил едва раскуренную сигару. Галлюцинация! Его, вероятно, загипнотизировали. Или Уиггинс придумал какой-то фокус, чтобы посмеяться над ним. Именно так — это был фокус!

И этот мозгляк осмелился шутить с ним! Ничего, когда Джейкоб с ним разделается, он... он...

Джейкоб Эрл не смог сразу придумать достойную кару. Да в этом и не было необходимости — сама мысль, что он сможет раздавить кого-то, принесла ему невыразимое облегчение. Позже он решит, как заставить Уиггинса расплатиться с ним сполна.

А сейчас пора было приниматься за работу. Пора провести инвентаризацию сейфа. Нет более верного средства для успокоения расшатанных нервов, чем заботливое переключивание с места на место и ласковое поглаживание долговых обязательств, акций и золотых слитков.

Он набрал комбинацию цифр на кодовом замке сейфа, с трудом открыл массивную внешнюю дверь, отомкнул ключом внутреннюю дверцу и первым делом достал тяжёлый стальной ящик, запертый на внушительных размеров висячий замок.

Тяжёлый, потому что в нём хранилось то, чего у человека никогда не может быть слишком много, — золото. Слитки чистого золота

стоимостью пятьсот долларов каждый. А всего их тут было на пятнадцать тысяч долларов.

Он владел ими задолго до того, как правительство запретило хранение золота частным лицам. Плевать на правительство — он будет владеть ими всегда! А если всё же придётся продать, он поклянётся, что просто забыл о них, а потом обнаружил совершенно случайно.

Джейкоб Эрл сдвинул крышку с ящика, хранившего его золотой запас. И в ту же секунду его обычно красное лицо вдруг стало мертво-серым. В верхнем ряду не хватало двух слитков!

Но ведь никто не мог открыть сейф! Никто, кроме него самого. Просто невозможно, чтобы вор...

В следующее мгновение его лицо из серого стало пепельно-белым. Задержав дыхание, он смотрел в ящик и не верил тому, что видит. Прямо на его глазах исчез третий слиток. Растворился в воздухе! Как будто невидимая рука сомкнулась на нём и умыкнула из ящика!

Но это невозможно! Так не бывает!

Словно в ответ на его мысли исчез четвёртый слиток. Охваченный яростью и страхом, Джейкоб Эрл положил обе ладони на оставшиеся в ящике жёлтые бруски и навалился на них всем своим весом.

Через пару секунд он почувствовал, как прямо из-под пальцев у него выскользнул пятый слиток драгоценного металла. Только что он ощущал его ладонью и вдруг — пшик! Пустота! Как и не было!

Издав хриплый стон, Джейкоб Эрл бросил ящик на пол. Спотыкаясь, он пошёл через всю комнату к телефону и набрал номер.

— Доктор? — выдохнул он. — Доктор Норкросс? Это Джейкоб Эрл. Я... я...

И замолчал. Этого не может быть. Это безумие. Если он кому-нибудь расскажет...

— Э... нет, ничего, доктор, — пробормотал он. — Простите, что побеспокоил вас. Всё в порядке.

Джейкоб Эрл положил трубку и сел на пол. Там он и просидел остаток дня, обливаясь холодным потом и наблюдая, как блестящие жёлтые слитки, разбросанные вокруг, один за другим растворяются и исчезают без следа.

В другой части города другая дрожащая рука тоже потянулась к телефону и, будто наткнувшись на невидимую преграду, отпрянула. Рука Минервы Бенсон. Минерва Бенсон обнаружила постигшую её

трансформацию ещё утром, едва выбравшись из постели. Теперь на затылке у неё располагалось застывшее и безжизненное лицо. Узкое, злобное, перекошенное лицо гарпии.

В очередной раз поднесла она к нему трясущиеся пальцы в безумной надежде, что второе лицо исчезло. Увы, оно по-прежнему оставалось на месте. Тогда Минерва заперла двери, задернула шторы и свернулась калачиком на диване.

Она не могла никому звонить. Потому что никто не должен видеть её такой. Никто. Даже доктор...

Нетти Питерс, примчавшись домой, забилась в угол и тоже боялась прикоснуться к телефону.

Боялась, что этот едкий и пронзительный второй голос начнёт трещать и тараторить, как только она попытается попросить доктора Норкрасса приехать.

Дрожа от страха, она ощупала горло скрюченными пальчиками, похожими на маленькие коготки. И ей показалось, что она чувствует, как внутри что-то шевелится, будто живое...

Миссис Эдвард Нортон гордо плыла по тенистой улице к центру Локаствилля с величавостью фрегата, входящего в гавань под полными парусами.

Эта была весьма пышнотелая — ладная, как она сама предпочитала о себе думать — женщина, одевавшаяся в самых дорогих магазинах. Одевавшаяся, вне всяких сомнений, лучше всех других женщин городка, как того требовал её статус руководительницы общественной жизни Локаствилля, пользовавшейся огромным и неоспоримым влиянием.

И сегодня она была полна решимости этим влиянием воспользоваться. Она собиралась изгнать Дженис Эйвери с должности учительницы средней школы.

Вчера вечером, проезжая мимо дома девушки, она совершенно отчётливо видела, как та курила, сидя за письменным столом. И это человек, который во всём должен быть примером своим ученикам!

Миссис Нортон плыла по улице, кипя от негодования. Несколько минут назад она попыталась зайти к Минерве Бенсон. Минерва была членом школьного попечительского совета. Однако она сказала, что болеет, и даже не пустила миссис Нортон в дом.

Тогда она направилась к Джейкобу Эрлу, тоже члену попечительского совета. Но и он оказался больным.

Это было очень странно.

Теперь она шла к доктору Норкроссу. Он был председателем попечительского совета. Не тот, конечно, человек, которого она хотела бы видеть на этом посту...

Миссис Нортон остановилась. Последние несколько секунд она испытывала странное ощущение нездоровой лёгкости. Может, и она тоже заболела? Вот и теперь — какое-то головокружение...

Нет, с ней всё в полном порядке. Наверное, она шла слишком быстро и оттого почувствовала себя нездоровой.

Миссис Нортон продолжила путь. О чём это она думала? Ах да, о докторе Норкроссе. Способный, возможно, специалист, но жена его одевается так... так немодно...

Она опять остановилась. Вдоль улицы прошелестел едва ощутимый ветерок, чуть было не сваливший миссис Нортон с ног. Она покачнулась, переступила с ноги на ногу, но удержалась на месте.

Миссис Нортон поспешно ухватилась за фонарный столб, так кстати оказавшийся рядом. По крайней мере, теперь её не раскачивало ветром из стороны в сторону. Но...

Она с изумлением уставилась на свои пальцы. Они стали какими-то распухшими, раздутыми...

Прежде удобные кольца больно впивались в них. Может, она заразилась какой-то ужасной...

И вдруг все мысли вытеснило ощущение странного неудобства и напряжённости, заполнившего собой, как ей показалось, всё её тело. Ощущения, что она сдавлена со всех сторон собственной одеждой.

Свободной рукой она принялась лихорадочно ощупывать себя, сначала с удивлением, а затем и с ужасом. Её одежда сидела на ней так плотно, как оболочка на сосиске! Её одежда странным образом съежилась! Съежилась до такой степени, что уже препятствовала нормальному кровообращению!

Нет, не так. Всё наоборот. Это она сама увеличилась в объёме! Раздулась во все стороны! Заполнила собой одежду, как надутый воздушный шарик!

Корсет невыносимо сдавливал диафрагму, мешая дыханию. Она просто не могла наполнить лёгкие воздухом.

Несомненно, она заразилась какой-то ужасной болезнью. Вот что случается, когда долго живёшь в таком мерзком, отвратительном го-

родишке, как этот Локаствилль, среди тупых и невежественных людей, которые носят бижутерию и...

В этот момент лямки корсета миссис Нортон не выдержали. Она физически чувствовала, как надувается, распухает, раздаётся в стороны. Руки её превратились в пухлые колбаски, которыми уже невозможно было управлять. А в следующую секунду её платье расползлось по швам.

Весёлый ветерок игриво подтолкнул её, и она принялась раскачиваться взад и вперёд, как пьянчужка, выбравшийся из любимой забегаловки.

Распухшие пальцы выпустили фонарный столб, и миссис Нортон начала медленно, но неотвратимо подниматься в воздух, подобно выпорхнувшему из руки ребёнка воздушному шару.

Она закричала. Оглушительно и пронзительно. Но из горла вырвался лишь тонкий писк, способный преодолеть не более двадцати ярдов. Это было невыносимо. Это было невозможно!

И тем не менее всё это происходило наяву.

Вот она уже в десяти футах над землёй. А теперь — в двадцати. На этой высоте она задержалась и стала медленно вращаться вокруг своей оси, взмахивая растопыренными руками, как испуганная курица крыльями, открывая и закрывая рот, как голодная золотая рыбка в аквариуме. Но не могла выдавить из себя ни звука.

Если её сейчас кто-нибудь увидит!.. Господи, если её сейчас кто-нибудь увидит!..

Но никого не было рядом. Улица была совершенно безлюдной. Домов на ней было мало, и все они располагались в глубине. Кроме того, всё не обременённое срочными делами население Локаствилля сосредоточилось сейчас в центральной части города, где с раннего утра Генри Джонс и его добровольные помощники гонялись за стадом обезумевших пони.

Миссис Нортон, подталкиваемая лёгким ветерком, стала медленно дрейфовать в северо-западном направлении к границе города.

Попытавшись в отчаянии ухватиться за ветви деревьев, она добилась лишь того, что они оцарапали её и разодрали чулки. Несколько раз вокруг неё облетела ворона, привлечённая удивительным зрелищем, затем удовлетворённо каркнула и поспешила по своим делам.

Бездомная собака, лениво гонявшая блох, развалилась на солнце-пёке, увидела проплывавшую над ней тушу и некоторое время преследовала её, оглушая окрестности раздражённым лаем.

Миссис Нортон побагровела от стыда и унижения. О господи, если только кто-нибудь её увидит!..

Но никто не видел её, а потому и не мог прийти на помощь. Теперь она уже не знала, молиться ли о том, чтобы, наконец, показалась хоть одна живая душа, или наоборот. По крайней мере, пока она жива и невредима. Может, ничего худшего её и не ждёт.

Но плыть вот так беспомощно по воздуху в двадцати футах над землёй, распухшей до неузнаваемости, как воздушный шарик!..

До сих пор ветерок нёс её вдоль улицы, необычайно пустынной для этого времени суток, но внезапно изменил направление и подул в сторону фруктовых садов. Через несколько секунд прямо под миссис Нортон оказались верхние ветви старых сучковатых яблонь.

Одежда её была изорвана в клочья, руки и ноги исцарапаны, вспотевшие волосы торчали во все стороны спутанными прядями. И её страх попасться кому-нибудь на глаза постепенно стал уступать место отчаянию от осознания собственной беспомощности. Подумать только — её, самую важную и значительную даму Локаствилля, носит по воздуху над фруктовым садом, как былинку, и каждая паршивая ворона и собака считают своим долгом обкаркать её и обляять!

Миссис Нортон испуганно вздрогнула. Только что она поднялась ещё на три фута.

И тогда она начала всхлипывать. Горькие слёзы заструились по её лицу. Она вдруг почувствовала себя такой жалкой и несчастной, что даже забыла о своей значительности. Она хотела только одного — спуститься на землю.

Она хотела вернуться домой, к Эдварду, который погладил бы её по плечу и утешил, как это умел делать только он — когда-то много лет назад, — а она бы поплакала у него на груди и успокоилась.

Она была нехорошим человеком, и господь наказал её за это. Её распирало от гордости, и теперь ей приходится расплачиваться за своё тщеславие. Впредь, если всё обойдётся, она будет знать, как вести себя.

Как будто в ответ на мысленное раскаяние, она вдруг начала медленно снижаться. Прежде чем миссис Нортон успела заметить, что теряет высоту, она опустилась в густую крону вишни, переполошив возмущённо запричитавших малиновок.

И застряла.

Миссис Нортон провела в ветвях вишни достаточно времени, чтобы досконально оценить своё положение, и потому, не раздумывая, окликнула Дженис Эйвери, когда та проходила через сад, сокращая путь из школы домой.

Дженис Эйвери сняла миссис Нортон с дерева с помощью Билла Морроу, оказавшегося первым, кого ей удалось разыскать, когда она побежала в школу за помощью.

Билл как раз садился в машину, собираясь ехать на футбольное поле, где ему предстояло провести тренировку со школьной командой. Сначала он никак не мог понять, что хочет от него Дженис.

Впрочем, он не слишком вникал в смысл её слов. Он просто слушал её голос — мелодичный, нежный, приятный, в котором звучал тихий перезвон серебряных колокольчиков.

Потом, когда он, наконец, разобрался, в чём дело, то так и подскочил на месте.

— Не может быть! — воскликнул он. — Миссис Нортон собирала вишни и застряла на дереве? Поверить не могу!

Тем не менее он схватил лестницу и галопом помчался за Дженис, показывавшей дорогу. И действительно — в ветвях вишни сидела грузная зарёванная женщина, в которой с трудом можно было узнать прежнюю миссис Нортон.

Через несколько секунд они спустили её на землю. Миссис Нортон, не вдаваясь в излишние подробности, продолжала твёрдо придерживаться версии, которую она уже изложила Дженис.

— Я собирала вишни и вдруг... застряла.

Каким бы диким ни казалось это объяснение, оно всё же было лучше правды.

Билл Морроу подогнал машину поближе, и вместе с Дженис они кое-как уложили в неё миссис Нортон, исцарапанную, потрёпанную, грязную и заплаканную. Им удалось доставить её домой так, что никто их не заметил.

Продолжая всхлипывать, миссис Нортон осыпала их словами благодарности и поспешила домой, где вволю выплакалась на груди изумлённого мужа.

Билл Морроу промокнул вспотевший лоб и посмотрел на Дженис Эйвери. Её нельзя было назвать красавицей, но... Было в её лице что-то такое... Что-то удивительно привлекательное, манящее. А ещё у неё был изумительный голос. Такой голос мужчина будет с удовольствием слушать до конца своих дней и никогда не устанет от него.

— Господи! — воскликнул он, садясь за руль автомобиля. — А ведь Бетти Нортон со временем станет точной копией своей мамы! Фух! Дженис, вы знаете, что я, идиот? Я никогда раньше не задумывался... Впрочем, ладно, не обращайтесь внимания. Куда вас отвезти?

Он улыбнулся ей, и она ответила ему улыбкой, и тогда крошечные весёлые лучики разбежались в стороны в уголках её глаз и рта.

— Ну, — проговорила Дженис Эйвери, — у вас ведь тренировка...

— Тренировка отменяется! — решительно ответил Билл Морроу и включил передачу. — Нам необходимо поехать куда-нибудь и поговорить.

Дженис согласно кивнула и села рядом.

Красное солнце уже опускалось за горизонт, когда доктор Норкросс запер кабинет и лёгкой походкой направился домой.

Странный сегодня выдался день. Весьма странный. С самого утра по улицам носятся дикие пони, за которыми гоняется обычно вялый и апатичный Генри Джонс. Днём из своего кабинета доктор бросил случайный взгляд на окно находящегося напротив книжного магазина и совершенно отчётливо увидел, как там обнимались Джон Уиггинс и Элис Уилсон.

Затем был этот внезапно прервавшийся телефонный разговор с не в меру возбуждённым Джейкобом Эрлом. А ещё он увидел из окна, как мимо проехала миссис Люк Хоукс в новеньком автомобиле, за рулём которого сидел молодой человек, определённо учивший её вождению. Да, дела!..

Сегодня вечером ему о многом предстоит рассказать жене.

Плавное течение его размышлений внезапно прервалось, когда он проходил мимо заднего двора Генри Джонса, надеясь таким образом срезать путь домой.

У калитки ограничивающего задний двор забора собралась изрядная толпа горожан. Не меньше их, как показалось доктору Норкроссу, собралось и в доме, откуда они теперь возбуждённо выглядывали в окна.

Генри и Джейк Харрисон, утомлённо вытирая вспотевшие лица, осторожно заглядывали во двор через едва приоткрытую калитку. А над забором, как поплавки при обильном клёве, то и дело показывались головы целого табуна пони, оглашавших улицу жизнерадостным ржаньем.

— Ну что ж, Генри, — сказала его жена Марта, появившись из дома и растолкав окружившую мужа толпу, — лошадок загнать тебе кое-как удалось. Но чем же ты собираешься расплачиваться за ущерб, который они нанесли сегодня всему городу? Теперь, хочешь ты того или нет, а придётся тебе устраиваться на работу. Если даже лошади во

всём другом окажутся бесполезны, я им буду благодарна уже только за то, что они заставят тебя заняться делом!

Лицо Генри сияло таким вдохновением, какого доктору Норкросу никогда прежде не доводилось замечать.

— Да, Марта, конечно! — возбуждённо воскликнул он. — Я знаю, что мне придётся заплатить за все разрушения. Но мы с Джейком уже придумали, что сделаем с этими парнокопытными разбойниками. Знаешь, какой у нас план?

Он повернулся так, чтобы все собравшиеся слышали его заявление.

— Мы с Джейком решили, что на его земле к югу от города устроим ферму для разведения скаковых пони! — провозгласил он. — Да, мы будем скрещивать этих диких красавцев с обычными скаковыми пони. Мы выведем новую породу, которую будет отличать скорость гончей, выносливость мула и сообразительность человека!

Все, кто видел сегодня, как эти восхитительные создания носились по городу, согласятся со мной, что они — прирождённые скакуны, и когда мы скрестим их с обычными пони, это будет что-то! Это будет что-то, доложу я вам! Я хочу... Нет, не хочу! Ничего не хочу! Ни капельки, ни грамма не хочу! И в жизни больше никогда ничего не захочу, обещаю!

Доктор Норкросс улыбнулся. Похоже, у Генри всё начинает складываться.

Затем, с удивлением заметив, что солнце уже село, он заторопился домой.

В своей спальне на втором этаже Дэнни Норкросс с трудом выбирался из дрёмы, полной сновидений, — ещё не проснувшись окончательно, он потянулся и нащупал маленький конус слоновой кости, с которым играл прошлым вечером, прежде чем уснуть.

Он нахмурился, вспоминая, как всё было. Сначала он сидел на лестнице и подслушивал, о чём разговаривали внизу взрослые. Они наговорили так много странного и непонятного. О лошадях, о деньгах, о картинках. Потом он вернулся в постель. Поиграл немножко с этим кусочком слоновой кости. Ещё тогда в голову ему пришла забавная мысль, что-то вроде пожелания...

Пожелания, едва промелькнувшего в его сознании, когда он уже находился между явью и сном, о том, чтобы всё, что говорили папа,

мама и остальные, вдруг исполнилось, потому что это было бы так смешно.

И он пожелал, чтобы — пусть хоть только на один день! — все мечты Генри Джонса превратились в лошадей, чтобы деньги прилипли к пальцам Люка Хоукса, чтобы Джейкоб Эрл прикоснулся к чему-нибудь, что стало бы чеканить деньги не для него, а для кого-то другого.

И чтобы у Нетти Питерс вырос второй язык, и чтобы у миссис Бенсон появилось второе лицо, и чтобы миссис Нортон раздулась и полетела, как воздушный шарик.

И чтобы мисс Уилсон действительно стала прекрасной, как картинка, и чтобы в голосе мисс Эйвери на самом деле звенели серебряные колокольчики.

Таким было его пожелание.

Но теперь, полностью проснувшись, он смотрел в окно на красное от заходящего солнца небо и никак не мог вспомнить, что же он пожелал...

Вжавшись в угол затемнённой комнаты, Минерва Бенсон в сотый раз ощупывала затылок. Сначала с ужасом, потом с затаённой надеждой, а затем с невыразимым облегчением. Отвратительное лицо исчезло с затылка.

Но она будет помнить его, и эти воспоминания постоянно будут преследовать её в кошмарных снах.

Нетти Питерс смотрела в зеркало расширившимися от страха глазами. Наконец она медленно отвела руки от горла. Странное дрожание в нём прекратилось. Теперь она снова могла разговаривать, не боясь, что её перебьёт мерзкий пронзительный второй голос.

Но в будущем, только начав что-нибудь рассказывать, она будет прерывать себя на полуслове в страхе, что он может вернуться.

— Я решила, Люк, — строго сказала миссис Люк Хоукс, — что нам нужно покрасить дом и поставить новую печь. А потом я повезу мальчиков куда-нибудь отдохнуть.

Нет-нет, не говори ничего! Не забывай, что деньги переписаны на моё имя, и я могу теперь распоряжаться ими, как захочу. Могу поехать в Калифорнию или ещё куда-нибудь.

И я не собираюсь возвращать их тебе, что бы ты ни говорил!

Джейкоб Эрл сдавленно застонал. Только что с пола библиотеки исчез последний золотой слиток.

Джон Уиггинс повернулся к божку. Мелодичное позвякивание монет, продолжавшееся весь день, прекратилось. Божок всё так же хитро усмехался, но больше не выплёвывал изо рта золотые кружочки.

— Он выдохся, — сообщил молодой человек раскрасневшейся и счастливой Элис Уилсон. — Но нам и так достаточно, правда? Посмотри, сколько денег из него высыпалось! Здесь, по-моему, их не меньше, чем на пятнадцать тысяч долларов! Элис, мы отправимся в путешествие вокруг света! И отвезём его в Китай, ведь там его родина. Он заработал такую награду.

Билл Морроу остановил машину у озера, окрашенного красными бликами заходящего солнца, и повернулся к сидевшей рядом с ним девушке. Его рука уже лежала на плече Дженис Эйвери.

Поэтому ему не составило большого труда притянуть её к себе и поцеловать крепко и умело.

Дверь в спальню Дэнни тихо приоткрылась. Он услышал, как в комнату входят папа и мама, но притворился спящим.

— Он весь день дремал, — проговорила мама. — Даже за завтраком носом клевал. Наверное, прошлой ночью совсем не спал. Но температуры не было, и вообще вёл он себя спокойно, поэтому я и не стала тебе звонить.

— Ну-ка, посмотрим, как он сейчас себя чувствует, — сказал папа, и Дэнни, пытавшийся с закрытыми глазами вспомнить своё вчерашнее желание, открыл их.

Папа стоял рядом, наклонившись над кроватью.

— Как поживаешь, сынок? — спросил он.

— Отлично! — ответил Дэнни и попытался сесть. — Смотри, что я вчера нашёл в своих игрушках! Что это, па?

Доктор Норкросс взял в руки конус из слоновой кости и внимательно осмотрел его.

— Вот это да! — воскликнул он, обращаясь к жене. — Дэнни нашёл древний китайский талисман, который мой дед Джонас привёз из своего последнего похода на «Звезде янки». Он подарил его мне тридцать лет назад. Сказал, что этот талисман принадлежал когда-то китайскому волшебнику.

Согласно легенде, если крепко сжать его и загадать единственное желание, то оно обязательно исполнится, но только при

условии — и об этом написано китайскими иероглифами у основания, — что помыслы ваши чисты, дух невинен, а цели бескорыстны.

Я десятки раз пробовал что-нибудь загадать, но у меня так ничего и не получилось. Наверное, я был слишком эгоистичен, потому что всё время просил велосипеда и тому подобное.

Держи, Дэнни, пусть он теперь будет у тебя. Береги его. Он очень древний; даже тот человек, который подарил его деду, не знал, сколько ему лет.

Дэнни осторожно взял талисман.

— Я уже загадал желание, папа, — признался он.

— Да? — Отец улыбнулся. — Ну и как, сбылось?

— Не знаю, — Дэнни сокрушённо пожал плечами. — Я не могу вспомнить, что загадал.

Отец усмехнулся.

— Значит, наверное, не сбылось, — решил он. — Ну, ничего страшного, загадаешь в другой раз. А если опять не исполнится, не расстраивайся. Просто храни его у себя и рассказывай друзьям легенду о нём. Ведь это красивая легенда, правда? Даже если это просто выдумка.

Вероятно, легенда действительно оказалась выдумкой. Потому что, когда Дэнни попробовал загадать желание в следующий раз, ничего не произошло. И в следующий, и в следующий, и ещё много, много раз. Так что его попытки становились всё реже и реже, а потом и прекратились вовсе.

Иногда ему становилось немного грустно оттого, что он не может вспомнить то, самое первое желание, которое загадал, засыпая.

Он так и не вспомнил его. Не вспомнил, даже когда из разговоров родителей узнал, что Элис Уилсон после замужества необычайно похорошела, а в голосе миссис Боб Морроу слышится звон серебряных колокольчиков.

Перевод – А. Курчаков

Марки страны Эль Дорадо

В клубе проводилась «Неделя увлечений», и Малькольм демонстрировал свою коллекцию марок.

— Например, вот эти треугольники, — рассказывал он. — Их цена точно никому не известна, поскольку они никогда не продавались серией. Но это наиболее редкий и интересный полный набор из всех известных филателистам. Они...

— У меня однажды была серия марок, даже более редкая и интересная, — перебив его, меланхолично произнёс Мерчисон Моркс.

Моркс, невысокий человек, обычно сидит у камина и молча смотрит на угли, покуривая свою трубку.

— Серия марок более редкая, чем мои треугольники? — недоверчиво спросил Малькольм.

— Сейчас нет, — покачал головой Моркс, мягко поправляя его, — но была.

— Ага! — воскликнул Малькольм презрительно. — Надо понимать, они сгорели? Или украдены?

— Нет, — вздохнул Моркс. — Я их использовал. Для почтовых отправок. До того, как понял, насколько они уникальны. И они стоили мне моего лучшего друга.

— Жизни?

Моркс пожал плечами. На его лице появилось выражение давней печали, словно в памяти он вновь переживал всё ещё хранящую в себе боль страницу прошлого.

— Я не знаю, — ответил он. — В самом деле, не знаю. Может быть, нет. Я искренне надеюсь, что Гарри Норрис — так звали моего друга-сейчас в десять раз счастливее, чем каждый из здесь присутствующих. Когда я думаю, что мог бы быть с ним, если бы не моя нерешительность... Лучше я расскажу вам эту историю целиком, — добавил он увереннее. — Тогда вы всё поймёте.

Сам я не филателист, — начал он, вежливо кивнув в сторону Малькольма. — Но мой отец собирал марки. Он и оставил мне свою коллекцию. Коллекция была не особенно значительная: он больше увлекался красотой марок, нежели их редкостью или ценностью. Некоторые марки из коллекции, особенно марки тропических стран,

изображающие экзотических птиц и зверей, мне очень нравились. А одну серию из пяти марок знатоки считали поддельной.

Эти пять марок действительно заметно отличались от всех, что я до того видел, и даже не были помещены отцом в альбом. Они просто лежали в конверте.

Поддельные или нет, марки были красивые и интересные, все с разными номиналами: десять центов, пятьдесят, один доллар, три доллара и пять. Все негашёные, в отличном состоянии — так, по-моему, говорят, Малькольм? — и самых весёлых цветов: ярко-красная с ультрамарином, изумрудная с жёлтым, оранжевая с лазурью, шоколадная с цветом слоновой кости и чёрная с золотом.

И все они были большие — раза в четыре больше, чем теперешние авиапочтовые марки. Сюжеты на них отличались живостью и достоверностью. Особенно на трёхдолларовой с туземной девушкой, несущей на голове корзину с фруктами...

Однако я опережаю события. Короче, решив, что это действительно подделки, я спрятал марки в стол и забыл о них.

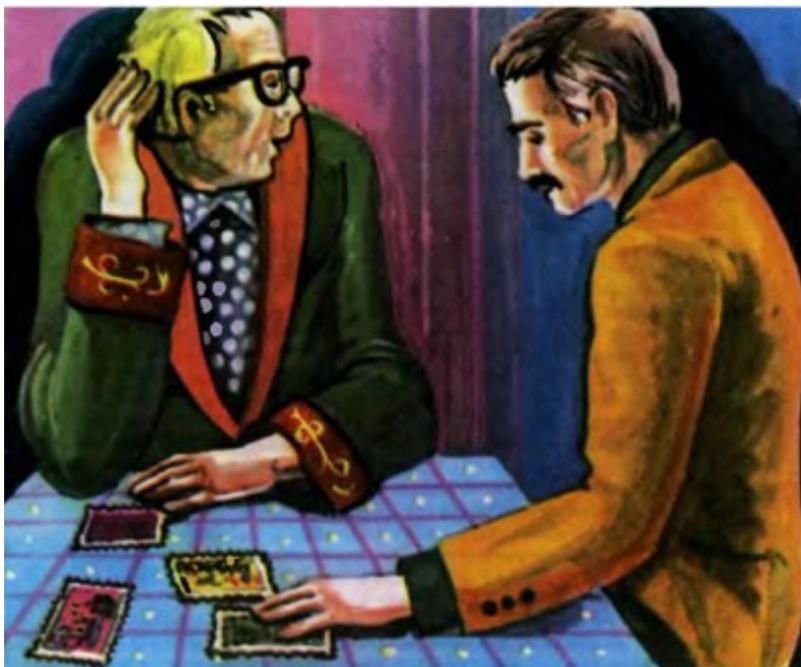
Нашёл я их снова совершенно случайно, когда копался в столе в поисках конверта, чтобы отправить только что написанное моему лучшему другу Гарри Моррису письмо. В то время Гарри жил в Бостоне.

Так случилось, что единственным конвертом, который я смог отыскать, оказался тот, где хранились марки отца. Я высыпал их на стол, надписал конверт и, запечатав письмо, наконец обратил внимание на эти странные марки.

Я уже сказал, что они были большие и прямоугольные, размером скорее похожие на багажную наклейку, чем на обычную почтовую марку. И вообще выглядели они необычно. Поверху на каждой марке шла броская надпись: «Эль Дорадо». По обеим сторонам приблизительно в середине — номинал, а внизу ещё одна строчка:

«Скоростная почта».

Что-то такое о мифической стране с таким названием я уже слышал. Может, теперь так называется какое-нибудь из маленьких государств или княжеств? Но до того момента я об этом особенно не задумывался.

Надо сказать, что сюжеты на марках были не совсем обычные. На десятицентовой, например, изображался стоящий единорог с поднятой головой. Его спиральный рог целился в небо, грива развевалась по ветру, и вся картина дышала правдоподобием. Глядя на неё, легко было поверить, что художник писал единорога с натуры. Хотя, разумеется, все знают, что таких единорогов нет.

На пятидесятицентовой марке, держа на весу трезубец, по пенящемуся прибору мчался в упряжке из двух дельфинов Нептун. И всё было так же реалистично, как и на первой марке.

Долларовая миниатюра изображала человека, играющего на дудочке, рядом с греческого стиля храмом.

А на трехдолларовой была девушка. Туземная девушка на фоне тропических цветов, лет, я бы сказал, шестнадцати. На голове она, как это умеют делать туземцы, держала большое плоское блюдо с горой всевозможных фруктов.

Я долго не мог оторвать от неё взгляда, прежде чем перейти к последней марке серии — с номиналом в пять долларов. Эта марка по сравнению с остальными выглядела не столь впечатляюще — на ней изображалась просто карта с несколькими маленькими островами,

разбросанными по водному простору, обозначенному аккуратными буквами: «Море Эль Дорадо». Я решил, что эти острова и есть страна Эль Дорадо, а маленькая точка на самом крупном, отмеченная словом «Нирвана», — столица государства.

Потом у меня возникла идея. Племянник Гарри собирал марки, и я решил шутки ради наклеить на конверт одну из этих эльдорадских подделок.

Я облизал десятицентовую эльдорадскую марку, прилепил её на углу конверта и пошёл искать обычные марки, чтобы наклеить рядом.

Поиски увели меня в спальню, где я наконец обнаружил нужные марки в бумажнике, оставленном в пиджаке. Уходя, я положил письмо на виду на своём столе.

Но когда я вернулся в библиотеку, письма на месте не оказалось.

Надо ли говорить, как меня это удивило? Ему просто негде было потеряться. Никто не мог его взять. Окно оставалось открытым, но оно выходило на улицу на высоте двадцать первого этажа, и влезть туда тоже никто не мог. Ветра, который мог бы сдунуть письмо на пол, также не было. Я проверил. Я осмотрел всё вокруг, удивляясь чем дальше тем больше.

Но тут, когда я уже почти сдался, зазвонил телефон. Звонил Гарри Норрис из Бостона. Голос его, когда он произносил слова приветствия, звучал несколько натянуто. И вскоре я узнал почему.

Тремя минутами раньше, когда он как раз собирался лечь спать, письмо, которое я уже счёл пропавшим, влетело к нему в окно, зависло на мгновение в воздухе под его взглядом и упало на пол.

Около полудня Гарри Норрис приехал в Нью-Йорк. По телефону я пообещал ему, объяснив предварительно про эльдорадскую марку, не трогать остальные, только убрать их в надёжное место.

Очевидно, в том, что произошло, повинна была марка. Каким-то образом она перенесла письмо из моей библиотеки к ногам Морриса примерно за три минуты. Подобное, конечно, поражает воображение.

Гарри протянул мне конверт, и я тут же увидел, что марка оказалась погашенной. Рядом стоял чёткий бледно-фиолетовый штемпель. На круглом, как у нас, штемпеле значилось: «Эль Дорадо», и в центре круга, где обычно ставится дата гашения, стояло просто «четверг».

— Сегодня четверг, — заметил Гарри. — Ты наклеил марку после полуночи?

— Сразу после, — сказал я. — Странно, что эти эльдорадцы не придают значения часам и минутам, а?

— Это только доказывает, что они живут в тропической стране, — предположил Гарри. — В тропиках время почти ничего не значит. Но я имел в виду другое. Отметка «четверг» свидетельствует, что Эль Дорадо в Центральной Америке, как ты и предполагал. Если бы эта страна находилась в Индии или ещё где-нибудь на востоке, в штемпеле была бы «среда», согласен? Из-за разницы во времени.

— Или пятница? — спросил я неуверенно, поскольку не особенно разбираюсь в этих вещах. — В любом случае мы можем легко узнать. Нужно только посмотреть в атласе. Как я раньше не догадался?

— Конечно, — просиял Гарри. — Где он у тебя?

Оказалось, что атласа у меня в доме нет, даже маленького. Пришлось нам позвонить в один из книжных магазинов на окраине города и заказать на дом последнее издание самого большого атласа, что у них есть. Ожидая доставки, мы снова осмотрели конверт и принялись рассуждать о том, каким образом письмо могло быть доставлено.

— Скоростная почта! — воскликнул Гарри. — Ещё бы! Да авиапочта ей в подмётки не годится. Слушай! Если за время, прошедшее от того, как ты его хватился, до момента, когда оно упало у моих ног, письмо пропутешествовало не просто отсюда до Бостона, а сначала побывало в Центральной Америке, было погашено, отмечено и только потом попало в Бостон, тогда его средняя скорость будет...

Мы сделали приблизительный расчёт и получили что-то около двух тысяч миль в минуту. Тут мы посмотрели друг на друга.

— Бог мой! — наконец проговорил Гарри. — Эль Дорадо, может быть, и тропическая страна, но здесь они определённо нашли что-то новое. Интересно, почему мы никогда раньше об этом не слышали?

— Может, это держится в тайне? — предположил я. — Хотя едва ли такое возможно: марки пробыли у меня уже несколько лет, а до этого они были у отца.

— Что-то здесь не так, — мрачно констатировал Гарри. — Где остальные марки, про которые ты говорил? Думаю, пока мы ждём атлас, можно проделать с ними кое-какие эксперименты.

Я принёс неиспользованные марки и передал их ему. Надо упомянуть, что Гарри, помимо всего прочего, был неплохим художником, и при виде чудесной работы на марках он восхищённо присвистнул.

Затем он внимательно обследовал каждую миниатюру, но, как я и думал, трёхдолларовая особенно привлекла его внимание. Та самая, где была изображена туземная девушка, помните?

— Господи, — громко сказал Гарри. — Какая красота!

Гарри застыл в задумчивом молчании.

— Я думаю, — наконец сказал он, поднимая глаза, — нам следует использовать одну из марок и отправить что-нибудь ещё.

Почему это не пришло мне в голову раньше, я просто не представляю, но когда Гарри высказал своё предложение, оно сразу показалось мне разумным. Единственное, что оставалось решить, это что послать и кому.

Вопрос задержал нас всего на несколько минут. У нас не было никого, с кем бы мы хотели в данный момент делиться тайной. А послать что-нибудь друг другу оказалось невозможным, поскольку мы оба находились в одном месте.

— Придумал! — воскликнул Гарри. — Мы пошлём что-нибудь — прямо в Эль Дорадо!

Я согласился, но как случилось, что мы решили отправить не письмо, а Томаса, моего сиамского кота, я, право, уже и не помню. Возможно, это казалось нам славной шуткой.

Томас спал под диваном. Я отыскал картонную коробку подходящих размеров, и мы наделали в ней дырочек для воздуха.

— Теперь, — произнёс задумчиво Гарри, — стоит вопрос, куда его адресовать?

Он взял ручку и быстро написал на коробке: «Мистеру Генри Смиту, 711, авеню Елисейских Полей, Нирвана, Эль Дорадо». Ниже он добавил: «Обращаться осторожно!»

— Но... — начал было я. Гарри меня перебил:

— Конечно, я не знаю никаких адресов там. Я его выдумал. Но ведь люди в почтовом ведомстве этого не знают, правильно?

— А что будет, если... — опять начал я, и снова он ответил, даже не успев выслушать вопроса:

— Посылка попадёт в отдел недоставленной корреспонденции, я полагаю, — сказал он. — И о коте наверняка позаботятся. Марки создали у меня впечатление, что у них там не особенно тяжёлая жизнь.

Вопросов у меня не осталось, поэтому Гарри взял марку номиналом в пятьдесят центов, лизнул её и плотно приклеил к коробке. Затем убрал руку и сделал шаг назад в мою сторону.

Мы внимательно следили за посылкой.

Какое-то время прошло, и ничего не случилось. Но затем, когда на лице Гарри Норриса уже стало появляться разочарование, коробка с Томасом медленно поднялась в воздухе, повернулась, словно стрелка компаса, и, набирая скорость, поплыла к открытому окну. У самого окна коробка двигалась уже со скоростью беговой лошади. Когда она вылетела на улицу, мы бросились к окну и увидели, как она, поднимаясь, движется на запад над линией домов. А затем прямо на наших глазах очертания её начали таять, и через мгновение коробка пропала из вида.

Но посылка быстро вернулась.

Она повисела некоторое время возле окна, затем медленно двинулась в комнату, совершила небольшой разворот и легко опустилась на стол, откуда отбыла меньше двух минут назад. Мы с Гарри бросились к коробке и уставились на неё выпученными от удивления глазами.

Потому что на посылке стоял штемпель и почтовая отметка, так же как и на письме. А в углу большими фиолетовыми буквами кто-то написал: «Возврат отправителю. По указанному адресу получатель не проживает».

— Ну и дела, — выговорил наконец Гарри. Не очень содержательно, но больше в тот момент нам ничего не приходило в голову. Затем из коробки донёсся голос Томаса.

Я разрезал верёвки и снял крышку. Томас выпрыгнул из коробки с живостью, которую не демонстрировал уже долгие годы. Вывод был очевиден: короткое путешествие в Эль Дорадо не только не повредило ему, а, напротив, похоже, изменило его к лучшему.

Гарри Норрис удивлённо вертел коробку в руках.

— Что самое странное, — заметил он, — так это то, что там действительно есть адрес: «711 по авеню Елисейских Полей». Клянусь, я его выдумал.

— Более того, — напомнил я, — посылка вернулась, хотя мы даже не указали обратного адреса.

— Действительно, — согласился Гарри. — Они знали, куда её вернуть.

Он задумался на минуту и поставил коробку на стол.

— Я начинаю думать, — произнёс он со странным выражением лица, — что это далеко не всё. Тут скрыто нечто гораздо большее. И

подозреваю, что правда гораздо интереснее, чем мы предполагаем. А что касается Эль Дорадо, у меня есть теория...

Но он так и не закончил про свою теорию, потому что в этот момент трёхдолларовая марка шоколадного со слоновой костью цвета снова привлекла его внимание.

— Боже мой! — прошептал он, разговаривая скорее с самим собой, чем со мной — иногда это с ним случалось. — Она прекрасна! Небесное существо! Такую девушку я мечтал найти всю жизнь. Чтобы встретиться с ней, я отдал бы... Отдал бы почти всё на свете...

— Боюсь, для этого придётся отправиться в Эль Дорадо, — предложил я в шутку, и Гарри вздрогнул.

— В самом деле! Я действительно готов пойти на это. Слушай! Марки свидетельствуют, что Эль Дорадо удивительная страна. Что, если нам вместе нанести туда визит? Нас обоих здесь ничто не держит, и...

— Хорошо. Мы отправимся первым же кораблём. Но когда мы туда прибудем, как мы найдём девушку?

— С помощью логики, — парировал Гарри. — Исключительно с помощью логики. Девушка позировала художнику, так? И главный почтмейстер Эль Дорадо должен знать, кто художник, так? Мы отправимся прямо к нему. Он поможет нам разыскать художника. Художник скажет нам имя и адрес девушки. Что может быть проще? И знаешь что, — тут его осенила новая мысль, — я отправлюсь в Эль Дорадо почтой!

Я был несколько ошарашен, пока до меня не дошло, насколько это гениально и просто. Гарри тут же заметил, что Томас перенёс путешествие и вернулся без вреда для себя, а если кот выжил, то и человек сможет.

Единственное, что нам оставалось, это выбрать адрес. Было, бы довольно глупо отправиться туда только для того, чтобы нас бесславно вернули обратно из-за неправильно указанного адреса.

— Это я тоже понимаю, — сказал Гарри, когда я поделился с ним своими сомнениями. — Первым, кого я собираюсь там повидать, будет главный почтмейстер. Уж он-то точно существует. Почту, адресованную ему, будет доставить легче всего. Так почему бы не убить одним выстрелом двух зайцев и не отправить себя прямо ему? Теперь к делу. У нас осталось три марки в сумме на девять долларов. Этого должно хватить. Я чуть легче, а ты, я смотрю, за последнее время

набрал вес. Мне хватит четырёх долларов — один и три. Пять остаются тебе. А адрес мы напишем на бирках и привяжем их к запястью. У тебя есть багажные бирки?.. Ага, вот нашёл пару в столе. Давай ручку и чернила. Пожалуй, это подойдёт...

Он надписал бирки и протянул их мне. На обеих был совершенно одинаковый текст: «Главному почтмейстеру. Нирвана. Эль Дорадо. Обращаться осторожно!»

— А теперь, — сказал он, — мы привяжем её на руку...

Но тут я струсил. Не смог справиться с собой. Несмотря на восхитительные перспективы, обрисованные моим другом, идея отправки самого себя почтой в полную неизвестность подобно тому, как я отправил Томаса, насторожила меня. Я сказал, что присоединюсь к нему позже. Первым же самолётом или пароходом. И встречу с ним в главном отеле города. Гарри был разочарован, но нетерпение помешало ему уговорить меня.

— Ну хорошо, — сказал он. — Если по каким-то причинам ты не сможешь добраться пароходом или самолётом, ты воспользуешься последней маркой?

Я твёрдо пообещал. Он протянул правую руку, и я привязал к ней бирку. Затем он взял долларовую марку, облизал её и прилепил к бирке. Взял трёхдолларовую, и в этот момент зазвонил дверной звонок.

— Через минуту, — сказал Гарри, — или меньше я окажусь в самой прекрасной стране, которую только может вообразить себе человек.

— Подожди секунду, — крикнул я, бросившись открывать дверь. Не знаю, услышал он меня или нет. Когда я отвернулся, он как раз подносил к губам вторую марку, и больше я его не видел.

Когда я вернулся в комнату с пакетом в руках — приходил посыльный из книжного магазина с заказанным атласом, — Гарри уже не было.

Томас сидел, приподняв голову, и смотрел в сторону окна. Занавески всё ещё колыхались. Я подбежал к подоконнику, но Гарри исчез из вида.

Я решил, что он наклеил вторую марку, не заметив, как я вышел из комнаты. Мне представлялось, как в этот самый момент он опускается на пол перед ошарашенным главным почтмейстером.

Потом я подумал, что не мешает всё-таки узнать, где находится это Эль Дорадо. Сняв с присланного тома обёрточную бумагу, я принялся листать страницы атласа. Пролистав до конца, я долго сидел молча, поглядывая на стол, где лежали бирка с адресом и непогашенная марка. И наконец решился.

Я встал, принёс саквояж Гарри. К счастью, было лето, и он захватил в основном лёгкую одежду. К ней я добавил из своих вещей то, что, решил, может ему понадобится. Затем расстегнул ремни, прицепил к саквояжу бирку, добавив над адресом имя: «Гарри Моррис», и наклеил на неё последнюю эльдорадовскую марку.

Через мгновение саквояж поднялся в воздух, подплыл к окну и, набирая скорость, скрылся вдали.

Я надеялся, что он окажется на месте ещё до того, как Гарри покинет кабинет главного почтмейстера, и, может быть, Гарри пришлёт мне открытку или письмо с сообщением о получении. Но он не прислал. Очевидно, не смог...

Моркс замолчал, словно закончил свой рассказ. Никем не замеченный Малькольм отошёл от группы слушателей за несколько минут до этого и теперь вернулся с огромным атласом в руках.

— Вот, значит, что случилось с твоей редкой серией! — произнёс он с плохо скрываемым сарказмом. — Очень интересно и увлекательно. Однако я бы хотел прояснить один момент. Ты говорил, марки выпущены в Эль Дорадо? Так вот я только что посмотрел атлас, и такого государства на свете нет!

Моркс взглянул на него совершенно спокойно.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому, просмотрев в тот день свой атлас, я не сдержал обещания, данного Гарри Моррису, и не воспользовался маркой, чтобы присоединиться к нему. Теперь жалею. Однако, наверно, нет смысла сожалеть о том, что я сделал или не сделал. Я просто не мог. По правде говоря, у меня сдали нервы, когда я убедился, что Эль Дорадо нет. На Земле, я имею в виду.

Он умолк и покачал головой.

— Как бы мне хотелось узнать, где мой отец взял эти марки, — пробормотал он едва слышно, словно разговаривая с самим собой, и снова погрузился в задумчивость.

Перевод – А. Корженевский

Просто фантазёр

— Вчера мне приснился удивительный сон, — начал Николс. — Моя ракета приземлилась на Луне. Вокруг собралась толпа каких-то тварей размером со слона с крыльями, которым не терпелось пообедать мной. Конечно, я понимал, что это всего лишь сон, но он был таким реальным, что я проснулся от страха.

— Я знал человека, — задумчиво сказал Моркс, — которому снились куда более удивительные сны. Они пугали не только его, но и его жену, а напугать её было нелегко. В конце концов она бросила его.

— Я вновь уснул, — продолжил Николс. — Теперь мне приснилось, что я нашёл сокровища капитана Кидда. Деньги были такими реальными, что было слышно, как они звенят, когда падают на землю.

— Деньги, которые снились моему другу, — вставил Моркс, — можно было тратить.

Николс покраснел от гнева. Он решил не обращать внимания на назойливого Моркса.

— Жаль, что мне не приснилась красивая женщина, — улыбнулся он. — Она бы...

— Когда моему другу приснилась красивая девушка, — с невозмутимым видом сказал Моркс, — её можно было не только видеть, но и потрогать.

Николс побагровел от злости. Все смотрели на Марчисона Моркса. Он уселся в кресло в клубе и задумчиво уставился в окно. Потом обвёл отсутствующим взглядом комнату и сказал:

— Наверное, мне следует объясниться, — вежливо начал он, — чтобы никто не думал, будто я преувеличиваю.

И он начал свой рассказ...

— Моего друга звали Вим, Вилфред Вим. Невысокий мужчина, дружелюбный, с приятным голосом. Одна женщина однажды даже сказала, что у него красивые глаза. Он был тихоней и подкаблучником.

Вим был бухгалтером. Зарабатывал он прилично. Все деньги его супруга — её звали Генриетта — тратила на себя с такой же скоростью, с какой он их зарабатывал. Профессия у него скучная, наверное, поэтому он так любил сны. Позже он мне объяснил, что они поражали его реальностью. Он путешествовал по другим странам, встречался с ин-

тересными людьми и делал такое, о чём жена запрещала ему даже думать.

Вскоре после переезда в Джерси сны Вилфреда Вима обрели фантастическую реальность. Его дом располагался в сотне метров от радиостанции с очень мощным передатчиком. Воздух был насыщен энергетическими волнами и разными излучениями. Дело доходило до того, что чугунная собака на лужайке перед домом могла спеть песенку или прочитать новости.

В один прекрасный летний день я сидел в парке и наблюдал за лебедями. Мимо проследовал мрачный Вилфред. Увидев меня, он сел рядом.

— Моркс, вы когда-нибудь слышали о таком реальном сне, чтобы его, чёрт побери, видели другие люди?

Я, конечно, покачал головой.

— А я не только слышал, но и видел. Позавчера ночью. И ни с кем об этом не говорил, кроме жены и доктора-шарлатана. Алекс Брилт называет себя психоаналитиком, но я уверен, что он самый настоящий шарлатан. Хоть что мне делайте, но не может приличный человек носить пенсне на чёрных резинках...

Два дня назад Вим лёг спать как обычно в крошечной комнатке рядом с хозяйской спальней. Жена разрешала ему спать отдельно, потому что у него была аллергия на её пудру.

В тот день Вилфред сильно устал. Быстро пролистав журнал, он выключил свет. Генриетта завивала волосы.

Вим быстро уснул. Проспал он, наверное, с полчаса. Ему приснился дорогой персидский котёнок, которого он видел в журнале перед сном. Неожиданно до него дошло, что он не только видит котёнка во сне, но и... гладит его.

Вилфред гладил котёнка и даже чувствовал пальцами мягкую шерсть и маленький шершавый язычок. Он догадался, что находится в том состоянии, которое изредка бывает у всех людей, когда половина мозга спит, а вторая — бодрствует. Он услышал тиканье часов, шум проехавшей машины и... довольное урчанье котёнка.

Вим прекрасно знал, что в доме нет кошек. Генриетта ненавидела животных, кроме канарейки, к которой она относилась как к ребёнку.

Котёнок громко замыкал. Вилфред решил, что он проголодался, и ему тут же приснилось, что на полу стоит блюдце с молоком. Котёнок прыгнул с кровати и начал лакать молоко.

Вилфред Вим спустил руку с кровати и нащупал мягкий комочек. Котёнок в самом деле энергично лакал молоко из блюдца.

Здесь он так удивился, что сел и открыл глаза. И, естественно, полностью проснулся. На полу, конечно, никакого котёнка и блюдца с молоком не было.

Вим успокоил себя тем, что это всего лишь сон, необычный, как и многие другие его сны после переезда в этот дом, где даже из кранов в ванной можно было услышать музыку.

Он опять лёг спать и скоро уснул. На этот раз ему приснилось, что он стал владельцем очень красивых часов со светящимся циферблатом, реклама которых была на той же странице журнала. Он ясно видел не только часы, но и светящиеся стрелки, показывающие 11:44.

Он снова попал в полусон-полуявь. Рядом тикали часы. Осторожно протянув руку, Вилфред нащупал на тумбочке часы, которых там не было, когда он ложился спать.

Вим понял, что с ним происходит нечто очень странное, и осторожно приоткрыл глаза. Наверное, ему удалось сделать это, не потревожив спящий участок мозга. Короче, он увидел часы. Они стояли на столике и тускло светились в темноте. Стрелки показывали 11:44.

Стоило Виму широко открыть глаза, как часы начали плавно растворяться в воздухе. Когда он проснулся окончательно, они полностью исчезли.

— Понимаете, — тревожно воскликнул Вилфред Вим, — я не только видел часы и котёнка во сне. Они существовали в реальности, пока я их видел.

Я кивнул. Мысль была действительно тревожной. Одно дело — увидеть во сне котёнка. Но вдруг, предположим, вместо котёнка вам приснится кошмар? С кошмарами совсем другое дело. Когда я рассказал о кошмарах Виму, он кивнул.

— Меня это тоже беспокоит, Моркс. Слава Богу, я, кажется, могу видеть во сне только то, что реально существует или существовало. Это я сейчас, правда, рассуждаю так спокойно. Тогда же покрылся холодным потом и решил не спать. Я ворочался, щипал себя, дёргал за волосы, но усталость взяла своё, и я опять уснул. И тут произошло самое худшее — мне приснилась... женщина. Очень хорошенькая, с голубыми глазами и золотистыми волосами. Конечно, она была копией девушки в бикини, которая рекламировала в журнале отдых в Палм-Бич. Она улыбалась мне так же, как улыбалась на фото. Когда я

протянул руку, она взяла её тёплыми пальцами. Я даже слышал её тихое дыхание и уловил слабый запах духов. «Меня зовут...» — сказала она...

Здесь Вилфред Вим сделал паузу и простонал:

— И в этот момент в комнату ворвалась Генриетта.

Он сунул палец за тугой воротник и медленно провёл им по шее.

— Она завивала волосы и услышала шум в моей комнате. Заглянула в замочную скважину и увидела девушку... Конечно, когда она ворвалась в комнату, я полностью проснулся. Девушка исчезла. Генриетта была в ярости.

Я показал ей картинку в журнале, чтобы Генриетта убедилась, что это та самая девушка. Кажется, она поверила. Утром она первым делом повезла меня к доктору Брилту, о котором ей рассказывали подруги.

Доктор Брилт попросил Вима продемонстрировать свои способности прямо у него в кабинете. Невыспавшийся Вим быстро уснул на диване, но у него ничего не получилось. Увидев по лицу Генриетты, что она начинает подозревать его в обмане, он уговорил доктора приехать к ним вечером.

— Он приехал вчера вечером, — сказал Вилфред. — Понимаете, я должен был убедить его, чтобы через него убедить Генриетту. Я посмотрел на фотографию норковой шубы в журнале и практически сразу уснул. Половина моего мозга увидела шубу. Мне снилось, что она лежит на спинке стула в гостиной.

— Норковая шуба! — завопила Генриетта. — Я буду похожа в ней на королеву!

Я слегка приоткрыл глаза и через открытую дверь увидел, как она примеряет шубу. Но потом зазвонил телефон... Ошиблись номером... И я, конечно, полностью проснулся. Шуба растаяла прямо на плечах Генриетты.

«Мог бы поспать и подольше!» — сердито заявила мне жена, чтобы она могла хотя бы померить шубу. Брилт быстро её успокоил и спросил, смогу ли я повторить эксперимент?

Я страшно устал. Наверное, поэтому, вместо того чтобы врезать ему по самодовольной физиономии, кивнул и доказал, что могу. Теперь я увидел во сне обтянутый ситцем стул, аквариум с тропическими рыбками и стопку книг, которые были изображены в журнале.

Брилт кивнул с таким видом, как будто встречался как минимум с сотней пациентов с такими снами, и высокомерно сказал, что это очень интересный случай. Он попросил Генриетту заехать к нему утром. Сейчас она как раз у него. Они что-то замышляют, и я хочу знать, что у них на уме. Я не доверяю людям, которые ходят в очках с чёрными резинками и пользуются длинными словами.

Он посмотрел на часы и вскочил как ужаленный.

— Нужно бежать. Иначе Генриетта рас...

Мы не виделись несколько недель. Как-то после обеда, когда я опять грелся на солнышке, он примчался в парк.

— Моркс, — в отчаянии воскликнул Вилфред Вим, — я рад, что нашёл вас. Я должен... вы должны дать мне совет.

Мы сели на скамейку. Он похудел. У него был усталый вид, под глазами чернели круги. Я достал сигарету и закурил. Вим не курил, жена запрещала.

Затем он рассказал, что произошло после нашей предыдущей встречи...

Вилфред Вим сильно удивился, когда вечером приехал доктор Брилт. Генриетта, казалось, ждала его. Доктор вежливо объяснил, что хотел бы сделать кое-какие наблюдения, и выразил надежду, что мистер Вим не против. Вилфред, конечно, был против, но Генриетта уверенно заявила, что он, конечно, не против. Виму пришлось согласиться.

Он лёг на диван. Доктор достал стодолларовую купюру и сказал:

— Пожалуйста, внимательно посмотрите на неё и постарайтесь запечатлеть этот образ в своей памяти. Я хочу проверить из чистого любопытства, конечно, сумеете ли вы воспроизвести её во сне.

Вим пристально уставился на купюру, стараясь запомнить самые мельчайшие детали, даже выражение лица Бенджамина Франклина. Он уснул, едва его голова коснулась подушки. Во сне он увидел...

— ... не купюру, — невесело улыбнулся Вилфред, — а Франклина. Генриетта и доктор Брилт от изумления открыли рты. Бенджамин Франклин высокомерно посмотрел на них, потом поднёс к носу щепотку табака и громко чихнул в платок.

Генриетта первой пришла в себя. Я проснулся от её крика. Бенджамин Франклин, естественно, исчез. Встреча с ним так потрясла мою жену и Брилта, что они решили больше не проводить экспери-

ментов. Брилт уехал, а я принял таблетку снотворного и лёг спать. Я никогда не вижу снов, когда принимаю снотворное.

На следующее утро я заявил Генриетте, что нам следует переехать в другое место. Но она ответила, что всё это чепуха и что в договоре есть пункт, по которому мы потеряем большую сумму. Следовательно, мы должны остаться в этом доме.

— Я надеялся, что больше не увижу этого шарлатана Брилта, — продолжил после небольшой паузы Вилфред Вим, — но он приехал следующим вечером. Генриетта встретила его как старого друга. На этот раз он привёз фотографию стодолларовой купюры. Естественно, когда я увидел её во сне, она тут же материализовалась на столе в гостиной. Генриетта и Брилт долго щупали её, затем доктор начал внимательно изучать её под микроскопом.

Они очень возбудились и начали о чём-то шептаться. Брилт взял купюру и вышел из дома. Наверное, захотел попробовать что-нибудь на неё купить. Я подождал пару минут и проснулся.

Конечно, когда я проснулся, сто долларов испарились из его кармана. Он вернулся через десять минут злой как собака. Генриетта тоже вышла из себя. Они сказали, что я испортил очень важный научный эксперимент. Я извинился и объяснил, что ничего не мог сделать. Доктор надел шляпу и ушёл. Но перед уходом что-то сказал Генриетте. На следующий вечер он вернулся.

— Моркс, — мрачно сказал он, — я не знаю, что произошло в тот вечер. Ничего не помню. Утром проснулся с раскалывающейся головой. Ночью мне что-то приснилось, но я не мог вспомнить что. Генриетта сказала, что я спал как младенец и ничего не видел. Сначала я ей поверил ей, но... С тех пор прошло десять дней, но я не помню ни одной ночи. Я хочу знать, что происходит, Моркс. Каждое утро у Генриетты появляется дорогая обновка. Сначала была норковая шуба. Потом жакет, отделанный мехом горноста. Жемчужное ожерелье, серебряная посуда, флакон очень дорогих духов. Вчера утром она примеряла браслет с изумрудом, который стоит кучу денег.

Я поинтересовался, как всё это объясняет жена.

— Говорит, что я увидел их во сне, — угрюмо пробормотал Вим, — и они остались благодаря доктору Брилту, который гипнотизировал меня. Но я ей не верю... Не знаю, что и думать, Моркс. Мне кажется, что я схожу с ума. Просыпаюсь каждое утро и чувствую себя глубоким стариком. Целый день брожу, будто лунатик, на работе, сплю как

убитый все ночи дома, но не могу выспаться и с каждым днём чувствую себя всё хуже и хуже. Я должен уехать из этого дома, но Генриетта не разрешает.

Я сказал, что, возможно, смогу помочь, но сначала нужно узнать, что происходит по ночам. Мы договорились, что я приду вечером и спрячусь в кустах, а он оставит приоткрытым окно. На следующий день мы решили встретиться у меня на квартире, чтобы обсудить план дальнейших действий...

Около девяти часов вечера я сидел в кустах сирени под окнами гостиной дома Вима. У калитки остановилась машина. Из неё вышел высокий мужчина. Он поднялся на крыльцо и постучал. Когда Брилта впустили, я подкрался к окну и заглянул в комнату.

Доктор Брилт держал Вима за руку и пристально смотрел ему в глаза.

— Сегодня вы будете спать крепко, Вим, — прошептал он еле слышимым голосом. — Но сначала вы посмотрите на фотографию. Это пачка столларовых купюр, в ней сто штук. Запомните её хорошенько... А теперь отправляйтесь спать. Вы крепко проспите до утра и всё время будете видеть перед собой пачку долларов.

— Да, доктор, — пробормотал Вилфред Вим. — Я иду спать. Мне приснится пачка столларовых купюр.

Прошло десять минут. Доктор Брилт и Генриетта Вим, высокая и широкоплечая, с торчащим подбородком и слегка приплюснутым носом, сидели с напряжёнными лицами и молча ждали. Наконец, на столе появилась пачка долларов. Доктор быстро пересчитал хрустящие банкноты и кивнул. Миссис Вим не сводила с денег жадного взгляда.

— Как жалко, что они ненастоящие, Генриетта, — вздохнул доктор. — Надеюсь, вы помните, что сегодня моя очередь. Я уже сделал заказ. Его, как обычно, принесут к вам домой.

— Я мечтаю о полушубке из соболя, который рекламировали в сегодняшней газете, — хмуро кивнула Генриетта. — Конечно, я помню, что сегодня ваша очередь, но мне так хочется полушубок.

— Слишком рискованно, если в один день произойдёт сразу два необъяснимых исчезновения крупных сумм денег, — покачал головой Брилт. — Пока всё идёт, как я и говорил. Курьеры ничего не могут понять и вынуждены говорить, что их ограбили.

Он хотел ещё что-то сказать, но в дверь позвонили. Я так увлёкся наблюдением, что не заметил, как к дому подъехал фургон и из него

вышел человек в форме. В руке он держал маленькую коробочку, завернутую в обёрточную бумагу.

— Часы от Тиффани для миссис Вим, — сообщил он вместо приветствия. — Вы миссис Вим?

— Я, — ответила Генриетта. — Сколько?

— 9580 долларов 60 центов, включая налог.

— Платиновые, — мечтательно произнёс доктор Брилт, — швейцарский механизм, 39 камней, репетир, календарь и фазы луны.

Миссис Вим отложила четыре купюры и отдала остальное курьеру. Получив коробочку с часами, она подписала накладную, после чего курьер ушёл.

— Вот и всё, — улыбнулся Александр Брилт. — Ваш муж будет видеть деньги во сне до утра. К тому моменту пройдёт достаточно времени, и никто не догадается, что исчезновение денег как-то связано с нами. А сейчас я должен идти. Да, кстати... Знаете, Генриетта, думаю, нам следует сделать небольшой перерыв. Так будет спокойнее.

— Но я хочу полушубок, — надулась Генриетта. — Вот куплю его и сделаем перерыв.

— Хорошо, Генриетта, — пожал плечами доктор Брилт. — Тогда до завтрашнего вечера. Спокойной ночи.

Он положил коробочку в карман и ушёл. Генриетта Вим бросила четыре стодолларовые купюры в корзину для мусора и выключила в гостиную свет...

Вилфред Вим пришёл в ужас. Сначала он покраснел, потом побледнел.

— Но это же воровство! — в негодовании вскричал он. — Они покупают дорогие вещи на деньги, которые мне приснились и которые исчезают, когда я просыпаюсь... Конечно, я знал, что Генриетта эгоистичная и жадная женщина, но я никогда не мог даже подумать, что она способна на такое. Это чудовищно!.. Что делать? Разговаривать с ней бессмысленно.

Я сказал, что, кажется, нашёл способ, как остановить его жену и Брилта. Вечером, предложил я, Вим должен принять снотворное и лечь спать. О плане я пообещал рассказать ему завтра.

После ухода Вилфреда я позвонил молодому художнику и рассказал, что мне от него нужно. Он пообещал выполнить заказ к середине следующего дня.

На следующий день я посвятил Вима в мой план. Впервые за долгое время на его губах заиграла слабая улыбка. Он поклялся полностью следовать моим инструкциям и сказал, что будет ждать меня в полдевятого.

Ровно в половину девятого я стоял у двери дома Вимов. Когда я вошёл в маленькую гостиную, Генриетта подозрительно уставилась на меня.

Вим представил меня торговцем картинами и сказал, что я принёс понравившуюся ему картину. Я вручил ему плоский большой свёрток.

— Картину? — фыркнула Генриетта. — Какую ещё картину, Вилфред?

— Ничего особенного, дорогая, — уклончиво ответил он. — Просто картину для моей комнаты.

Он подошёл к двери в свою комнату, вставил в замок ключ и пару раз запер и открыл дверь.

— Нужно смазать.

— Вилфред, что ты делаешь? — угрожающе поинтересовалась миссис Вим.

— Хочу убедиться, что замок в порядке. Я хочу сегодня запечататься...

Генриетта подбежала к мужу и вырвала у него картину.

— Запечататься?! — завопила она. — Вилфред, ты от меня ничего не скроешь. Я обязательно узнаю, что ты задумал! Генриетта сорвала с картины обёрточную бумагу, посмотрела на неё, побледнела и прохрипела:

— Вилфред, ты не можешь этого сделать!

— Я хочу повесить её над кроватью, чтобы видеть последней перед сном.

Вим забрал картину из толстых рук растерявшейся Генриетты.

— Правда, как в жизни, ты не находишь?

— Вилфред!.. — сейчас в её голосе слышался испуг. — Ты... ты... Если ты уснёшь, глядя на это, то ты...

Вим не ответил. Он вытянул картину перед собой и с восхищением посмотрел на неё.

— Ты... — прохрипела Генриетта. — Ты... станешь убийцей!

— Думаю, эта картина мне очень понравится, мистер Моркс, — сказал мне Вилфред. — Я всегда мечтал о настоящем шедевре.

Миссис Вим дико взвизгнула и бросилась к платяному шкафу. Она схватила первое попавшееся пальто, напялила шляпку и побежала к двери.

— Я еду к доктору Брилту, — сообщила Генриетта, тяжело дыша.
— Он заставит тебя...

— Привези его, — рассмеялся Вим. — Только не забудь рассказать о картине. А ещё лучше — останься с ним и не возвращайся. Я ни за что не расстанусь с этим произведением искусства. Если же Брилт не захочет жениться на тебе после нашего развода, пригрози, что всё расскажешь полиции... Он не дурак и должен будет согласиться. Сейчас же, — широко зевнул он и подмигнул мне, — думаю, мне пора баиньки.

Генриетта приглушённо всхлипнула и выскочила из дома, захлопнув за собой дверь. Вим с улыбкой поднёс картину к свету, и я был вынужден признать, что картина, действительно, шедеврально. По моей просьбе художник посетил зоопарк и зарисовал там самого худого и голодного тигра. Мои указания он выполнил в точности. Я никогда не видел на звериных мордах такого кровожадного выражения, как у героя картины с названием «Умиравший от голода тигр».

Вилфред Вим положил картину на стол лицом вниз и широко зевнул.

— Иду спать. Не забыть бы принять таблетку, чтобы не видеть никаких снов. Хорошенько высплусь, а завтра уеду из этого дома.

— Загляните сначала ко мне, — предложил я. — Я знаю адвоката, который поможет вам расторгнуть договор с наименьшими потерями. Вим горячо поблагодарил меня и пообещал зайти. Я ушёл. Но... — Марчисон Моркс в этом месте сделал небольшую паузу и оглядел своих слушателей, — когда он приехал ко мне на следующий день ранним вечером, то отказался брать имя адвоката.

— Спасибо, Моркс, — поблагодарил Вилфред, — но он мне пока не нужен. Генриетта до сих пор не вернулась, и я уверен, что уже не вернётся. Ночью я спал как бревно. Впервые за много недель чувствую себя превосходно. И знаете, я обратил внимание, что у нас на удивление приятный домик.

Должно быть, в моём взгляде было такое изумление, что он слегка покраснел и поторопился объяснить:

— Да, помню. Конечно, я хотел уехать, но после ухода Генриетты передумал. Сейчас, когда я могу делать всё что угодно, дом уже

не кажется мне противным... Ну, не буду больше вас беспокоить. Я всё ещё чувствую лёгкую усталость. Так что поеду сейчас домой и лягу в постель с хорошей книгой.

Под мышкой у него действительно была большая толстая книга.

— С этой? — поинтересовался я.

— Да, — кивнул Вим. — Увидел её сегодня в книжном магазине и подумал, что мне она пригодится.

— Ясно, — кивнул я. — Ну что же, Вим. В таком случае счастливо!

— Спасибо, — серьёзно поблагодарил он и торопливо вышел. С тех пор я его не видел. Мне очень жаль, что я так и не спросил его о...

Моркс откинулся на спинку кресла, сложил кончики пальцев домиком и о чём-то задумался. Молчание нарушил один из молодых членов клуба.

— Как называлась книга? — спросил он.

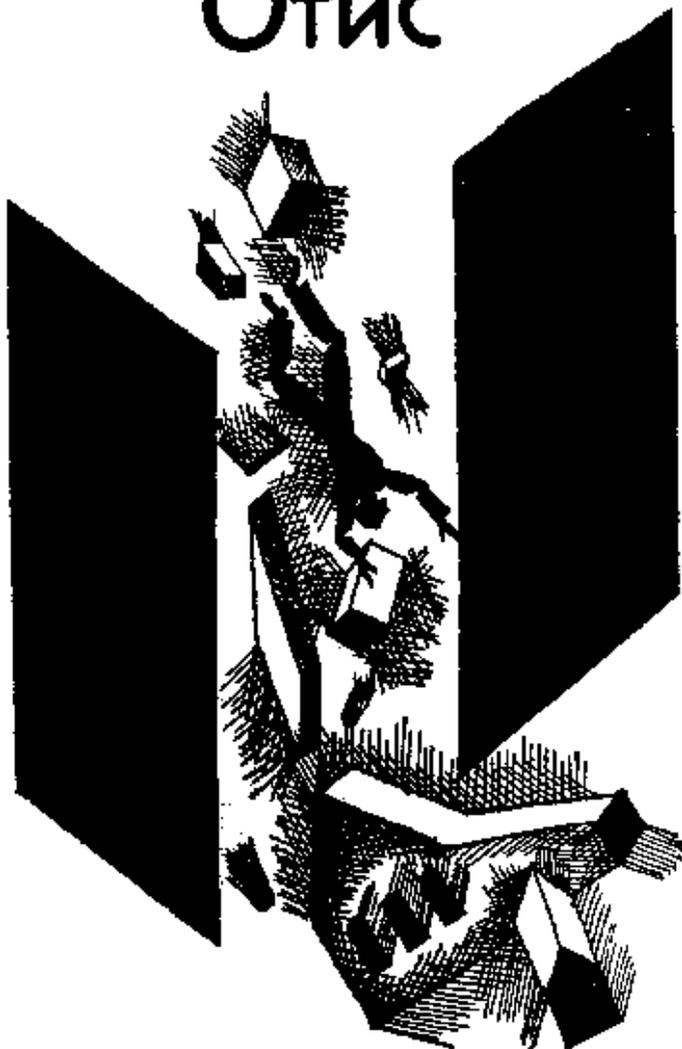
— Это был альбом с цветными репродукциями работ великих живописцев. Прекрасные картины. Он назывался «Сто самых красивых женщин в истории человечества».

Перевод – С. Мануков

Роберт АРТУР

УПРЯМЫЙ ДЯДЯ ОТИС

РАССКАЗ

Мой дядюшка Отис был самым упрямым человеком в Вермонте. Если у вас есть знакомые вермонтцы, то вы понимаете, что я имею в виду. Это значит, что мой дядюшка был самым упрямым человеком в мире. Скажу больше — из-за своего упрямства дядюшка Отис был опаснее водородной бомбы.

Вам трудно в это поверить. И я вас понимаю. Так что я расскажу, почему мой дядюшка Отис был так опасен — опасен не только для всего человечества, но и для солнечной системы. Да и для всей вселенной, пожалуй.

Фамилия у него была, как и у меня, Моркс, то есть полностью его звали Отис Моркс. Жил он в Вермонте, и некоторое время мы с ним не виделись. И вот однажды утром я получил срочную телеграмму от тётушки Эдит, его сестры. В ней говорилось:

«ОТИСА УДАРИЛА МОЛНИЯ. СИТУАЦИЯ СЕРЬЁЗНАЯ.
СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ».

Я выехал ближайшим поездом. Причина спешки была не только в том, что меня заботило здоровье дядюшки Отиса. В этих семи простых словах мне определённо послышался некий тревожный подтекст, заставивший поторопиться.

Ближе к вечеру того же дня я вышел в Хиллпорте, штат Вермонт. Единственное такси в городке, старенький побитый грузовичок, принадлежало местному жителю по имени Джад Перкинс. По совместительству Джад служил констеблем, и, забравшись в его помятый рыдван, я заметил кобуру с револьвером, пристёгнутую к поясу блюстителя порядка.

Кроме того, на привокзальной площади я заметил небольшую толпу горожан, разглядывавших что-то с неподдельным любопытством. Потом я сообразил, что они смотрят на пустой гранитный пьедестал, на котором обычно стояла большая бронзовая статуя местного политического деятеля по фамилии Огилби — человека, к которому дядюшка Отис всегда относился в высшей степени презрительно.

Со свойственным ему упрямством дядюшка Отис категорически отказывался верить, что кому-нибудь могло прийти в голову воздвигнуть памятник Огилби, и потому всегда настойчиво отрицал, что таковой памятник вообще существует. И вот теперь посреди площади стоял пустой пьедестал без памятника.

Старенький грузовичок кое-как завёлся и тронулся в путь. Я наклонился к Джаду Перкинсу и спросил, куда подевалась статуя. Констебль бросил на меня косой взгляд.

— Украли, — сообщил он. — Вчера вечером, около пяти. Из-под самого носа увели. Именно так, представьте себе. Мы и глазом моргнуть не успели. Мы все сидели в магазинчике у Симпкина: я, сам Симпкин, ваш дядя Отис Моркс, ваша тётя Эдит, ну, ещё кое-кто. Кто-то сказал, что неплохо бы помыть памятник Огилби, а то его за последнюю пару лет уже и не видно стало под голубиным помётом. И тогда ваш дядя Отис так и подскочил на месте.

«Какой такой памятник? — воскликнул он и воинственно распушил седые брови. — В нашем городке в жизни не было памятника этому расфуфыренному губошлёпу!»

Я-то, конечно, знал, что ваш дядя не поверит в то, что памятник стоит на площади, даже если наткнётся на него лбом и расшибёт голову. Никогда не встречал настолько упрямого человека, как Отис Моркс, который просто отрицает всё, что ему не нравится. Так вот, всё это я знал, но всё же развернулся, чтобы показать вашему дяде на памятник. А его уже и не было! Только минуту назад стоял на месте — и как ветром сдуло! Увели буквально из-под самого носа.

Джад Перкинс сплюнул в окно и снова повернулся ко мне.

— Если хотите знать, кто это сделал, так я вам точно скажу — это пятая колонна. — Дело, кстати говоря, происходило во время второй мировой. — Они стащили Огилби, потому что он бронзовый, понимаете? Чтобы делать снаряды, нужны медь и бронза. Так что они его украли и теперь на подводной лодке переправят через океан. Но пусть только попробуют ещё раз сюда сунуться. Пистолет у меня всегда при себе, так что я им спуску не дам.

Переваливаясь на выбоинах, мы медленно продвигались к ферме дядюшки Отиса, и Джад Перкинс продолжал вводить меня в курс последних событий. Он рассказал, как дядюшку ударило молнией, что явилось, как я и предполагал, следствием его собственного упрямства.

— Позавчера, — сообщил он, старательно сплюнув в окно очередную порцию табачной кашицы, — ваш дядя Отис был в поле, когда разразилась гроза. Он решил спрятаться от дождя под большим дубом. А я ведь сколько раз говорил ему, что деревья притягивают молнию! Но он слишком упрям, чтобы прислушиваться к чужим советам.

Вероятно, он подумал, что может игнорировать молнии точно так же, как игнорирует амбар Уиллоуби, что через дорогу от его фермы, или Мраморный холм, который его кузен Сет отсудил у него и существование которого он теперь отрицает. Или как новую дамбу, которую построил штат для водохранилища, затопившего пастбища, куда ваш дядя раньше выгонял скотину. Так что, если вы теперь заговорите о дамбе, ваш дядя Отис посмотрит на вас как на ненормального.

Так вот, возможно, он подумал, что может игнорировать молнии, но молниям об этом не было известно. Одна из них шарахнула в дуб, расколола его пополам и за компанию прихватила и Отиса. Единственная причина, по которой он не погиб, по-моему, в том, что он всегда отличался завидным здоровьем. Он ведь за всю жизнь ни дня не болел, кроме того случая двадцать лет назад, когда он упал с лошади, потерял память и целую неделю считал себя продавцом сельхозтехники по имени Юстас Лингем из Кливленда, штат Огайо.

Ваша тётя Эдит видела, как это случилось, выбежала в поле и притащила его домой. Положила его в постель и вызвала дока Перкинса. Док осмотрел его и сказал, что опасности никакой нет, скоро он придёт в себя, но два-три дня ему придётся полежать.

И действительно, скоро ваш дядя Отис очнулся, где-то ближе к ужину, но оставаться в постели категорически отказался. Заявил, что чувствует себя прекрасно, и я готов подтвердить, что вчера в магазинчике у Симпкинса он выглядел как никогда. Живой такой был, как будто лет на десять помолодел. Бодренький, весь как на пружинах, и такой энергичный, что казалось, электричество так и сочится у него из каждой поры.

Я спросил, не стал ли дядюшка Отис с возрастом менее упрямым. Джад сплюнул с явным отвращением.

— Ещё упрямее стал, — ответил он. — Ваш дядя Отис — самый упрямый человек в Вермонте. Смотрите вы с ним на одно и то же, а он говорит, что этого нет, и, главное, говорит с такой убеждённой уверенностью, что вы сами чуть ли не начинаете ему верить.

Только на прошлой неделе сидим мы с ним у него на крыльце, а перед нами торчит этот старый амбар Уиллоуби и загораживает собой весь вид. Так ваш дядя Отис как сквозь него смотрит, будто ему ничего и не мешает.

«Отличный вид, — говорю я, — вот только если бы амбара не было». А ваш дядя Отис смотрит на меня, как будто я с ума сошёл.

«Амбара? — переспрашивает. — Какого ещё амбара? Нет тут никакого амбара и никогда не было. Лучший вид во всём Вермонте. На двадцать миль вокруг видно».

Джэд Перкинс усмехнулся и чуть не переехал рыжую собачонку и мальчика на велосипеде.

— Я понимаю, что есть люди верующие, которые верят в то, чего нет, — сказал он. — Но ваш дядя Отис — это единственный из всех известных мне людей, который настолько упрям, что не верит в то, что есть!

Я был погружён в собственные мысли, когда Джэд Перкинс высадил меня у ворот фермы дядюшки Отиса. Дядюшки нигде не было видно, и я направился вокруг дома к задней двери, когда из неё выскочила тётушка Эдит, трясущиеся руки и всклокоченные волосы которой говорили о крайней степени возбуждения.

— О Мерчисон! — воскликнула она. — Как я рада, что ты приехал! Я не знаю, что делать, я просто не знаю, что делать! С Отисом случился такой кошмар, и...

И тут я увидел самого Отиса, шедшего по тропинке к почтовому ящику на воротах за вечерней газетой. В его маленькой подвижной фигурке, задиристо выставленной вперёд нижней челюсти и колючих кустиках седых бровей я не обнаружил ничего необычного. Но тётушка Эдит только всплеснула руками, когда я поделился с ней своими наблюдениями.

— Знаю, — тихо вздохнула она. — Глядя со стороны, можно подумать, что удар молнии пошёл ему только на пользу. Тихо! Он идёт. Сейчас я больше ничего не могу тебе рассказать. После ужина! Главное, чтобы он не догадался... О господи, я надеюсь, нам удастся остановить это и ничего ужасного не успеет произойти!

И прежде чем дядюшка Отис подошёл к нам, тётушка Эдит юркнула обратно на кухню.

Если дядюшка Отис и изменился с тех пор, как мы виделись в последний раз, то только в лучшую сторону. Как уже отмечал Джэд Перкинс, теперь он выглядел моложе. Он крепко пожал мою протянутую руку, по которой пробежала нервная дрожь, как от удара электрическим током. В глазах его играли весёлые искорки. Он весь казался пропитанным какой-то таинственной энергией, которая не помещалась в нём и потому изливалась через край.

Мы медленно прошли к главному входу и остановились на крыльце, повернувшись к полуразвалившемуся старому амбару, который возвышался с другой стороны дороги и заслонял собой весь вид. Мне показалось, что это подходящая тема для беседы, с помощью которой можно проверить, что имела в виду тётушка Эдит, и я, внимательно наблюдая за дядюшкой Отисом, сказал, что жаль, мол, что гроза позавчера не завалила этот амбар, чтобы все о нём наконец забыли.

— Амбар? — переспросил дядюшка Отис, сверля меня подозрительным взглядом. — Какой амбар? Мальчик мой, здесь никогда не было никакого амбара. Ты только посмотри, какой вид! Это самый роскошный вид во всём Вермонте. А если ты видишь здесь какой-то амбар, то тебе нужно бросать всё дела и бежать к врачу.

Как говорил Джад, слова дядюшки звучали настолько убедительно, что я поневоле повернулся, чтобы удостовериться, что амбар действительно стоит на месте. Некоторое время, мигая и протирая глаза, я продолжал смотреть на то место, где только что видел это уродливое сооружение.

Потому что дядюшка Отис говорил правду.

Там не было никакого амбара — теперь не было.

На протяжении ужина до меня всё больше и больше доходил чудовищный смысл этой невероятной истины, не верить в которую у меня не было никаких оснований. А после ужина, оставив дядюшку Отиса читать за столом газету, я следом за тётушкой Эдит вышел на кухню.

Она только вздохнула, когда я рассказал ей об амбаре, и посмотрела на меня затравленным взглядом.

— Да, — прошептала она, — это делает Отис. Я поняла это ещё вчеда, когда мы сидели в магазинчике Симпкинса и пропал этот памятник с площади. Я как раз смотрела на памятник, когда Отис сказал, что никакого памятника там никогда не было, и он... в общем, он исчез прямо у меня на глазах. Тогда-то я и отправила тебе телеграмму.

— Ты хочешь сказать, — спросил я, — что с тех пор, как дядюшку Отиса ударила молния, его упрямство приобрело новое качество? Раньше он просто отрицал существование того, что ему не нравилось, и этим всё заканчивалось. А теперь, когда он заявляет, что чего-то нет, то это «что-то» благодаря его колоссально увеличившейся

силе упрямства действительно перестаёт существовать? Стоит ему во что-то не поверить, и это исчезает?

Тётушка Эдит кивнула.

— Именно исчезает! — воскликнула она, явно находясь на грани истерики. — Как только он скажет, что чего-то нет, это перестаёт существовать!

Должен признаться, что мне стало очень не по себе. Я сразу представил, к каким неприятностям могут привести эти новые способности дядюшки. Список вещей и людей, в которых он не верил, был довольно длинным и разнообразным.

— Как ты думаешь, — спросил я, — есть ли этому какие-нибудь границы? Памятник, амбар — что ещё он может изменить своим упрямством?

— Даже не представляю, — ответила она. — Может, никаких пределов для него и не существует. Отис невероятно упрям. А вдруг кто-нибудь напомнит ему о дамбе? Представь, что будет, если он заявит, что никакой дамбы не существует. В ней высоты сто футов, и если вся эта вода...

Ей не нужно было объяснять мне, к чему это может привести. Если дядюшка Отис решит, что никакой хиллпортской дамбы в природе не существует, то многие и многие тонны воды тут же хлынут из водохранилища наружу и в мгновение ока сметут с лица земли этот городишко со всеми пятью сотнями его обитателей.

— И потом, ещё есть разные страны со смешными названиями, в существование которых Отис никогда не верил, — шёпотом продолжала тётушка Эдит. — Занзибар, например, или Маврикий.

— А также Гватемала и Полинезия, — добавил я, нахмурившись. — Если кто-то или что-то вдруг напомнит ему о них, а он заявит, что всё это выдумки, то я даже предположить боюсь, какие последствия нас могут ожидать. Внезапное исчезновение любой из этих стран приведёт... Не знаю, цунами и землетрясения нам точно обеспечены.

— Но как же нам остановить его? — взволнованно воскликнула тётушка Эдит. — Мы ведь не можем прямо сказать ему, что он не должен...

Договорить ей не дал дядюшка Отис, который появился в дверях, возмущённо хрюкая и размахивая вечерней газетой.

— Нет, вы только послушайте, что они пишут! — гневно рявкнул он и зачитал нам короткую заметку, смысл которой сводился к тому,

что Сет Янгмен, его кузен, отсудивший у дядюшки Мраморный холм, собирается продать его какой-то нью-йоркской компании, которая будет добывать там мрамор. Дочитав до конца, дядюшка Отис с отворачиванием швырнул газету на стол.

— Они хоть представляют, о чём толкуют?! — с негодованием воскликнул он, сердито насупив седые брови. — Что за Мраморный холм? В жизни во всей округе не было холма с таким названием! И Сету Янгмену отродясь ни один холм не принадлежал. Что за идиоты печатают эти газеты, а ещё, поди, и зарплату получают!

Дядюшка гневно уставился на нас. В наступившей тишине едва слышно прозвучал отдалённый гром, как будто где-то перекатывались камни. Мы с тётушкой Эдит как по команде обернулись к окну. Ещё окончательно не стемнело, и из северо-западных окон кухни был отчётливо виден Мраморный холм, возвышавшийся над горизонтом подобно поношенной фетровой шляпе. Точнее, он был бы виден, если бы оставался на месте.

Говорят, у древних пророков была такая сила веры, что они могли двигать ею горы. Дядюшка Отис, похоже, обладал не менее выдающимся качеством — он без труда разрушал горы силой своего неверия.

Дядюшка Отис, не подозревая, что натворил, снова схватил газету, продолжая недовольно бурчать себе под нос.

— Все просто как с ума посходили, — заявил он, ткнув пальцем в другую заметку. — Вот, полюбуйте, пишут о президенте Рузвельте. Не о Тедди Рузвельте, а о каком-то Франклине. Даже не могут имя человека правильно написать! Всем ведь прекрасно известно, что нет у нас президента по имени Франклин Ру...

— Дядюшка Отис! — завопил я. — Смотри, мышь!

Дядюшка Отис замолчал и развернулся. Под печкой я действительно заметил мышь, и обратить на неё внимание дядюшки было первое, что пришло мне в голову, чтобы не дать ему высказать своё неверие во Франклина Д. Рузвельта. Я едва успел. Довольный собой, я глубоко вздохнул и вытер со лба холодный пот. Дядюшка Отис недоумённо задвигал бровями.

— Где? — строго спросил он. — Не вижу никакой мыши!

— Да вон... — начал я и остановился. Стоило дядюшке высказать своё мнение о мыши, как её, разумеется, и не стало. Чтобы не сердить его, я сказал, что, наверное, ошибся. Дядюшка Отис раздра-

жённо хрюкнул, развернулся и пошёл в комнату. Мы с тётушкой Эдит посмотрели друг на друга.

— Если бы он сказал... — начала она. — Если бы он закончил говорить, что у нас нет президента по имени Франклин Руз...

Договорить она не успела. Переступая через порог, дядюшка Отис попал ногой в дыру в линолеуме, споткнулся и ничком рухнул на пол. Падая, он ударился головой о стол и, когда мы подбежали к нему, был без сознания.

Я перенёс дядюшку Отиса в комнату и уложил на старый диван, набитый конским волосом. Тётушка Эдит положила ему на голову холодный компресс и поднесла к носу нашатырный спирт. Вдвоём мы всеми силами пытались привести его в чувство, и скоро он открыл глаза, но, посмотрев на нас, удивлённо заморгал, очевидно, не узнавая.

— Кто вы? — спросил он. — Что со мной случилось?

— Отис! — воскликнула тётушка Эдит. — Я твоя сестра. Ты упал и ударился головой. И потерял сознание.

Дядюшка Отис прищурился и подозрительно посмотрел на нас.

— Отис? — переспросил он. — Меня зовут не Отис. С чего это вы взяли, что я Отис?

— Но ты действительно Отис! — жалобно сказала тётушка Эдит. — Тебя зовут Отис Моркс, ты мой брат, живёшь в Хиллпорте, штат Вермонт. Ты прожил здесь всю свою жизнь.

Дядюшка Отис упрямо оттопырил нижнюю губу.

— Меня зовут не Отис Моркс, — заявил он, поднимаясь с дивана. — Я — Юстас Лингем из Кливленда, штат Огайо. Я торгую сельскохозяйственными машинами. И я не ваш брат. Никогда в жизни вас не видел. И вас тоже, молодой человек. У меня болит голова, и я устал от разговоров с вами. Надо мне выйти глотнуть свежего воздуха. Может, тогда голова хоть чуть успокоится.

Тётушка Эдит молча отступила в сторону. Дядюшка Отис решительной походкой промаршировал мимо неё в прихожую и вышел за дверь. Тётушка Эдит, осторожно выглянув в окно, сообщила, что он стоит на крыльце и смотрит на звёзды.

— Опять с ним эта беда! — в отчаянии проговорила она. — Потеря памяти вернулась. Такое уже было двадцать лет назад, когда он упал с лошади и целую неделю уверял всех, что он этот самый Юстас Лингем из Кливленда. О Мерчисон! Мы должны вызвать врача. Но если врач узнает обо всём, он распорядится, чтобы Отиса посадили под

замок. А если они попытаются запереть Отиса, он просто не поверит ни в них, ни в то место, где его запрут, и тогда... тогда...

— Но если ничего не делать, — возразил я, — то последствия будет трудно предугадать. Он ведь снова может случайно наткнуться в газете на заметку о президенте Рузвельте. В наше время даже в Вермонте ни один номер не выходит без упоминания о нём. Или, не дай бог, прочтёт что-нибудь о Мадагаскаре или Гватемале.

— Или вспомнит о налоговых инспекторах, — добавила тётушка Эдит. — Он постоянно получает от них письма с требованиями уплатить подоходный налог. В последнем письме они сообщали, что пришлют человека, который на месте решит все вопросы. А Отис заявляет, что никакого подоходного налога не существует, а потому и налоговых инспекторов не может быть. Так что, если к нам вдруг заявится человек и скажет, что он налоговый инспектор, то Отис в него просто не поверит, и тогда...

Мы беспомощно посмотрели друг на друга. Тётушка Эдит схватила меня за руку.

— Мерчисон! — выдохнула она. — Быстрее! Иди к нему! Его нельзя оставлять одного. Только на прошлой неделе он решил, что никаких звёзд не существует!

Я не колебался ни секунды. Через мгновение я уже стоял на крыльце рядом с дядюшкой Отисом, который глубоко вдыхал прохладный вечерний воздух и, высоко запрокинув голову, обводил раскинувшиеся над ним небеса в высшей степени недоверчивым взглядом.

— Звёзды! — проворчал он, ткнув костлявым указательным пальцем в усеянное серебристыми брызгами небо. — Сто миллионов миллиардов триллионов миль до них! И каждая из них в сотни раз крупнее нашего солнца! В книжках так пишут. А знаете, юноша, что я думаю по этому поводу? Что всё это чушь собачья! Ничего не может быть таким большим и таким далёким! Знаете, что это за штучки, которые они рассматривают в свои телескопы и называют звёздами? Никакие это не звёзды! Дело в том, что вообще не существует никаких звёзд...

— Дядюшка Отис! — заорал я во всю мочь. — Комар!

И, не жалея сил, я приложился ему ладонью по макушке.

Я обязан был как-то отвлечь его. Нельзя было позволять ему заканчивать фразу. Вселенная, конечно, штука большая, спору нет, мо-

жет, она даже слишком большая, чтобы перестать существовать, если в неё не поверит дядюшка Отис. Но я просто не имел права рисковать. Потому-то я завопил и хлопнул его по голове.

Однако я совсем упустил из виду, что у него опять случилась амнезия и он считает себя Юстасом Лингемом из Кливленда. Едва оправившись от моего удара, дядюшка холодно посмотрел на меня.

— Перестаньте называть меня дядюшкой Отисом! — рявкнул он. — Никакой я вам не дядюшка! И сестры у меня никогда не было! Меня зовут Юстас Лингем, и у меня болит голова. Сейчас я выкурю сигару и отправлюсь спать, а утром поеду обратно в Кливленд.

Он развернулся, вошёл в дом и затопал вверх по лестнице.

Я осторожно крался за ним следом, изо всех сил пытаюсь придумать какой-нибудь действенный план, а тётушка Эдит на цыпочках замыкала процессию. Остановившись на верхней площадке, мы смотрели, как дядюшка Отис вошёл в свою комнату и захлопнул за собой дверь.

Потом мы услышали, как под ним скрипнули пружины кровати. Раздалось чирканье спички о коробок, и через секунду до нас донёсся лёгкий запах сигарного дыма. Дядюшка Отис перед отходом ко сну всегда позволял себе выкурить одну сигару.

— Отис Морк! — услышали мы из-за двери его ворчание, сопровождаемое стуком упавшего на пол ботинка. — Чего только люди не придумают! Разыграть меня хотят, что ли? В жизни не поверю, что существует человек с таким именем! — И наступила тишина. Мы, затаив дыхание, ждали, когда упадёт на пол второй ботинок... А когда миновала целая минута, мы окинули друг друга встревоженным взглядом и распахнули дверь его комнаты.

Мы с тётушкой Эдит замерли на пороге. Окно было закрыто и заперто на щеколду. Тонкая струйка сизого дымка поднималась от сигары, лежавшей в пепельнице на столике у кровати. Покрывало в середине было придавлено, как будто кто-то на нём только что сидел, но уже начинало медленно выпрямляться. На полу рядом с кроватью сиротливо валялся один ботинок дядюшки Отиса.

Но дядюшки, как вы понимаете, в комнате не было. Он не поверил в самого себя, а потому и перестал существовать...

Перевод – А. Курчаков

Я слышал, что после того как Сатана повстречал Сэма Шэя, грешить на Земле стали меньше. Не поручусь, однако утверждают, что производство этого товара значительно сократилось с того вечера, когда Сэм Шэй выиграл у дьявола три пари. Вот как это случилось.

Как вы понимаете, в жилах Сэма Шэя, отважного прохвоста, отчасти текла ирландская кровь, одолевавшая природу и воспитание янки. Широкоплечий детина шести футов росту, Сэм Шэй вечно ух-

мылся и потряхивал тёмными кудрями. Глянув на его мышцы, трудно было поверить, что молодец этот в жизни ни разу не приложил рук к честному делу. Увы, Сэм с детства заделался игроком и ещё мальчишкой играл в медяки и «чёт-нечёт» со своими приятелями; в итоге к тридцати годам он стал зарабатывать на жизнь исключительно игрой.

Не будем, однако, видеть в Сэме Шэе закоренелого игрока с каменным сердцем, который заключал пари, заранее не сомневаясь в исходе. Он бился об заклад, повинуюсь не математическому расчёту, но интуиции, и сам спор был для него не менее важен, чем победа. Если бы вы просто предложили Сэму эти деньги, он бы отказался... В таком заработке не было чести. Сэму требовалось заслужить деньги собственным умом, посему он иногда находил удовольствие и в проигранном пари.

Впрочем, к немалому прискорбию Сэма, избранница его сердца Шэннон Мэллой и слышать не хотела об азартных играх. Увы, покойный папаша Мэллой промотал на игры весь свой заработок, поэтому вдова воспитала в дочери стойкую неприязнь к тем молодым людям, что любят стук игральных костей и шелест карт или же считают приятной скороговорку пульса, когда кони делают последний поворот и выходят на финишную прямую.

В первые дни их знакомства Шэннон Мэллой, невысокая девушка с огоньком в глубине тёмных глаз, закрыла оные на порок Сэма, полагая, что ради любви к ней он вполне может изменить привычке. К тому же, Сэм ей обещал. Однако без пари он просто не мог жить, в отличие от пищи: ему ничего не стоило обойтись целый день без еды, но за двадцать лет солнце ни разу не село, не осветив прежде очередной заклад Сэма — пусть самый скромный, сделанный лишь для того, чтобы не потерять квалификации.

Поэтому Сэм Шэй нередко оказывался в опале, и Шэннон скорее со скорбью, чем с гневом укоряла его. И всякий раз Сэм обещал ей исправиться, в сердце своём осознавая неизбежность очередного падения. Естественно, пришёл час, когда с глаз Шэннон спала пелена влюблённости, и девушка отчётливо поняла, что Сэм Шэй есть Сэм Шэй, и ничто его не изменит. Шэннон любила Сэма, однако убеждения её были твёрды, как алмаз. Поэтому она вернула Сэму кольцо, принятое от него в ту пору, когда вера в обещания ещё не успела растаять.

— Прости меня, Сэм, — сказала она на прощание в тот самый вечер, и эти слова погребальным звоном отдавались в ушах Сэма, когда он брёл в сгущающихся сумерках через парк. — Прости, — сказала Шэннон, и её голос дрогнул, — но сегодня я услышала твоё имя из уст знакомых. И они утверждали, что ты — прирождённый игрок, способный поспорить с самим Сатаной и три раза победить его. А раз так — я не могу выйти за тебя... при всех своих чувствах. Пока ты не переменишься.

И Сэм, понимавший, что отвлечь его от игры способна лишь некая чудесная сила, покорно взял кольцо и отправился прочь, оглянувшись только раз. Бросив взгляд через плечо, он увидел Шэннон Мэллой — плачущую, но по-прежнему непреклонную, и безутешное сердце Сэма (стоит ли принимать всерьёз такие пустячные слабости) не могло не восхититься девушкой.

Кольцо находилось в кармане, металлический кружок охлаждал пальцы. Нет, это не кольцо, а золотой нуль, подведший итог ухаживаниям за Шэннон Мэллой. В парке царил полумрак и какая-то странная тишина, словно бы предвещавшая нечто. Но погружённый в печальные думы, Сэм ровным счётом ничего не замечал.

Когда он поравнялся с древним дубом, тень, которую дерево отбрасывало на боковую дорожку, вдруг самым неожиданным образом обрела плотность, стала ростом с колокольню, а потом ещё более сгустилась и преобразилась в невысокого мужчину, чья благородная седина как нельзя лучше соответствовала всему остальному в его облике.

Сей джентльмен, столь необычным образом преградивший дорогу Сэму, был облачён в достаточно скромное одеяние: плечи его прикрывала старомодная пелерина, на волосах покоилась мягкая тёмная шляпа. Он улыбнулся и дружелюбно произнёс тоном, каким обращаются к старому другу после долгой разлуки:

— Добрый вечер, Сэм. Держу пари, ты не знаешь, кто сейчас перед тобой. — Правая рука Сэма крепко сжимала прочную терновую трость, что, естественно, придавало ему уверенности. Сэм видел, как тень дуба превратилась в человека, а это — скажем так — вещь необычайная.

— С чего бы вдруг? — отважно заявил он. — У меня в кармане сотня долларов, и ставлю их против одного за то, что ты — Сатана.

Лёгкое неудовольствие исказило благородные черты, выбранные Сатаной для этого визита — интуиция и на сей раз не подвела Сэма. Нечистый также слышал те слова, которые поразили Шэннон: дескать, Сэм способен поспорить с самим чёртом и три раза победить его. А услышав, решил полюбопытствовать и испытать Сэма; дьявол тоже не прочь сыграть, хотя чертовски не любит проигрывать.

Однако недовольство исчезло буквально через какой-то миг, сменилось прежней благодушной улыбкой. Пожилой джентльмен полез под плащ и извлёк оттуда мошну, радовавшую глаз приятной округлостью... Сэм решительно отогнал шальную мысль насчёт того, чья кожа пошла на это изделие.

— Похоже, ты выиграл, Сэм, — приветливо сказал Сатана. — А если так, значит, за мной доллар. Но я ставлю целую сотню на то, что тебе этого не доказать.

И стал ждать ответа, ничуть не сомневаясь в себе, поскольку за все минувшие века этот вопрос непременно ставил в тупик самых выдающихся философов. Однако Сэм Шэй был человеком действия, а не мыслителем.

— Согласен, — отвечал он, без промедления заноса над головой свою терновую палку. — Договоримся так: я дважды бью тебя по макушке. Если ты честный гражданин, забираю кошель; если Сатана — пари за мной. Неужели ты не устыдишься, если смертный вздует тебя подобным образом? Итак...

И Сэм нанёс сокрушительный удар.

Язык сернистого пламени ударил из сердцевины старого дуба, терновая палка разлетелась на тысячу мелких щепок. Боль пронзила руку Сэма, онемение уколами колючек пробежало к плечу. Однако, разминая кисть, Сэм не мог не ощутить удовлетворения — в отличие от Сатаны. В гневе своём невысокий пожилой джентльмен начал расти и теперь достигал уже двенадцати футов, и облик его можно было назвать скорей ужасающим, чем благодушным.

— Ты победил, Сэм Шэй, — изрёк Сатана кислым голосом. — Но за всё, как известно, платит третий раз. — Против правил не попрёшь, Сэм прекрасно знал, что если дьявол является смертному, несчастный должен три раза победить его в споре, чтобы обрести свободу. — Но теперь мы увеличим заклад. Ставлю содержимое этого кошелька против твоей души.

Сэм не колебался: рисковать приходилось в любом случае.

— По рукам, — отвечал он. — Только условия объявляю я: ты называл предыдущие, и теперь мой черёд.

Теперь уже призадумался Сатана, однако и право, и логика были на стороне Сэма.

— Говори, — приказал он голосом, полным далёких раскатов грома.

— Ну, раз так, — отвечал Сэм с нахальной улыбкой, — держу пари, что ты не хочешь, чтобы я победил.

Едва эти слова были сказаны, как нечистый, не сдерживая более гнева, вырос до небес, плащ дьявола тёмной ночью покрыл целый город... Сэм подловил беса на слове: если он признает, что хотел победить смертного, то его волей-неволей придётся отпустить, если же ответит, что это не входило в его намерения, значит, победа опять-таки принадлежит Сэму.

С высоты своего роста Сатана яростным оком воззрился на Сэма Шэя.

— Вот что я скажу тебе, напрасно ты пыжился этой ночью! — возопил дьявол так, что дрогнули ближайšie небоскрёбы (на следующее утро газеты поминали лёгкое землетрясение). — Слушай меня внимательно, Сэм Шэй! Начиная с этого мгновения тебе не выиграть ни единого пари! Все силы ада будут препятствовать твоему успеху. — И пока Сэм Шэй с недовольным видом разглядывал высоты, огромный силуэт рассеялся. Порыв горячего ветра окатил Сэма, опалив листья ближайших деревьев. Вдали что-то ухнуло с тяжёлым звоном, словно бы закрылись металлические ворота. А затем воцарилась прежняя тишина.

Сэм Шэй постоял несколько минут, погружённый в раздумья, потом осознал, что пальцы всё ещё крутят кольцо, которое возвратила ему Шэннон Мэллой, и расхохотался с известным облегчением.

— Вот это да! — пробормотал он. — Видеть кошмары вообще-то лучше в собственной постели.

И заторопился домой, остановившись только, чтобы прикупить бюллетень бегов.

К утру Сэм уже наполовину забыл о странной вчерашней встрече, в отличие от полученного от Шэннон отказа и возвращённого кольца. Золотая вещица настолько отягощала и карман, и сердце, что к утренним своим ставкам Сэм приступил в весьма мрачном расположении духа.

Быть может, именно душевная непогода затянула раздумья: обычно интуиция позволяла Сэму принимать решения, что называется, в мгновение ока. Но на сей раз ему пришлось потрудиться, да и закончив свои намётки, он не испытывал и половинной доли привычного удовлетворения. Потом Сэм позавтракал (причём за чашкой кофе ему являлось лицо Шэннон Мэллой) и отправился на ипподром. Чтобы позабыть о любимой, Сэм нуждался теперь в шуме, волнении, действиях, в толкотне возле окошек, в гуле толпы, переходящем в дружный рёв, когда кони вырываются из-за барьера, в том напрягающем сердце восторге, когда они мчат по финишной прямой.

И он действительно почувствовал себя много лучше, когда, опустив билеты в карман, присоединился к зрителям, следившим за тем, как лидеры первого заезда огибают поворот. Избранник Сэма, радуя его душу, опережал остальных на дюжину корпусов, и тут случилось нечто неожиданное. Должно быть, конь попал копытом в рытвину, или же сбился с шага, или просто устал. Как бы то ни было, животное замедлило ход, словно бы сам дьявол придержал его за хвост — Сэм чуточку призадумался, почему в его голову пришло именно это сравнение — и к финишу конь отставал уже на целую шею.

Сэм порвал в клочки свои билеты и пустил по ветру. Расстройства он не испытывал — предстояло ещё шесть заездов, а карманы его были набиты деньгами.

Но после того как во втором заезде жокей вылетел из седла возле столба, отмечавшего три четверти дистанции, а в третьем подпруга «его» коня лопнула в момент решающего рывка, Сэм Шэй начал по-свистывать. Дело складывалось самым странным образом, и это ему ни в коей мере не нравилось. А когда в четвёртом заезде, вырвавшись вперёд, конь, на которого он ставил, метнулся в сторону, перебежал дорогу скромной лошадке и тем самым заслужил дисквалификацию, свист Сэма потерял всякую мелодичность. Он зашмыгал носом, принюхиваясь. Действительно, воздух чуточку припахивал серой. И в самом задумчивом настроении Сэм приобрёл двухдолларовый билет на пятый заезд.

Приобретение оказалось неудачным, в чём Сэм вскоре убедился. Лошадь потеряла подкову у дальнего поворота и, хромя, пришла последней.

Тут Сэм свист сделался едва слышен. Он спустился к паддоку и стал поближе к уходящим с поля коням. Когда мимо вели его избранника, Сэм принялся. На этот раз серой уже разило.

Неторопливым шагом, ни в коей мере не отражавшим смятение души, Сэм Шэй вернулся на трибуну и всё время, остававшееся до начала последнего заезда, потратил на размышления. Карманы его, ещё час назад столь полные, уже почти опустели. Крохотная тучка набежала на чело: он начал понимать, что происходит.

На этот раз он билетов не покупал. Просто стал рядом с одним из ипподромных «жучков» и дождался начала скачки. Лошади огибали столб, отмечавший три четверти дистанции; сорок корпусов и дюжина конских тел разделяли первую и последнюю. Тут Сэм наконец заговорил.

— Ставлю десять долларов против гривенника, что семёрка не победит.

«Жучок» искоса поглядел на него: дескать, с тобой всё в порядке, парень? Семёрка замыкала забег, отставая на сорок корпусов, и разрыв постоянно увеличивался. Всякий мог видеть, что на победу у неё нет ни малейшего шанса.

— Двадцать долларов, — настаивал Сэм Шэй. — Против пяти центов!

Трудно было противиться такому искушению, и «жучок» кивнул.

— Согласен! — Едва это слово слетело с его языка, семёрка припустила вперёд с небывалой резвостью. Казалось, что лошадь буквально летит. Ноги её мелькали, напор воздуха был столь силён, что ошеломлённый жокей с трудом удерживался в седле. Невероятным броском лошадь нагнала лидеров и буквально на последнем ярде вырвала победу.

Толпа была слишком потрясена, чтобы вопить. Хмурые судьи начали разбирательство. Однако криминала не обнаружили — никаких там электрических батарей и прочих коварных устройств. Победа была одержана честно.

Сэм Шэй выплатил двадцать долларов «жучку», который озадаченно пялился на него. Ему явно хотелось пристать к Сэму с расспросами, однако Шэй пресёк первую же попытку, отыскал укромный уголок, сел и погрузился в раздумья.

Сомнений не оставалось. Вчерашнее сновидение оказалось вовсе не сном. Выходило, что вчера вечером он действительно встретился в

парке с самим Сатаной, который теперь мстил за поражение. Насколько было известно Сэму, те немногие, кому удавалось перехитрить дьявола, впоследствии о том жалели... Хотя нет правил без исключений, но, с другой стороны, почему исключением должен стать именно Сэм Шэй?

Азартные игры были сутью и материальной основой жизни Сэма, о чём Сатана, разумеется, был осведомлён. И если ему не суждено теперь выиграть ни единого заклада... Сэм сглотнул комок в горле. Он потерял не только Шэннон Мэллой; придётся зарабатывать на жизнь своими руками — после стольких лет безбедного существования!

Ужасная мысль. И никаких спасительных идей в голову не приходит...

Перед колоколом на последний седьмой заезд Сэм неожиданно вскочил, пересчитал деньги, отложил на дорогу домой. Осталось четырнадцать долларов, то есть на семь двухдолларовых билетов, а в последнем заезде как раз участвовало семь лошадей.

Усмехаясь про себя, Сэм купил семь билетов — по одному на каждого коня, и, несколько приободрившись, отыскал удобное местечко. Посмотрим, как дьявол теперь умудрится лишить победы Сэма Шэя.

Гонка продвигалась самым нормальным образом: сперва до половины, потом до трёх четвертей дистанции. Ничего необычного не произошло, и Сэм повеселел, поскольку если сейчас ему удастся выиграть, значит, Сатана вновь посрамлён и вынужден будет снять заклание.

Но радовался он слишком рано. Когда все семеро вырвались на финишную прямую, чистейшую фарфоровую голубизну неба вдруг затмило невесть откуда взявшееся пурпурно-чёрное грозовое облако. Ударила молния, поразившая верхушку древнего вяза, росшего возле трибун. Жуткий громовой удар оглушил зрителей. Вяз вздрогнул, а потом повалился прямо перед конями, так что жокеи едва успели свернуть в сторону.

Грозовое облако исчезло столь же неожиданно, как и возникло.

Однако о победителе последнего заезда не могло быть и речи.

Потрясённые и недоумевающие распорядители объявили заезд не состоявшимся, деньги были возвращены. Сэм забрал назад свои доллары и вернулся домой в самом мрачном расположении духа. Было ясно, что дьявол от своих слов отступать не намеревается... Сэму не

выиграть ни единого заклада. Что может сделать человек против всех легионов ада?

Однако Шэй не любил сдаваться. Хотя против него выступил сам Вельзевул со своими мирмидоньянами, Сэм не собирался обращаться к честному труду, не заставив перед этим беса хорошенько попотеть. Посему в последующие дни он усердно пытался изобрести способ выиграть пари. И его попытки начали вызывать известную озабоченность в пекле.

Примерно через две недели после того рокового вечера Сатана вспомнил о Сэме Шэе и, нажав кнопку, вызвал своего самого главного заместителя. Оторвавшись от лабораторных занятий, посвящённых тонкой дистилляции абсолютно нового и весьма совершенного греха, верховный ассистент, не потратив и доли секунды на путешествие длиной в семь миллионов миль, оказался перед Сатаной, всё ещё дымясь от рвения после ошеломляющего перелёта.

Дьявол бросил на подчинённого хмурый взгляд из-за базальтового стола.

— Я хочу знать, — заявил он, — как выполняются мои повеления в отношении смертного Сэма Шэя.

— До последней буквы, ваше адское высочество, — отвечал заместитель не без некоторой сдержанности.

— Итак, после того как я изрёк своё проклятие, он не выиграл ни единого заклада?

— Даже самого ничтожного.

— И он совершенно несчастен?

— Абсолютно.

— Быть может, он уже достиг той степени отчаяния, что способна толкнуть на самоубийство и тем самым отдать в наши руки?

Подчинённый молчал. Голос Сатаны обрёл суровость.

— Так он ещё не в отчаянии?

— Он весьма приуныл, — нервно выговорил заместитель. — Однако о самоубийстве не желает и думать. Он ведёт себя вызывающим образом. И причиняет — не могу не добавить — бездну хлопот.

— Хлопот? — Канделябр с тремя миллионами лампочек над головой Сатаны задрезжал. — Как это может простой смертный доставить бездну хлопот адовым легионам? Требую объяснений.

Кончики перепончатых крыльев за спиной заместителя Сатаны испуганное дрогнули. Он рассеянным движением сколупнул чешуйку

с груди и, призвав всю свою решимость, ответил самым смиренным тоном.

— Сэм Шэй упрямяк как осёл. Даже ощутив на себе всю тяжесть вашего адского проклятия, он пытается вывернуться. Постоянно выдумывает новые и новые словесные трюки и фокусы. Мне пришлось выделить изрядное количество своих лучших работников, чтобы приглядывать за Сэмом Шэем все двадцать четыре часа в сутки и не пропустить ни единой уловки. На прошлой неделе после нескольких сотен самых разнообразных пари, он побился об заклад со своим знакомым, утверждая, что до полудня дождя не будет. Пари было самым нахальным: до двенадцати оставалось десять секунд, солнце ярко светило с безоблачного неба, кроме того, метеосводка предсказывала грозу. Однако они ударили по рукам, потому что Сэм обещал, удвоив свой выигрыш, — буде таковой случится — поставить компаньону выпивку. Если бы дождь всё-таки не пошёл, технически он выиграл бы, и буква вашего адского проклятия оказалась нарушенной. Итак, буквально за какие-то секунды мне пришлось вызвать двести восемьдесят работников из отдела агитации и пропаганды, оторвав их от неотложных дел; добавить к ним ещё сотню заплечных дел мастеров из исправительного отделения, отвлечь на исполнение пару дюжин лучших специалистов из научно-исследовательского центра и бросить всех на ликвидацию прорыва. Они умудрились перехватить бурю, бушующую над Огайо вызванное ею наводнение должно было принести нам сто восемьдесят душ — и перенести её в Новую Англию, уложившись в нужное время. Однако мероприятие вызвало ненужные разговоры, выбило нас из графика и дезорганизовало мои силы, так как нам пришлось выделить группу быстрого реагирования, чтобы обеспечить постоянное дежурство в течение двадцати четырёх часов на случай новых экстренных вызовов. А их была не одна дюжина... да-да, не одна!

По раскалённому челу несчастного демона прокатилась капля пота, с шипением превратившаяся в облачко пара.

— И это всего лишь один случай, — проговорил он усталым голосом. — У Сэма Шэя подобных фокусов полны рукава. Только вчера он пытался сыграть на скачках и занял у нас целый день. В четвёртом заезде он изобрёл весьма запутанную серию пари на порядок прихода лошадей к финишу, вконец заморочив даже самого квалифицированного из моих помощников. Ему пришлось обратиться

непосредственно ко мне — в последний момент — и, поскольку одно из условий гласило, что заезд не окончится, я сумел только устроить, чтобы все лошади финишировали ноздря в ноздю. Кроме той, на которую ставил Сэм Шэй.

Чтобы избежать всех ловушек, придуманных Шэем, мне пришлось забрать это животное с ипподрома и перенести в Австралию. Однако толки, вызванные одновременным приходом к финишу семи лошадей и исчезновением восьмой, вызвали существенное волнение. Если вспомнить о грозе, которую мы вынуждены были устроить, не покажется удивительным, что череда столь невероятных событий вызвала всплеск религиозности. Люди валят в церковь и тем самым губят наши самые лучшие достижения. Словом, ваше адское высочество, если бы мы имели право проиграть одно-другое из самых сложных пари, было бы много легче...

Грохот, с которым копыта нечистого обрушились на алмазные плитки пола, заставил демона умолкнуть.

— Никогда! Я проклял этого Шэя! И проклятие моё должно быть исполнено до последней буквы! Исполни!

— Слушаюсь, князь Тьмы, — пискнул главный заместитель и, будучи демоном предусмотрительным, мгновенно отправился за семь миллионов миль в свою лабораторию, да так быстро, что зашиб копыто при приземлении. Он прохромал целый месяц и никогда более не смел возникать у дьявола с подобными предложениями.

Однако Сэм Шэй не имел обо всём этом ни малейшего представления. Ему хватало собственных проблем. Проиграв все пари, он погрузился в уныние. Ресурсы подходили к концу; правда, в карманах ещё водилось несколько долларов, но банковский счёт опустел. Шэннон Мэллой категорически отказывалась встречаться. Сэм настолько упал духом, что несколько раз брал в руки газету и изучал полосу с объявлениями о приёме на работу.

В один прекрасный день отчаяние сделалось настолько глубоким, что до полудня Сэм ни разу не попробовал одурачить караулившие его бесовские силы. Впрочем, и сам день был сшит и кроен по его настроению. Низкие тучи принесли с севера дождь, каждая капля которого разила землю, словно стараясь свести с ней какие-то личные счёты. Сэм Шэй засел у себя в комнате перед окном, как никогда близкий к полнейшему отчаянию.

Наконец он вострепнулся... Не в обычае Шэя сидеть вот так, погрузившись в унылые думы. Прихватив шляпу и зонтик, тяжёлыми шагами он побрёл по улице к уютному бару с грилем, где мог отыскаться приветливый собеседник, способный развеять уныние.

В уголке, возле камина, обнаружился Тим Мэллой — кстати, брат Шэннон, округлый и весёлый человек, чью радость лишь усиливала кружка тёмного эля, стоявшая перед ним на столе. Тим Мэллой сердечно приветствовал Сэма, тот попытался ответить столь же любезным образом, заказал тёмного и себе, а потом спросил, как поживает Шэннон.

— На это скажу, — ответил Тим Мэллой, осушив посудину наполовину, — что иногда по ночам слышу, как она плачет в своей комнате. А этого, — он опустошил кружку до дна, — за ней не водилось, пока она не вернула тебе кольцо.

— Выпей ещё, — предложил Сэм, ощутив в сердце некоторую долю радости. — А как ты думаешь, может, она снова возьмёт его, если я попрошу? — спросил он с надеждой в голосе.

Тим Мэллой немедленно припал к кружке, а потом качнул пенными усами.

— Нет, Сэм, и не надейся, пока не оставишь игру. Это навсегда, если только какая-нибудь высшая сила не заставит её передумать. И не думай, что она будет всю свою жизнь страдать, расставшись с тобой.

Сэм вздохнул.

— А что она скажет, если узнает, что со дня нашей разлуки я проиграл все пари?

— Это ей безразлично. Поговорим лучше о другом... Сколько же ещё будет лить?

— Наверное, весь день, — проговорил помрачневший Сэм. — А потом целую ночь. Нечего сомневаться, хотя я мог бы остановить его в любую минуту, если бы захотел.

— Как так? — заинтересовался Тим Мэллой. — Покажи-ка, Сэм. Просто любопытства ради.

Сэм Шэй пожал плечами.

— Ставь доллар за то, что дождь прекратится через пять минут, а я скажу, что этого не произойдёт. Но, поскольку проигрыш обойдётся мне в доллар, обещай, что потратишь его на меня.

— Так будет честно и справедливо, — немедленно отозвался Тим Мэллой. Обещаю. Итак, Сэм, ставлю доллар за то, что дождь прекратится через пять минут.

Сэм вяло принял пари, и они выложили свои заклады на стол. Через пять минут дождевые облака уже унесло неведомо куда. На синем небе светило солнце, непогоды как не бывало.

— Любопытно. — Тим Мэллой, чьи глаза округлились от удивления, заказал тёмного по новой. — Сэм, старина, ты ведь можешь грести деньги лопатой.

— Если бы, — печально вздохнул Сэм. — Вроде всё хорошо: хочешь — дождь, хочешь — ясный день... Нужно только побиться об заклад, чтобы стало наоборот. Таково моё проклятие, Тим.

— Как это? — не понял Мэллой. — И кто же наложил его на тебя, Сэм Шэй?

Сэм склонился к приятелю и шепнул ему на ушко... Глаза Тима Мэллоя буквально полезли на лоб.

— Вдохни-ка поглубже, — сказал Сэм. — Принюхайся, Тим, и поймёшь.

Тим Мэллой несколько раз глубоко вдохнул, и трепетное выражение легло на его лицо.

— Сера! — прошептал он. — Кремень и сера!

Сэм только кивнул и обратился к своему тёмному элю. Тим Мэллой положил руку на плечо страдальца.

— Сэм, — проговорил он дрогнувшим голосом, — а ты не слышал, что некоторые люди готовы выложить приличную сумму, чтобы в нужный им день была приличная погода? Не слышал о страховании против бурь, несчастных случаев, болезней, рождения близнецов и прочих несчастий? Страхование не пари, а бизнес... законный и доходный.

Сэм оторвался от кружки с тёмным, со стуком опустил её на стол. На его лице появилось осмысленное выражение.

— Действительно, — проговорил он, сражённый внезапной мыслью. Действительно.

— Сэм, — пылко продолжал Тим Мэллой, — возьмём такой пример. На это воскресенье приходится парад Верных Сынов Святого Патрика. Предположим, Верные Сыны приходят к тебе и говорят: «Сэм, мы хотим застраховаться против дождя в нынешнее воскресенье. Вот двадцать долларов за страховку, и чтобы ни капли. Если

дождь всё-таки пойдёт, выплатишь нам пятьсот. Но если день будет ясным, оставишь двадцатку себе». Затем ты приходишь ко мне и говоришь: «Тим, я хочу заключить с тобой пари. Ставлю доллар против доллара за то, что в воскресенье пойдёт дождь». Я отвечаю: «Ладно, по рукам. Ставлю доллар против доллара, за то, что в воскресенье дождя не будет». И поскольку тебе суждено не выигрывать, дождя в воскресенье не будет. Ты берёшь себе двадцать долларов от верных Сынов, и твой доход, Сэм, твой чистый доход, которого никто не назовёт добытым в азартных играх, составит...

— Десять долларов! — Сэм был изрядно тронут. — Десять долларов, Тим, и без всяких пари. Говоришь, от желающих отбою не будет?

— Именно так, — отвечал Тим Мэллой. — И разве что-нибудь помешает тебе не исполнить всего, что они пожелают?.. Ведь тебя, так сказать, поддерживает невероятно могущественная фирма.

Сэм Шэй поднялся, в его глазах горел огонёк.

— Тим, — проговорил он звонким голосом, — вот тебе двадцать долларов. Найми мне контору, а сверху пусть будет вывеска: «Сэм Шэй, страховой агент». Самыми крупными буквами. А вот ещё доллар. Ставлю на то, что Шэннон не скажет мне «да», когда я приду к ней. Принимаешь пари?

— По рукам, Сэм, — согласился Тим Мэллой.

Некоторое время спустя Сэм Шэй уже стоял в гостиной Мэллоев, комнате просторной и уважаемой. Шэннон попыталась было хлопнуть перед ним дверь, но у неё ничего не вышло.

— Сэм Шэй, — воскликнула девушка, — видеть тебя не хочу!

— Этого не избежать, — с нежностью в голосе отвечал Сэм Шэй, поскольку я стою перед тобой.

— Тогда я закрою глаза! — выпалила Шэннон и зажмурилась.

— Считаю, что сама напросилась, — отвечал Сэм и, шагнув ближе, поцеловал её так, что глаза Шэннон просто распахнулись.

— Сэм Шэй, я...

— Держу пари на доллар, — перебил её Сэм, — ты хочешь сказать, что теперь ненавидишь меня.

И действительно, Шэннон намеревалась произнести именно эти слова. Однако её словно попутал бес.

— Вовсе нет! Я хотела сказать, что люблю тебя. — И девушка уставилась на Сэма, словно не веря собственным ушам.

— А тогда, моя дорогая Шэннон, — спросил у неё Сэм Шэй, — согласна ли ты снова взять моё кольцо и выйти за меня замуж? Готов поставить ещё один доллар — ты хочешь сказать «нет».

Именно это самое слово и пыталась вымолвить Шэннон. Но бес, похоже, снова овладел её языком.

— Ни в коем случае, — отвечала она к собственному испугу. — Я говорю «да». И обещаю выйти за тебя замуж.

Тут Сэм обнял и поцеловал её крепче прежнего, так, что Шэннон разом позабыла обо всех причудах своего языка. Она убедила себя, что эти слова вырвались у неё под обаянием Сэма. Что касается последнего, он поступил весьма разумно, не став ничего уточнять — ни в тот миг, ни впоследствии.

Словом, они поженились, и страховая контора Сэма Шэя процветала превыше всяких надежд. Деньги текли буквально со всех сторон, а будучи человеком аккуратным, он поддерживал свои дела в идеальном порядке. Сэм побился об заклад с Тимом Мэллоем, своим младшим партнёром, что им с Шэннон ни за что не дожить в добром здравии до девяноста девяти лет, Тим же в этом не сомневался. Подобным образом Сэм предложил пари на любую сумму за то, что они с Шэннон будут отчаянно несчастны. Тим держался противоположного мнения. Наконец, Сэм поспорил, что им не родить десятерых здоровых и крепких детей, шестерых мальчишек и четверых девчонок. Тим же поставил на то, что это у них получится.

Итак, грех приходит в упадок, поскольку Сэм Шэй процветает и крепко стоит на ногах. И если возле дома Шэев иногда припахивает дымком и серой от суеты захопотававшихся демонов, домашние не обращают на это внимания... Даже Джон, самый младший из десяти юных отпрысков Сэма.

Перевод – Ю. Соколов

АРТУР, Роберт

(см. биобиблиографическую справку в № 11-12, 1994 г.)

Роберт Артур — псевдоним широко известного в 40-60-е гг. голливудского сценариста Роберта А. Федора. Будучи талантливым, хотя и не слишком известным писателем, он публиковал свои рассказы в жанрах *mystery* и *science fiction* в многочисленных журналах.

Эти рассказы были, по определению критиков, просто блестящи: так, его сериал «Murchison Morks» спас журнал «Argosy» от финансового кризиса, обеспечив изданию постоянное внимание читателей. Однако более всего удавались Артуру произведения на стыке жанров готики и чёрного юмора. Одно время выступал в соавторстве с Хичкоком, а иной раз помогал ему выйти из финансовых затруднений. Выпустил известную антологию «Утерянный сундучок Дэви Джонса» (1965 г.). Однако, к сожалению, собственный сборник Роберта Артура так и не был опубликован, и лучшие рассказы писателя остались рассеянными по журналам.

Конечно, это было неизбежно. Рано или поздно это должно было случиться. Но почему это произошло именно со мной? Я-то чем заслужил такое наказание? А ведь я собирался жениться. Последние деньги вложил в этот трейлер. В нём мы с Моникой хотели отправиться в свадебное путешествие по Соединённым Штатам. Посмотреть страну, так сказать. Я бы писал, и мы были бы счастливы, как два голубка.

Ха!

Ха-ха!

Если вам слышится горечь в этом смехе, то я расскажу, чем она вызвана.

Потому что именно мне, Мелу — это от Мелвина — Мейсону, суждено было стать первым в мире человеком, владеющим трейлером с привидениями!

Замок с привидениями — штука почти обыденная. Даже в простом доме с привидениями можно кое-как жить. В замке или доме, если поблизости болтаются призраки, можно, по крайней мере, запереться в спальне и хоть немного выспаться. Ну, вздремнуть. Недолго, конечно. Но для человека нет ничего такого, к чему нельзя было бы привыкнуть.

А вот трейлер с привидениями — вы меня извините... Вот скажите, что бы вы делали, если бы, вам пришлось делить трейлер — а у меня был трейлер модели «супер-де-люкс», с четырьмя встроенными койками, отдельной кухней, санузелом со всеми прибабасами, радио, электропроводкой и мягким креслом — с призраком? Как бы вы от него избавились?

Ха!

Ха-ха!

За последнюю неделю я до такой степени наслушался хохота призраков, что уже сам смеюсь, как они.

Короче, дело было так. Купил я трейлер. Естественно, была у меня и машина, к которой его цеплять. Я ехал в Голливуд за Моникой, где она жила с тёткой из Айовы. И всего в каких-то двенадцати милях к западу от Олбани, стоило мне остановиться на первую ночёвку, мой новенький, с иголки трейлер тут же подхватил это неприкайное привидение!

Впрочем, расскажу всё с самого начала. Трейлер я купил в Новой Англии — бронзового цвета, с хромированной отделкой «Кастом Клиппер» — и отдал за него 2998 баксов. Прицепил его к своей машине и двинул на запад, счастливый, как жаворонок летним утром. Два года я копил деньги на эту покупку, так что можете представить себе моё состояние.

Я не торопился, привыкая вести машину с прицепом, поэтому скорость большую не развивал. Уже стемнело, когда я пересёк Гудзон, в Олбани меня застала гроза, а ещё через полчаса я свернул с трассы на заброшенную боковую дорогу и, пристроив машину между двумя большими валунами, решил там заночевать.

Над головой то и дело гремели раскаты грома, а молнии соревновались в меткости, поражая деревья. Но место я выбрал удачное, надёжно защищённое со всех сторон, и потому чувствовал себя вполне комфортно. Отварил себе тарелку фасоли, поджарил картошки, приготовил кофейку. Поужинав, я разулся, с блаженством опустил в глубокое кресло, закурил и расслабился.

— Да, — сказал я вслух, — чем не дом на колёсах? Была бы здесь Моника, и ничего мне больше не нужно!

Моники, однако, не было, и мне ничего не оставалось, как раскрыть книжку.

Чтиво, видимо, оказалось не очень. Поэтому я задремал. Пропал, пожалуй, пару часов. Ну, от силы три. Проснулся я неожиданно от оглушительного разряда грозы, эхо которого ещё продолжало греметь вдали. В шкафу мелко дребезжали фарфоровые чашки чайного сервиза в цветочек. Волосы мои стояли дыбом от перенасытившего воздух электричества.

Дверь трейлера рывком распахнулась, и меня обдало брызгами холодного дождя. А потом ветер — я, по крайней мере, думал, что это ветер, — заколотил дверь, будто собирался сорвать её с петель. Я услышал звук, похожий на призрачный — другим словом его и не опишешь — вздох.

— А вот это ничего себе! — раздался вдруг незнакомый голос.

Я уже встал, чтобы закрыть дверь, да так и застыл с протянутой рукой и отвисшей челюстью. Ветром в трейлер занесло облако лёгкого тумана, но этот туман, вместо того чтобы рассеяться, стал медленно сгущаться и приобретать определённые очертания. Он становился всё плотнее и плотнее, пока...

Ну, вы понимаете. Это был дух. Призрак. Бездомное привидение.

Неожиданный гость разглядывал меня холодно и заинтересованно.

— Садись, братан, — сказал он. — Нечего на меня так глаза пялить. А то я нервничаю. Это моя первая ночь под крышей за последние пятнадцать лет, и я собираюсь провести её на всю катушку.

— Кто... — застучал я зубами, — кто...

— Я тебе не петух, поэтому не надо кудахтать, как курица, — перебил меня призрак. — На кого я, по-твоему, похож?

— На привидение, — пробормотал я.

— Сообразительный мальчик. Я, братан, и есть привидение. А что я за привидение, как ты считаешь?

Я осмотрел его более внимательно. Теперь, когда воздух в трейлере перестал клубиться, призрак приобрёл довольно чёткие контуры. Это был коренастый и крепко сбитый мужичок в призрачной одежде, которая наверняка досталась ему отнюдь не новой. На голове у него была потрёпанная призрачная шляпа, а скулы покрывала призрачная щетина.

— Какое-то бездомное привидение, — брезгливо заключил я, и мой незванный гость согласно кивнул.

— В самую тютельку, братан, — сказал он. — Зови меня Шип Хиггинс. Можно просто Шип. Так меня звали, пока это не случилось.

— Пока что не случилось? — спросил я. Призрак лениво прошёлся по трейлеру и уютно устроился на койке — развалился на ней, забросив ногу за ногу, и стал размеренно покачивать поношенным призрачным ботинком.

— Пока я не заснул, как последний идиот, в кузове грузовика и не вывалился из него на полном ходу точнёхонько в этом самом месте ровно пятнадцать лет назад, — ответил он. — С тех пор я и был обречён обитать здесь. Примерным поведением при жизни я не отличался, поэтому меня приговорили к вечному пребыванию в этой дыре. И это меня — меня, который раньше и двух дней на одном месте усидеть не мог!

Честно тебе признаться, последнюю пару лет это однообразие начало мне порядком надоедать. Мне даже не позволили занять самый паршивый дом! Нет, я, видите ли, должен торчать здесь, на открытом воздухе, под всеми этими ветрами и дождями, где каждая бродячая собака считает своим долгом меня облаять! Братан, ты себе даже представить не можешь, как я благодарен тебе за то, что ты остановился именно здесь.

— Послушайте, — сказал я строгим тоном. — Вы должны немедленно покинуть мой трейлер!

Видение зевнуло.

— Братишка, это ты проехал через моё место, а не я через твоё. Это мои охотничьи угодья. Я что, просил тебя останавливаться здесь?

— Вы хотите сказать, — проговорил я, стиснув зубы, — что не собираетесь уходить? Вы намерены остаться здесь на всю ночь?

— Точно, братан. — Призрак довольно хрюкнул. — Разбуди меня часиков в шесть. — Он закрыл глаза и стал похрапывать вызывающе и оскорбительно.

Вот тут уж я рассердился не на шутку. Я швырнул в него книгу, которую до сих пор так и держал в руке, но она отскочила от койки, не причинив привидению ни малейшего неудобства. Шип Хиггинс приоткрыл один глаз и искоса посмотрел на меня.

— Точное попадание, — фыркнул он. — Ха-ха! Ха-ха-ха! Меткий ты у нас стрелок. С тобой просто обхохочешься.

— Вы... — воскликнул я, буквально задыхаясь от ярости, — вы — пугало!

И запустил в него подушку из кресла, которая точно так же свободно прошла сквозь его призрачную оболочку и упала на пол. Шип Хиггинс открыл оба глаза и показал мне язык.

Мне стало ясно, что физически я никак не могу на него воздействовать, поэтому пришлось взять себя в руки.

— Послушайте, — сказал я, избрав другую линию поведения, — вы сказали, что навсегда обречены оставаться в этом месте? Вы не можете его покинуть?

— Мне запрещено его покидать, — зевнув, ответил Шип. — А что?

— Ничего, — усмехнулся я. — Потом узнаете.

Сняв с вешалки плащ и шляпу, я вышел в дождь. Если этот призрак навсегда обречён торчать на одном месте, то я-то волен поступать как заблагорассудится! Я сел в машину, запустил мотор и задним ходом выбрался на трассу. Поманеврировать под дождём пришлось достаточно, стараясь, чтобы колёса не увязли в грязи, но кое-как я с этим справился. Вывернув на твёрдый асфальт, я направил машину на запад.

Миль двадцать я проехал без остановок. Потом, с довольной улыбкой представив, какой шок, должно быть, испытал призрак по имени Шип Хиггинс, когда я выдернул из-под него трейлер, я свернул на очередную боковую дорогу, заглушил движок и вошёл в свой новенький дом на колёсах.

Захлопнул за собой дверь и...

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха!

Вы не ошиблись: Шип Хиггинс оглушительно храпел, развалившись на моей койке.

Я выругался вполголоса. Призрак приоткрыл заспанные глаза.

— Привет, — хрипло пробормотал он. — Хорошо повеселился?

— Послушайте, — произнёс я, с трудом подбирая слова. — Насколько я понял, вы были обречены навсегда оставаться в том месте, где я вас встретил!

Видение снова зевнуло.

— Ты ошибся, братан. Я не говорил, что обречён оставаться. Я сказал, что мне запрещено покидать это место. А я его и не покидал.

Это ты увёз меня оттуда. Ты сам во всём виноват. А я с твоей помощью теперь стал свободным агентом.

— Кем-кем?

— Свободным агентом. Теперь могу болтаться по свету сколько влезет. Опять могу бродяжничать. Ты освободил меня. Спасибо, братан. Я тебе этого не забуду.

— Значит... значит... — пролепетал я.

Шип Хиггинс кивнул:

— Правильно. Теперь нас с тобой водой не разольёшь. Как сиамских близнецов. Будем путешествовать вместе.

— Но это невозможно! — возмущённо воскликнул я. — Привидения не могут путешествовать! Они могут обитать в домах... ну, на кладбищах... в лесу, может, где-нибудь. Но...

— Да что ты знаешь о привидениях! — В голосе Шипа Хиггинса звучал неподдельный сарказм. — Каких только привидений не бывает, братишка! Да их сколько угодно, странствующих привидений, бродячих привидений, привидений с зудом в ногах, которые и минуты не могут посидеть на одном месте. Признаюсь тебе, братан, как на духу — бродячим привидением быть ничуть не хуже, чем обитать в доме или замке.

Представь себе привидение, навечно получившее дом. Ну и что дальше? Правильно, у него есть крыша над головой, но ведь оно навсегда привязано к одному и тому же месту. Дома-то ведь по стране не шатаются. Даже в соседний штат прогуляться не могут. Торчат себе как вкопанные, пока не сгниют.

Теперь же всё изменилось. Ты открыл новую эру для всего нашего призрачного народа. Теперь можно обитать в доме и в то же время постоянно путешествовать. Можно выполнять свои обязанности и, без отрыва, так сказать, от производства, повидать всю страну. Эти трейлеры решают проблему, над которой лучшие умы потустороннего мира бились тысячи лет. Это новое слово в нашем вечном небытии. Просто революционное открытие. Трейлеры с привидениями, подумать только! Обещаю, на следующем общем собрании обязательно поставлю вопрос о том, чтобы соорудить тебе памятник. Призрачный, разумеется.

Шип Хиггинс приподнялся на локте, произнося эту речь. Теперь же, поморщившись, он снова откинулся на подушку.

— Ладно, братан, — пробормотал он. — Хорош воздух сотрясать. Здорово я устаю от всей этой болтовни. Отправлюсь-ка я слиться. Утречком увидимся.

— Слиться с чем? — спросил я. Шип Хиггинс стал уже таким прозрачным, что я с трудом различал его.

— С другими, конечно, — едва донёсся до меня его удаляющийся голос, и Шип Хиггинс исчез.

С минуту я подождал, желая убедиться, что он не пошутил. Затем набрал полные лёгкие воздуха и с облегчением выдохнул. Я посмотрел на плащ, на свои мокрые ноги, на книгу на полу и понял, что всё это мне приснилось. Я бродил во сне, как лунатик. И машину во сне вёл. Всё это было просто кошмарным сном.

Я повесил плащ, разделся и забрался в койку.

Проснулся я поздно, и в первое мгновение меня охватила паника. Я оглядел трейлер и облегчённо вздохнул. Койка напротив была свободна. Беззаботно насвистывая, я умылся, побрился, оделся, позавтракал и отправился в путь.

День стоял прекрасный. Синее небо, лёгкий ветерок, солнышко и весёлый щебет птиц. Думая о Монике, я пел с ними вместе. Через какую-то неделю я подкачу к дому тётки своей невесты в Голливуде, посигналю у неё под окнами и...

В этот момент я ощутил затылком холодное дуновение воздуха, от которого волосы стали торчком.

Я повернул голову вправо и чуть не врезался в фургон с сеном. Рядом со мной сидела призрачная фигура.

— Надоело мне там сзади одному ехать, — пожаловался Шип Хиггинс. — Прокачусь, пожалуй, немного с тобой да по сторонам поглазею.

— Вы... вы... — Меня так колотило от ярости, что мы чуть было не свалились в кювет. Шип Хиггинс протянул руку, схватил руль прозрачными пальцами и дёрнул его на себя, выравнивая машину.

— Ты так не нервничай, братан, — сказал он. — Мне столько довелось испытать в этой жизни, что совсем не хочется ещё раз погибнуть уже после смерти.

Я ничего не ответил, но все мои мысли были ясно написаны на лице. Я-то считал, что он просто ночной кошмар. А он оказался настоящим — призрак, поселившийся у меня в трейлере, и я не имею ни малейшего представления, как от него избавиться.

Шип Хиггинс усмехнулся.

— Конечно, братан, — сказал он. — Всё совершенно логично. Есть замки с привидениями, дворцы с привидениями, даже просто дома с привидениями. Почему бы не быть трейлеру с привидениями?

— А почему бы не быть парому с привидениями?! — с горечью воскликнул я. — Почему бы не быть поезду с привидениями? Рефрижератору с привидениями?

— А ты думаешь, их нет? — В тоне Шипа Хиггинса явно звучало удивление моим невежеством. — Эх, братишка, да я тебе такого мог бы рассказать! В Пукипси в каждый шторм по ночам плавает паром с привидениями. В Этчисоне — это в Санта Фе — есть частный поезд с привидениями. В нём один кореш мой обитает. Любил он при жизни на поездах зайцем ездить, вот ему и выделили в награду после смерти собственный поезд.

Вот в Нью-Йорке, например, есть фургон, который никогда не приходит в место назначения. Ни разу ещё не пришёл. Куда бы ни выехал, обязательно оказывается не там, где его ждут. В нём живёт целая толпа моих корешей. А по Южно-тихоокеанской ветке бегают вагон без поезда. Сам по себе. Сколько стрелочников с ума посходило, видя, как мимо них по железке один вагон катится! Э, да я тебе такого могу понарасказать...

— Не надо! — воскликнул я. — Я запрещаю. Ничего не хочу слышать.

— Да без проблем, братан, — согласился Шип Хиггинс. — Не переживай, ты к этому скоро привыкнешь. Мы ведь с тобой теперь неразлучны. Так что все твои видения будут привидения. Шутка. — Он хмыкнул и замолчал. Я вёл машину, крепко сжимая руль и лихорадочно строя в уме планы. Надо как-то избавляться от него. Я просто обязан от него избавиться. Причём не доезжая до Калифорнии, иначе будет поздно. Но даже самая заваливающая идея не приходила мне в голову.

Вдруг призрак Шипа Хиггинса резко выпрямился на сиденье.

— Стой! — заорал он. — Стой, я тебе говорю!

Мы ехали по совершенно пустынной дороге, обсаженной двумя рядами древних кипарисов, и я не видел никаких причин для экстренной остановки. Но Шип Хиггинс, протянув руку, повернул ключ в замке зажигания и дёрнул на себя рычаг стояночного тормоза. Оглу-

шительно взвизгнули покрышки, и мы резко остановились, чуть не свалившись в кювет.

— Какого чёрта?! — воскликнул я, вмиг лишившись своей врождённой вежливости. — Будь ты проклят, кусок бродячего тумана! Если я только придумаю, как до тебя добраться, то обещаю...

— Завянь, мешок с костями! — рыкнуло привидение. — Просто я заметил своего старого кореша. Пройдоху Сэмюэлса. Не видел его с тех пор, как он выронил бутылку нитроглицерина, когда собирался брать банк в Мобайле шестнадцать лет назад. Мы должны его подбросить.

— Ни за что! — завопил я. — Это моя машина, и я не собираюсь подсаживать в неё никаких...

— Машина-то, может, и твоя, — хмыкнул Шип Хиггинс, — а вот в трейлере я обитаю и на этом основании имею право оказывать гостеприимство всем моим корешкам, кого повстречаю, понял? Правило 11 подпункт 3. Сам проверь, если не веришь. Эй, Пройдоха, старый чёрт, забирайся сюда!

В ответ на его призыв в чуть приспущенное окно автомобиля просочилось облачко тумана, расширилось, сгустилось, и через пару секунд рядом со мной сидело уже второе привидение.

Новый мой попутчик был длинным и тощим, одетым в точно такое же рваньё, что и Шип Хиггинс, а выражение, застывшее на его призрачной физиономии, вызывало ассоциации с пикником в воскресной школе в ненастный день.

— Шип, чтоб мне пусто было! — пророкотало второе привидение таким загробным голосом, от которого и у статуи мурашки по коже побежали бы. — Ну, как ты? Рассказывай! Что ты тут делаешь? А это что за хмырь? — кивнул он в мою сторону.

— Не обращай на него внимания, — пренебрежительно ответил Шип. — Я у него в трейлере поселился. Слушай, ты что-нибудь знаешь о наших? Как они?

— Да перебиваются кто как может, — печально вздохнув, ответил Пройдоха. — Нитро Нельсон где-то тут неподалёку ошивается. Тихоня Пит и Бык Бенни обосновались под Толидо. Договорились мы, что я заскочу к ним в гости, да ураган пару дней назад унёс меня в Уиллинг.

— Да... — протянул призрак Шипа Хиггинса. — Может, мы их встретим по дороге. Слушай, пойдём ко мне в трейлер, потрёмся. А

ты, браток, как устанешь, остановись, отдохни. В общем, занимайся своим делом.

Оба привидения тонкими струйками вытянулись в заднее окно автомобиля и исчезли. Я так и кипел от негодования, но не мог ничего поделывать.

Через час, когда мы уже миновали Толидо, я остановился у придорожного мотеля. Заплатил доллар, выбрал место и припарковал машину.

Но когда я вошёл в трейлер, привидений Шипа Хиггинса и Пройдохи Сэмюэлса, этого грабителя банков, там не было. Не показались они и к тому времени, как я покончил с ужином. В общем, я поел, умылся и лёг спать в гордом одиночестве.

В тайной надежде, что Хиггинс всё же бросил меня, предпочтя вернуться к странствиям по потустороннему миру, я заснул. И увидел сон. О Монике...

Когда я проснулся, в воздухе воняло чем-то кислым, смешанным с застоявшимся запахом сигарного дыма.

Я открыл глаза. К счастью, я открыл их, уже приготовившись к самому худшему. Как оказалось, приготовился я недостаточно.

Шип Хиггинс вернулся. Ха! Ха-ха! Ха-ха-ха! Если бы он вернулся один!.. Он лежал на койке напротив меня с закрытыми глазами, с распахнутым ртом и храпел. Храп его, конечно, был призрачным, но достаточно громким. Прямо над ним на койке второго яруса спал его дружок, специализировавшийся на банках. В мягком кресле посреди трейлера расположилось третье привидение, низенькое и коренастое, с круглым лицом, заросшим бакенбардами. Тоже, понятно, из бродяг.

Из одной с ними компании был и четвёртый призрак, растянувшийся на полу, костлявый и измождённый. На койке прямо надо мной устроилось маленькое привидение скорбного вида, свесив вниз полупрозрачную руку, едва не задевавшую моё лицо. Бездомные бродяги. Все пятеро. У меня в трейлере спали пять бродячих привидений!

Все пепельницы были полны окурков, а на моём встроенном письменном столе красовались чёрные пятна ожогов. Сигареты они, видно, просто поджигали и оставляли тлеть. Я закашлялся, вдохнув спёртый воздух, и у меня мгновенно разболелась голова, причём гудела она так, что это можно было спутать с пожарной тревогой.

Я понял, что произошло. Ночью Шип Хиггинс и его дружок отправились на поиски своих бродячих приятелей. Разыскали их и при-

гласили в гости. В мой трейлер! Я расшвырял так, что кровь прилила к глазам, и некоторое время я рассматривал своих непрошенных гостей сквозь розовую пелену. Однако мне пришлось взять себя в руки. Я не мог вышвырнуть их отсюда. Я ничего не мог им сделать. Я просто не мог к ним прикоснуться.

Нет, мне оставалось лишь одно. Признать себя побеждённым. Признать своё поражение и делать отсюда ноги, пока не поздно. Горько было смириться с этой мыслью, но, если я хотел встретиться с Моникой, если я хотел, провести с ней медовый месяц, как мы это планировали, мне оставалось только покинуть поле боя.

Я осторожно оделся. Бесшумно выскользнул из трейлера и запер за собой дверь. Разыскал хозяина мотеля, долговязого верзилу с пронзительным взглядом холодных глаз, но одетого довольно прилично. Судя по внешнему виду, деньги у него водились.

— Неплохо расслабились ночью, а, приятель? — спросил он и хитро подмигнул. — Далеко за полночь я видел у вас свет и слышал такие стоны... Но ничего страшного — особенно вы не шумели, и я не стал вам мешать. Вот, подумал, оттягивается человек на все сто.

Я с силой стиснул зубы.

— Да, знаете, — промямлил я, — всё заснуть что-то не мог. Радио решил послушать. Честно признаться, вообще не могу спать в трейлере. Наверное, не создан я для жизни на колёсах. Всего три дня назад купил этого красавца за 2998 баксов. Все документы в порядке. Как вы смотрите на то, чтобы забрать его у меня за полторы тысячи?

Он задумчиво закусил губу, но по его виду было заметно, что моё предложение его заинтересовало. Он сбил цену до 1350, и мы ударили по рукам. Я отдал ему документы, забрал деньги, отцепил трейлер, сел в машину и ударил по газам.

Вырулив со стоянки, я направился на запад, надеясь, что смогу достаточно оторваться от призрака Шипа Хиггинса, прежде чем он заметит, что я сбежал.

Я даже невольно усмехнулся, представив, как он разъярится, когда, проснувшись, поймёт, что я провёл его. Эта мысль так согрела меня, что я даже перестал сожалеть о потерянных деньгах.

Почувствовав себя значительно лучше, я придавил педаль акселератора и устремился навстречу своей любимой Монике. Бог с ним, с трейлером, по крайней мере, я избавился от Шипа Хиггинса и его друзей.

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха!

Это я так думал.

Где-то к полудню я уже был в Иллинойсе. Дорога была пустынной, меня начало клонить в сон, и я включил радио. И случайно наткнулся на полицейскую волну.

— Всем патрульным машинам Индианы и Иллинойса! Разыскивается трейлер бронзового цвета с хромированной отделкой, угнанный сегодня в первой половине дня со стоянки мотеля под Толлидо... Предполагается, что похитители едут в западном направлении. Конец связи.

Я задохнулся. Этого не может быть! Но, как ни крути, речь шла, очевидно, о моём трейлере. Я с опаской глянул в зеркало заднего вида. Дорога была пустой. Я облегчённо выдохнул. Увы, слишком рано! Ибо в тот самый момент из-за поворота, который я миновал несколько минут назад, вынырнуло что-то бронзовое и стремительно бросилось за мной в погоню.

Мой трейлер.

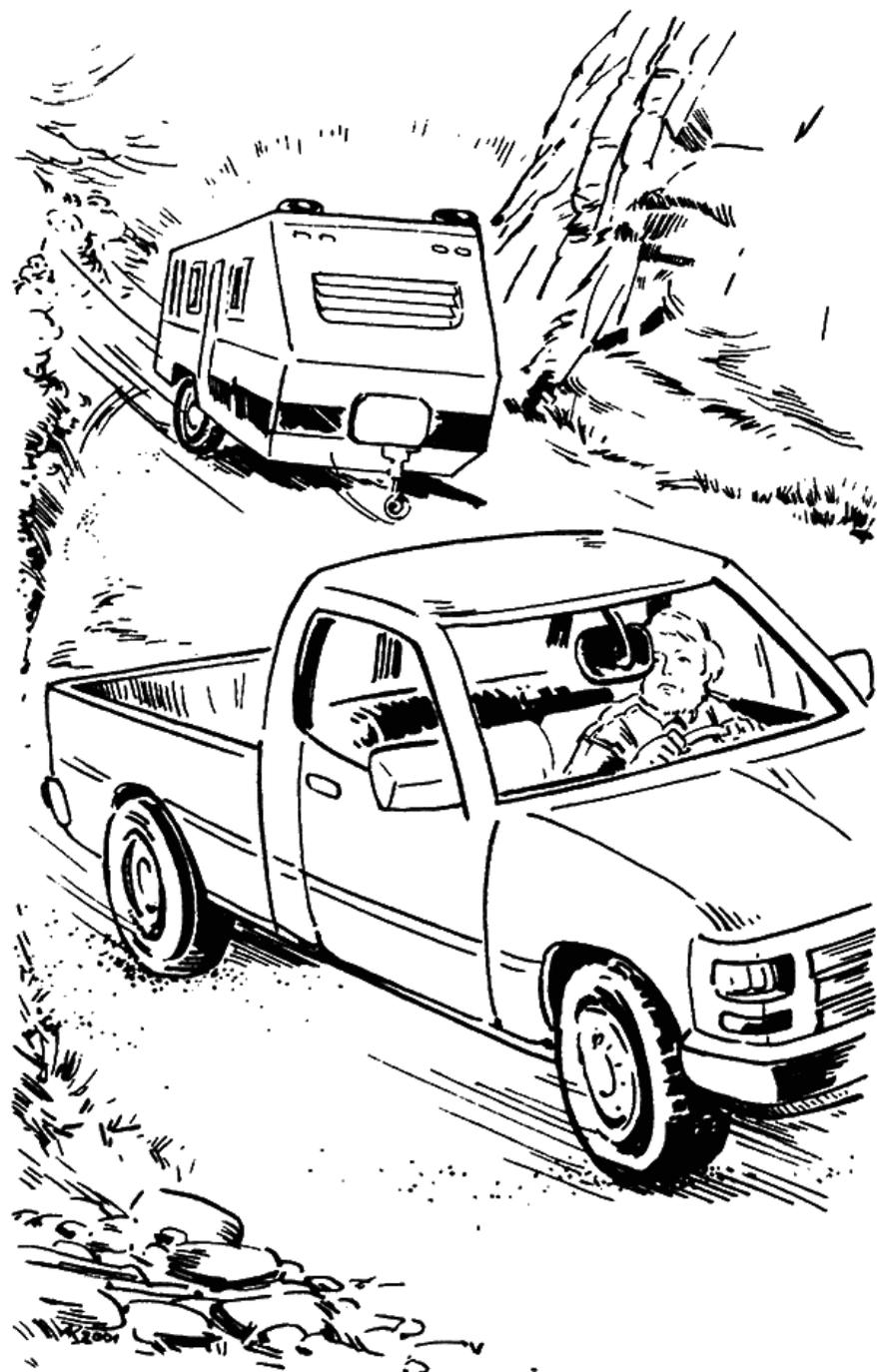
Ха!

Ха-ха!

Оно неслось ко мне, бронзовое пятно, постепенно увеличивавшееся в размерах и принимавшее всё более определённые очертания, ошибиться в которых уже было невозможно. Трейлер нагонял меня зигзагами, болтаясь из стороны в сторону и делая не менее шестидесяти миль в час. Сам. Без машины.

Я покрылся гусиной кожей и почувствовал, что волосы на голове встали дыбом. И надавил на акселератор. Сильно. Стрелка спидометра на глазах стала отклоняться вправо. Через несколько секунд я уже делал семьдесят миль, но расстояние между мной и трейлером продолжало сокращаться. Я набрал восемьдесят и... пронёсся мимо дежурившего у обочины полицейского на мотоцикле.

Мельком я успел заметить его выпученные от удивления глаза, когда он увидел сначала меня, молнией промелькнувшего мимо, а затем — и трейлер, гнавшийся за мной на расстоянии пятидесяти ярдов. Вскочив на мотоцикл, полицейский присоединился к нашей безумной гонке.

Глядя в зеркало заднего вида, я с ужасом наблюдал, как трейлер пристроился к бамперу, затем что-то клацнуло, и я понял, что они прицепили его к машине. Скорость моя мгновенно упала. Трейлер безудержно болтался из стороны в сторону, грозя завалиться на бок, и мне пришлось притормозить. В нескольких десятках ярдов позади надрывалась сирена полицейского мотоцикла, но меня это уже мало волновало, так как рядом со мной на сиденье материализовался Шип Хиггинс.

— Фух! — устало выдохнул он, ехидно ухмыляясь. — Что же ты, братишка, творишь-то, а? Думал, кинул старину Шипа Хиггинса с корешами, да? Нет, браток, плохо ты нас ещё знаешь. А этот коп на байке какой-то рассерженный, как тебе кажется? Ох, сдаётся мне, придётся тебе попотеть, отмазываясь от него.

— Ничего, посмотрим, как ты потом будешь потеть, чучело бесплотное! — зло огрызнулся я. — Пусть против меня возбудят дело о попытке угона трейлера — расследование будет длиться несколько месяцев, а он всё это время будет стоять в каком-нибудь полицейском гараже как вещественное доказательство. Тебе ещё никогда не приходилось обитать в полицейском гараже?

Хиггинс сразу поскуучнел.

— Слушай, а ведь и правда, — пробормотал он. — Это будет моя первая ходка за пятнадцать лет.

Сунув в рот два пальца, он издал пронзительный призрачный свист. В следующее мгновение в машине резко похолодело, и из заполнившего её тумана рядом с Хиггинсом материализовались ПроЙдоха Сэмюэлс и трое его приятелей.

Ворочаясь, толкаясь и, как мне показалось, частично проникая друг в друга, они посмотрели на полицейского, который был уже в считанных ярдах от трейлера. Его грозный вид, подчёркнутый опущенной на рукоятку пистолета рукой, не предвещал ничего хорошего.

— Ладно, ребята! — скомандовал Хиггинс. — Вы знаете, что делать. Мы с ПроЙдохой берём машину. А вы трое хватайте трейлер.

Лёгким дымком все пятеро просочились в открытые окна. Я увидел, как ПроЙдоха Сэмюэлс ухватился за бампер автомобиля с левой стороны, а Шип Хиггинс — с правой, и их полупрозрачные тела вытянулись в струнки параллельно дороге, поддерживаемые в горизонтальном положении встречным потоком воздуха. И через секунду

мы уже неслись с такой скоростью, на которой я не гонял даже в самых отчаянных снах.

Стрелка спидометра стремительно метнулась вправо, когда мы молнией оторвались от разинувшего в удивлении рот полицейского. Нужно отдать ему должное — чтобы прийти в себя, ему потребовалось всего несколько мгновений. Крикнув что-то нечленораздельное, он выхватил из кобуры пистолет и выстрелил нам вслед. Пуля просвистела мимо. Стрелять второй раз не было смысла — мы уже были вне пределов досягаемости, поэтому он снова бросился в погоню.

На спидометре уже было девяносто, и скорость неуклонно продолжала расти. Стрелка добралась до сотни и застыла. Я попытался вспомнить хоть какую-то молитву, когда в миле впереди увидел крутой поворот и мост, переброшенный через глубокую реку. Я замер. Даже закричать не смог.

Мы так быстро подскочили к повороту, что я не успел даже и пальцем шевельнуть. Разумеется, я и не пытался вписаться в него. Вместо этого я просто ударил по тормозам и, зажмурившись, приготовился врезаться в ряд молодых тополей, которые вряд ли сумели бы помешать нам рухнуть в реку.

Но едва я успел вдавить в пол педаль тормоза, как услышал призрачный вопль Шипа Хиггинса:

— Алле-оп!

Столкновения с тополями мы избежали — машина вместе с трейлером плавно взмыла в воздух. Через секунду, не сбавляя скорости, мы уже летели в западном направлении через реку и раскинувшийся на её берегу городок, казавшийся совсем крошечным с высоты полутора сотен футов.

Хотел бы я в этот момент увидеть выражение лица преследовавшего нас полицейского. Да и на своё интересно было бы взглянуть, если уж на то пошло.

Вскоре река вместе с городком осталась далеко позади, потом под нами так же стремительно пронёсся мрачного вида лесок, перерезанный пополам заброшенной железнодорожной веткой. А несколькими минутами позже мы с лязгом приземлились.

Шип Хиггинс и Пройдоха Сэмюэлс отпустили бампер и облегчённо выпрямились. Шип стряхнул с ладоней призрачную пыль и усмехнулся.

— Ну как тебе, браток, поездочка? — спросил он. — Круто, нет?

— Как... — заикаясь, пробормотал я, — как...

— Проще пареной репы, — ответил Шип. — Не сложнее, чем табуретку перенести. Левитация, всего-то делов. Да, познакомься ж с пацанами! Я вас до сих пор так и не представил. Это Бык Бенни, это Айк из Толидо, а это Тихоня Пит.

Толстяк, доходяга и меланхоличный коротышка один за другим показались из-за трейлера и по очереди кивнули мне, глумливо ухмыляясь. Хиггинс, завершив процедуру знакомства, нетерпеливо замахал руками.

— Давай-давай, братан, поторапливайся, — затараторил он. — Заводись и поехали. Нечего тут прохлаждаться. Вот-вот стемнеет, а нам совсем не улыбается ночевать здесь. Раньше это была территория Дэна Брейсера.

— А кто такой Дэн Брейсер? — спросил я, запуская движок, так как хотел убраться из этого неприветливого места не менее Шипа Хиггинса.

— Да так, коп один с железной дороги, — ответил Шип, досадливо поморщившись. — Свирепый, чёрт. Гонял по поездкам нашего брата как никто другой.

— Такой крутой, что кофе пил только чёрный, — скорбным тоном подтвердил Пройдоха Сэмюэлс. — Стоило ему добавить в чашку сливки, как они тут же скисали.

— Не то что бы мы его боялись... — тонким голоском пропищало привидение Быка Бенни. — Но...

— Просто он нам никогда не нравился, — пришёл ему на выручку Аик из Толидо. — Конечно, теперь он уже не тот. Пару лет как вышел на пенсию, а недавно дошли до меня слухи, что он болеет.

— Умирает, — уточнил Тихоня Пит.

— Умирает, — выдохнули они хором и скорбно закивали. Призрак Шипа Хиггинса первым вышел из охватившего их транса и снова повернулся ко мне.

— Ладно, забудь о Дэне Брейсере, — распорядился он. — Давай сматываться отсюда. И выбрось из головы этого несчастного мотоциклиста. Думаешь, он напишет в рапорте, что машина с трейлером, которую он преследовал, вдруг поднялась в воздух и полетела что твой самолёт? Да ни в жисть, зуб даю! Даже другу ближайшему не заикнётся!

Очевидно, он был прав, потому что, с трудом выбравшись из леса на ближайшую второстепенную дорогу, мы не обнаружили за собой никаких признаков погони. Я снова повернул на запад, а Шип Хиггинс с приятелями перебрались в трейлер, где опять принялись жечь мои сигареты и угрожать, что заявят на меня в полицию, если я буду выступать.

По мере того, как Тихоокеанское побережье, а вместе с ним и Моника, становилось ближе, я всё больше и больше впадал в мрачное настроение. Я уже значительно отстал от графика, так как вынужден был уступить настойчивым требованиям Шипа Хиггинса и поехать кружным путём, чтобы они могли полюбоваться на Большой Каньон, а реального плана, как избавиться от своих назойливых попутчиков, у меня так и не было. Я даже трейлер не мог бросить. Шип Хиггинс на этот счёт высказался вполне определённо. Лучше возить трейлер с призраками за собой, чем пытаться сбежать от него, сказал Шип, и я, внутренне содрогнувшись при мысли о том, что меня везде будет преследовать полный привидений дом на колёсах, согласился с ним.

Но если я не избавлюсь от них, это будет означать: никакой Моники, никакой свадьбы и никакого медового месяца. А я никак не мог смириться с тем, что какой-то бесплотный дух способен разрушить мою жизнь.

Короче говоря, когда мы миновали горы и приближались к Калифорнии, я уже был готов на любой самый отчаянный поступок. Как

будто почувствовав это, Шип Хиггинс и его приятели вели себя как шёлковые. Но отделаться от них тем не менее не было никакой возможности.

Наконец, измочаленный и небритый, в первой половине дня я въехал в Голливуд, разыскал мотель и поставил машину на стоянку. Чувствуя на сердце неподъёмный груз, я вымылся, побрился и переделся в свежее. Я не представлял, что скажу Монике, но я уже опаздывал на несколько дней, и потому никак не мог откладывать нашу встречу.

В конторе мотеля был телефон. Я нашёл в справочнике Иду Брейсер — так звали тётку Моника — и набрал номер.

Трубку сняла Моника. Голос у неё был взволнованный.

— Мел, — воскликнула она, как только я представился, — где ты пропадал? Ты ведь должен был приехать несколько дней назад!

— Кое-кто задержал меня, — грустно ответил я. — Духи. Потом всё расскажу.

— Духи? — В её тоне мне послышался холодок. — Ну что ж, всё же ты приехал. Мел, мне необходимо срочно увидеться с тобой. Дядя Дэн при смерти.

— Дядя Дэн? — тупо переспросил я.

— Да, брат тёти Иды. Он жил в Айове, но несколько месяцев назад заболел и переехал сюда, ко мне и тёте. И вот теперь он умирает. Врачи говорят, что ему осталось несколько часов, не больше.

— Умирает? — снова переспросил я, как попугай. — Твой дядя Дэн из Айовы умирает?

И тут до меня дошло. Я стал хохотать. Хохотать как ненормальный.

— Мчусь к тебе! — крикнул я и положил трубку.

Всё ещё посмеиваясь, я выскочил из конторы и отцепил автомобиль от трейлера. Шип Хиггинс подозрительно посмотрел на меня.

— Так, есть кое-какие делишки, — весело бросил я ему. — Скоро вернусь.

— Да уж не задерживайся, — ответил призрак Шипа Хиггинса. — А то мы хотели покататься да посмотреть на виллы этих кинозвёзд.

Десять минут спустя Моника, как всегда восхитительная и соблазнительная, уже открывала мне дверь. Не в силах сдержать своей радости, я обнял её за талию и поцеловал. Она подставила мне щёчку, а потом отстранилась и как-то странно посмотрела на меня.

— Мел, — сказала она, нахмурившись, — что с тобой происходит?

— Ничего, — весело воскликнул я. — Моника, дорогая, мне необходимо срочно увидеться с твоим дядей.

— Но он очень тяжело болен. Жизнь буквально на глазах покидает его.

— Именно по этой причине я должен поговорить с ним как можно быстрее, — ответил я и прошёл в дом. — Где он, наверху?

Я взбежал по лестнице и распахнул дверь в комнату Дэна Брейсера. Дядя Моника, крупный мужчина с обветренным лицом и похожим на корму линкора подбородком, лежал на кровати и прерывисто дышал.

— Мистер Брейсер! — тихо проговорил я, и его глаза медленно открылись.

— Кто вы? — хрипло проскрежетал он, как будто провёл лопатой по асфальту.

— Мы с Моникой собираемся пожениться, — ответил я. — Мистер Брейсер, вам что-нибудь говорит имя Шип Хиггинс? Или Пройдоха Сэмюэлс? Или Бык Бенни, Тихоня Пит, Аик из Толидо?

— Это мне-то? — Глаза больного грозно сверкнули. — Ха! Ещё как говорит! Не раз приходилось мне брать их с поличным. Но все они уже умерли.

— Я знаю, — торопливо согласился я. — Но несмотря на это, они тут неподалёку. Мистер Брейсер, а вы не хотели бы снова увидеться с ними?

— Ещё как хотел бы! — сквозь зубы пробормотал Дэн Брейсер и конвульсивно сжал огромные кулаки. — Ха!

— Тогда, — продолжал я, — если вы подождёте меня на кладбище в первую ночь после... после... ну, в общем, если вы подождёте меня, то я вам устрою такую встречу.

Отставной железнодорожный полицейский согласно кивнул. Лицо его разрезала довольная улыбка, сразу сделавшая его похожим на тигра, выследившего жертву и предвкушавшего скорую расправу над ней. После этого он откинулся на подушку, закрыл глаза, и Моника, вбежавшая в комнату в этот момент, в ужасе воскликнула:

— Он скончался!

— Ха-ха! — довольно усмехнулся я. — Ха-ха-ха! Кое для кого его смерть будет хорошим сюрпризом!

Похороны состоялись через два дня. Всё это время мы с Моникой почти не виделись. Хотя она не слишком хорошо знала дядю и не особенно убивалась по поводу его кончины, во многом именно ей пришлось решать все связанные с похоронами вопросы. Я же был полностью занят Шипом Хиггинсом и его друзьями. Мне пришлось возить их по Голливуду, показывать дома кинозвёзд, устраивать экскурсии в Санта Монику, Малибу, Лорел Каньон и катать по киностудиям, удовлетворяя их неожиданно возникшую страсть к посещению достопримечательностей.

Когда же у меня появлялось немного свободного времени, мне начинало казаться, что Моника избегает меня, но я был слишком возбуждён перспективой скорого расставания со своими призраками, так что не придавал этому большого значения.

Мне удалось ускользнуть от Хиггинса, чтобы присутствовать на похоронах Дэна Брейсера, но и там я не мог сдержать довольную улыбку, представляя, какое наслаждение испытает покойник при встрече с Шипом и его командой. Моника бросала на меня озадаченные взгляды, но я решил рассказать ей обо всём позже, когда утрясу этот вопрос. Всё-таки похороны — это не слишком подходящее время и место, чтобы пускаться в пространные объяснения.

После похорон Моника пожаловалась на головную боль, и я пообещал заехать к ней попозже. Вернувшись в трейлер, я застал Шипа Хиггинса и остальную компанию за привычным уничтожением моих сигарет. Хиггинс посмотрел на меня с нескрываемым подозрением.

— Братан, — сказал он, — пора бы нам уже и в путь трогаться. Завтра уезжаем, уяснил?

— Поедем сегодня же, Шип, — весело ответил я. — К чему ждать? Как только солнышко сядет, отправитесь вы все в путешествие. Далеко-далеко. Тра-ля-ля, трам-пам-пам.

Он скорчил недовольную физиономию, но не нашёл, что возразить. Я с нетерпением ждал заката. Когда стемнело, я прицепил трейлер к машине и, вырулив со стоянки, направился в сторону кладбища, где несколькими часами ранее был похоронен Дэн Брейсер.

Шип Хиггинс всё ещё оставался мрачным, но заподозрил он неладное, только когда я остановил машину у низкой каменной стены, от которой до могилы дяди Моника было рукой подать. Глянув на едва различимое в вечерних сумерках кладбище, он беспокойно поёжился.

— Эй! — прорычал Шип. — Чего это мы тут забыли? Поехали дальше!

— Одну минутку, Шип, — сказал я. — У меня тут маленькое дельце.

Я выскользнул из-за руля и перемахнул через низкую ограду.

— Мистер Брейсер! — позвал я. — Мистер Брейсер!

Я прислушался, но все звуки заглушил грохот товарняка, дробно перестукивавшего колёсами всего в полуквартале от кладбища. Несколько секунд я тщетно вглядывался во тьму, пытаюсь различить в ней какое-нибудь движение. И тут я заметил призрачную фигуру, неуверенно двигавшуюся среди надгробий.

— Мистер Брейсер! — снова крикнул я. — Сюда!

Фигура повернула в мою сторону. У меня за спиной сгрудились Шип Хиггинс, ПроЙдоха Сэмюэлс и трое их призрачных приятелей, тревожно всматриваясь в обступившую нас тьму. И они узнали приближавшийся силуэт даже раньше, чем я убедился в справедливости своих ожиданий.

— Дэн Брейсер! — поперхнувшись, пискнул Шип Хиггинс.

— Это он! — простонал ПроЙдоха Сэмюэлс.

— Он стал духом! — взвыл Тихоня Пит. — О, нет!

Спотыкаясь, они попятились от стены, пронзительно взвизгивая от ужаса. Призрак Дэна Брейсера, увидев их, пошёл быстрее. Не обращая на меня никакого внимания, он бросился к трясущимся видениям своих заклятых врагов.

Хиггинс развернулся и метнулся прочь, не разбирая дороги. За ним сломя голову помчались остальные четверо. Они удалялись в сторону железнодорожной ветки, по которой всё ещё громыхал товарный состав, но Дэн Брейсер не отставал. Расталкивая друг друга, Шип Хиггинс, ПроЙдоха Сэмюэлс и Бык Бенни вцепились пальцами в борт проносившейся мимо товарной платформы, а Тихоня Пит и Айк из Толидо лихорадочно пытались ухватиться за поручни следующей.

С трудом забравшись на платформы, они оглянулись. На какое-то мгновение показалось, что они смогли оторваться от призрака Дэна Брейсера. Но вдруг прозрачная рука их преследователя неимоверно удлинилась, призрачная кисть вцепилась в поручень последней платформы, и через секунду Дэн Брейсер уже прочно стоял на ней обеими ногами. Через мгновение он помчался вперёд, ловко перепрыгивая с

платформы на платформу, а Шип Хиггинс с друзьями бросились от него в сторону локомотива.

Таковыми я и видел их в последний раз: пять обезумевших от ужаса призрачных фигур спасались бегством от шестой, гнавшей за ними с неукротимой настойчивостью. А потом они навсегда исчезли из моей жизни в восточном направлении.

Продолжая довольно посмеиваться и поздравлять себя с освобождением от призрака Шипа Хиггинса, я подъехал к дому тётки Моники, уверенный, что не осталось больше никаких препятствий, которые могли бы помешать нашей свадьбе и роскошному медовому месяцу в уютном домике на колёсах.

— Мелвин! — строго воскликнула Моника, едва успев открыть мне дверь. — Интересно, что тебя так веселит?

— Твой дядя, — хмыкнул я. — Он...

— Мой дядя?! — с ненавистью выдохнула Моника. — Ты... ты просто чудовище! Ты смеялся, когда дядя умер! Ты смеялся на его похоронах! И до сих пор не можешь успокоиться!

— Нет, Моника! — перебил я её. — Сейчас я тебе всё объясню. Насчёт духов, и как я...

Голос её дрогнул.

— Сначала тырываешься в дом, смеёшься над моим несчастным дядей... Потом смеёшься на его похоронах...

— Но Моника! — взмолился я. — Всё было совсем не так. Я только что с кладбища, и...

— И с кладбища ты приехал, не переставая смеяться, — хмуро попытожила она. — Я больше не желаю тебя видеть. Наша помолвка разорвана. А хуже всего то, как ты смеёшься. У тебя такой... такой смех, как у привидения! Зловещий. У меня от него мурашки по коже бегут. Не говоря уже обо всём остальном, я бы никогда не смогла выйти за человека, который так смеётся. Вот твоё кольцо. И прощай.

И она захлопнула дверь у меня перед носом, не дав возразить ни слова. Вот такие дела. Моника — девушка очень решительная, она всегда выполняет то, что говорит. Она даже не дала мне возможности объясниться. Рассказать о Шипе Хиггинсе. И о том, что я просто бессознательно перенял эту манеру смеяться у привидений, общаясь с ними несколько дней подряд. В конце концов, я ведь только что навсегда избавился от них. Впрочем, моей истории Моника поверила

бы только в том случае, если бы своими глазами увидела привидение Шипа Хиггинса.

Ха!

Ха-ха!

Ха-ха-ха-ха!

Если вы знаете кого-нибудь, кто хотел бы недорого купить практически новый трейлер, передайте, чтобы связался со мной.

Перевод – А. Курчаков

Колесо времени

В то чудесное воскресное июльское утро Джереми Джупитер позвонил мне и предложил поехать куда-нибудь за город. Похоже, в тот день я собирался покончить жизнь самоубийством, иначе чем можно объяснить моё согласие? У Джереми Джупитера куча денег и вечный зуд ставить на мне свои научные эксперименты. Видимо, я поверил, что он и в самом деле хочет прогуляться за город, чтобы отдохнуть и со вкусом попить на природе.

Я предупредил его, однако, что мне совершенно необходимо вернуться в Нью-Йорк к вечеру, так как я договорился встретиться и пообедать с одним приезжим редактором. В понедельник ему предстояло вернуться в Чикаго. Он хотел приобрести одну вещицу, за которую я рассчитывал получить не менее тысячи долларов, и поэтому я ждал этого обеда с большим нетерпением.

Джереми пообещал, что мы вернёмся точно к назначенному часу, добавил, что заедет за мной через часок, и повесил трубку. Лёгкий фланелевый костюм и отменный аппетит — вот, пожалуй, и всё, что мне понадобится. Ровно через час я услышал, как он просигналил, и выскочил наружу. И тут же остановился в изумлении. Потому что Джереми приехал не в своей легковой машине марки У-16, как обычно, нет, он сидел за рулём закрытого фургончика. Я сразу почувствовал неладное.

— Лусиус, — сладко пропел Джереми. На его пухлом розовом личике за толстыми стёклами очков в роговой оправе радостно поблёскивали голубые глаза. — Как я рад, что ты едешь! Какой денёк, а? Мы отлично проведём время!

Он как-то странно произнёс слово «время» и загоготал при этом. Я залез в машину, уселся рядом с ним и хмуро уставился на него.

— Джереми, — суровым тоном сказал я, — можешь мне объяснить, с каких пор ты стал водителем грузового автомобиля?

— Э, видишь ли, — смущённо хмыкнул он, — у меня тут гости, и я подумал, что в фургоне им будет, наверное, лучше. Во всяком случае, никто не станет на них глазеть, разинув рот.

— Гости? — Я круто развернулся и заглянул в окошечко. В глубине машины моему взору предстали три огромных шимпанзе,

одетые как люди и с очками на носу. Они висели вниз головой, уцепившись ногами за крючки, укрепленные на потолке фургона, а перед ними на полу лежали раскрытые тома Британской энциклопедии!

— Джереми! — взорвался я.

— Не надо так кричать, Лусиус, — укоризненно проговорил он. — Успокойся — они вовсе не читают. Это их обычный трюк. Между страницами проложены тонкие листики печенья. Они перелистывают страницы и отправляют печенье в рот. При этом они облизывают пальцы, и создаётся впечатление, будто они углублены в серьёзное чтение.

— Ха, — с силой выдохнул я, — ха! Можно бы отпустить словцо и покрепче. Но я не стану этого делать, если только ты объяснишь, почему мы едем на пикник с тремя шимпанзе, которые висят вниз головой и читают энциклопедию? И для кого эти три велосипеда — красный, золотой и серебряный?

— Велосипеды тоже участвуют в представлении, — нежно проворковал Джереми. — Шимпанзе описывают на машинах круги и при этом читают энциклопедию.

— Джереми, — голос мой упал до шёпота. — А для чего, чёрт подери, здесь эти барабаны? Они тоже участвуют в представлении?

— Ну да, — с готовностью согласился он. — Барабаны закрепляются на руле велосипеда, а шимпанзе катаются по сцене (я откупил их у хозяина цирка), бьют в барабаны, читают энциклопедию и швыряют апельсины в публику.

После такого заявления я потерял дар речи на целых полчаса. Теперь наша машина катила уже по противоположному берегу реки Гудзон в штате Нью-Джерси.

— Итак, — проговорил я, — ты приволок этих трёх шимпанзе, чтобы помочь нам убить время и развлекать нас на отдыхе? Верно я тебя понял, Джереми?

Мой толстенький спутник покачал головой.

— Нет, это не так, Лусиус, — пропищал он. — Им предстоит сыграть очень важную роль в научном эксперименте эпохального значения. Провизия, которую я захватил с собой, послужит для праздника науки, Лусиус, для пиршества разума, а вовсе не для утоления телесного голода.

Я издал какой-то булькающий звук и совершенно обмяк на сиденье.

— Нет, — еле вымолвил я. — Нет, я не стану помогать тебе.

— Я это предвидел, — мой кругленький друг печально вздохнул. — Поэтому-то решил взять с собой шимпанзе, это — прекрасно выдрессированные толковые животные. Они будут моими единственными ассистентами в том грандиозном, не имеющем прецедента подвиге, который я намерен совершить.

— Что, — мне даже стало страшно, — что это будет за эксперимент, Джереми?

— Я намерен изменить временной ритм нашей Вселенной, — торжественно произнёс он.

Что и говорить, Джереми по мелочам не разменивается. Если ему взбредёт в голову заниматься проблемами пространства-времени, он попросту устроит короткое замыкание Вселенной. И если сейчас он решил, что временем можно поиграть, как чудесной игрушкой от науки, то он не остановится перед тем, чтобы вмешаться во временной ритм всей Вселенной.

— Джереми, — еле слышно прошептал я, — выпусти меня из машины. Я пойду домой пешком.

— А мы уже доехали, — промолвил он. — Здесь мы и остановимся.

Мы находились на самой середине большой зелёной лужайки, на краю которой возвышался огромный дуб. Метрах в ста от нас тянулась цепь острых каменистых уступов, сбегавших вниз, к голубой ленте Гудзона. По другую сторону вдаль волнами уходило поле. Я заметил, однако, что на нашей лужайке было несколько поросших травой холмиков, причём один из них явно пытались недавно раскопать. Джереми поставил машину на равном удалении от дерева и от холмиков, после чего спрыгнул на землю и побежал открывать заднюю дверку фургона.

— Ко мне, Лусиус! — крикнул он. — Требуется твоя помощь. Молодчина, Король. Привет, прекрасная Дама. Вылезай, Джокер. Давайте сюда книги, ребята. Прыгайте вниз и можете поиграть на травке. Сейчас будем пировать.

Шимпанзе кубарем посыпались вниз, а при слове «пировать» начали радостно кувыркаться на траве. Знали бы они, что их ожидает!

У самого большого шимпанзе была массивная голова с короткой седеющей бородкой. Он выглядел очень импозантно в красивом индейском костюме, расшитом бисером по манжетам и карманам. Время

от времени он отрывал бусинку и с задумчивым видом отправлял её в рот. А потом как ни в чём не бывало начинал прыгать и кувыркаться.

Шимпанзе по кличке Дама была одета в женский индейский наряд-юбочку и кофточку. Маленький шимпанзеночек, как пояснил мне мой приятель, был их сынишкой, почему его и звали Джокером, а полное его имя было Джек Джокер. На нём были шёлковые трусики, как у акробатов, и яркая майка с изображением американского орла.

Он прыгал и скакал вокруг своих родителей, а мы с Джереми пыхтя разгружали машину. Выкатили на траву небольшие велосипеды несколько облегчённой конструкции — красный, золотой и серебряный. Велосипеды были с прицепом, а в прицепах валялись какие-то блестящие предметы, очень похожие на гигантские таблетки от печёночных колик. Джереми передал мне из машины барабаны, на каждом из которых был запечатлён портрет его владельца. При виде барабанов Король, Дама и Джокер ужасно обрадовались и стали проявлять признаки нетерпения, но Джереми прогнал их.

— Играйте, ребята, — сказал он. — Сначала надо поесть. Барабаны никуда не денутся.

То ли на них подействовал звук его голоса, то ли потому, что он начал вытаскивать огромных размеров корзину-холодильник, но шимпанзе откатились в сторону и принялись играть в пятнашки и громко тараторить. Джереми передал мне корзину и спрыгнул на землю. Я потащил её в тень, а он трусил рядом, плотоядно потирая руки.

— Угу, — промычал он, заглядывая в корзину. — Почему бы нам и не перекусить немножко? Глядишь, у тебя тоже поднимется настроение, Лусиус.

Громко чавкая, он шлёпнулся на траву и швырнул по кулёчку земляных орехов своим подопечным. Те в восторге взлетели на ветки дуба и принялись щёлкать орешки и запускать в меня скорлупой. Я жевал заливное из дичи и мысленно проклинал низменные инстинкты, которые втравили меня в эту авантюру.

— Итак, Лусиус, — удовлетворённо проговорил Джереми, облизывая пальцы. — Пора, пожалуй, объяснить тебе в общих чертах, что я собираюсь делать. Прежде всего, время есть не что иное, как ритмические колебания...

— А ты откуда знаешь? — в упор спросил я.

— Я вывел это путём логических выкладок, — сообщил он, вонзая зубы в индюшачью ножку. — Абсолютно всё в природе подчиняется определённом ритму. Смена времён года, движение светил, рождение, жизнь, световые волны, радиоволны, электрические импульсы, перемещение молекул словом, всё. Всё движется согласно строгому, чёткому ритму. И я решил, коль скоро Вселенная зиждется на принципе ритма, у времени тоже должен быть свой ритм. Просто это никому раньше не приходило в голову.

— Ну а тебе пришло, — сказал я, доставая бутылку мозельского из корзины. — И что это тебе даст?

— А вот что, Лусиус! — выпалил Джереми. — В любой ритм можно ввести поправки, если правильно применять контрритм!

Я открыл рот, но забыл положить в него кусок.

— И я хочу надеяться, — мягко добавил Джереми, — что, хотя ты всю свою жизнь только и делаешь, что вертишь клюшкой для гольфа, размахиваешь теннисной ракеткой или крикетными молоточками, а в оставшееся время кропаешь какие-то писульки в оправдание своего безделья, ты всё-таки имеешь какое-то элементарное представление о физических законах. Я хочу верить, что ты слышал об экспериментах, при которых в результате взаимодействия двух световых волн определённой длины возникает тьма. Или о том, что столкновение двух звуковых колебаний определённой высоты порождает абсолютное безмолвие.

— Ну да, — согласно кивнул я, — конечно, я об этом знаю. Но при чём здесь время?

— Точнее, временной ритм, — сказал он. — Эффект временного ритма Джереми Джупитера, под таким названием он будет известен грядущим поколениям. Вообще-то говоря, это предельно просто. Если можно, введя помехи, приостановить свет и вызвать тьму, введя помехи, приостановить звук и вызвать безмолвие, почему же нельзя, введя помехи, приостановить настоящее время и вызвать прошлое? Для этого мы и приехали сюда. Я намерен представить неким ныне живущим людям, именуящим себя исследователями, неопровержимые доказательства, которые заставят их всерьёз отнестись к монографии на эту тему, над которой я сейчас работаю.

Глаза его горели. Джереми Джупитеру не раз случалось сражаться со своими собратьями по науке, но никому из них ещё не удавалось положить его на лопатки.

— Даже если продемонстрировать перед ними соответствующий опыт, Лусиус, — пояснил он, — они ни за что не поверят. Вот я и решил ввести помехи во временной ритм настоящего, вызвать к жизни прошлое и представить такие доказательства, которые не посмеет оспаривать самый тупоголовый скептик.

Он налил себе полный бокал мозельского и с наслаждением осушил его. К этому времени обезьяны успели прикончить свои орешки, и Джупитер метнул им по бутылочке лимонада. С громким бульканьем шимпанзе мгновенно его выпили.

— Вот тут-то и пригодятся Король, Дама и Джокер, — продолжал Джереми. — Я же знал, что ты заупрямишься, Лусиус. А эти ребята отлично справятся с поставленной задачей, не проявляя при этом никакого недоверия. Я, видишь ли, прихватил с собой несколько капсул времени...

— Капсул времени?!

— Ну да, пользуясь общедоступной терминологией. Сейчас я тебе покажу.

Из одного из своих обширных карманов он извлёк металлический предмет величиной с кулак. Сделан он был, по-видимому, из платины, очень уж был тяжёлый. Это был цельный кусок, во всяком случае, в нём не было ни крышки, ни отверстия. На полированной поверхности крупными печатными буквами были выгравированы следующие слова: «Капсула Времени Джереми Джупитера. Год 1965 от Р. Х. Расплавьте левый кончик и вскройте».

— Внутри находятся три микрофильма. В первом — один из номеров газеты «Нью-Йорк Таймс», — пояснил Джереми. — Во втором моя автобиография и список основных научных трудов. В третьем моё заявление о том, что я намерен незамедлительно обнародовать свои открытия касательно эффекта ритма времени Джереми Джупитера. Кроме того, там находятся крохотные крупинки радия.

— Но как же...

— Видишь те холмики? — Джереми вытянул вперёд руку. — Совсем недавно было установлено, что это насыпные надгробья древнейших примитивных цивилизаций. Как показали археологические раскопки, некогда здесь проходила морская береговая полоса. В этом слое скрыто множество различных костей. Раскопки пока ещё в начальной стадии. В ближайшее время всю эту полянку основательно перетряхнут в поисках ископаемых останков прошлого. И среди

найденных предметов, Лусиус, обнаружат одну, а может и не одну, капсулу времени Джереми Джупитера! Ну как, здорово?

Он весь светился от счастья, меня же просто затрясло от злости.

— Вот как! — гневно выкрикнул я. — Ты хочешь зарыть здесь свои так называемые капсулы, чтобы археологи нашли их на следующей неделе или в следующем месяце. Так, да?

Пухлое розовое личико Джереми затуманилось печалью.

— Лусиус, — сказал он со вздохом, — порой ты приводишь меня в полное отчаяние. Конечно же, нет. На этом месте я намерен создать помехи ритму времени. И тогда обезьяны вместе с моими капсулами — ты же отказался в этом участвовать — войдут туда и заложат там эти капсулы миллион лет назад!

Он выжидающе уставился на меня.

— Теперь ты понял, Лусиус? Мои капсулы попадут туда миллион лет назад, они попросту пролежат под этой поляной всё это время. И археологи, раскапывая пласты, сложившиеся в доисторические времена, обнаружат по крайней мере одну из капсул. По полураспаду радия сумеют точно вычислить, сколько они пролежали, дожидаясь своего часа, и тогда... О господи, Лусиус, глотни вина скорее!

Я выпил и почувствовал себя лучше. Но спорить с ним у меня ещё не было сил.

— Мне этого не понять, Джереми, — устало сказал я. — Пусть будет так. Я верю тебе на слово. Ты хочешь ввести помехи в ритм времени, превратив день сегодняшний в день вчерашний минус один миллион лет. Но почему вчерашний? Почему не завтрашний? Почему бы нам не заглянуть заодно и в будущее?

Джереми сложил пухлые ладошки и слегка выпятил толстые губки.

— Мне так понятно, почему ты спрашиваешь именно об этом, — с нежностью проворковал он. — Я и сам не раз задавал себе этот вопрос в самом начале, когда меня осенило. Нет, это невозможно. Я логически вычислил эту невозможность и совершенно выбросил эту мысль из головы. Будущее ещё не наступило, и я не могу в него проникнуть. А теперь — за дело.

Он поднялся на ноги и быстро зашагал к фургончику. Я пошёл следом. Общими усилиями мы вытащили из-под брезента тяжеленную аппаратуру и установили её прямо на траве. Пока мы этим занимались,

обезьяны слезли с дерева, что-то схватили и взволнованно затараторили. Издалека я не мог разобрать, чем они заняты.

В руках у моего приятеля оказался большой квадратный ящик, напомнивший мне телевизоры моей юности. На передней панели были такие же ручки управления, а когда он приподнял крышку, я увидел ряды каких-то трубок и вращающийся барабан. В центре панели было что-то вроде динамика. Из задней стенки тянулся шнур со стальным наконечником. Джереми воткнул его в землю в нескольких футах от громоздкого ящика.

— Это заземление, — пояснил он. — Можно начать предварительное испытание моего резонатора ритма времени. Где шимпанзе?

Я поднял голову.

— Они лакают мозельское! — завопил я. — Они же упьются!

Джереми, который что-то налаживал в своём приборе, резко выпрямился. Шимпанзе жадно пили из бутылки. Покончив с лимонадом, они, вероятно, слезли с дерева и, воспользовавшись тем, что мы отошли, схватили бутылки с вином и теперь в дикой спешке делали огромные глотки, давясь, захлёбываясь и мыча от наслаждения.

— Этого ещё не хватало! — заорал Джереми. — Они сорвут эксперимент. Надо отобрать у них вино, Лусиус.

Мы кинулись к шимпанзе. Увидев это, Король, Дама и Джокер пустились наутёк, отталкиваясь от земли не только задними, но и передними конечностями. Они подбежали к велосипедам, лихо вскочили на сиденья и помчались.

Эти велосипеды можно было без труда запустить, остановить, вырулить одной рукой или ногой. Король ехал впереди. Он захватил руль пальцами ног, машина зажужжала и устремилась прямо на нас. За ним с воплями мчалась Дама. Джокер успел даже прихватить свой барабан. Закинув на руль задние конечности, колотя кулаком по барабану, он бросился вдогонку за родителями.

— Спасайся, Лусиус! — успел выкрикнуть Джереми. Он отпрыгнул в одну сторону, я — в другую. Король и Дама молниеносно проскочили мимо, а за ними, на такой же скорости, бешено молотя по барабану, с воинственным кличем промелькнул Джокер. Падая, Джереми Джупитер ободрал себе лицо, я ударился о ствол дуба.

Тем временем шимпанзе обогнули дерево и снова ринулись на нас.

— Берегись! — заорал я.

Джереме успел только шатаясь подняться на ноги, я высоко подпрыгнул, а Король, Дама и Джокер, теперь уже выстроившись в ряд, прогрохотали подо мной. Мне удалось схватиться за нижние ветки дуба, на другой ветке рядом качался Джереми.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — рявкнул я.

Но он, не обращая внимания на мои слова, с озабоченным видом всматривался в свой прибор.

— Видишь ли, Лусиус, — наконец, проговорил он, — резонатор ритма времени, по-моему, включился.

Я глянул в ту сторону. Трубки и впрямь светились.

— Ну и что? — спросил я. — Ничего же не происходит.

— Ну, это как сказать. Надо бы его отключить. Там не всё в порядке с вращающимся барабаном, я как раз собирался его отладить.

Он спрыгнул на землю и направился к резонатору, я пошёл за ним. И тут пьяные шимпанзе в третий раз с треском, гиканьем и визгом полетели на нас. Джокер по-прежнему изо всех сил дубасил по барабану.

— Берегись! — завопил я и прыгнул вверх.

Я снова оказался на ветвях дуба, а обернувшись, увидел рядом с собой Джереми.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — злобно рявкнул я.

Но он не обратил внимания на мои слова, с озабоченным видом всматриваясь в свой прибор.

— Видишь ли, Лусиус, — проговорил он, — резонатор ритма времени, по-моему, включился.

Я глянул в ту сторону. Трубки и впрямь светились.

— Ну и что? — спросил я. — Ничего же не происходит.

— Ну, это как сказать. Надо бы его отключить. Там не всё в порядке с вращающимся барабаном, я как раз собирался его отладить.

Он спрыгнул на землю и направился к резонатору, а я пошёл за ним. И в этот самый момент обезьяны снова завернули за дерево на своих велосипедах и с рёвом выскочили на нас. Внезапно я вспомнил, что всё это уже было, что мы всё это уже проделали минуту назад...

Я, конечно, опять взлетел на дерево, внизу молнией промелькнули шимпанзе, а Джереми уцепился за соседнюю ветку. И тут до меня дошло. Машину Джереми заело, как проигрыватель с заезженной

пластинкой! Настоящее не уступало место прошлому, настоящее повторялось снова и снова.

Меня охватил дикий ужас. Неужели мы обречены прыгать на ветви дуба, а пьяные шимпанзе будут снова и снова пытаться задавить нас, пока не, пока не... У меня голова шла кругом.

— Провались ты вместе со своими открытиями! — завопил я.

Джереми ничего не ответил. Он всматривался в свою машину. И только после того, как всё это разыгралось раз десять — скорее всего, десять, хотя у меня осталось впечатление, что мы прыгали на дерево и с дерева много дней подряд. Король, Дама и Джокер, завернув за дерево, вдруг резко притормозили. Они спрыгнули на землю и стали кружиться и кувыркаться, словно в ожидании аплодисментов. Джереми подбежал к своей машине и щёлкнул выключателем. Потом отёр пот со лба.

— О боже, — негромко проговорил он. — Барабан застрял в определённом положении и...

— ...и время повторяется! — хрипло выкрикнул я. — Нас заклинило во времени. Ничего себе приключеньице! Если бы машина не остановилась, нам пришлось бы спастись от пьяных шимпанзе на велосипедах до скончания века.

— Любой прибор может вначале дать осечку, — назидательно сказал Джереми, но мне было ясно, что ему тоже не по себе. По его розовому личику струился пот.

— Ну ладно, — отрывисто бросил он, — теперь всё закреплено. Остаётся развернуть резонатор, нацелить его на холмы, и можно начинать.

Он передвинул свой ящик, что-то там ещё подкрутил и повернулся к шимпанзе. Протрезвевшие и притихшие, они с виноватым видом валялись рядом со своими велосипедами. Джереми похлопал их по плечу и усадил на сиденья, после чего закрепил барабаны на руле Короля и Дамы, нашёл и закрепил барабан Джокера и выстроил всю троицу в ряд лицом к холмам. Потом сбегал к фургону, принёс три тома Британской энциклопедии и раздал обезьянам. Те сразу повеселели.

— Сейчас с ними всё в порядке, — сказал Джереми. — Все атрибуты их представления при них, и они успокоились. Как детишки. Всё нормально. Они больше не потеряют голову. Вот увидишь.

Он протянул руку по направлению к прицепам. Тут я сообразил, что блестящие предметы в них не что иное, как платиновые капсулы времени.

— Апельсины, — настойчиво проговорил Джереми, обращаясь к обезьянам.

— Апельсины, — повторил он и сделал такое движение, словно швырял апельсины. — Сейчас я создам помехи в ритме времени, — продолжал он, — и настоящее на этих холмах будет сведено к прошлому в миллион лет назад. Обезьяны въедут в этот участок прошлого конечно, если бы ты не заупрямился, Лусиус, не пришлось бы прибегать к таким сложностям, — и начнут кружить и разбрасывать капсулы времени по всему участку. По крайней мере одна из них должна погрузиться в почву, потом она покроется более поздними наслоениями и пролежит там до наших дней, пока её не откопают археологи.

Через какое-то время я свистну, и обезьяны вернутся к нам, в настоящее, а я выключу резонатор. Со временем капсулы будут обнаружены. Вот тогда-то я и объясню, как всё произошло, и уж тогда никто больше не посмеет усомниться в вероятности эффекта ритма времени. Итак...

Он щёлкнул каким-то выключателем на своём приборе.

На сей раз никакой ошибки не произошло. Мгновенно пространство над холмами заволочло туманом. Туман начал сгущаться, но Джереми покрутил что-то на диске, и туман превратился в лёгкую светящуюся дымку. Лужайка преображалась буквально на глазах. Из земли полезли широкие папоротниковые листья, над ними распростиёрли свои длинные шупальца какие-то гигантские мхи. Ближе к нам пролегла песчаная прибрежная полоса, усеянная диковинными раковинами. Мне казалось, что я всматриваюсь в театральную декорацию сквозь тонкий полупрозрачный занавес.

Джереми Джупитер шумно перевёл дух.

— Лусиус, — обратился он ко мне, — наступил торжественный момент. Вот мы стоим здесь сегодня, а там перед нами — день вчерашний. Король, Дама, Джокер, вперёд!

Обезьяны бесстрашно покатали по направлению к мерцающей дымке прошлого, воскрешаемого резонатором Джереми Джупитера. Одна нога крутит педали, одна рука бьёт в барабан, в другой руке открытая перед глазами книга — в таком виде они устремились в далёкое прошлое далёких предков.

Джереми зачарованно провожал их глазами. Но я тронул его за плечо и заставил оглянуться.

— Посмотри туда, — сказал я ему. — Там день завтрашний.

Джереми Джупитер обернулся, и глаза его чуть не вылезли из орбит. Позади нас, на таком же расстоянии, затянутое лёгкой дымкой, возникало ещё одно пространство. Оно было из стекла и хрусталя. Вдаль уходила широкая улица, по обе стороны которой выстроились дома с плоскими крышами. Стены домов сверкали на солнце как драгоценные камни, а над крышами зданий скользили какие-то воздухоплавательные аппараты.

— О господи, — только и мог вымолвить Джереми. — Мой резонатор создаёт дополнительный эффект, обертон. Я... я...

Позади нас послышался дикий вопль. Мы разом обернулись. За несколько секунд до этого шимпанзе разъезжали по жёстким пескам протерозойской эры, колотя в свои барабаны. Внезапно из-за деревьев показалась гигантская голова с оскаленной пастью и горящими красными глазами. Затем какая-то тёмная тень спикировала вниз, и Король, Дама и Джокер мгновенно развернулись и кинулись назад. Они побросали книги, они побросали барабаны. Они побросали всё, за исключением капсул времени, и с громким визгом, извиваясь от ужаса, бросились к нам.

Голова бронтозавра исчезла, птеродактиль, который спикировал на них, взмахнул гигантскими перепончатыми крыльями, взмыл в небо и исчез из виду.

Джереми кричал что-то, но обезьяны не обращали на него внимания. Они хотели назад, в уютное, безопасное настоящее. Вращая глазами, стуча зубами, они неслись на нас. Я в ужасе отпрыгнул в сторону.

— Спасайся, Джереми! — выкрикнул я. — Они нас задавят! Они взбесились со страху.

Джереми едва успел отскочить. Шимпанзе в мгновение ока миновали место, где мы только что стояли, и, не замедляя скорости, устремились дальше, туда, где возникло незваное будущее.

— Боже правый! — в отчаянии взмолился Джереми. — Этого нельзя допустить!

Он вскочил на ноги и кинулся к прибору. Но Король, Дама и Джокер, не переставая выть и яростно нажимая на педали, уже почти достигли границы другого, окутанного лёгкой дымкой пространства.

Прямо перед ними вдаль, к самому центру серебристо-хрустального города будущего, уходила просторная спокойная улица. И тут Джокер, дрессированная обезьянка, привычным движением сунул руку в прицеп своего велосипеда, выхватил капсулу времени и метнул её высоко в небо.

Джереми бросился к резонатору, споткнулся о шнур заземления, налетел на прибор и с грохотом свалил его на землю. Серебристый город, в который только что сломя голову влетели Король, Дама и Джокер, исчез. А вместе с ним и обезьяны. Кругом простирался безмятежный зелёный пейзаж штата Нью-Джерси, и ничего больше!

Я помог Джереми подняться. От резонатора осталась только беспорядочная груда сломанных трубок и оборванных проводов. Я откупорил последнюю бутылку мозельского, и Джереми постепенно пришёл в себя.

Он молча пил вино, погружённый в раздумья. Потом вытер губы и сказал:

— Нет ничего удивительного в том, что мой резонатор выдал дополнительный эффект. Именно этого и следовало ждать от любого резонирующего объекта — от флейты до радиоприёмника. Дело в том, Лусиус, что обертон, вместо того чтобы ввести помехи в ритм времени, усилил его.

Он выпрямился, слегка отряхнул свой костюм, потом подхватил корзину из-под припасов и отнёс в машину.

— Пойми наконец, Лусиус, что два различных колебания не обязательно должны взаимно уничтожиться при столкновении. Две световые волны могут наложиться и вызвать более яркий свет. Две звуковые волны могут наложиться и вызвать более громкий звук. Очевидно, обертон от моего резонатора усилил ритм времени, превратив настоящее в будущее. Будущее, которое мы наблюдали, было на таком же расстоянии от нас, что и созданное мною прошлое. Я бы так сказал: и то и другое отстояло от нас примерно на миллион лет вперёд и соответственно назад.

Джереми уже одной ногой стоял в машине, как откуда ни возмись возник какой-то блестящий предмет и шлёпнулся ему на ногу. Взвыв от боли, он схватился за ступню. Я наклонился и поднял упавшую штуковину. Это была одна из капсул времени Джереми Джупитера. Точнее, именно та, которую Джокер запустил в воздух, когда въезжал в будущее. Только теперь этот момент наступил и для нас.

Мы возвращались в Нью-Йорк. Джереми с каменным лицом вёл машину. Спускался тёплый летний вечер. Когда мы проезжали по мосту через Гудзон, Джереми выбросил свою капсулу времени в реку. Время от времени он кидал на меня косые взгляды.

— Хоть умри, не пойму, почему ты так веселишься, — буркнул он, притормозив у моего дома.

— А я представил себе, как Король, Дама и Джокер несутся сейчас по улицам Нью-Йорка будущего на своих велосипедах и швыряют капсулы времени в изумлённых жителей, — ответил я. — Странное у них создается представление о предках из двадцатого столетия. И знаешь что, Джереми?

— Ну что? — нехотя выдавил он из себя.

— У шимпанзе на шее висели серебряные кружочки с инициалами, — сказал я. — А у Джокера инициалы такие же, как у тебя — Дж. Дж. И они, конечно же, решат, что это — ты, Джереми Джупитер, и что Король и Дама — твои родители. Я так полагаю, они поместят фотографию Джокера в свои учебники истории и подпишут под ней твоё имя... А может, ты соорудишь другой резонатор?

Джереми с силой нажал на акселератор.

— Нет, — отрывисто бросил он. — У меня есть дела поважнее.

И он укатил прочь. Впервые в жизни мне представилась возможность посмеяться над ним, и я получал от этого огромное удовольствие. Я со смехом вошёл в дом, всё ещё смеясь, принял ванну и переоделся, собираясь на обед с редактором, которому хотелось получить от меня рассказ, с тем, чтобы возвратиться в Чикаго ранним самолётом в понедельник.

Я перестал смеяться только тогда, когда добрался до центра и узнал, что уже вечер вторника...

Перевод – И. Баданов

Нож

Несмотря на все старания, Эдвард Доуз не смог преодолеть любопытства и, бочком приблизившись к столу, грузно уселся на стул напротив Герберта Смитерса. Опираясь о стол, Доуз следил, как тот очищает от ржавчины предмет, напоминающий нож. Непонятно, почему Смитерс уделял этой рухляди столько внимания...

Нежно согревая в ладонях порцию виски с содовой, Доуз молча ожидал, не скажет ли чего-нибудь Смитерс.

Но тот полностью игнорировал его, и поэтому Доуз, осушив стаканчик, нарочито громко стукнул доньшком о стол.

— Похоже, нож никуда не годится, — заметил он презрительно. — Пожалуй, его и чистить-то не стоило.

— Хм! — огрызнулся Смитерс, осторожно отскрёбывая с находки засохшую грязь с помощью пилки для ногтей.

— Что это? — с любопытством спросила грудастая барменша Глэдис, собирая стоявшие перед ними пустые стаканы.

— Это нож, притом старинный, — заверил Смитерс, — и принадлежит он мне, потому что я нашёл его.

На этот раз хмыкнул Доуз.

— Никак он решил, будто эта штука имеет какую-то ценность? — произнёс здоровяк, обращаясь к пустой комнате, где никого кроме них троих не было.

— Мне-то она не кажется ценной, — откровенно заметила Глэдис. — Выглядит как ржавое, старое барахло, которое следует бросить в ту же кучу хлама, откуда оно и появилось.

Ответом служило довольно красноречивое молчание Смитерса. Отложив пилку, он поспешил кончик грязного платка и потёр небольшое алое пятнышко на конце всё ещё замызганной рукоятки ножа. Пятнышко увеличилось и, очищенное от грязи, оказалось гранёным камнем с красным отблеском.

— Похоже на драгоценный камень! — заметно заинтересовавшись, воскликнула Глэдис. — Смотрите, как блестит. Может, он и настоящий.

— Пожалуйста, ещё одну с содовой! — подчёркнуто громко заказал Доуз, и Глэдис отплыла прочь. Казалось, покачивания её в меру

округлых бёдер говорили об отсутствии интереса к предмету разговора, но брошенный через плечо взгляд свидетельствовал об обратном.

— Драгоценность! — всё так же презрительно бросил здоровяк. — Вот уж навряд ли!

И Доуз подался вперёд, внимательно наблюдая за стараниями Смитерса.

— А тебе почём знать? — со сдержанным чувством спросил Смитерс.

Он подышал на красный камень, потёр рукавом и, любуясь, поднёс к глазам. Камень напоминал красный глаз: он мерцал и словно концентрировал в себе алые отблески, отбрасываемые решётчатой жаровней в углу комнаты.

— Может, это рубин, — предположил Смитерс сдержанно, как это подобает внезапно разбогатевшим людям.

— Рубин! — массивный Доуз едва не поперхнулся. — С каких это пор нож с настоящим рубином будет валяться на улице и ждать, пока ты его найдёшь?

— Он не валялся, — коротко возразил Смитерс.

Затем снова взялся за пилку и принялся вычищать грязь из нанесённых на рукоять замысловатых узоров.

— Нож лежал в куче грязи, набросанной при ремонте канализации, на Дорсет-стрит. Наверное, затерялся где-то в люке и пролежал бог знает сколько времени... Взгляни-ка, сколько ржавчиныросло! Это доказывает, что ему много лет. Зато никто не скажет, что потерял его в минувшую войну.

Доуз неохотно взвесил эти соображения.

— Вообще-то сталь неплохая, — согласился он. — Её и ржавчина не взяла.

— А кто болтал, будто его и чистить не стоило? — поддел Смитерс.

Он продолжал терпеливо счищать с ножа окаменевшую грязь, и вскоре обнажились длинное сужающееся лезвие и изящная, украшенная орнаментом рукоять, на которой тотчас сомкнулись пальцы Смитерса. Нож настолько удобно лежал в ладони, что владелец не удержался и сделал лёгкий «тычок-порез» в воздухе.

— Ощущение такое, словно он продолжает руку, — мечтательно протянул Смитерс. — Кажется, будто от него исходит тепло... и щежотно, как от электричества.

— Дай подержать, — попросил Доуз, забыв о презрительном тоне.

Смитерс оскалился и убрал руку.

— Он мой! — в голосе проскользнули жёсткие нотки. — Никто не смеет лапать его, кроме меня...

Он снова сделал «тычок-порез», и красный камень в рукояти блеснул огнём. Узкое, нервное лицо Смитерса вспыхнуло румянцем, словно отражая блеск камня, и он покачулся, будто перебрал спиртного.

— Нож стоит кучу денег, — хрипло заявил он. — Это вещь старинная, заграничная, а в ручке — настоящий рубин... Ну и повезло же мне!

Глэдис принесла два стакана и даже забыла как следует протереть стол. Смитерс, крепко держа нож, пытался уловить яркий, как искра, отблеск камня, и Глэдис тоже впиалась в него жадным взглядом.

— Может, рубин и настоящий. Дай посмотреть, малыш, — попросила она.

Влажные пальцы барменши коснулись руки Смитерса, и тот резко обернулся к ней.

— Нет! Он мой, слышишь?

— Только посмотреть, — волнуясь, просила Глэдис. — Я тут же верну его, обещаю.

Не переставая уговаривать, она приближалась, и румянец на угловатом лице Смитерса заалел ещё ярче.

— Сколько раз повторять, он мой! — закричал он пронзительно. — И никакая смазливая мордашка не сможет у меня его вытянуть. Заруби это на носу!

Вдруг все трое молча застыли на месте и, словно в трансе, уставились на красный глаз, замерший в пяти дюймах от сердца Глэдис. Пальцы Смитерса всё ещё сжимали нож.

Глаза женщины раскрывались всё шире и шире.

— Ты зарезал меня, — медленно и раздельно произнесла она. — Зарезал!

В горле у неё странно всхлипнуло, и она рухнула на пол с таким грохотом, что от удара содрогнулась вся комната. Красный язычок лизнул ей грудь и торопливо расплылся в стороны.

Мужчины продолжали стоять не шевелясь; Смитерс по-прежнему держал нож, высвободившийся после падения бармен-

ши, а Доуз с разинутым ртом приподнимался из-за стола, опираясь о него ладонями.

Первым, к кому вернулся дар речи, был коротышка-мусорщик:

— Я ничего не делал! Нож сам ударил её! Клянусь, сам! И я не смог его удержать.

И, придя в себя, Смитерс швырнул нож на пол. Затем, всхлипывая, зашаркал к двери и исчез.

Наконец очнулся и Эдвард Доуз. Тяжело дыша, он выпрямился и прислушался: кругом было тихо, нож лежал у его ног. Он нагнулся, и нож удобно лёг в ладонь. Насторожённо поглядывая на дверь, он механически вытер лезвие о половинку своей газеты, а потом завернул его в остаток бумаги. И неуклюже затрусил к двери.

Его план был довольно прост: доходный дом, владелицей которого была его жена, находился напротив, через улицу. Именно оттуда он позвонит в полицию и объяснит, что нож он взял для того, чтобы сохранить вещественное доказательство. Когда появится полиция, он предъявит его — но без камня в рукояти. Если Смитерса поймают, и он припомнит камень, Доуз поклянётся, что тот, дескать, выскочил и затерялся при падении ножа на пол. Кто сможет это опровергнуть?..

Всё ещё тяжело дыша, Доуз старался извлечь поблёскивающий красный камень с помощью перочинного ножа. Он сидел на кухне, за дверью висел телефонный аппарат. До прибытия полиции оставалось около трёх минут. Со лба его бежал пот, а сердце колотилось, словно изнемогая от непосильной работы.

Ещё две минуты. Язычки, зажимающие камень, держались прочно. Перочинный нож сорвался и поранил ему руку. Доуз выругался сквозь зубы и продолжал работать. Пальцы стали скользкими от крови, через мгновение нож вырвался и с чистым стальным звоном ударился об пол.

Грузный Доуз с трудом наклонился и уже ухватил его, но нож отскочил чуть в сторону. Оставалась минута. Он потянулся за ножом, даже не тратя времени на ругань, и едва успел его поднять, как в дверях появилась жена.

— Эдвард, я слышала, как ты звонил по телефону, — начала она визгливо. — Что это за чепуху ты болтал насчёт убийства в «Трёх дубах»?

Она смолкла, увидев его злобное, покрасневшее лицо и нож в окровавленных пальцах.

— Эдвард! Ты кого-то убил! Убил! — завопила она.

Он шагнул к ней. В ушах у него зазвенело, а вверх по руке разлилось странное тепло. Перед глазами поплыл красноватый туман, скрывая лицо жены.

— Заткнись, чёртова дура! — заорал он.

Толстуха-жена тут же смолкла, успев пролепетать лишь несколько невнятных слов.

Потом туман рассеялся, и Доуз увидел, что она лежит на полу, а рукоять торчит из пухлой белой шеи, как раз под самым подбородком. Красный глаз на конце мерцал и подмигивал ему, удерживая в каком-то трансе. Он не слышал ни громкого стука в наружную дверь, не слышал, как она открывается и в холле скрипят тяжёлые шаги представителей власти...

— В течение десяти минут, сэр, — уважительно докладывал старшему инспектору сержант Тоббинс, — этим ножом были убиты две женщины. Применили его двое мужчин. И оба заявляют, что не имеют понятия, каким образом они это сделали.

Сержант улыбнулся, давая понять, что лично он ни за что бы ни поверил подобному заявлению.

Высокий, тощий инспектор хмыкнул и осторожно повертел нож в пальцах.

— Кажется, индийская работа. Шестнадцатый или семнадцатый век... Вы записываете, мисс Мэйп?

Стоявшая возле стола инспектора женщина средних лет кивнула:

— Да, инспектор, — и пару раз черкнула в блокноте.

— Нож вытерли, инспектор Фрэйн, — продолжил Тоббинс. — Отпечатков нет. Впрочем, оба они сознались.

— А как насчёт камня? — постучал по рукояти инспектор. — Он настоящий?

— Это рубин, совершенно верно, — подтвердил коренастый сержант. — Правда, с большим дефектом. Точно посередине камня находится воздушный пузырьёк, формой напоминающий каплю крови... или, скорее, слезу, — кашлянув, поправился он.

Инспектор продолжал крутить предмет в руках. Мисс Мэйп терпеливо ожидала, держа наготове карандаш.

— В любом случае, это антикварная редкость, — заметил Фрэйн. — Я рад, что вы попросили меня взглянуть на него. Вероятно, один из наших «томми» привёз его сюда после восстания сипаев. Сами знаете, мародёрства после подавления мятежа было немало.

Секретарша торопливо писала в блокноте.

— Найден в сточной канаве, не так ли? — спросил инспектор. — Сразу видно, что он пролежал там немалое время. Кто из них нашёл нож — Смитерс или Доуз?

— Смитерс, сэр. Довольно странный случай. Он чистил его, наверное, больше часа, перед тем как попробовать на барменше. Затем его хватает Доуз и через десять минут всаживает в горло жене. И на допросе оба они утверждают одно и то же.

— В самом деле? Что именно?

— Сэр, они сказали, будто испытали тепло и слабый зуд лишь от того, что просто держали нож в руке. И совершенно не поняли, почему впали в ярость... А в результате погибли две женщины!

— Кроме того, — позволил себе слабо улыбнуться Тоббинс, — они утверждают, что нож действовал как бы сам по себе, без их участия.

— Они это говорят? Боже всемогущий!

Высокий инспектор уставился на нож с обострённым интересом.

— Сержант, где именно проходит канава, в которой он был найден?

— По Дорсет-стрит, сэр. Возле пересечения с Коммершел-стрит.

— Дорсет-стрит? — резко переспросил Фрэйн; глаза его загорелись.

— Ей-богу, неужели...

Ни Тоббинс, ни мисс Мэйп не смели нарушить тишину. Через минуту инспектор положил нож на место — в коробку на столе сержанта.

— У меня прямо голова кругом пошла, — улыбнулся инспектор. — Этот нож... Вы знаете, что произошло на Дорсет-стрит давным-давно?

Сержант покачал головой.

— Пожалуй, я где-то об этом читал. Но не могу припомнить, где именно.

— Это дело — одна из самых толстых папок нашего архива. В ноябре 1888 года в Миллерс-корт рядом с Дорсет-стрит ножом была зверски убита женщина. Её звали Мария Келли.

— Теперь припоминаю, — впившись взглядом в инспектора, выдохнул Тоббинс. — Джек Потрошитель?

— Верно. Предполагают, что это было его последним убийством. Последним из двенадцати. Все жертвы — женщины. Похоже, он испытывал к ним особую, жгучую ненависть. Вот я и представил себе убийцу, торопливо убегающего с места преступления с окровавленным ножом в руке. Я увидел, как он роняет его на бегу в открытый люк, и нож лежит там долгие годы... Просто голова кругом идёт.

...Сержант проводил взглядом уходящего инспектора и обернулся.

— Из него получился бы неплохой сочинитель триллеров, — заметил он с претензией на остроумие. — А информации у него хватает!

Он взял нож, крепко сжал его в ладони и, подмигнув, принял угрожающую позу.

— Берегитесь, мисс Мэйп! Джек Потрошитель!

— Погодите, — усмехнулась та. — Можно взглянуть на него, сержант Тоббинс?

Её пальцы коснулись его пальцев, и Тоббинс резко отдернул руку. От прикосновения мисс Мэйп лицо сержанта вспыхнуло. Его вдруг охватила необъяснимая ярость. Он пристально смотрел на простоватое лицо, и гнев постепенно уходил, вытесняемый приятным щекотанием в правой руке, идущем от кисти до предплечья.

Он быстро шагнул к ней и тут же услышал странное сладкоголосое пение, пронзительно звенящее вдалеке.

А может, это был крик женщины?..

Перевод – А. Юрчук

Соседи

— Ну, — спросил Эд, — как там наша новая соседка?

Эвелина смотрела на вязание, лежащее на коленях.

— Нормально, — ответила она.

— Я говорил с ней перед обедом во дворе. Оказывается, они жили в Калифорнии. Она произвела на меня впечатление милой и простой женщины.

— А! Они приехали из Калифорнии?

— Интересно, правда?

— Ну да.

— Вот и компания для тебя. Это позволит тебе меньше заниматься собой, — настаивал он.

— Я редко её вижу... Иногда случается поговорить, когда она развешивает на верёвке бельё.

— Тебе это полезно, — горячо произнёс он. Лицо его стало внимательным, как у врача на осмотре.

Эвелина вернулась к своей работе, и спицы снова начали позвякивать.

Вязание было чем-то вроде лекарства, предписанного ей.

— Она вешает бельё так, будто вымещает гнев на своей стирке. Она прицепляет прищепки к рубашкам, словно наносит им удар ножом.

— Эви! — голос Эда был недовольным.

— Это правда, — упорствовала Эвелина. — Возможно потому что рубашек чересчур много. Четырнадцать штук. По две на день. Может, её муж маньяк чистой рубашки.

Эд смял, опуская, свою газету.

— Эви, — сказал он, — не нужно заставлять работать своё воображение. Не надо выискивать мании и фобии у других. Это вредно для здоровья. Я надеялся, для тебя будет достаточно прошлогоднего курса исследований и психоанализа после твоей нервной депрессии.

Эви думала о верёвке, на которой хлопало бельё, когда соседка развешивала его с необъяснимой свирепостью.

— Быть может, она устаёт, стирая и глядя по стольку рубашек каждую неделю, — сказала она. — Может, её уже тошнит. Возможно,

именно поэтому у неё такой вид, словно она протыкает их насквозь бельевыми щипцами.

— Послушай, Эви, ты уже почти поправилась, — Эд старался остаться спокойным. — Ты не имеешь права распускать своё воображение по поводу самых нормальных вещей. Это нездорово. У тебя снова будет срыв.

— Извини меня, Эд, — она опять взялась за вязание. — Я больше никогда не буду ничего воображать.

— Вот и хорошо, — вздохнул Эд с облегчением. — Сказала она тебе, чем занимается её муж?

— Он торговый представитель, — ответила Эвелина, позвякивая спицами. — Он продаёт ножевые товары в рестораны... резакки, топоры, шинковки...

— Ну вот мы и добрались до причины, — заметил Эд. — Торговые представители должны выглядеть безупречно. Поэтому он и меняет рубашки так часто.

— В самом деле? — Эвелина изучала свитер. Серая шерсть не имела ничего бодрящего. И она решила чем-нибудь оживить её, маленьким орнаментом — красным, вероятно. — Ты его видел?

— Нет, — Эд снял и протёр очки. — А ты?

— Каждое утро вижу. Он отправляется на работу чуть позже тебя. Он оставляет машину в аллее, перед окном нашей кухни. Появляется, когда я мою посуду после завтрака.

Эд полистал газету и остановился на спортивной рубрике.

— Как он выглядит?

— Очень высокий и тонкий, как лезвие ножа. Носит всегда серое. Он наводит меня на мысль о серой змее.

— Эви! — голос Эда прозвучал раздражённо. — Перестань говорить глупости.

— Хорошо. — Она поднялась. — Я иду спать.

В спальне она на мгновение задержалась перед окном. В соседнем доме виднелся свет; оранжевый оконный проём образовывал продолговатый разрез в ночи. Она легла, приняла таблетку нембутала и заснула.

Каждое утро, поверх мыльной пены над раковиной с грязной посудой, она видела соседа; длинными шагами он направлялся к машине и усаживался возле ящика с образцами своих товаров. Он был

худощав, черты его лица заострились, как ножи, которые он продавал, глаза глубоко западали в орбитах. Машина трогалась с места и, проскрежетав по гравии, уезжала.

В конце концов, благодаря кратким появлениям соседки на заднем дворе, Эвелина познакомилась с ней поближе. Знала, как она проходит к мусорному ящику, как хлопает крышкой, откидывая её движением кисти, чтобы бросить внутрь пакет, завёрнутый в бумагу, как с грохотом закрывает, как бьётся с бельём, как разговаривает сама с собой. Иногда это была жалоба, иногда гневный монолог. Но говорила она неизменно тихим, почти неслышимым голосом. Вскоре у Эвелины сложилось ощущение, что она понимает соседку. По ночам в их доме слышался шум. Это не было похоже на беседу. Звуки были приглушёнными, сдавленными. При наличии воображения можно было бы утверждать, что это сдерживаемые вскрики ярости или боли. Но она обещала Эду не давать воли своему воображению.

Два дня автомобиль не двигался с аллеи. И она сообщила об этом Эду. Он опустил газету.

— О! — сказал он вежливо, — уж не болен ли он?

— Возможно. Её я тоже не вижу.

— Может, тебе стоит сходить к ним, а? Вдруг они оба больны.

— Нет, я не хочу к ним идти.

Он посмотрел сначала на газету, потом на жену.

— Почему? Ты говорила с ней? Было бы любезно осведомиться о здоровье.

— Она может решить, что я за ними шпионю.

На лице Эда смешались раздражение и жалость. Наконец, он произнёс очень мягко:

— Я не думаю.

— Да нет же, это возможно.

В течение ещё одного дня на заднем дворе не было никакого шума. Эвелина прислушивалась и ночью, хотя соседский дом выглядел явно уснувшим.

На следующий день неожиданно появилась соседка чтобы снять давно высохшее бельё. Теперь она обращалась с ним, даже с рубашками, как с вещами из ткани неодошевлёнными и безличными, а не так, словно боролась с ненавистным врагом.

Эвелина подошла к общей ограде, положила на неё руки и наклонилась на их сторону:

— Я вижу, машина вашего мужа всё время в аллее... — начала она.

Казалось, слова достигли мозга женщины, пройдя предварительно через какой-то фильтр, а собравшись в голове, приняли значение, заставившее её вздрогнуть. Она глянула на машину, потом на Эвелину.

— Он отправился в поездку. — Выражение её лица внезапно стало холодным и замкнутым. Кончиком языка она облизнула губы. — Ему нужно заключить договор. Это чересчур далеко, чтобы добираться на машине. Он поехал поездом, а автомобиль оставил мне.

— А! хорошо, — ответила Эвелина. — А то мы боялись, не заболел ли он.

— Нет, он не болен. Он совсем не болен.

Неожиданно женщина шагнула к ограде. Губы шевельнулись, словно она хотела произнести слова объяснения. Затем повернулась, вошла в заднюю дверь дома и закрыла её за собой на ключ.

— Наш сосед в отъезде, — сообщила Эвелина Эду вечером.

Он улыбнулся:

— Всё же сходила к ним?

— Нет.

— Вот как? Но ты говорила с ней?

— Да, я с ней говорила. — Эвелина склонилась над вязанием. — Днём она взяла машину и уехала.

Полистав газету, Эд углубился в чтение.

— Отсутствовала она недолго. Когда вернулась, в машине вместе с ней сидели две большие собаки.

Он опустил газету:

— А! да?

— Две большие худые собаки. Она привязала их к столбу на заднем дворе. Сегодня утром, — добавила Эвелина, — у неё была большая стирка. Когда бельё высохло, она отправилась за собаками и привязала их этой бельевой верёвкой.

— Может, когда мужа нет, она боится? Вот и взяла собак для охраны.

— Может быть.

Эвелина решила, что сумеет теперь обойтись и без нембутала, который принимала последние месяцы регулярно. Она задвинула на

ночном столике как можно дальше флакончик со снотворными пилюлями и легла. Она думала о соседке, о собаках, о машине в аллее, соседке, собаках, машине...

В конце концов она поднялась и принялась разгуливать по дому, захваченному ночью.

Остановившись перед кухонным окном, она глядела в темноту и вдруг заметила огонёк, пересекающий соседский двор. Её глаза последовали за ним. Она услышала какое-то плюхание, рычание, урчание... Затем довольное сопение, которое сопровождает обычно утолённый голод. Огонёк описал дугу и, приблизившись к дому, исчез.

Эвелина долго ещё стояла у окна. Потом вернулась в спальню, выпила таблетку нембутала и заснула.

— Она не любит своих собак, — сказала Эвелина Эду несколько дней спустя.

— Ей ни к чему их любить. Это сторожевые собаки, а не салонные животные.

— Она их целыми днями выгуливает. Отвязывает и уводит с собой. Возвращается очень уставшая, собаки тоже уставшие. Потом, когда наступает ночь, она даёт им обильную еду.

Эвелина думала о них, об этих зверях, весь день к чему-то принуждаемых, об их свисающих языках, об утомлённой походке женщины, о её лице, не выражающем ничего кроме усталости, о том, как она привязывает животных к столбу, делая узлы, ещё узлы, опять узлы, в то время как псы ложатся, закрывая глаза, изнемогающие, пресытившиеся.

— Что говорит она о муже? Мне кажется, заключение этого договора тянется удивительно долго.

— Она ничего не говорит. Она выгуливает собак. Она их выгуливает и кормит.

Он отложил газету.

— Эви, ты что же, больше с ней не разговариваешь?

Эвелина смотрела на него, прижав спицы к груди.

— Я не разговариваю с ней потому, что её не вижу. Она выгуливает собак, и всё. Она не развешивает бельё на верёвке. Она ничего больше не делает во дворе, только отвязывает и привязывает собак.

— Жаль. Мне хотелось, чтобы кто-нибудь составлял тебе компанию. Может, и тебе прогуляться?

— Нет, я не хочу прогуливаться ни с ней, ни с собаками.

Эвелина уронила вязание на стул и отправилась спать...

Отяжелевшие собаки были теперь спокойными. Они стали жирными и ленивыми. Пройдя медленным шагом до конца привязи, они возвращались чуть ли не ползком и засыпали.

Эвелина спокойно вязала. Свитер был почти готов, тусклый, блёклый, но с ярко-алым орнаментом, которым она его разнообразила.

— Соседка увезла собак на машине, — сказала она Эду в пятницу вечером.

Он посмотрел на неё поверх очков.

— Правда?

— А вернулась одна. Вошла в дом, взяла два чемодана и снова вышла. Положила багаж в машину и уехала.

— Может, поэтому она и отвезла собак: она отправляется в путешествие.

— Да, она отправляется в путешествие, без всякого сомнения.

— Или, может, собаки ей обходились чересчур дорого, — зевнул Эд, протёр очки и опять разместил их на носу. — Не надо было заставлять их делать такие моционы. Это возбуждало их аппетит.

Он раскрыл газету и положил её на колени.

Эвелина воткнула спицы в клубок и свернула свитер. Поднялась и долго стояла неподвижно.

— Не думаю, — сказала она. — Не думаю, чтобы это ей обошлось хотя бы в один цент.

Перевод – И. Логинов

Мастер розыгрыша

Игра в бридж втроём в конце концов надоела. Бредли бросил карты на стол. Ночь за окнами прокуренной репортёрской комнатухи в полицейском управлении была глухой, тёмной и словно бы не предвещала никаких событий.

— Предлагаю разыграть старика Хендерсона, — сказал Бредли, репортёр из отдела уголовной хроники газеты «Экспресс».

— Что именно? — спросил долговязый Фарнес, репортёр из «Рекорда».

Бредли объяснил. Фарнес покачал головой:

— Нет, мне это не по вкусу. Старик туповат, с ним не так выйдет. Оставим его в покое.

Старику Хендерсону было уже за семьдесят, ему давно можно было отдыхать на пенсии, но в основном семья Хендерсона держалась на его зарработке. К тому же, у него тяжело болела жена. Нет, на пенсию ему было не прожить. Полицейское начальство пошло ему навстречу и разрешило продолжить работу. Да и работа у старика была простой — он дежурил по ночам в морге полицейского управления, в подвале этого же здания.

Фарнес ещё раз покачал головой.

— Нет, не стоит трогать старика.

Отговорить Бредли от задуманного никому не удавалось. Он был великий мастер розыгрыша. Фарнес был уступчивым в спорах, а третий репортёр, Морган, из «Кроникла» был в лёгком подпитии и потому склонен к шуткам. Бредли их быстро уговорил, и они втроём спустились в подвал.

Поп Хендерсон сидел в своей крохотной конторке, отгороженной в зловещем подвальном помещении морга. Старик сидел в конторке и ждал конца своего дежурства. Он не читал книжку или газету, да и был слишком близорук; он даже не слушал радио — просто сидел и ждал конца своего дежурства.

В большом отсеке подвала, вдоль стены тянулась череда ячеек, предназначенных для трупов. Размер ячеек был как раз таким, чтобы уместился довольно крупный труп взрослого человека. Правда, если бы лежавший в отдельной ячейке захотел повернуться на другой бок,

то это не удалось бы. Но такого желания до сих пор ни у кого не появлялось.

Город был крупный, ежедневных несчастных случаев было много, и потому большая часть ячеек постоянно была заполнена.

— Поп, — сказал Бредли, — нам надо взглянуть на номер одиннадцатый. Только что пришло сообщение, что это, возможно, тот банкир из Нью-Йорка, который недавно исчез.

— Номер одиннадцать? — Поп Хендерсон выбрался из своей конторки и повёл их вдоль ячеек; он отодвинул задвижку на дверце с номером одиннадцать и вытянул подвижный лежак. Тело было закрыто простынёй. Бредли откинул её и притворился, что очень внимательно разглядывает лицо покойника.

— Похоже, что это он, — сказал он. — Да, с описаниями вполне сходится. Поп, принесите, пожалуйста, из картотеки карточку этого господина.

— О'кей, сэр, — сказал Поп Хендерсон. Он повернулся по-военному и удалился, тяжело шаркая ногами.

Бредли подмигнул Фарнесу, следовавшему за ночным сторожем, и, когда они вышли из подвала, он вместе с Морганом, на которого продолжали действовать винные пары, стал подготавливать задуманный розыгрыш.

Фарнес должен был подольше задержать старика у картотеки. Он внимательно читал карточку, составленную на труп номер одиннадцать. Он изучал её, пока не поднялся из подвала Морган.

— Не стоит беспокоиться, — сказал Морган. — Мы уже разобрались, это не тот, о ком мы подумали. Поп, вы можете задвинуть лежак на место. Пойдём, Фарнес, успеем сыграть ещё пару партий.

Оба журналиста отошли и, остановившись в конце коридора, стали ждать. Поп Хендерсон аккуратно убрал карточку в картотеку, после чего неторопливо вернулся в большой отсек подвала. Всё так же шаркая подошвами по цементному полу, он направился к ячейке номер одиннадцать, лежак которой с телом, накрытым простынёй, оставался выдвинутым.

Старик был ещё метрах в четырёх от ячейки, когда простыня над лежаком вскинулась. Раздался театральный вой, и тело, лежавшее под простынёй, приняло сидячее положение. Полумрак помещения и сильная близорукость старика не позволили ему распознать физиономию Бредли.

— Где я? — завывающим голосом спросил мастер розыгрыша. — Что вы сделали со мной?

Поп Хендерсон остановился в некотором замешательстве. Бредли воздел руку, обёрнутую концом простыни, и с угрозой в голосе спросил:

— Вы! Вас я спрашиваю! Что вы хотели сделать со мной? Убить?..

Розыгрыш, впрочем, был довольно дурного вкуса, как большинство розыгрышей Бредли. Правда, он и рассчитан был на притупившееся с годами сознание старика. Произведённый эффект был, по мнению Бредли, вполне удовлетворительным. Какой-то миг Поп Хендерсон стоял, застыв на месте, потом повернулся и побежал в сторону лестницы, даже не шаркая подошвами.

— Силы небесные! Он живой! — кричал он пронзительным голосом. — Он живой! Бригадир Робертс, бегите сюда, он живой!

Задыхаясь, старик пробежал мимо Фарнеса и Моргана, стал подниматься по лестнице в поисках дежурного бригадира.

Дейв Бредли слез с лежака, бросил на него простыню, задвинул обратно и захлопнул дверцу с табличкой № 11.

— Ребята! Быстро отсюда! Там есть ещё одна лестница, — сказал он Фарнесу и Моргану.

Стремление поскорее убраться до появления дежурного бригадира было понятно:

— Этот бригадир — зануда из зануд! Он нам ни к чему.

Они уже вернулись в репортёрскую комнату, когда из коридора послышались торопливые шаги дежурного бригадира и ночного сторожа. Старый Хендерсон говорил на ходу:

— Смотрю — сел! Сел и на меня глядит! И руку поднял...

Сбивчивые слова долетали уже с лестницы, ведущей в подвал.

Бредли откинулся на спинку стула и громко рассмеялся. Морган поддержал его неуверенным смешком. Фарнес угрюмо молчал, ему не нравилась вся эта затея, теперь ему было стыдно.

Прошло не больше пяти минут, и в коридоре раздались тяжёлые шаги бригадира. Проходя мимо репортёрской, он заглянул в раскрытую дверь, зло посмотрел на всех троих и мрачно сказал:

— Очень смешно, да? Шуты гороховые!..

Ему хотелось бы выразить своё возмущение более крепкими словами, но он хорошо знал рамки допустимого в общении с этой газетной братией. Он захлопнул дверь и ушёл, яростно стуча каблуками.

— Ну и рожа! — сказал Дейв Бредли. Ему было по-прежнему весело, как всегда после удачного розыгрыша. Вдруг он заметил, что веселится без поддержки приятелей.

— Вы что, ребята? Что такие постные?

— Я, пожалуй, пойду, — сказал Фарнес, поднимаясь. — Если позвонят из газеты, скажите, что ушёл кое-что проверить. — Он надел шляпу и ушёл.

— Зануда, — отреагировал Бредли на его уход.

Морган, у которого хмель уже прошёл, пожал плечами и сказал:

— Пожалуй, шутка была не первый сорт. — Он тоже поднялся. — Пойду, может, где-нибудь выпью ещё стаканчик. Событий, видно, не будет, да и газету уже печатают.

Бредли, нахмурившись, посмотрел ему вслед, ничего не сказал, взял сигару, откусил кончик и выплюнул его на пол. Он уже немного успокоился, покуривая сигару, когда в двери появилась фигура Попа Хендерсона.

Старик посмотрел на репортёра, помолчал и сказал:

— Это как раз не надо было... Не надо было так делать. — В голосе старика не было интонации упрёка. — Я, конечно, не ожидал, это, конечно, жуткая штука... Только не в этом дело. Я побежал к бригадиру, как ошалелый... Мы туда спустились с бригадиром Робертсом... Там всё нормально. Он что подумал, бригадир Робертс. Он подумал, что мне всё привиделось. Он и так про меня всё время говорит разное... Только, когда я сказал ему, что вы, репортёры, сюда приходили, тогда он сказал: «Это их штучки!..»

Поп Хендерсон умолк перевести дух. Он продолжал смотреть на Бредли, но и в его взгляде тоже не было осуждения. Бредли молча смотрел на старика, держа сигару в руке. Потом с преувеличенной внимательностью стряхнул пепел.

Переведя дух, старик продолжил свою горестную речь:

— Он и сказал, бригадир Робертс, ещё раз, сказал он, и ты загремишь отсюда на пенсию... Так и сказал, бригадир Робертс... А как же я тогда? И старуха больна... Я вас очень прошу, сэр Бредли, не шутите так никогда больше...

Он постоял ещё немного, потом повернулся и пошёл по коридору, шаркая подошвами.

Бредли задумчиво посмотрел на аккуратное колечко дыма, которое он выпустил изо рта к потолку, и потянулся к телефону.

— Это Бредли. Да, из полицейского управления... Пока ничего особенного... Никаких сенсаций... Газету уже печатают?.. О'кей! Я ухожу домой.

Он повесил трубку, выпустил ещё одно колечко и надел шляпу.

Выйдя на улицу, он остановился в раздумье. Ночь была холодной и сырой. Настроение Бредли упало, что-то вышло не совсем удачно. Бредли не переносил такого пониженного настроения, ему было необходимо всегда быть в весёлом, приподнятом состоянии духа, ему постоянно надо было замышлять остроумные проделки, это было для него важнее вина и женского внимания.

«Пожалуй, стоит пропустить стаканчик», — подумал Бредли и пошёл в сторону небольшого известного ему питейного заведения. Сейчас он выбрал это направление в основном потому, что там он не рисковал встретиться с Морганом или Фарнесом, он не хотел сейчас встретить их.

Бар, в который он вскоре вошёл, был тесноватый и довольно грязный, но главное для Бредли было выпить виски. После третьего стаканчика он вернулся в своё нормальное радостное состояние. Неутомимый мозг мастера розыгрышей стал обдумывать новую шутку. Ему теперь нужна настоящая публика, настоящие ценители, а не такие зануды, как Морган или Фарнес. Бредли огляделся. Час был поздний, посетители почти все разошлись. В баре, кроме Бредли и бармена, сидел какой-то невзрачный тип и пил пиво. Публика, конечно, неважная, но что же делать?

Бредли для начала издал приглушённый смешок и, нагнувшись под стол, стал завязывать шнурок ботинка. Ловким движением руки он сунул спичку за край туфли человека, занятого пивом, и поджёг её. Тут же он снова принял нормальную позу и подмигнул бармену, привлекая его внимание.

Несчастный вскочил с диким воплем и, прыгая на одной ноге, ударил себя по ботинку, гася спичку. Бредли захохотал, глядя на бармена и ожидая одобрения. Невзрачный на вид тип оказался довольно активным. Он подскочил к Бредли и со словами: «Ах ты, сучий потрох!» крепко дал ему по зубам кулаком, разбив в кровь губу. И это

ещё было не всё. Дело вышло очень плохим. Бредли упал навзничь и, падая, стукнулся затылком об острый медный угол стойки. Что-то треснуло в костях черепа, и свет в глазах Бредли померкнул.

Невзрачный тип, жертва шутки Бредли, не мог успокоиться. Злобно глядя на поверженного обидчика, он кричал:

— Собака! Это он мне такое! Мне, Киду Вилкинсу!..

Бармен вышел из-за стойки, присел рядом с Бредли.

— Ты его, пожалуй, здорово стукнул. Слышишь, Кид, я думаю, ты здорово его стукнул. — Он вытер руки о передник и потрогал Бредли.

— Да ну! Прямой по челюсти. Не так страшно. Пары зубов не досчитается — все дела!..

— Нет, Кид, ты его здорово ударил. Что-то он долго молчит...

Бармен взял руку Бредли и стал щупать пульс. Вдруг он выпрямился и хрипло сказал:

— Да, он готов! Мёртвый, как мороженная треска!..

— Ты что?! Да я же слегка, одной левой! Мёртвый! Это же случайно! Веришь? Это же случайно!..

— Я верю, Кид. Это вышло случайно, но он мёртвый! — Бармен быстро подошёл к двери и запер её. Потом он опустил штору и выключил освещение над входом в бар. Прodelав всё это, он вернулся к Бредли.

— Слушай, Кид, дело-то плохое, — упавшим голосом сказал он, обшаривая карманы журналиста. — У меня и так много неприятностей с фликами. Не хватало ещё покойника.

— Это так, это так... — бормотал Кид. — Зря я погорячился. Это так... Что же теперь делать?

Бармен рылся в бумажнике, который он нашёл в кармане Бредли.

— Кид, — сказал он, — это не просто грязная история, это очень грязная история!.. Этот сучий выродок оказывается ещё и репортёр! Из «Экспресса». Это почти то же, что самый настоящий флик.

— Репортёр! И чёрт его подsunул с этой спичкой!.. И я его по зубам, кой чёрт я его по зубам!.. И что там треснуло в его собачьей башке?.. Почему же так всё вышло? Ну, почему?..

— Не спрашивай, почему? Брось! Я придумал, что делать. Мы его вытащим отсюда. Надо его скинуть сверху на пристани. Там всё могло быть: в драке уложили, сам упал, пьяный, разбил башку...

— Ну, ты голова! Ну, ты голова! — засуетился Кид. — Потом я — на судно. В шесть утра мы уходим в море. Больше меня в этом порту не увидят... Если до тебя доберутся, ты скажешь — он пьяный ушёл, ты закрыл бар и всё.

— Ладно, ладно... Всё из карманов у него надо вытряхнуть, пусть дальше разбираются. Потом оттащим его к докам.

Бармен быстро переложил всё из карманов Бредли в свои карманы и погасил все лампы в баре. Они вышли через чёрный ход в узкую тёмную улицу и, взявши убитого под руки, как мертвецки пьяного, отправились в путь.

Бредли пришёл в сознание, вернее в полусознание. Он попробовал пошевелиться, но это не получалось. Всё его тело было как деревянное, боли он никакой не чувствовал, не только боли, у него, вообще, не было никаких ощущений. Он не мог определить, в какой позе он находится, похоже было, что он лежит на спине.

Очень смутно он припомнил, что упал. Упал и ударился шеей. Ещё в школе он играл в футбол, упал и ударился шеей. Теперь снова. Тем же позвонком. В этот раз он ударился сильнее. До его сознания откуда-то издали, очень издали, донёсся голос:

— О'кей! Это уж точно ваш клиент. Мы его подобрали в доке. По рожу он получил прилично. Он уже был холодненький, когда приехала машина. Врач послушал, да что там! Он сказал, везите в морг!.. Документов не было, вообще ничего не было... Принимайте...

Голос потух. Бредли почувствовал, что его понесли, положили... Что-то щёлкнуло в его позвонках, какой-то нерв освободился, и Бредли открыл глаза. Обстановка оказалась очень знакомой.

— Поп, — еле слышно прошептал Бредли. — Поп, это я.

Старик, не вглядываясь в черты лица покойника, был занят более важным делом: укладывал удобнее на лежаке руки и ноги Бредли.

— Поп, это я, — сказал Бредли немного громче. — Я живой. Позови врача. Скорее приведи врача...

Поп Хендерсон вздрогнул от неожиданности, потом наклонился над Бредли.

— Это вы, сэр Бредли? Да что же, это! У вас так лицо распухло! Так это вы!..

— Врача, врача, — выжимал из разбитого рта Бредли, — врача...

Поп Хендерсон нерешительно выпрямился, потом взял простыню и начал её развёртывать.

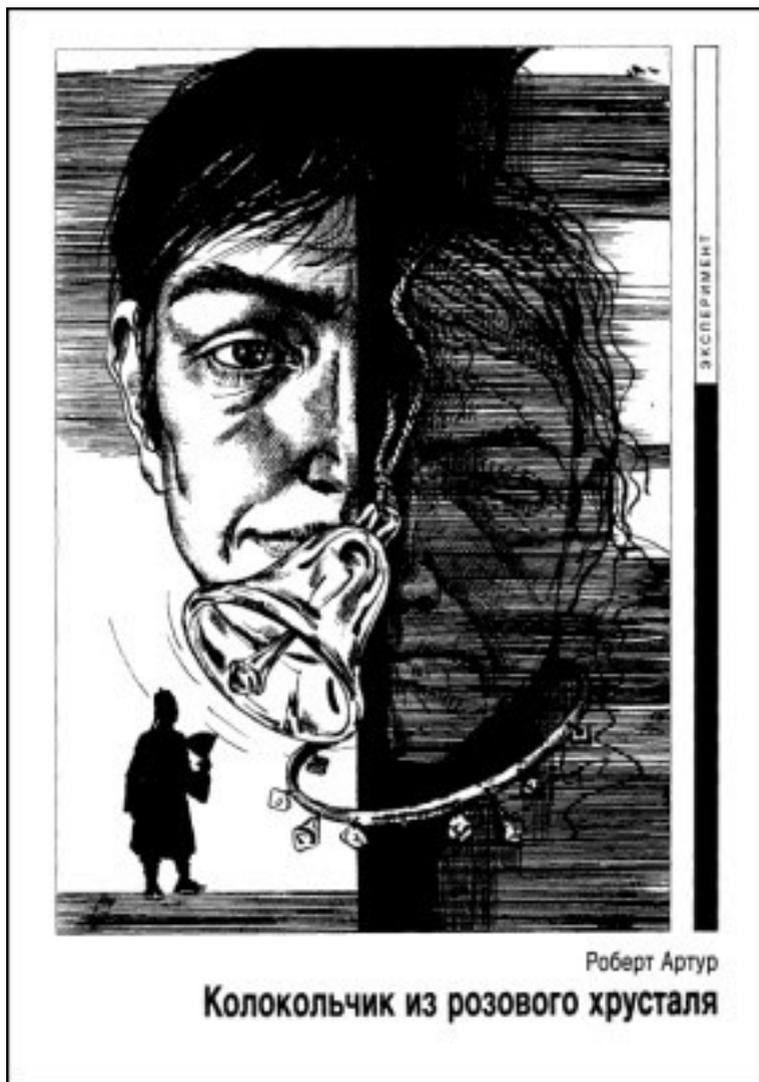
— Сэр Бредли, я вас очень просил не шутить так со мной, очень просил. — Он аккуратно покрыл Бредли простынёй. — Сэр Бредли, я вас уже просил, не шутите так... Бригадир Робертс мне не простит такого. Нет, нет, сэр Бредли, два раза в одну ночь, это невозможно, сэр Бредли!..

Старик решительно вдвинул лежак с репортёром, укрытым простынёй, в ячейку, закрыл дверцу с табличкой № 12 и надёжно запер её.

Он постоял немного, бессмысленно уставившись на эту табличку, потом медленно прошёл в свою конторку и уселся дожидаться окончания дежурства.

Перевод – Е. Андреев

Роберт Артур

Колокольчик из розового хрусталя

... Всё те же пыльные склянки — «Корень женьшеня», «Тигровый ус»; те же бронзовые Будды, те же безделушки из нежного нефрита. Переступив порог крохотной лавочки Сома Ки на улице Мотт, Эдит Вильямс замерла в восхищении.

— Марк, — шепнула она, — словно и не было этих двадцати лет! Как будто с нашего медового месяца здесь не продано ни одной вещички!

— Вот именно, — отозвался доктор Марк Вильямс, протискиваясь за женой по узкому проходу меж прилавков. — Не знай я, что Сом Ки умер, — решил бы, что мы перенеслись на два десятка лет назад. Как в тех фантастических сказках, которыми зачитывается наш Дэвид.

— Надо что-нибудь купить, обязательно, — сказала Эдит. — Мне в подарок на двадцатилетие свадьбы. Может, колокольчик?

Откуда-то из глубин магазина возник молодой человек. Восточные черты, узкий разрез глаз — и безукоризненный американский костюм.

— Добрый вечер. Чем могу быть полезен? Что вам показать?

— Наверное, колокольчик, — усмехнулся доктор Вильямс. — Но мы ещё не решили. А вы — сын Сома Ки?

— Сом Ки-младший. Мой почтенный отец пять лет тому назад отправился навестить усадьбы предков. Я мог бы просто сказать, что он умер, — чёрные раскосые глаза стали ещё уже, — но наши покупатели предпочитают более витиеватые выражения. Им кажется, что всё это необычайно изысканно.

— А по моему, вовсе не изыскано — просто очень мило, — возразила Эдит. — Нам искренне жаль, что вашего отца больше нет. Мы так надеялись снова его увидеть... Знаете, двадцать лет назад, в наш медовый месяц, когда у нас не было и гроша за душой, он продал нам дивное ожерелье из розового хрусталя — всего за полцены!

— И уверяю вас, внакладе не остался. — Снова хитрые чёрные щёлочка вместо глаз. — Ну а если вы хотите колокольчик — сколько угодно: и маленькие, хромовые, и обеденные, и для верблюдов, и...

Но Эдит Вильямс уже не слушала его. Её ладонь скользнула к чему-то в глубине полки.

— Хрустальный колокольчик! — воскликнула она. — Ну не чудо ли? Розовый хрусталь — свадебный подарок, и на двадцатилетнюю годовщину — тоже!

Молодой человек предостерегающе поднял руку.

— Вряд ли это то, что вам нужно. Он разбит.

— Разбит? — Эдит осторожно стёрла пыль и подняла колокольчик к свету. Изящный, безукоризненной формы грушевидный предмет покоился у неё на ладони. — Но по-моему, он абсолютно цел. Он — само совершенство!

— Я не то имел в виду, — поспешно произнёс Сом Ки, который уже ничем не напоминал американца. — Он без язычка. Он не будет звонить.

Марк Вильямс взял у жены колокольчик:

— И правда, язычка нет.

— Мы сделаем другой. Если, конечно, не найдётся настоящий?

— Она вопросительно взглянула на Сома Ки.

Китаец покачал головой.

— Мой отец нарочно его убрал. — Он помолчал в нерешительности и добавил: — Отец боялся этого колокольчика.

— Боялся? — брови Марка Вильямса поползли вверх.

Молодой человек снова замялся.

— Возможно, это прозвучит как байка для туристов, — наконец выговорил он. — Но отец в неё верил. Он верил, что этот колокольчик был украден из храма одной буддистской секты, где-то в горах Центрального Китая. И как многие на Западе верят, что глас трубы Святого Петра возвестит о судном дне, так и члены этой маленькой секты убеждены, что когда зазвонит колокольчик вроде этого — выточенный из цельного куска хрусталя и освящённый обрядом, который длится десять лет — то всякий покойник, находящийся в пределах этого звука, восстанет из мёртвых.

— Божественно! — восхитилась Эдит Вильямс. — Марк, только подумай, какие чудеса ты начнёшь творить, когда он у нас зазвонит! — Она с улыбкой обернулась к китайцу: — Я просто его дразню. Мой муж на самом деле замечательный хирург.

— Я должен предупредить вас, — сказал Сом Ки. — Колокольчик не будет звенеть. Только его собственный язычок, выточенный из того же куска хрусталя, сможет заставить его звучать. Потому-то отец и разделил их. И... я рассказал вам лишь половину истории, — продолжил он, поколебавшись. — Отец ещё говорил, что хотя колокольчик и побеждает смерть, Смерть всё же неодолима. И когда у неё вырывают одну из жертв, она тут же заменяет её другой. Поэтому, когда в храме колокольчик использовался по назначению — то есть когда умирал верховный жрец либо вождь — то всегда был наготове слуга или раб. Он погибал в тот же момент, как только смерть разжимала объятия и отпускала своего высокопоставленного избранника.

Сом Ки слегка склонил голову набок и улыбнулся:

— Ну вот и всё. Забавная сказка? А колокольчик, если вы не передумали, стоит десять долларов. Плюс, разумеется, налог с продажи.

— Всего? Да одна ваша история стоит больше! — воскликнул доктор Вильямс. — Только лучше будет, если вы вышлите его почтой. В чемодане он может разбиться, правда, Эдит?

— Что? Почтой? — Вопрос мужа вывел Эдит из задумчивости. — Да, конечно. А что до звона — у меня он зазвенит. Это уж точно.

— Если в его рассказе есть хоть крупица правды, — пробормотал Марк Вильямс, — то лучше не надо...

Субботним утром, просматривая последние медицинские статьи в своём заваленном книгами кабинете, Марк Вильямс услышал шорох бумаги в прихожей — Эдит разворачивала посылку.

Она вошла, неся в ладонях колокольчик из розового хрусталя.

— Вот и он, Марк. Ну-ка, заставь его звучать!

Марк Вильямс взял колокольчик и потянулся за серебряным карандашом.

— Из чистого любопытства, — сказал он, — а вовсе не потому, что я верю в трогательные сказки для легковверных покупателей — ну-ка посмотрим, что из этого выйдет. Думаю, он зазвенит, как миленький.

Марк легонько постучал карандашом по выступу. Лишь глухое «дзынь» было ему ответом.

Устроившись в кресле, Эдит спокойно наблюдала, как муж пытается оживить колокольчик с помощью монеты, ножа для бумаги, стеклянного фужера... Результаты даже отдалённо не напоминали звон хрусталя.

— Если ты закончил, Марк, — произнесла она наконец с истинно женским терпением, — то дай я покажу тебе, как это делается.

— С удовольствием.

Эдит на мгновение вышла с колокольчиком из комнаты и, вернувшись, энергично встряхнула его. Комнату наполнил чистейший хрустальный звон, такой тонкий и бесплотный, что у Марка поползли мурашки по спине.

— Боже праведный! — воскликнул он. — Как ты это сделала?

— Привязала язычок ниткой, только и всего.

— Язычок?! — Он хлопнул себя ладонью по лбу. — Подожди, не говори, я сам... то хрустальное ожерелье, что мы купили двадцать лет назад!

— Ну конечно, — спокойно подтвердила Эдит. — Как только молодой Сом Ки сказал, что его отец нарочно отделил язычок, я тотчас вспомнила, что центральная подвеска ожерелья выглядит в точности, как язык колокола — помнишь, мы однажды это заметили? Я сразу догадалась, но не сказала. Я хотела разыграть тебя, Марк, — она нежно улыбнулась, — и потом, ты знаешь, у меня было странное чувство: если этот юноша узнает, что язычок у нас, он не продаст нам колокольчик!

— Пожалуй, — Марк Вильямс принялся набивать трубку. — Впрочем, вряд ли он верит в эту сказку больше, чем мы.

— Он — нет, но отец-то его верил! И если бы старик Сом Ки сам рассказал нам эту историю — помнишь, каким древним мудрецом он выглядел? — боюсь, что и мы бы поверили!

— Наверное, ты права. — Доктор Вильямс снова легонько встряхнул колокольчик. Тонкий, нежный звон несколько мгновений висел в воздухе, затем растаял. — Видишь? Ничего не происходит. Неужто поблизости нет покойников?

— Меня что-то не тянет шутить на эту тему. — На лбу Эдит возникла озабоченная складка. — Я сперва хотела, чтобы это был обеденный колокольчик — и рассказывать эту историю гостям. Но теперь...

Нахмурившись, Эдит не сводила тревожного взгляда с колокольчика, пока телефонный звонок не вернул её в реальность.

— Сиди, я отвечу. — Она поспешила из комнаты. Доктор Вильямс задумчиво вертел в руках колокольчик. Услышав напряжённый голос жены, он встал — но Эдит уже входила в комнату.

— Срочная операция, — вздохнула она. — Автокатастрофа. Милый юноша, почти ребёнок. Доктор Амос говорит — трещина в черепе. Он сказал, что не хотел беспокоить тебя, но хирург Хендрикс уехал в отпуск, и ты теперь единственный нейрохирург в городе...

— Знаю. — Марк Вильямс уже надевал шляпу в прихожей. — Ну что, — невесело пошутил он, — тело мастера боится?

— Я поведу машину, — сказала Эдит. — У тебя будут лишние десять минут, чтобы расслабиться.

Доктор Марк Вильямс устало стянул хирургические перчатки. Чувство горечи не покидало его. Ему и прежде доводилось терять пациентов — и всегда он ощущал это как личное поражение. Эдит говорила, что в каждую операцию он вкладывал слишком много себя. Возможно. И всё же... Ведь не было причины этому парню умирать! Да, трещина, но в начале операции его состояние было абсолютно нормальным! И вдруг, где-то в середине — прерывистое дыхание, нитевидный пульс... Марк делал уже последние стёжки, когда сердце остановилось. Но почему? Жизнь соткана из неудач и нелепых случайностей. Взять хотя бы парня, которого он оперировал прошлой ночью. Уж он-то был в куда худшей форме, чем этот — а поди ж ты, выкарабкался. Лежит теперь в девятой палате, набирается сил. Даст Бог, проживёт ещё с полсотни лет...

Доктор Амос, молодой анестезиолог, похлопал Марка по плечу.

— Не думай об этом. Сам Господь не смог бы сделать большего. Жизнь просто не хотела этого парня, вот и всё.

— Спасибо, Джон. — Марк старался говорить бодро. — Да, иногда так бывает. Но мне нужно, чтобы было вскрытие. Хочу наверняка убедиться...

— Конечно. Я распоряжусь. Ты выглядишь усталым, Марк. Иди-ка домой. Давай я помогу тебе одеться.

Застёгивая пиджак, Марк Вильямс вдруг нащупал в кармане предмет странной формы.

— Что это? — спросил он в растерянности — и вынул колокольчик из розового хрустала. Он должно быть машинально сунул его в карман, пока жена говорила по телефону. — Колокольчик! Вряд ли Эдит скажет мне спасибо за то, что я его утащил!

Внезапно колокольчик выскользнул из его усталых дрожащих пальцев. С криком «Лови!» доктор Амос подхватил его в нескольких дюймах от пола; нежный прозрачный звон поплыл по комнате.

— Ещё бы чуть-чуть — и всё, — сказал молодой врач, любуясь изящной хрупкой вещицей. — Прелесть какая. Что это?

— Китайский обеденный колокольчик, — ответил Марк Вильямс. — Я бы... — он не договорил, услышав взволнованные крики сестры Вис:

— Доктор! Доктор Вильямс! Пациент начал дышать! Есть пульс! Скорее!

— Что?! — Марк бросился в операционную. Сестра не ошиблась. Дыхание выравнивалось. Удары сердца с каждой секундой набирали силу.

— Господи! — только и выдохнул доктор Амос. — Немыслимо! Возвращение с того света! Марк, ты когда-нибудь слышал о таком? Ну, уж теперь-то мы его не отпустим!

...Жизнь пациента уже наверняка была вне опасности, когда в операционную влетела сестра Макгрегор.

— Простите, что беспокою вас, доктор Вильямс, — тревожной скороговоркой выпалила она, — вы не подойдёте сейчас в палату номер девять? Всё было прекрасно, и вдруг пять минут назад — внезапный рецидив. Я оставила с ним сестру Джонсон и побежала за вами, но боюсь, что уже поздно...

К счастью, по пути домой не было большого движения — Марк то и дело оказывался слева от осевой линии.

— Ну почему, почему он умер, Эдит? Почему?! Кстати, вот твой колокольчик... положи-ка его в сумку... Всё ведь было спокойно!.. Мы думали, что потеряли человека — и спасли его, а того, кого считали спасённым, потеряли...

— Так бывает, дорогой. Ты же знаешь. Врач может сделать от сих до сих — остальное в руках природы. И она время от времени выкидывает всякие штуки...

— Да, чёрт побери, я знаю! — огрызнулся Марк. — Но я не могу смириться с тем, что он умер. Ну не было для этого видимой причины! Разве что я просмотрел какое-то осложнение... — он упрямо мотнул головой. — Я распорядился о вскрытии, но — лучше я сам! Сам проведу вскрытие. Сейчас же! Я должен понять!

Он резко вывернул руль влево. Эдит услышала рёв автомобильного гудка и отчаянный скрежет тормозов. Она успела подумать, что кто-то, едущий следом за ними, собрался идти на обгон. Затем — глухой удар. Она ударилась лбом о ветровое стекло и потеряла сознание.

Открыв глаза, Эдит увидела нависшую над ней фигуру полицейского. Голова раскалывалась от боли, но путаницы в мыслях не было. Эдит сразу вспомнила столкновение, поняла, что несколько минут пролежала на земле в беспомощности и что помощь подоспела вовремя.

— Спокойней, спокойней, леди! — запротестовал полицейский, видя, что она пытается сесть. — Вы сильно ушиблись. Лежите и не двигайтесь; «скорая» будет здесь через пять минут.

Эдит словно не слышала его.

— Марк, — выговорила она. — Мой муж! Что с ним?

— Пожалуйста, леди, не волнуйтесь. О нём позаботятся. Лежите, ведь вы...

Не обращая внимания на слова полицейского, Эдит вцепилась в его руку, приподнялась и села. В нескольких ярдах стояла их машина, другие автомобили, что остановились из-за аварии, у обочины собирался народ. Эдит смотрела на всё это — и не видела. Блуждающий взгляд её, наконец, остановился на том, что искал. Марк. Лежит неподалёку от неё. Под головой — свёрнутый пиджак.

Эдит Вильямс была женой врача двадцать лет, а до этого работала медсестрой. Она безошибочно и с первого взгляда распознавала смерть.

— Марк... — прошептала она. Полицейский принял это за вопрос.

— Да, леди, — сказал он. — Он погиб. Буквально две-три минуты назад, когда я подъехал, он ещё дышал.

Эдит встала на колени и, преодолевая боль, поползла, думая только о том, чтобы добраться до Марка... Она нашла то место, где должен быть пульс. Пульса не было. Ничего не было. Только тот, кто несколько минут назад ещё жил.

За спиной Эдит услышала шум и оглянулась. Здоровенный всклокоченный человек громко втолковывал полицейскому:

— Послушайте, командир, вы же видите, что я не виноват! Он вывернул влево у меня перед носом, что я мог сделать? Вон какая у него вмятина в боку! Как только мы все трое не встретились в раю!

Слёзы, до этого мгновения комом стоявшие в горле, хлынули ручьём. Не снимая руки Марка со своего колена, Эдит попыталась отыскать в сумочке платок. Пальцы её наткнулись на что-то твёрдое и прохладное, рука дрогнула, послышался лёгкий, воздушный хрустальный звон. Ладонь Марка слегка сжала её колено.

У Эдит перехватило дыхание. Не веря своему счастью, она наклонилась к мужу — и встретилась с ним взглядом.

— Марк! Марк, любимый...

— Эдит, — с усилием выговорил Марк. — Прости меня, прости. Я виноват, моя беспечность. Задумался о работе...

— Марк, ты ж и в! — сказала она. — Жив! Только ради Бога, не шевелись. Сейчас приедет «скорая».

— «Скорая», зачем? Я в полном порядке. Помоги мне встать...

— Но, Марк...

— Ничего страшного, слегка ударился головой, — он попытался сесть.

Полицейский подбежал к ним.

— Полегче, парень. Ты уже был на том свете, смотри, не отправься туда снова!

— Приятель, как я рад, что ты жив! — скороговоркой рассыпался взъерошенный краснолицый здоровяк. — А то, хоть я и не виноват, всё равно приуныл. Ну сам посуди, как я мог в тебя не врезаться, когда...

— Держите его! — закричал Марк, но было поздно. Здоровяк покачнулся, рухнул на мостовую и замер.

Часы в прихожей гулко пробили два раза. Эдит Вильямс осторожно приподнялась на локте и посмотрела на мужа. Глаза его открылись.

— Не спишь, Марк? — с деланной беспечностью спросила она.

— Всего несколько минут, как проснулся. Лежал и думал.

— Я дам тебе ещё одну таблетку снотворного. Доктор Амос сказал, что ты должен хорошо выспаться.

— Выпью чуть позже... Ты знаешь — бой часов мне кое-что напомнил.

— Что?

— Сегодня днём, после аварии, когда я лежал без сознания, у меня было странное чувство — как раз перед тем, как прийти в себя, я слышал колокольный звон. Колокол звучал так громко, что я открыл глаза, чтобы посмотреть на него.

— Колокол?

— Да. Слуховая галлюцинация.

— Но, Марк...

— Что?

— Колокол... он действительно звонил. То есть розовый колокольчик. Он звякнул у меня в сумке. Ты думаешь...

— Конечно, нет, — поспешно возразил он, но в голосе не было уверенности. — Я слышал оглушительный звон, похожий на удары огромного гонга.

— Но, Марк... дело в том, что... как тебе сказать... перед тем, как ты очнулся, у тебя не было пульса.

— Не было пульса?

— И дыхания. Потом случайно зазвенел колокольчик — и ты...

— Чушь! Я знаю, о чём ты думаешь, и поверь мне — это полная чушь!

— Марк, а водитель той, другой машины? — осторожно напомнила Эдит. — Не успел ты прийти в чувство, как он...

— У него трещина в черепе! — резко перебил Марк. — Врач «скорой» поставил диагноз. Эти трещины очень коварны, порой они не сразу себя обнаруживают, а потом — раз, и нет человека. И не будем больше об этом!

— Хорошо, — Часы пробили четверть третьего. — Теперь дать снотворное?

— Да... то есть, нет. А Дэвид дома?

Эдит замешкалась с ответом.

— Он... он ещё не пришёл.

— А он звонил? Знает ведь, что мы ждём его домой не позже полуночи!

— Нет, не звонил. Но у них в школе вечеринка...

— Это не причина. Кстати — он взял старую машину?

— Да. Ты же сам дал ему утром ключи, помнишь?

— Тем более, — Марк умолк на несколько секунд, затем проворчал: — Парню всего семнадцать, и в третьем часу ночи его ещё нет дома!

— Я поговорю с ним. Он больше не будет так делать. А сейчас, пожалуйста, Марк, прими снотворное. А я дождусь Дэвида и...

Внезапный телефонный звонок показался нестерпимо пронзительным.

— Алло? — поднял трубку Марк.

Не слыша голоса на другом конце провода, Эдит почувствовала, как муж напрягся и застыл — и поняла. Безошибочным материнским инстинктом она почувяла беду.

— Да. Да... я понял. Да, понимаю. Сейчас приеду. Спасибо, — Марк встал с постели.

— Срочный вызов, — спокойно произнёс он, одеваясь. — Я ухожу.

— Это Дэвид, да? — Эдит рывком поднялась и села. — Не скрывай от меня! Я знаю — это Дэвид!

— Да, — ответил Марк устало. Казалось, он измождён до крайности. — Он ранен. Он попал в аварию. Я еду к нему.

— Он мёртв, — твёрдо проговорила Эдит. — Он умер, так ведь, Марк?

Марк сел на постель и крепко обнял жену.

— Эдит, — сказал он. — Эдит... Да. Он погиб. Сорок минут назад. Не справился с управлением на повороте, и машина перевернулась. Он в Центральном морге. Меня вызывают на опознание. Опознание, Эдит!.. Машина горела...

— Я еду с тобой, — сказала она. — Я еду с тобой!

Длинное, приземистое здание Центрального морга стояло ниже дороги, к нему вёл ряд бетонных ступеней. Марк Вильямс спустился по ним десять минут назад. Теперь он возвращался, неуверенно переставляя ноги, шаткой старческой походкой.

Эдит следила за ним из такси, замерев и подавшись вперёд на край сиденья. Как только Марк добрался до верхней ступени, она выскочила наружу.

— Марк...

— Да, это наш сын, — голос его звучал глухо, монотонно. — Я покончил с формальностями. Едем домой. Это единственное, что мы можем сейчас сделать.

— Я пойду к нему! — Эдит рванулась прочь. Марк схватил её за запястье. Таксист тактично притворился спящим.

— Нет, Эдит! Ты не должна его видеть!

— Это мой сын! — крикнула она. — Пусти!

— Нет! Что там у тебя под плащом?

— Колокольчик! Хрустальный колокольчик! Я хочу, чтобы Дэвид услышал его звон! — она резко выбросила вперёд руку, сжимающую колокольчик. — Он вернул тебя к жизни, Марк! Теперь он вернёт Дэвида!

— Эдит, — в ужасе отступил Марк. — Ты не можешь в это верить. Ты не должна. Это просто совпадение. Дай его сюда!

— Нет! Дэвид вернётся! Пусти! — Она наконец вырвалась.

Неправдоподобно тонкий, ледяной звон расколол предутреннюю мглу.

— Вот! — выдохнула Эдит. — Хоть ты и не веришь. Я точно знаю. Сейчас... Дэвид, сынок! — громко позвала она. — Ты слышишь меня?

— Эдит, — простонал Марк. — Не терзай себя напрасно! Поедем домой!

— Только вместе с ним! Дэвид! Дэвид!

Она снова и снова встряхивала колокольчик, пока Марк не отобрал его.

— Эдит, Боже... отчего я не пошёл один...

— Марк! Ты слышишь?

— Что?

— Слушай! — настойчиво прошептала она.

Марк насторожился, и тут же струйки ледяного пота потекли по его спине — снизу, из тьмы, послышался ясный юношеский голос:

— Мама? Отец? Где вы?

— Это Дэвид! — задохнулась Эдит. — Это он!

— Нет, нет! — в голосе Марка звучал неприкрытый ужас, ибо из темноты по-прежнему доносилось:

— Папа, мама! Вы там, наверху? Подождите, я сейчас!

— Пусти же меня! — зарыдала Эдит. — Дэвид, сынок, мы здесь! Мы идём!

— Эдит! — прерывающимся голосом начал Марк. — Если ты хоть когда-нибудь любила меня, послушай! Тебе нельзя туда! Дэвид... я опознал его только по кольцу, какие носят у них в классе. Он сгорел — сгорел страшно!

— Я иду к нему! — Эдит бросилась к ступеням, по которым уже поднималась окутанная мраком высокая фигура. Марк, похолодев от смертельного ужаса, рванулся ей наперерез, но поскользнулся и ничком упал на тротуар. Эдит уже сбегала по ступенькам навстречу тёмному силуэту.

— Дэвид, — всхлипывала она, — Дэвид, мальчик мой...

— Мама, мамочка, — сын крепко обнял её. — Я так виноват. Это ужасно. Но я не знал, что случилось, пока не добрался домой и не увидел, что вас нет, а тут позвонил один из наших ребят и всё рассказал, и я догадался, что произошла ошибка, и вы должны быть здесь,

взял такси и помчался, но меня высадили у противоположного входа, и я искал вас там, внизу... Господи, бедный Пит!

— Пит?..

— Пит Фридбург. Он сидел за рулём нашей старушки. Я одолжил ему ключи и права. Я не должен был, конечно, но кто мог знать — он ведь старше меня, и он так просил...

— Так это Пит погиб? — у Эдит перехватило дыхание. — Это он... сгорел?

— Да, он. Зачем только я дал ему ключи?! Он ведь всегда хорошо водил, а тут... Ну, а потом они позвонили, и вы с папой решили, что это я, и...

— Значит, Марк прав. Конечно, прав, — Эдит плакала и смеялась одновременно. — Это обыкновенный колокольчик, маленький милый колокольчик, и ничего больше...

— Колокольчик? О чём ты, мама?

— Не обращай внимания, — она утёрла слёзы. — Это обыкновенный колокольчик. Он не властен над жизнью и смертью. Он не возвращает с того света и не уносит туда. Но пойдём к отцу! Он ведь может подумать, что колокольчик... что он действительно подействовал!

Они выбрались наверх. Марк Вильямс лежал на том же месте, где упал минуту назад. Таксист пытался ему помочь, но сделать уже ничего было нельзя. Падая, Марк разбил колокольчик. Длинный изящный осколок хрусталя вонзился ему в сердце.

Перевод – Е. Канищева

АРТУР, Роберт (ARTHUR, Robert)

Американский писатель, издатель и по основной специальности работник радио и телевидения. Родился в 1909 г. Пик творческой активности приходится на 40-е годы, когда автор публиковался в журналах, подобных «Unknown», специализирующихся на жанрах мистики и «чёрного» юмора. В своих работах Артур объединяет жанр мистики и комедию в единое целое. Многие его рассказы стали классикой жанра. Считается одним из учителей Рэя Бредбери. Скончался в 1969 г.

Такая милая семья!

Фаррингтоны были очень милой семьёй, если не обращать внимания на некоторые плохие привычки — вроде любви к убийству. И, возможно, несправедливо говорить, что убийство было привычным для них. В конце концов, они совершили его всего дважды.

Но, увы, дело шло к закреплению привычки. Ведь именно в эту самую минуту они замыслили превратить цифру два в цифру три. Они не выглядели злодеями и не шептались заговорщицки друг с другом. Они вели обсуждение прямо и откровенно. Разговор происходил за столом в гостиной летнего дома с названием «Восточный пейзаж». Дом они сняли на побережье залива Массачусетс, в том месте, где крутые скалы срывались в кипящие воды Атлантики.

Они даже пили чай во время беседы. Уж что касается Мэрион Фаррингтон, так она точно пила чай — чай с лимоном. Берт Фаррингтон, её дядя, тоже пил чай, но его чай был приправлен ямайским ромом. Дик, её младший брат, пил шотландское виски с содовой, напиток, похожий на чай, но чаем не являющийся.

— Право, жаль, что день рождения у девочки через две недели, — сказала Мэрион Фаррингтон.

— Это вынуждает нас действовать.

Дик, тридцатидвухлетний хорошо сложенный загорелый красавец-мужчина, явно привыкший к широкой безбедной жизни, глянул в окно. Через поляну на опушке леса была видна Джинни Уэллс. Изда-лека она казалась почти девочкой, как Мэрион и называла её, хотя Джинни вот-вот исполнялся двадцать один год — возраст, которого по задуманной исполнительской схеме семьи Фаррингтонов она не должна была достичь. Сейчас Джинни искала на земле какие-то маленькие предметы, которые она кидала в корзину на руке.

— Она хорошенькая, — заметил Дик. — И думаю, что она в восторге от меня.

Он поправил галстук:

— Вот если бы мы могли подождать немного...

— Х-ха! — Берт Фаррингтон, краснощёкий распухший мужчина, на двадцать лет старше своего племянника, погрозил ему пальцем. — Не время чувствам, Дик. На карту поставлено будущее Семьи.

Он так и сказал «Семьи» — с большой буквы, как будто речь шла о Британской империи или Соединённых Штатах Америки.

— Берт прав, — Мэрион, сорокадвухлетняя полнотелая дама, сидела выпрямившись. Она была привлекательна, если не придавать значения форме подбородка и решительному блеску светло-голубых глаз. — По условиям завещания Алисы, в день, когда Джинни исполнится двадцать один год, мы должны представить финансовый отчёт её состояния. Мы могли бы отложить это на несколько недель, но тогда у её адвоката возникли бы вопросы. А вы понимаете, к чему это приведёт.

Дик нервно осушил свой стакан. Мысль о несуществующих деньгах Алисы, которые она оставила ему, включая половину доли Джинни, не доставляла радости.

— Деньги немного значат в наши дни, — буркнул он.

— Да, инфляция, — философски вставил Берт. На худой конец, как опекун состояния Джинни, в тюрьму сядет Дик, а не он, Берт. В то же время Берт, «доивший» своих племянников в течение пятнадцати лет и надеявшийся продолжить это занятие до бесконечности, готов был в разумных пределах идти на всё, чтобы Дик в тюрьму не попал. Должен же был Дик найти ещё одну богатую невесту и жениться, а это редко удаётся, сидя в тюрьме.

Дик налил очередной стаканчик виски.

— Я мог бы покататься с ней на лодке по заливу и...

Берт с неодобрением нахмурил брови:

— Не подходит. То же самое было с Алисой.

— И с Гарри пятнадцать лет назад, когда опрокинулась лодка. Трое утонувших — слишком много, чтобы показаться достоверным, — подтвердила Мэрион.

Гарри был первым и единственным мужем Мэрион. Богатый садовод-торговец яблоками из Орегона, за которого она вышла замуж, когда семейные финансы находились у нижней отметки, он пережил всего два месяца супружеского счастья. Воды Пьюджет-Саунд коварны, и когда парусная шлюпка перевернулась, Мэрион была слишком занята оказанием помощи младшему брату Дикю (великолепному пловцу), чтобы выручить из беды не умевшего плавать мужа. Вскоре он исчез из виду. Их разделял всего с десяток метров, но, к несчастью, эти десять метров вели отвесно вниз.

Алиса, единственная жена Дика — на сегодняшний день, — утонула два года назад в Мексике, купаясь возле пустынного пляжа недалеко от Акапулько. Алиса была глуповатой, домашней девчушкой с худеньким, неженским телом, но уж плавать она умела прекрасно. Когда она встретила Дика — машина которого сломалась в небольшом городке Среднего Запада, на её родине, и который забрёл в местный плавательный бассейн скоротать время, необходимое для ремонта, — её потрясло то, что Дик счёл её симпатичной. Ни один другой мужчина так не считал, хотя наверняка мог бы, если бы, как Дик, знал, что у неё была половинная доля в двухсоттысячном состоянии в долларах, оставленном под опеку для неё и её сестры Джинни отцом.

Дик надеялся на лучшее в смысле женских прелестей и вклада в банке, но синица в руках всегда лучше журавля в небе. Поэтому он ухватился за возможность и увёз с собой Алису, а дальше они вчетвером, с Бертом и Мэрион, отправились в Мексику в свадебное путешествие. Своё ликование она выражала, подолгу нежась в голубых водах Тихого океана. Иногда, когда Дик уставал, она плавала одна. После одного из таких заплывов она не вернулась.

Судорога: — заключили мексиканские власти, когда её тело прибило к берегу. Но это могла быть и непреодолимая сонливость, вызванная успокоительными таблетками, смешанными с чёрным кофе, который она любила выпить перед купанием.

Как бы то ни было, от её денег остался пшик; Джинни почти исполнился двадцать один год, и за часть наследства, оставленного Алисой своей милой сестре и изрядно обгрызенного семейством, приходилось отчитываться. Фаррингтоны, если слегка и принуждённые Судьбой к совершению нового убийства, крест свой несли с достоинством.

— Это должен быть явно несчастный случай, — сказала Мэрион.

— Да, нельзя дать повода для появления слухов, — согласился Берт.

— Может, устроить пикник на природе? Рядом с заброшенным «Домом у Скалистого Мыса», — предложил Дик. — А потом организовать падение со скалы. Высота приличная...

— Что ж, если нам в голову не придёт ничего лучшего... — как бы подытожила Мэрион. — Но тс-с-с — она возвращается.

Они видели, как эта изящная девушка с корзинкой на руке пересекала поляну. На полпути к дому она остановилась и поприветствовала невысокого человека в большой клетчатой кепке, который проезжал мимо на велосипеде. Невысокий человек был мистер Дауни, снявший дом на лето рядом с Фаррингтонами. Он занимался наукой, а увлечением его была геология, поэтому он повсюду разъезжал на своём велосипеде, собирая образцы скальных пород.

— Кстати, насчёт сна, — вполголоса проговорил Берт. — Как вы считаете, у девочки всё в порядке с психикой?

— Ты о чём? — спросила Мэрион.

— Я говорю об этих сновидениях, которые посещают её вот уже две недели, с тех самых пор, как она приехала к нам. Едва не каждую ночь она видит во сне, как какие-то огромные тёмные фигуры преследуют её и нашёптывают что-то непонятное, — он легонько кашлянул. — Вот я и хочу узнать, не думаете ли вы, что она...

— Да нет, — Мэрион не дослушала его, — девочка вполне нормальная. Лёгкое недоедание и нервозность, как у многих теперешних девиц. К тому же, она перезанималась в школе. Ты поставь себя на её место — ребёнок, которому нет ещё и двадцати одного, только-только колледж окончила. Но, каковы бы ни были причины её страшных снов, я довольна этим. Весь городок знает о них, да и доктор Барнес может подтвердить, что нервы у неё слабенькие — я потому и настояла на её визите к нему. Случись что...

Она оборвала фразу. Отворилась входная дверь в дом, и через мгновение Джинни Уэллс вошла в комнату.

Джинни была стройной хрупкой девушкой с тонким овалом лица и задумчивым взглядом. Обращаясь к окружающим, говорила мягко и замедленно. Сейчас от ходьбы и напряжения её щёки порозовели, в тёмных глазах прыгали бесенята.

— Я нашла грибы, — объявила она с порога. — Вы посмотрите, я нашла грибы.

Её широко распахнутые восторженные глаза остановились на Дике, он улыбнулся в ответ. Кружась, она передала корзинку Мэрион, та заглянула внутрь.

— Но, девочка моя... — удивлённо воскликнула Мэрион, затем быстро взяла себя в руки. — Умница. Ты заслужила их на ужин. Отнеси на кухню, я сама приготовлю.

— Спасибо, Мэрион, — сказала Джинни, — грибов хватит на всех. — Она повернулась, чтобы идти, и украдкой глянула на Дика. Ресницы её затрепетали. Проворно, с корзинкой в руке, она выскользнула из комнаты.

— Чудесно! Наша девочка взяла на себя все заботы, — сказала Мэрион, когда Джинни вышла.

— Вместе со съедобными она смешала смертельно ядовитые грибы, очень похожие на настоящие. Какое же название у этой разновидности? Неважно, главное, что их там достаточно, чтобы убить её. Насобирала она их сама, к тому же показала мистеру Дауни, нашему соседу. Мы вне подозрений, совершенно вне подозрений.

Наконец-то, думала Мэрион, её образование пошло на пользу. Что, в общем-то, было не так, если бы не изучение курса ботаники.

Фаррингтоны были очень милой семьёй, но, как большинство из нас, иногда они впадали в чёрный юмор. Сейчас, сидя в старомодной гостиной, они пребывали именно в таком настроении. Они были очень расстроены, что им приходится кого-то убивать.

Часы показывали одиннадцать. Вечер прошёл плохо. Мэрион приготовила ужин из дикорастущего риса с утёнком, включая отдельное блюдо из грибов для Джинни. Грибов на всех не хватит, твёрдо заявила Мэрион. Джинни их нашла, ей и положено их есть. Мэрион хотела выбросить съедобные грибы, но тогда порция выглядела бы слишком маленькой.

Джинни едва не плясала от радости, представляя, как она будет есть то, чем сама запаслась в хранилищах Природы. Не раз и не два собиралась она приступить к грибам, тем временем весело щебеча о том, как она провела год в колледже. И когда все замирали в ожидании, она останавливалась и вспоминала очередную смешную историю из школьной жизни. Но, наконец, она решительно поставила тарелку перед собой и начала есть. Она проглотила уже не меньше трёх грибов из мешанины роковых и нероковых даров леса, когда зазвонил телефон. Как мальчишка-постреленыш, Джинни вскочила, чтобы снять трубку, и... тарелка с грибами полетела на пол, разбившись на мелкие куски.

Джинни была крайне смущена, но делать было нечего — грибы выбросили в мусорный ящик. Что касается телефонного звонка, то это был всего лишь докучливый сосед мистер Дауни, приглашавший на завтра к полуденному чаю.

Они притаились в ожидании, что Природа возьмёт своё, если три гриба, съеденные Джинни, окажутся смертельными. Но Джинни легла спать вполне здоровой с виду, и теперь Фаррингтоны стояли перед лицом досадной необходимости найти иной способ разделаться с девчонкой. С её стороны было крайне бездумным доставить им такие хлопоты.

— Это должно быть падение со скалы, — решила Мэрион. — Я сказала мистеру Дауни, что мы не сможем прийти на чай, потому что отправляемся на пикник. Итак, мы на пикнике. Джинни замечает особой красоты цветок, прилепившийся к скале в небезопасном месте, и хочет сорвать его. Она лезет за ним, делает неосторожное движение и... А мы были недостаточно близко, чтобы подхватить её.

Она говорила очень убедительно. Звучало это так, будто Джинни уже лежала разбитая и безжизненная на жестоких скалах, а они вследствие этого чувствовали себя значительно лучше. В это время пронзительный крик из спальни наверху заставил их поднять головы. Ещё крик и ещё — ужасное тремоло, от которого начали легонько позвякивать бусинки люстры.

В глазах Мэрион вспыхнула надежда.

— Грибы! — воскликнула она.

— К чёрту! — выругался Берт. — Она разбудит всю округу. Не может умереть спокойно!

Непрекращающиеся вопли сверху показывали, что она не могла.

— Аманита вироза! — с благоговейным трепетом произнесла Мэрион. — Это название грибов, которое я забыла. Только сейчас пришло на ум. Ядовитее их нет.

Раздался ещё один крик.

— Нужно подняться наверх, — решила Мэрион.

— Мистер Дауни, конечно же, слышал, как она кричала. Пойдём, Дик.

Вдвоём с Диком они взбежали по лестнице и распахнули дверь в комнату Джинни. Она сидела в кровати, руки её были прижаты ко рту в попытке подавить очередной вскрик.

— Джинни! — поспешила к ней Мэрион. — Что случилось, детка? Ты себя плохо чувствуешь?

Джинни покачала головой, дыхание её было прерывистым.

— Что-нибудь болит? — голос Мэрион выдавал скорее нетерпение, чем заботу.

— Сон... кошмарный сон. Такого я никогда не видела.

В доме напротив отворилось окно. Послышался голос:

— Что у вас случилось?

— Это вы, мистер Дауни? — Дик выглянул из окна Джинни. — Джинни увидела страшный сон, вот и всё. Ей уже лучше.

— Ай-ай-ай! Бедняжка!

Окно закрылось. Дик подошёл и сел с краешку кровати, взяв ослабевшую руку Джинни в свою.

— Расскажи нам о твоём сне, Джинни, — попросил он. — Это лучший способ забыть о нём.

Джинни немного успокоилась и стала дышать ровнее. Смущённо покраснев, она потянула на себя одеяло.

— Это было — как наяву. Я очутилась в большой тёмной комнате, в каком-то странном старом доме, полуразвалившемся и полном теней. И тени вдруг ожили и начали подкрадываться ко мне. Там был ужасно высокий потолок, а сверху из темноты спускалась верёвка. На конце её была петля. Тени подталкивали к петле, и я знала, что они хотят, чтобы я накинула петлю на шею. Они подталкивали меня всё ближе и ближе, пока у меня не перехватило дыхание. Затем вмиг петля затянулась у меня на горле и...

Она тяжело вздохнула, и её начала бить дрожь. Мэрион принесла таблетку и стакан воды.

— Выпей, Джинни. И засни. Это был всего лишь сон, и ничего больше.

— Да-да, — прошептала Джинни. — Всего лишь — сон. Спасибо, Мэрион.

Она взяла таблетку, выпила её и откинулась на подушку. Дик слегка пожал ей руку.

— До утра, Джинни.

Он тихонько вышел из комнаты. Мэрион и Берт на цыпочках последовали за ним, как любящие родители, покидающие своего заснувшего ребёнка.

Было великолепное летнее утро. Гороскоп в газете утверждал: «Сегодняшний день — наиболее удачный для осуществления откладывавшихся вами планов». Берт, который всегда читал гороскопы, показал его Мэрион.

— Да, мы ждали слишком долго, — подвела Мэрион и нахмурила брови. — Мы покончим со всем сегодня. Ночной кошмар Джинни предоставил нам такую возможность.

Она потянулась к телефону:

— Алло! Я хочу заказать разговор с Бостоном, — сказала она связистке. — Лично с доктором Брюйером. Он известный психиатр. Я не знаю адреса, но думаю, вы сможете найти его. Это очень важно... Да, позвоните мне, пожалуйста.

Она повесила трубку и повернулась к Берту:

— Я уже звонила доктору Барнесу. Рассказала ему о кошмарах, которые мучают по ночам Джинни, и сказала, что я очень беспокоюсь. Он предложил мне Брюйера. Я запишусь к нему на приём и выложу всё о приступах депрессии у Джинни и о том, что она принимала слишком много снотворного.

— Когда это было? — спросил Берт.

— Не будь занудой, Берт. Дело просто в том, что ребёнок страдает меланхолией, подвержен депрессиям и думает о самоубийстве. После спектакля с междугородным заказом связистка будет явно подслушивать разговор и разболтает о нём повсюду. Так же поступят миссис Грэйвс и мисс Бернхэм — у нас с ними спаренный телефон, и я слышала, как они поднимали свои трубки. Джинни сейчас нет, она ушла к мистеру Дауни извиняться, что разбудила его минувшей ночью. К вечеру весь городок будет знать о сне Джинни, о её склонности к самоубийству, неуравновешенности и тому подобном. А днём мы пойдём на пикник к Чёрному Мысу. Ты знаешь там старый дом в лесу?

— Да, — кивнул Берт. — А что дом?

— Будет вполне естественным... О, телефон звонит... Алло? Доктор Брюйер? Мне крайне необходимо попасть к вам на приём как можно раньше. Видите ли...

Фаррингтоны были очень милой семьёй, особенно когда дело касалось пикников.

Мэрион упаковала корзину с едой, а Бет — корзину с вином и другими напитками. К Чёрному Мысу — отдалённому безлюдному месту среди скал — машину вёл Дик. Громадные вечнозелёные растения создавали атмосферу церковного покоя и полумрака. Дик с нежностью помогал Джинни преодолевать трудные участки пути. Его пальцы ласкали её обнажённые руки, когда он усаживал её возле са-

мого края скального обрыва. Яркое светило солнце. Далеко внизу океанские волны с грохотом обрушивались на утёсы. Кричали морские чайки, воздух был пропитан запахом солёных водяных брызг. Джинни глубоко вздохнула.

— Пахнет свежестью и чистотой, — прошептала она. — Я даже забываю об ужасах прошедшей ночи.

Её глаза затуманились, однако восхищённый взгляд Дика вернул ей хорошее настроение.

— Но я больше не буду говорить об этом. Давайте есть. Я проголодалась!

Они пообедали. Берт рассказывал смешные истории о своих странствиях по Европе, впрочем, не упоминая того, что в Европу ему пришлось отправиться из-за растрат в США. Мэрион остроумно, но с некоторой насмешкой и недоброжелательностью повествовала об обитателях городка. Дик сидел рядом с Джинни и удерживал её руку в своей всякий раз, когда ему удавалось это сделать. Время от времени он низко наклонялся к ней и шептал на ухо, что она очаровательна. Джинни заливалась краской, глаза её смеялись, и походила она более чем когда-либо на ребёнка в самый счастливый день его жизни.

Солнце садилось за соснами. Удлинялись тени. В воздухе растекалась прохлада.

— Почему бы вам не погулять вдвоём? — спросила Мэрион. — Мы бы с Бертом прибрались пока.

Дик сразу же вскочил на ноги, помогая Джинни.

— Пойдём, — сказал он весело, — займёмся исследованием.

Джинни со смехом позволила увлечь себя. Дик взял её маленькую руку в свою большую.

— Славный денёк, — сказал он, широко поведя свободной рукой. — Тебе нравится?

— Конечно. Только, когда я гляжу на море, мне вспоминается Алиса.

— Я знаю, — Дик посерьёзnel. — Она любила море, слишком любила. Невозможно было вытянуть её из воды.

— А ты любил её, Дик? — спросила Джинни.

— Очень, — ответил Дик, кивая головой. — Это были счастливейшие три недели моей жизни. Затем Алисы не стало.

— Она тоже любила тебя, — сказала ему Джинни. — Нужно было видеть её лицо, когда она сообщила мне, что выходит за тебя

замуж. Оно до неузнаваемости переменялось. Она не могла понять, что ты нашёл в ней. Ведь она была такой простушкой.

— Простушкой? — Дик возмутился. — Я никогда не думал о ней, как о простушке. Для меня она была восхитительна, восхитительна...

— А я всегда считала, что она достаточно скучна, — откровенно призналась Джинни. — Всё, что она могла делать, — так это плавать. Она неправильно говорила, не любила книги, музыку...

— Я прошу тебя, Джинни! — в голосе Дика неожиданно появилась резкость. — Ты забываешь, что мы любили друг друга. Мне становится грустно, когда я вспоминаю о ней. И мне до сих пор ужасно-ужасно не хватает её.

— Я понимаю. Извини меня, Дик, — поспешно раскаялась в своих словах Джинни. — Посмотри — по-моему, впереди какой-то дом.

— Зброшенный дом! — воскликнул Дик. — Может, в нём водятся призраки?

Огромный дом, на который они набрали в чаще леса, был выкрашен в мрачный коричневый цвет. Часть крыши провалилась. Широкая веранда просела. Большинство окон было выбито. Безрадостное запустение царило вокруг.

Джинни глубоко вдохнула воздух.

— Мне здесь не нравится, — сказала она. — Давай уйдём, Дик.

Но Дик завладел её рукой и с мужской настойчивостью тянул к этим полуразвалинам.

— Заглянем туда, — уговаривал он, — поприветствуем призрака. Интересно ведь, что мы обнаружим.

Джинни пробовала остановить его, но волей-неволей, почти бегом, последовала за ним.

— Дик, мне страшно. Так темно и угрюмо. Как в моём ночном кошмаре...

— А-а, это только сон. Не будь ребёнком, Джинни. Пойдём, посмотрим, что внутри.

Джинни неохотно поднялась за ним на веранду, которая закачалась и начала потрескивать под ногами. Через дверной проём (дверь отсутствовала) они заглянули внутрь. Там владычествовали тьма, запах покрытой плесенью штукатурки и источенной термитами древесины, постукивающие звуки крысиных зубов, странные поскрипывания и шорох.

Джинни вздрогнула:

— Умоляю, Дик! Мне так страшно! Я знаю, что это противоречит здравому смыслу, но, пожалуйста, уйдём отсюда.

— Было бы хуже всего — дать страху завладеть тобой. Пойдём!

Дик подтолкнул её, и они вместе вошли в дом.

Внутри было совсем темно. Но они смогли рассмотреть дыры в штукатурке, пятна гнили на стенах, разрушенную лестницу, ведущую наверх, и — верёвку, которая свисала с заржавленного крюка на потолке.

Это была старая, потёртая верёвка, но, казалось, она плавно скручивалась и извивалась, как будто живая, как будто изголодавшаяся и... ждущая. На конце её была петля.

— Мой сон! — в ужасе закричала Джинни. — Всё так и случилось: этот старый дом — эта комната — верёвка. Дик! — Она с усилием дёрнула руку, пытаясь освободиться. — Бежим отсюда!

Но Дик держал её крепко.

— Не глупи, — сказал он. — Вот способ излечиться от твоей болезни. Подойди, потрогай верёвку, убедись, что это обычная старая верёвка, которую кто-то подвесил здесь и забыл снять.

— Нет, нет же! Посмотри, как она извивается!

— Ясное дело. Здесь сквозняк — разбиты все окна.

И Джинни почувствовала, как какая-то сила почти приподняла её, перенесла через скрипучие половицы и поставила под раскачивающуюся петлю, напоминавшую открытую кровожадную пасть.

— Джинни, — мягко и нежно сказал Дик, — вот старая табуретка. Стань на неё и продень голову в петлю. А затем сними её. Сделай так и тебя больше никогда не будут преследовать кошмары. Ты перестанешь бояться их. Я обещаю тебе.

— Нет, я не могу, — Джинни затряслась и вдруг, с неожиданным решительным усилием, вырвалась из рук Дика. — Я не могу!

— Ты должна, Джинни, — на этот раз это был голос Мэрион. Каким-то образом Мэрион и Берг материализовались в дверном проёме, как два неясных очертания, прорезающихся из деревянной заготовки. Через мгновение они оказались рядом с Джинни, окружив её и подталкивая к петле. Она стояла внутри этого круга, отчаянно дрожа, как дикий зверёк, попавший в западню.

— Это для твоего же блага, девочка, — голос Мэрион звучал ласково, едва ли не убаюкивающе.

— Это поможет тебе преодолеть заболевание. Так посоветовал доктор. Дик, подставь табурет. А ты, Берт, приподними её.

Вскоре они втроем водрузили Джинни на табуретку, набросили петлю на шею и туго затянули верёвку. Сгрудившись вокруг девушки, как гадкие, безобразные тени, они удерживали её так, что она не могла пошевелиться и лишь произвольно дрожала всем телом.

— Вы хотите убить меня, — сказала она, взглянув на них сверху своими огромными глазами, выделявшимися на фоне побледневшего маленького лица. — Вам нужно убрать меня со своей дороги. Поэтому вы хотите убить меня. И Алису вы тоже убили. Я читаю это в ваших глазах.

— Да, проклятая надоедливая девчонка, — взорвалась Мэрион. — Я подложила ей успокоительное в кофе перед тем, как она отправилась купаться. Но мы не собираемся убивать тебя, детка. Ты сама убьёшь себя. Ты легко поддаёшься переменам настроения, у тебя склонность к самоубийству. Прошедшей ночью тебя мучили кошмары. Сегодня ты пошла гулять, обнаружила этот старый дом, нашла верёвку, привязала её к крюку на потолке и сделала всё, как было в твоём сне. Ты сама убила себя. Нам следовало бы присматривать за тобой, но тот нас ускользнула и в припадке меланхолии покончила с собой.

— Дик, убери табурет. Ты, Берт, потихоньку опускай её. Всё должно выглядеть естественно. Пусть схватится за верёвку руками — кожа должна быть содрана — в борьбе за жизнь инстинктивно так делают все. Она скоро успокоится.

Дик выхватил табуретку. Берт опустил Джинни и отнял руки. Джинни повисла на верёвке, цепляясь за неё своими маленькими руками в надежде удержать тело на весу, но петля всё глубже и глубже впивалась ей в горло...

В комнату ворвался запоздалый луч солнечного света. Тело Джинни медленно развернулось кругом, отражаясь на стене судорожно бьющейся тенью. В груди застрял последний комок воздуха.

— Так, а теперь подставьте табуретку назад.

Но это произнёс не кто-то из Фаррингтонов, а мистер Дауни, стоявший в дверном проёме с дробовиком в руке. Рядом с ним был шериф Лэмб, крупный, чаще молчаливый мужчина, лицо которого сейчас выражало явное неудовольствие.

— Я сказал — подставьте табуретку назад!

Голос маленького мистера Дауни прозвучал, как выстрел захлопывающегося капкана Берт подставил табуретку под ноги Джинни. Стоя совершенно прямо, она спокойными движениями пальцев освободилась от петли. Затем сошла на пол.

— На какое-то мгновение, — сказала она, — я испугалась, что вы уже не появитесь, мистер Дауни.

Теперь интонации её были далеко не детскими.

— Что вы, мы были на месте, — ответил мистер Дауни. — Как раз там, где вы нам указали. Но мы задержались, потому что слушали под окном и нам пришлось огибать дом, чтобы войти через дверь. Вы не должны были находиться на линии между нами и... этими.

Джинни холодно взглянула на троих Фаррингтонов, которые замерли нелепыми тенями в бессильной попытке пошевелиться.

— Вы убили Алису, — обратилась она к ним. — Я всегда знала, что вы должны были убить её. Я любила её, но она была простодушна и глупа, и я знала, что никто не женился бы на ней, если бы не её деньги. Поэтому я поклялась себе, что выведу вас на чистую воду. Так как вы убили её в чужой стране, единственный способ, при помощи которого я могла уличить вас, было попытаться заставить вас убить меня — в присутствии свидетелей, конечно.

Это было рискованно. Отчаянно рискованно. Но я изучала психологию в колледже, а мистер Дауни — первоклассный частный детектив, и я полагала, что так или иначе я смогу добиться своего. Я притворилась, что меня посещают сновидения, для того, чтобы вы решили, будто я действительно нервный ребёнок. Вчера вечером, когда вы хотели заставить меня съесть ядовитые грибы, я поняла, что мне надо что-то придумать. Поэтому я постаралась вбить эту витающую в воздухе идею вам в голову. Я не хотела, чтобы вы попытались утопить меня или сбросить со скалы — я могла не воспрепятствовать вам, если бы вы сделали это. В конце концов всё произошло так, как я надеялась, что произойдёт. Вы были настолько доверчивы, вас было настолько легко обвести вокруг пальца! Видели бы вы себя, когда я уронила тарелку с грибами на пол! И уж, конечно, те грибы, которые я съела, были безвредными.

Джинни не засмеялась, вспомнив об этом эпизоде. Она лишь повернулась к мистеру Дауни и полицейскому Лэмбу и сказала:

— Уведите их, пожалуйста.

Фаррингтоны вышли в сопровождении двух людей с ружьями. Замыкала процессию Джинни Уэллс. В помещении, подхваченная воздушными потоками, извивалась и скручивалась ненасытившаяся верёвка-удавка...

Как упоминалось ранее, Фаррингтоны были очень милой семьёй, если не обращать внимания на некоторые их плохие привычки.

Но Джинни Уэллс как раз и обратила.

Перевод – В. Рассолько

Мост из стекла

Мы говорили о нераскрытых убийствах — барон де Хирш, лейтенант Оливер Бейнз из федеральной полиции и я. По крайней мере, говорил де Хирш, а Бейнзу и мне было позволено слушать, как высокий, с аристократическим носом венгр разъяснял, прибегая к чеканным умозаключениям и неопровержимой логике, полдюжины нашумевших дел, которые числились нераскрытыми в анналах различных полицейских управлений.

Де Хирш мог привести в замешательство любую компанию. Он обладал небывалым самомнением и восхищавшим его самого — больше, чем кого бы то ни было, — интеллектом. Меня, собственно, всегда так и подмывало как-нибудь при случае спросить, почему, если он такой умный, башмаки у него едва ли не просят каши, а костюм нуждается в срочном ремонте. Но я так и не задал ему этого вопроса, потому что он был мне симпатичен.

Я чувствовал, как Оливер Бейнз начал терять терпение. Бейнз — невысокий и плотный, лицо у него чуть одутловатое. Говорит он медленно и действует без лишнего шума. Но он — добросовестный служака, один из лучших в округе.

Бейнз одним махом опустошил свою кружку пива — было начало жаркого августовского вечера — и выудил из ящика новую бутылку. При этом он посмотрел на меня.

— Попроси же своего друга раскрыть для нас дело той блондинки-шантажистки, — сказал он, скрывая свой сарказм за каменной миной. Де Хирш насторожился. Его глубоко посаженные глаза засветились, а ноздри задрожали.

— Дело блондинки-шантажистки? — спросил он вкрадчиво.

— Её звали Марианна Монроз. — Бейнз открыл бутылку, и пена выплеснулась ему на руки. — 13 февраля между тремя и четырьмя часами дня она поднялась по лестнице — двадцать три ступеньки, покрытые снегом, в один дом на горе, в тридцати милях отсюда. Она вошла в этот дом и не вышла из него.

Бейнз налил себе пива и отхлебнул пену из кружки.

— После мы обыскали весь дом и не нашли её. Вокруг дома лежал снег в полметра глубиной. Он остался нетронутым. На нём не

было никаких следов ни следов ног, ни следов от тела, которое волочили бы. К тому же у владельца дома, единственного его обитателя, большое сердце. Он умер бы даже от небольшого физического усилия. Уже поэтому невозможно предположить, что он куда-то уволок девицу, закопал, сжѐг или что-нибудь в этом роде. Но и в доме её не нашли. Видели, как она туда вошла. Её следы вели только в дом, но в обратном направлении следов не было. Вот и скажите нам, как это объяснить.

Де Хирш поглядел на Бейнза с вызовом.

— Дайте мне факты, и я скажу, как это объяснить.

Он не сказал, что попытается объяснить. Он сказал, что сделает это.

Слегка задетый, я заявил:

— А принесу-ка я свои материалы. Будет интересно узнать разгадку. Кроме того, я сделаю из этого ещё одну статью.

Бейнз ничего не ответил, а просто флегматично посмотрел по сторонам и отхлебнул пива. Де Хирш налил себе щедрую дозу бренди — из моих запасов, потому что мы сидели у меня в летнем доме. Я принёс из своего архива папку с материалами о деле Марианны Монроз. В ней были собраны практически все факты. Как автор, пишущий детективные рассказы на документальной основе для известных журналов, я собираю по возможности все материалы о подобных делах. Об этом деле я уже писал, кажется, под заголовком «Что случилось с прекрасной Марианной?».

— С чего начнём? — спросил я. — Здесь есть показания молодого человека по имени Дэнни Грешем. Он был последним, с кем говорила Марианна. С тех пор как она вошла в дом, он её больше не видел.

Де Хирш отодвинул лист и приветливо сказал:

— Пожалуйста, прочтите вслух сами.

Оливер Бейнз прыснул, я посмотрел на него сердито и начал читать:

Морганс Гейп, 13 февраля. Из показаний Дэнни Грешема, 19 лет.

«Я сидел в редакции местной газеты под названием «Морганс Гейп Уикли» и читал корректуру, примерно в половине четвёртого. Светило солнце, но было холодно, гораздо ниже нуля. Снега навалило много. Вновь выпавший снег покрылся твёрдым настом. Я как раз

подумывал о том, не договориться ли с моей подружкой Долли Хансом по телефону насчёт лыжной прогулки, когда за окном остановилась приземистая машина.

Женщина за рулём немного походила на Долли, но была выше ростом и с более пышными формами, то есть более женственная, я бы сказал. Длинные светлые локоны выглядывали из-под шерстяной шапки. Одета она была в красный лыжный костюм. Она вышла и посмотрела через долину вверх на гору. Там наверху живёт Марк Хильер, автор детективных романов. Его дом называют «Гнездо». Довольно меткое название, потому что он ютится на самом гребне. Надо думать, не особенно хорошее место для человека с большим сердцем, особенно если он живёт совсем один. Правда, летом можно подняться по дорожке на машине до самой террасы позади дома, но зимой городские власти поручают расчищать дорогу только до лестницы, которая ведёт наверх.

Это означает, что мистер Хильер не может выехать из дома после первого же большого снегопада. Но это его не особенно трогает. Осенью он заливает в цистерны десять тысяч литров горючего для отопления дома и в большом количестве запасает консервы. К нему ежедневно приходит экономка миссис Хофф, готовит еду и убирает в доме. Необходимость подниматься по лестнице её не смущает. Её родственника Сэма — тоже. В обязанностях Сэма — очищать от снега лестницу и террасу.

Мистер Хильер любит одиночество. Гостей он не жалует. Это высокий, худощавый мужчина с довольно угрюмым лицом, острый на язык. О тех двенадцати детективных романах, которые он написал, у него собрано много вырезок с рецензиями из газет. Особенно он гордился теми, где хвалят его утончённо придуманные сюжеты. Правда, за последние пять лет он не написал ни одного детектива. Я думаю, от разочарования, так как его книги не особенно хорошо раскупаются.

Впрочем, мы начали говорить о молодой даме. Вначале она посмотрела наверх, на дом, затем вошла к нам в редакцию. Я встал и спросил, чего она хочет. Она улыбнулась и сказала:

— Привет.

Голос у неё был грудным, звучал пикантно, если вы понимаете, что я имею в виду. Она спросила, я ли редактор. Я ответил, что нет, только помощник. Тогда она спросила, можно ли ей позвонить. Я сказал:

— Конечно, — и дал ей аппарат. Она набрала номер Марка Хильера. Мне невольно пришлось слушать разговор. Да, я ещё точно помню её слова.

— Привет, Марк! — произнесла она, и её голос прозвучал уже совсем по-другому. — Говорит Марианна. Я звоню из деревни. Ты, конечно, поджидаешь меня. Хочу тебе сказать, Марк, милый мой, специально на тот случай, если в твоей хитрой голове появились какие-нибудь странные идеи, — они тут, в редакции, знают, что я пошла к тебе. Через десять минут я поднимусь.

Потом она положила трубку и улыбнулась мне.

— Мистер Хильер не особенно хорошо переносит моё общество, — пояснила она, и голос её снова прозвучал мягко. — Он очень, очень умный человек. Я думаю, он убил бы меня, если б ему удалось потом безнаказанно выпутаться. Но он не сделает этого. Словом, пустяки. Однако было бы очень мило с вашей стороны вызвать полицию, если через час я не вернусь. В любом случае, я загляну на обратном пути, чтобы вы знали, что всё в порядке.

Она опять улыбнулась мне, а я сказал, что, конечно, если она не вернётся в течение часа, я вызову полицейского Редмана. Я был сильно взволнован, вы можете себе представить, наверное, всё это так напоминало те детективы, которые писал мистер Хильер. Я, конечно, подумал, что она сильно сгущает краски. Но когда она отъехала, я подошёл к окну, чтобы проследить за ней.

Минуту спустя я увидел, что её машина уже поднимается по дороге в гору. На склоне множество детей развлекались, катаясь на лыжах, на санях и на этих новомодных алюминиевых тарелках, на которых можно так здорово скользить по снегу. Я опять подумал было, что надо позвонить Долли, но вылазка на природу почему-то уже не так занимала мои мысли, как минуту назад.

Затем я увидел, как машина подъехала к нижней площадке лестницы, ведущей к дому Хильера. Грейдер расчистил дорогу только до неё. Молодая дама вышла и стала подниматься по ступенькам. Я видел, как она взошла на крыльцо. Дверь открылась. Она вошла, и дверь сразу же захлопнулась.

Я наблюдал за домом мистера Хильера, пока не стемнело. Молодая дама так больше и не вышла».

Конец показаний Дэнни Грешема.

Я сделал паузу и поглядел на де Хирша. Тот сидел в кресле, откинув голову на спинку, и созерцал потолок.

— Очень интересная прелюдия к убийству, — сказал он снисходительно. — Какие бы теории я ни развивал, они пока остаются только гипотезами. Пожалуйста, продолжайте.

Я прочитал:

Морганс Гейп, 14 февраля. Из показаний полицейского Харви Редмана.

«Вчера, примерно в половине шестого, ко мне явился Дэнни Грешем. Он утверждал, что в настоящее время в гостях у Марка Хильера находится симпатичная молодая дама и жизни её, вероятно, угрожает опасность. Вначале я подумал, будто он всё это выдумал, но после того, как он описал мне факты, я решил, что лучше пойти и посмотреть самому. Человек, который пишет детективные романы, как Хильер, может, вероятно, и сам совершить убийство.

Я прихватил с собой в машину несколько мощных фонарей, и мы поехали. Незадолго до шести прибыли на место.

Действительно, внизу у лестницы был припаркован «кабриолет». На ступеньках лестницы лежал снег, и на нём можно было явственно разглядеть следы. Они вели только вверх. Следов обратно не было. Значит, Дэнни прав. Во всяком случае, она ещё наверху.

Мы вскарабкались по лестнице, стараясь не затаптывать её следов, и постучали в дверь. Мистер Хильер впустил нас в дом. Он был заметно удивлён. Я сообщил ему о просьбе, которую молодая женщина высказала Дэнни, и спросил, где она сейчас. Хильер засмеялся.

— Кажется, мисс Монроз позволила себе разыграть Дэнни и вас, сказал он. — Она ушла примерно час назад, как раз с наступлением сумерек.

— Мистер Хильер, — возразил я, — сюда наверх ведут следы, но они не ведут обратно. Кроме того, внизу всё ещё стоит её машина.

— О боже! Но ведь это довольно странно, — воскликнул Марк Хильер. Однако мне почему-то показалось, что в душе он смеялся над нами.

— Я того же мнения, — согласился я. — А потому и спрашиваю вас, где находится дама.

— Откуда же мне знать? — ответил он и поглядел мне прямо в глаза. — Редман, я хочу быть откровенным с вами. Эта девушка —

шантажистка. Она приехала сегодня, чтобы получить с меня тысячу долларов. Я отсчитал ей деньги, и она ушла. Вот абсолютно всё, что я знаю. Я настаиваю, чтобы вы обыскали весь дом и посмотрели, можно ли найти какие-нибудь следы её присутствия или хотя бы малейший намёк на то, что я что-то сделал с ней. Я хочу только одного, чтобы с меня было снято всякое подозрение.

Дэнни и я обыскали весь дом, а Хильер в это время сидел в кабинете у камина и курил в ожидании. Осмотреть дом было несложно. В нём только шесть комнат, все выходят в один коридор. Нет ни подвала, ни чердака. Агрегат для отопления жидким топливом — в небольшом специальном отсеке. Пол везде цементный. Стены в два кирпича. Этой женщины в доме не было. Не было даже и признаков, что она когда-то тут появлялась. Не было следов борьбы или пятен крови.

Мы вышли из дома. Вокруг него не было никаких следов. Терраса с северной стороны расчищена, но ветром на неё уже нанесло тонкий слой снега. И на нём не было видно ни одного следа. Но это ещё ничего не значило, потому что ветер, довольно сильно дувший снизу, со стороны небольшого ущелья в четверти мили отсюда, мог быстро нанести на террасу слой снега и засыпать все следы.

Дэнни попытался пройти по снегу, но при первом же шаге провалился. Значит, никто не мог выйти из дома через заднюю дверь, не оставив следов. Марк Хильер со своим больным сердцем и подавно не отважился бы на это.

Мы осмотрели гараж, машину в нём, в особенности, конечно, багажник, но ничего не нашли. Я вынужден был заявить мистеру Хильеру, что похоже на то, будто мисс Монроз действительно ушла.

— Меня радует, что вы, Редман, убедились — я её здесь не спрятал, — хихикнул он. — Значит, несмотря на ту историю, которую она рассказала Дэнни; несмотря на следы, которые ведут вверх и не ведут обратно; несмотря на то, что её машина ещё стоит внизу, — безупречно доказано: я не мог убить её и где-то спрятать труп. Для этого мне пришлось бы отправить её по стеклянному мосту.

Я сказал, что не понял его.

— Ну, Редман, — произнёс он, — да вы, похоже, не следите за детективной литературой. Есть такой классический рассказ — о человеке, который был убит стеклянным кинжалом. Затем убийца спрятал оружие в кружке с водой — оно стало невидимым, и никто его не нашёл. Как знать, может, я всё-таки убил Марианну Монроз и отпра-

вил её отсюда по стеклянному мосту, — по мосту, который сейчас невидим? Впрочем, у меня есть ещё одна рабочая версия для вас: может быть, приземлилась летающая тарелка и забрала её с собой. Да, чем больше я размышляю об этом, тем больше убеждаюсь, что именно так оно и было.

— Вы, кажется, не принимаете всерьёз всю историю, мистер Хильер, — сказал я, — но я отношусь к ней серьёзно, а потому должен поставить в известность федеральную полицию.

Что я и сделал. Надо же было выяснить, куда делась эта женщина! Пусть они этим и займутся, а у меня и без того полно забот».

Конец показаний полицейского Харви Редмана.

От чтения у меня пересохло в горле. Я налил себе пива. Де Хирш открыл глаза.

— В высшей степени удивительно, — проговорил он. — Вы — прирождённый писатель детективного жанра, хотя вам недостаёт фантазии.

Он повернулся к Бейнзу.

— Полагаю, этим делом занимались вы, лейтенант?

— Да, — усмехнулся Бейнз и посмотрел на него. — Но занялся им уже после того, как Рейнольд и Ривкин из конной полиции по вызову Редмана ещё раз основательно обыскали дом — и, разумеется, безрезультатно. После этого дело повесили мне на шею. Мне всегда достаются самые головоломные дела. На следующий же день я приехал туда. Но допрашивать Хильера было всё равно, что спрашивать у кошки, что она сделала с канарейкой.

Впрочем, о шантаже он говорил совершенно откровенно. Несколько лет назад он впутался в одно скользкое дело, а Монроз об этом пронюхала. С тех пор она каждый год сдирала с него тысячу долларов. Раз в год, оказываясь поблизости, она давала о себе знать. Тогда он готовил для неё деньги наличными. Я выяснил это в Нью-Йорке по телефону. Она действительно занималась шантажом. История, значит, смахивала на правду. Я наводил справки и в его банке. Банк выслал ему почтой за три дня до этого десять сотенных ассигнаций.

Я ещё раз обследовал окрестности дома самым тщательным образом. Снег был покрыт настом, но не настолько твёрдым, чтобы человек мог пройти по нему, не проваливаясь. Даже лыжи оставляли следы. Может быть, не оставляли следов сани. Но проблема была в

том, что у Хильера никогда не было санок для катания и никаких других тоже. И лыж не было. Миссис Хофф только утром убирала весь дом. Она даже заходила в гараж, чтобы взять свои тряпки и веники. И нигде она не видела ничего, что напоминало бы сани — даже по размерам. Она клялась и божилась, что никаких саней не было и в помине. Он не мог заказать санки после её ухода по телефону — ведь тогда пришлось бы доставлять их из магазина. Но никто на протяжении многих недель не привозил ему ничего, кроме продуктов и почты. Это я проверил.

Не было также и ничего такого, что можно было бы приспособить под санки. Но ведь девушка куда-то делась! Я отправил четырёх полицейских на лыжах прочесать все окрестности дома. Они обследовали каждый фут в радиусе четверти мили, осмотрели все трещины и ущелья. Но не нашли ни малейшего её следа, и вообще не нашли ни одного следа вокруг. Потом снова пошёл — снег, и мне пришлось оставить дальнейшие попытки. Однако было ясно, что девушка не спрятана нигде поблизости.

Хильер наслаждался каждой минутой. Он наслаждался, раздавая интервью и позируя фотографам. Он презентовал подписанные экземпляры своих книг газетным репортёрам. Он даже стал выглядеть лет на десять моложе. Всё происходящее доставляло ему колоссальное удовольствие.

В своих интервью Хильер говорил множество глупостей о «таинственных сторонах этого дела». Он цитировал Чарльза Форта, который написал книжку о случаях загадочных исчезновений. Он болтал всякий вздор об «импульсивных дезинтеграциях», «искривлениях пространственно-временного континуума», о «похищении маленькими зелёными существами, прибывшими на летающей тарелке». Это была вершина его жизненного успеха.

В конце концов, нам пришлось прекратить поиски. Единственное, что было известно точно, — начало истории. Девушка поднялась по лестнице в дом и исчезла. Нам не оставалось ничего другого как сидеть и ждать новых событий. Затем наступил июнь...

Бейнз сделал паузу, чтобы отхлебнуть пива.

Де Хирш величественно кивнул, продемонстрировав свой римский профиль:

— И в июне нашли её труп.

Бейнз удивлённо посмотрел на него.

— Да, в июне в деле Марианны Монроз стало одной тайной меньше, зато возникла другая. Всё было так...

Барон де Хирш жестом прервал его.

— Пусть Боб прочитает об этом вслух, — предложил он. — Он ведь наверняка написал что-то на эту тему в своём замечательном стиле, полном драматизма. Я вхожу во вкус его прозы.

Итак, я стал читать дальше:

Морганс Гейп, 3 июня. На основании показаний Вилли Джонсона, 11 лет, и Фредди Пульвера, 10 лет.

«Оба мальчика пришли на берег маленького пруда едва ли тридцати метров в ширину, с синей водой. Они находились в неглубоком горном ущелье, склоны которого почти отвесно поднимаются метров на пятнадцать. Ущелье примерно триста метров в длину и заканчивается скалистым гребнем. Через этот гребень в ущелье падает небольшой водопад. Вода из пруда, который образовался таким образом, стекает вниз через узкую щель в скалах, пролезть в которую может только мальчишка, но никак не взрослый. Через эту щель мальчики и проникли.

Ветки ивы и ольхи, с листвой по-летнему пышной, повсюду тянулись к свету. Дрозды, как стрелы, шныряли тут и там, а высоко в небе парили вороны. С ветвей на них сердито стрекотала белка.

Мальчики были босиком. Свои ботинки они несли в руках. Они шли по воде, холодной, как лёд, но затерянный мирок ущелья настолько очаровал их, что они едва ощущали холод.

— Здесь просто классно, — сказал Фредди. — Давай приведём сюда нашу банду играть в пиратов, а?

— В пиратов! — презрительно скривился Вилли. — Здесь лучше ловить рыбу. Давай закинем удочки.

Он насадил извивающегося червя на крючок и забросил в воду. Поплавок немного покружил и утонул. Вилли подождал секунд тридцать, не больше, затем нетерпеливо потянул леску.

— Эй, — крикнул он, — я, кажется, что-то поймал... Чёрт, сильно зацепилось.

Он изо всех сил тянул леску. Медленно-медленно она подавалась. На том конце было что-то очень тяжёлое. Фредди не обратил внимания на происходящее. Он уставился вверх, где на краю ущелья на ветвях ивы виднелось что-то белое.

— Что там такое? — спросил он боязливо. — Слушай, Вилли, может, это привидение?

— Нет, чёрт подери. — Вилли даже не посмотрел вверх, он кряхтя тянул леску. — Бог мой, это, наверное, какая-то коряга или ещё что-нибудь.

Что-то красное, покачиваясь, медленно всплывало на поверхность. Вдруг оно перевернулось, и появилось бледное овальное лицо; золотистые волосы, распустившись в воде, колыхались и, казалось, жили собственной жизнью.

— И-и-и! — закричал Вилли. — Это мертвяк! Сматываемся быстрее, Фредди!

Бледное лицо, казалось, подождало, пока их крики затухнут вдали, а затем труп снова медленно погрузился в тёмные тихие глубины, откуда вынырнул».

— Да, а потом, — Бейнз продолжил рассказ, пока де Хирш выливал остатки коньяка из моей бутылки, — родители Вилли вызвали Редмана, а тот дал знать мне. Спустя два часа у дома Хильера было полно полицейских. Спуститься к ущелью можно было только через его участок. Хильер был сама любезность. Когда мы объяснили ему, что случилось, он, казалось, даже заинтересовался.

— Если вы найдёте её, — сказал он, — обыщите, пожалуйста, карманы костюма. Когда она уходила, у неё была тысяча долларов. Они мои.

После довольно опасного крутого спуска мы оказались в ущелье. Туда пришлось сходить, держась за верёвку. Затем мы стали выуживать труп. Через четверть часа нам это удалось. Когда он всплыл, Дэнни Грешем, который был с нами, вскрикнул:

— Это она! Но как она оказалась здесь, так далеко от дома? Она же не могла пролететь по воздуху четверть мили?!

В ледяной воде труп хорошо сохранился. Десять сотенных мы тоже нашли в кармане её лыжного костюма. Под конец мы выудили её шерстяную шапку и одну шерстяную варежку. Я приказал своим людям продолжать поиски в воде, а сам осмотрел ущелье. Однако мы ничего не нашли, кроме нескольких старых консервных банок.

Мы целый день систематически обыскивали пруд. Я всё ещё надеялся найти санки или что-нибудь подобное, но там ничего не

было. Вообще ничего. Там был только труп. В четверти мили от дома. И никаких намёков, как он туда попал.

Тогда я распорядился вытащить труп из ущелья и провести вскрытие. Девушка умерла от переохлаждения. Желудок её был пуст — нельзя было определить, за сколько времени до смерти она ела в последний раз. Никаких следов яда.

Оливер Бейнз с вызовом взглянул на де Хирша.

— Вот вам и всё дело блондинки-шантажистки. Будьте добры, дайте нам своё объяснение! Только, пожалуйста, не надо глупых рассуждений о спонтанных исчезновениях, дырах в пространстве, стеклянных мостах и летающих тарелках.

Мой венгерский друг сомкнул кончики пальцев.

— Я не могу дать такого объяснения... — сказал он мягко и, когда Бейнз уже было бросил на него торжествующий взгляд, продолжил: — Ничего не говоря о стеклянном мосте, летающей тарелке и в особенности о саване.

— Ну, конечно, — издевательски протянул лейтенант Бейнз, — ладно уж, давайте признайтесь прямо, что не знаете разгадки этого дела!

— И этого я тоже не могу сделать, — приветливо улыбаясь, ответил де Хирш. — Потому что я знаю разгадку. По крайней мере, я точно знаю, что в своём рассказе вы опустили очень важную деталь.

— Опустил? — Бейнз даже заморгал от удивления.

— Ту белую штуковину, которую Фредди Пульвер принял за привидение.

— А-а-а, вот вы о чём, — Бейнз пожал плечами. — Это было просто старое покрывало, которое висело на ветках ивы. На нём были метки Хильера. Он объяснил, что его, наверное, весной сорвало ветром с верёвки, когда оно сушилось. Всё это не имеет никакого значения. Наши эксперты внимательно исследовали его, ниточку за ниточкой. Это было просто старое покрывало — и ничего больше.

— Не покрывало, — дружелюбно поправил его де Хирш, — это был саван. Всё было так, как я сказал, стеклянный мост, летающая тарелка и саван. Разве вы не понимаете, что в своём зазнайстве Хильер сказал вам правду, надеясь, что вы всё равно ничего не поймёте. Он вам дал все необходимые указания. По крайней мере, он дал их Редману — ведь они воспроизведены в его показаниях. Он убил Марианну

Монроз и отправил её на летающей тарелке по стеклянному мосту в никуда или, лучше сказать, в вечность.

Бейнз закусил нижнюю губу и в недоумении уставился на де Хирша. Я тоже. Это была как раз та ситуация, которую больше всего любил де Хирш — когда ему удавалось окончательно запутать слушателей, делая вид, будто он им что-то объясняет.

Бейнз медленно опустил руку в карман и достал из кошелька купюру.

— Спорю на двадцать долларов, что вы говорите такие же глупости, как и Хильер, — категорически заявил он.

Глаза де Хирша сверкнули, затем он вздохнул и покачал головой.

— Нет, — проговорил он, — я тут в гостях у старого доброго друга. Было бы просто неудобно здесь брать деньги у другого его гостя за пари о столь очевидных вещах.

Бейнз скрипнул зубами и достал ещё купюры из своего кошелька:

— Ставлю пятьдесят долларов, что вы знаете не больше, чем мы.

Де Хирш посмотрел на меня своими глубоко посаженными тёмными глазами. Я быстро прикинул, сколько получу за очередной детективный документальный рассказ, который недавно отослал. Затем достал чековую книжку.

— Ставлю сто долларов, что вы не знаете разгадки, — сказал я и твёрдо посмотрел ему в глаза. Я догадывался, что у него нет ста долларов, нет даже пятидесяти. Да, наверное, и пяти.

Барон де Хирш кивнул в знак согласия.

— Вы ставите меня, как человека, чести в такое положение, что я не могу отказываться от пари. Но мне нужна ваша помощь... Найдите мне прищепку для белья.

Разинутый рот Бейнза закрылся, мой, наоборот, открылся.

— В левом ящике тумбочки на кухне, кажется, есть прищепка, — проговорил я. — Миссис Раглиз, моя служанка, держит их там.

Де Хирш поднялся и быстро прошёл на кухню, на ходу извлекая из кармана белый носовой платок и авторучку.

Я посмотрел на Бейнза. Тот посмотрел на меня. Ни один из нас не произнёс ни слова. Де Хирш отсутствовал минут пять. Я слышал, как он выдвинул ящик тумбочки. Затем что-то негромко хлопнуло — он открыл холодильник.

Вскоре после этого де Хирш вернулся и снова сел рядом с нами. Он с удовлетворением открыл новую бутылку коньяка, которую я

принёс, после чего поднял пустую бутылку к глазам и меланхолично взглянул на неё.

— Придётся подождать несколько минуточек, — сказал он любезно. — В это время можно немножко поболтать. Что вы думаете о нынешней политической ситуации?

— К чёрту всю эту политическую ситуацию, — проворчал Бейнз. — Что с Хильером и девушкой? Как он убил её?

Де Хирш хлопнул себя по лбу.

— Я же забыл задать ещё один вопрос! Хильер страдает бессонницей?

Бейнз наморщил лоб.

— Да. Это указано в справке о здоровье, которую мы затребовали от его врача. Но что...

— Конечно, я так и предполагал, — перебил его де Хирш. — Но никогда не следует только строить предположения, не проверяя их. Почему, лейтенант? Да потому, что Хильер убил юную даму, подсыпав ей снотворного в бокал. Когда она была в бессознательном состоянии, он её закопал в глубоком снегу. Там она проснулась спустя некоторое время, уже почти совсем замёрзшая. Лишь очень недолго — слава богу, что недолго! — она боролась с ледяными оковами, пытаясь вырваться. Затем на неё опять опустился лёгкий сон замерзающего человека и унёс её в своих милосердных руках через тёмный порог потустороннего мира.

— Весьма незаурядная словесность, — усмехнулся Бейнз. — Но вы до сих пор ещё меня не убедили. Возможно, он и усыпил её снотворным. Я тоже подумал об этом. Но что же произошло потом?

Барон де Хирш помедлил с ответом.

— Скажите, Боб, — обратился он ко мне. — Достиг ли Марк Хильер, благодаря этому случаю, какой-то известности? Славы, которой он всегда добивался, но раньше так и не обрёл?

Я кивнул.

— Наверняка достиг. Сейчас идёт великая дискуссия среди любителей детективов, убил ли он Монроз или нет. Тайна о том, как она попала в ущелье, мучает сегодня людей так же, как в своё время тайна знаменитой Дороти Арнольд. Имя Хильера будет снова и снова появляться в книгах, в которых интеллектуалы грядущего столетия поведут спор, виновен он или нет.

Как заметил Бейнз, Хильер в настоящее время находится в прекраснейшем настроении. Скоро должна выйти его новая книга. Все его старые книги переиздаются. Он сейчас действительно знаменит и будет знаменитым до тех пор, пока дело не будет раскрыто. Более того, чем дольше дело остаётся нераскрытым, тем более знаменитым он становится. Как Джек Потрошитель.

— Ага, — воскликнул де Хирш. — А как только дело будет закрыто, Хильера тотчас же забудут снова как самого обыкновенного убийцу. Это был бы такой удар по его тщеславию! Но я полагаю, что уже пришла пора поговорить о тайне стеклянного моста, о летающей тарелке и о саване — обо всех этих невидимых вещах.

Он встал и вышел на кухню. Я опять услышал, как открылся и захлопнулся холодильник. Вернувшись, он принёс на руке, как официант, поднос. То, что лежало на нём, было скрыто салфеткой. Он осторожно поставил это на полированный стол.

— А сейчас, — сказал он, и голос его прозвучал чуть живее, чем обычно, — давайте возвратимся в тот февральский день. На дворе холодно. Марк Хильер в бессильном гневе стоит у окна и ждёт, когда подъедет машина шантажистки. Мы знаем, что он тогда видел в окно детей, которые катались на санках по склону. Тут у него в голове родилась идея — необычная, уникальная, — родилась, как Афина из головы Зевса. Если чуть-чуть повезёт, он сможет навсегда отделаться от шантажистки! А если не повезёт — что ж, он больной человек и может рассчитывать в суде на смягчающие обстоятельства. Но если его план удастся — какое будет наслаждение наблюдать, как окружающий мир безуспешно ломает голову над той загадкой, которую он задал ему!

Он быстро берётся за дело. Приносит старое покрывало, самое большое, какое у него есть, и расстилает его на северной террасе своего дома. Проложив с ним определённую операцию, возвращается в комнату. Несколько минут спустя приезжает Монроз. Он говорит с ней и даёт выпить что-то, куда подмешивает снотворное. Минут двадцать спустя она без сознания.

Он переваливает её с кресла на пол, а затем — на маленький коврик. Никакого особого напряжения, как видите, для его больного сердца.

На коврике он вытаскивает её на террасу. Там перекатывает женщину, которая по-прежнему без сознания, на расстеленное покрывало и располагает её строго посередине...

Театральным жестом де Хирш сдёрнул салфетку с того, что лежало на столе. Под ней оказался его носовой платок. На середине платка лежала бельевая прищепка. Де Хирш специально нарисовал на ней глазки и ротик.

Чтобы увидеть куколку, сделанную из прищепки, мне пришлось отогнуть угол носового платка. Все четыре угла были загнуты к середине и охватывали прищепку так, что она оказалась будто в конверте. Сам платок был твёрдым, застывшим.

Сейчас мы догадались, что сделал де Хирш. Он набрызгал на платок воды и засунул его в морозильник. Платок сделался твёрдым, как бельё на верёвке в холодный зимний день. А внутри была заключена прищепка, которая изображала женщину без чувств. Из всего этого он сделал этакий маленький свёрточек, всего несколько сантиметров в ширину и длину. Если б это было покрывало, а внутри лежала скорчившаяся женщина, размеры бы не превышали метра в ширину и в длину.

И тут мы с Бейнзом поняли наконец, как Марк Хильер делал всё это.

Он обрызгал водой большое покрывало, разложив его на улице в мороз. На него он положил бесчувственное тело и завернул. На морозе покрывало быстро заледенело. Не прошло и нескольких минут, как женщина оказалась в коконе — в ледяном коконе. Затем Хильер столкнул этот широкий и плоский кокон на твёрдый снежный наст. Поскольку давление на снег было невелико, кокон не оставил никаких следов, а тихо заскользил вниз. Разгоняясь всё сильнее, он пронёсся по склону и оказался в заметённом снегом ущелье.

Чтобы продемонстрировать это, де Хирш щёлкнул пальцем по замороженному носовому платку. Тот скользнул по полированному столу, перевалил через край и приземлился в корзинку для мусора, где исчез между обрывками бумаг.

— Летаящая тарелка, — торжественно провозгласил де Хирш. — В показаниях Дэнни Грешема упоминались алюминиевые тарелки, на которых дети катались со склона. Они развивали очень большую скорость. Они скользили по поверхности и не проваливались. Это увидел Хильер, и у него родилась идея.

Стеклянный мост уже был готов: тонкий, очень скользкий слой льда, наст, покрывавший снег от его дома до ущелья. Летающую тарелку он сделал из замёрзшего покрывала. Оно же и стало саваном для молодой женщины.

Эта тарелка понеслась вниз и не могла остановиться, пока не перевалилась через кромку ущелья и не исчезла в нём. Белое на белом снегу практически не видимо. Ветер нанёс сверху ещё немного снега, и всё исчезло. Чтобы найти, нужно было вначале додуматься, что искать, а это было невероятно.

Вот и все дела. Таинственная загадка возникла только благодаря старому покрывалу и ветру. Женщина пропала, труп её был найден в четверти мили, и никто не мог объяснить, как такое произошло. Перед нами почти идеальное преступление, которое совершил больной человек.

— Эта крыса! — взорвался Бейнз. — Дерзко рассказывал нам прямо, в глаза, как всё было, и при этом делал вид, будто говорит глупости. Вероятно, покрывало с девушкой застряло в ветках дерева и пробыло там до самой весны. Потом оно оттаяло, труп упал в водопад и уплыл по нему в пруд — и никаких следов, никаких улик, только это проклятое старое покрывало!

— Но стоило явиться кому-то, обладающему воображением, — тому, кто смог представить покрывало саваном, — де Хирш взял деньги и чек со стола и аккуратно сложил их, — и стоило ему принять за чистую монету замечания этого хитрого типа, как задача, которая казалась совершенно неразрешимой, обернулась вполне обычным делом.

— Но мы ведь никогда не сможем доказать всё! — проворчал Бейнз.

— Да! — согласился де Хирш. — Вероятно, не сможем. Но мы можем намекнуть Хильеру, что его тайна раскрыта и что в книжках 2000 года он будет фигурировать всего лишь как один из не слишком умных убийц. Я напишу ему письмо.

Он пошёл в мой кабинет и с полчаса печатал на машинке. Письмо он отправил в тот же день. Марк Хильер получил его на следующее утро. Не знаю, что уж было написано в этом письме, но Оливер Бейнз расспросил о последствиях экономку Хильера.

Миссис Хофф как раз вытирала пыль в кабинете, когда пришло письмо. Хильер сидел на террасе и прервал свою работу, чтобы про-

читать. Едва взглянув на него, он побледнел как смерть — так, что миссис Хофф страшно испугалась. Он стал читать дальше, и на его вытянувшемся лице застыла ужасная гримаса. Вторую страницу письма он только пробежал глазами, разорвал его и бросил обрывки в пепельницу. Затем зажёл трясущимися руками спичку и поднёс к остаткам письма.

Не в состоянии унять свой гнев, он схватил пепельницу и грохнул об пол. Мгновение он стоял неподвижно и глядел в сторону ущелья. Кулаки его сжимались и разжимались.

Вдруг дыхание его стало прерывистым. Он повернулся, глядя, на что бы опереться, но не успел дойти до стула, упал, судорожно хватаясь за грудь и за горло, и еле произнёс:

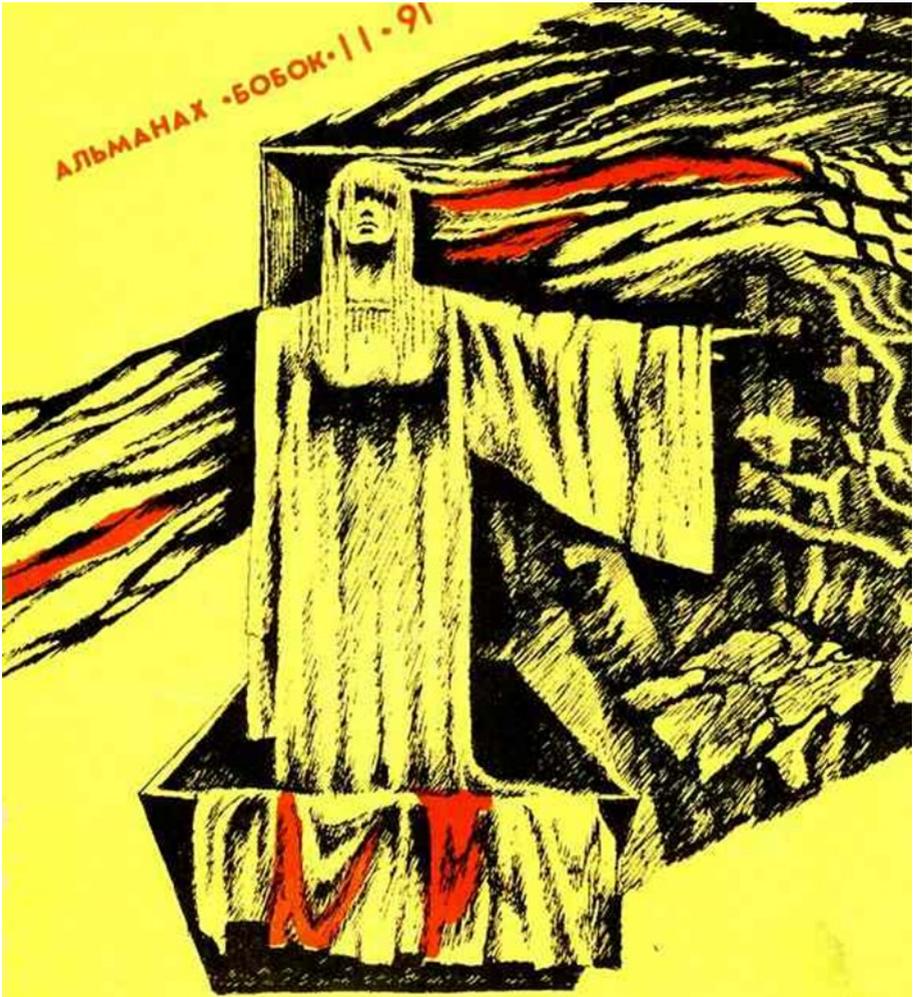
— Лекарство, моё лекарство...

Его лекарство от сердечных приступов лежало не в аптечке в ванной комнате, а в спальне, на тумбочке около кровати. Миссис Хофф потребовалось три минуты, чтобы найти его. Когда она вбежала с ним, Хильер был уже мёртв.

Должен признаться, меня слегка шокировал результат. Но де Хирш принял известие хладнокровно.

— Это равносильно признанию, — сказал он.

АЛЬМАНАХ «БОБОК» 11-91

СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН

— Теперь вы спите, Дэвид.

— Да, я сплю.

— Я хочу, чтобы вы немного отдохнули, пока я беседую с вашей женой.

— Хорошо, доктор, я отдыхаю.

— Ваш муж находится в состоянии лёгкого гипнотического сна, миссис Карпентер. Мы можем говорить, не тревожа его.

— Я понимаю, доктор Мэнсон.

— Расскажите об этих кошмарах, которые его беспокоят. Вы говорите, они начались в ночь вашей свадьбы?

— Да, доктор, неделю назад. После церемонии мы вернулись прямо сюда, в наш новый дом. Легко поужинали и отправились спать не ранее полуночи. Я проснулась от крика Дэвида. Он метался и бился под одеялом, что-то невнятно бормоча. Я разбудила его. Он был бледным и трясущимся: он сказал, что видел кошмар.

— Смог ли он что-нибудь вспомнить?

— Нет, совсем ничего. Он принял снотворное и снова заснул. Однако на следующую ночь всё началось опять... и в последующую тоже. Так было каждую ночь.

— Дело, очевидно, в кошмаре, возникающем периодически. Но вам не следует пугаться. Я знаю Дэвида с детства и думаю, мы сможем избавить его от этого кошмара. Это будет не очень трудно.

— О, доктор, так хочется надеяться.

— Возможно, Ричард снова пытается проявиться.

— Ричард? Но кто это Ричард?

— Ричард — другое «я» Дэвида, его вторая личность.

— Я не понимаю.

— В двенадцатилетнем возрасте Дэвид попал в автомобильную катастрофу, вызвавшую у него нервное потрясение. Отсюда нечто вроде шизофрении и раздвоение личности. Есть Дэвид настоящий. А есть и другой — существо без каких-либо сомнений, злое и начисто лишённое комплексов. Дэвид называет своё второе «я» Ричардом и говорит, что это его брат-близнец, живущий с ним вместе в его сознании.

— Всё это очень странно.

— В истории медицины имеется много подобных случаев... Когда Дэвид чувствует себя усталым или неуверенным, его поступками и поведением управляет Ричард. Это Ричард заставлял Дэвида

ходить во сне и поджигать свои простыни. В эти моменты Дэвид способен лишь подчиняться Ричарду. Иногда Дэвид не может вспомнить случившееся. Иногда думает, что у него был кошмар.

— Потрясающе!

— Я лечил его в то время и считал, что полностью освободил от Ричарда. Но может быть... Итак, сейчас я спрошу Дэвида о вернувшемся кошмаре. Подробности помогут нам, вероятно, разобраться в этом деле... Дэвид!

— Доктор?

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне сон, который вас мучает. Сейчас вы его помните, не так ли?

— Сон? Ах! да, я помню его.

— Не нервничайте. Оставайтесь совершенно спокойным и рассказывайте.

— Хорошо, я не нервничаю. Я останусь спокойным, совсем спокойным.

— Замечательно. Скажите, когда вы увидели его в первый раз?

— В первый раз... ага, это было в ночь после нашей с Анной женитьбы... Нет, нет, я ошибаюсь, это было в предшествующую ночь...

— Вы в этом уверены?

— Да. Я провёл весь день, улаживая дела в моей юридической конторе, чтобы можно было взять несколько дней отпуска. Вечером я заехал посмотреть новый дом, который мы купили в Ривердэйле. Я хотел убедиться, что всё готово к приезду Анны. До своей холостяцкой квартиры в городе я добрался к одиннадцати часам. Я страшно устал. Я лёг в постель, но был так измотан, что не мог заснуть. Я принял снотворное и начал засыпать, когда мне стал сниться сон.

— Как начался сон, Дэвид?

— Мне снилось, что зазвонил телефон... Телефон действительно находился на столике у изголовья, и во сне я сел в кровати и снял трубку. В тот момент всё казалось мне совершенно реальным, и у меня было ощущение, что я на самом деле ответил по телефону. Затем я понял, что вижу сон.

— Почему вы это поняли, Дэвид?

— Потому что звонила Луиза, и даже во сне я знал, что Луиза умерла.

— Когда умерла Луиза, Дэвид?

— Год назад. Она отправилась на машине к родственникам. В горах Виржинии автомобиль занесло, он вылетел с дороги, и она сгорела.

— Значит, как только вы услышали её голос, вы поняли, что видите сон?

— Естественно. Она говорила: «Дэвид, это Луиза... Дэвид, что с тобой, почему ты молчишь?» Несколько мгновений я неспособен был произнести ни слова. Потом, во сне, я ответил: «Это не может быть Луиза, Луиза умерла».

«Я это знаю, Дэвид. — Голос Луизы был таким же насмешливым, как и при жизни. — Конечно же, я умерла».

«Мне снится сон, — сказал я ей, — через минуту я проснусь».

«Да, милый, — ответила Луиза. — Я хочу, чтобы ты был проснувшимся, когда я приду к тебе. Я покидаю кладбище и очень скоро буду у тебя».

В этот момент она, должно быть, повесила трубку. Я так думаю. Внезапно всё изменилось с той быстротой, какая бывает только во сне: совершенно одетый я сидел в кресле, курил и ждал. Я ждал, когда Луиза покинет кладбище и доберётся до моей квартиры. Я знал, что это невозможно, и всё же, как принимают невозможность во сне, ждал её.

Я уже выкурил две сигареты, когда раздался дверной звонок. Машинально я пересёк комнату и отправился открывать дверь. Но на пороге была не Луиза, там был Ричард.

— Ваш брат-близнец Ричард?

— Да, мой близнец, но более высокий, более сильный и более красивый, чем я. Он стоял и смотрел на меня. Он улыбался, и его глаза, как всегда, светились беспечностью.

— Однако, Дэвид, ты не приглашаешь меня войти после пятнадцати лет разлуки?

— Нет, Ричард, — закричал я, — ты не имеешь права возвращаться!

— И всё же я вернулся. — И оттолкнув меня, он прошёл в комнату. — Уже давно я собирался зайти к тебе, и сегодняшний вечер кажется мне самым подходящим.

— Зачем ты пришёл? — спросил я. — Ты мёртв: доктор Мэнсон и я, мы тебя убили.

— Луиза тоже мертва, — сказал Ричард, — тем не менее, она придёт сегодня. Не вижу, почему бы и мне не сделать то же самое.

— Чего ты хочешь?

— Я всего лишь хочу помочь, Дэвид. Необходимо составить тебе компанию на сегодняшний вечер. Ты чересчур впечатлителен, чтобы одному встретить покойную супругу.

— Уходи, Ричард, — умолял я.

— За дверью кто-то есть, — ответил он, — это, вероятно, Луиза. Я оставляю тебя с нею с глазу на глаз. Но если я понадоблюсь, помни, что я здесь.

И он небрежно направился в другую комнату. Снова раздался звонок, нажатый нетерпеливой рукой. Я открыл дверь. Передо мной стояла Луиза. Она была одета во всё белое, так же, как её и похоронили. Вуаль, которую надели, чтобы скрыть сильно обгоревшее лицо, завивалась вокруг головы, когда она прошла мимо меня в комнату и медленно опустилась на стул.

Луиза долго молчала. Затем сказала:

— Похоже, Дэвид, ты стал немым. Закрой же дверь, из неё дует, а я отвыкла от сквозняков. Я целый год провела в наглухо заколоченном гробу, ты знаешь.

Я закрыл дверь, и слова хлынули из моего рта потоком:

— Зачем ты пришла? Почему? Ты умерла!

Она разразилась смехом:

— Э, Дэвид, ты и вправду веришь, что я умерла, а? Вовсе я не умерла. Я просто подшутила над тобой.

— Подшутила надо мной? — переспросил я. А она продолжала смеяться, словно в истерике.

— Да, Дэвид, — икала она. — Ты так непосредственно реагируешь на непредвиденные события, что я не могла удержаться от удовольствия разыграть из себя призрак, чтобы посмотреть, что ты станешь делать!

— Ты лжёшь! — заорал я. — Ты умерла. Я присутствовал на твоих похоронах.

Она отбросила вуаль и показала лицо. Её щёки были розовыми, глаза блестели, а губы, обрисовывающие лукавую улыбку, открывали ослепительно белые зубы.

— Похороненное тело принадлежало молодой девушке, которую я взялась подвезти. Когда, после аварии, я увидела, что она мертва, мне вдруг пришло в голову надеть на её пальцы мои кольца и подсунуть под неё мою сумочку. Затем я подожгла машину.

— Но почему? — пробормотал я, падая на стул. — Почему ты это сделала?

— Потому что это меня забавляло. Я устала от тебя больше, чем ты от меня, и мне захотелось пожить жизнью другого человека. Кроме того, я знала, что как только мне надоест, я всегда смогу вернуться на своё место. И вот теперь, когда у меня кончились деньги, я снова здесь.

— Но я завтра женюсь. На Анне.

— Я знаю это. Я читаю газеты. Я подумала, что ты предпочтёшь, чтобы я не болталась в этих краях. Согласна, милый Дэвид. Я уйду и опять начну изображать мёртвую. Ты же сможешь жениться на дочери своего лучшего клиента. Но, естественно, мне необходимы деньги.

— Нет, я не дам тебе ни цента. Ты умерла.

— Я уже вижу заголовки завтрашних газет, — сказала Луиза. — «Жена молодого преуспевающего адвоката выходит из могилы... Якобы мёртвая супруга расстраивает брак».

— Нет, — закричал я, — я не позволю тебе сделать это!

— Послушай, мне нужно всего лишь десять тысяч долларов. Я потребую развода без огласки, и твой второй брак немного позже станет действительным. Видишь, всё устроится очень просто.

Я не мог отвечать. В голове всё путалось. Я ощущал себя слабым, неуверенным, сознание затуманивалось. В глубине души я понимал, что всё происходящее не более чем кошмарный сон, и только эта мысль помешала мне упасть в обморок. Луиза поднялась.

— Подумай. Я пойду немного припудриться. Даю тебе пять минут, чтобы подписать чек...

Она вышла из комнаты. Не зная, к какому святому воззвать, я закрыл лицо руками, изо всех сил желая проснуться. Когда я снова открыл глаза, передо мной стоял мой брат Ричард.

— Надо сказать, ты плохо справился с этим затруднением. Ты позволил Луизе запугать себя шуточками по поводу её смерти. Теперь она знает, что ты проиграл партию.

— Но она мертва, — вскричал я, — всё это не более чем сон.

— Кто может похвастаться, что способен различить сон и явь. Советую тебе не рисковать. Если ты дашь ей денег, вскоре она вернётся, чтобы потребовать ещё больше.

— Но я не могу ничего поделать, — сказал я в отчаянии.

— Конечно же, можешь. Луиза уже однажды умерла. Надо, чтобы она умерла и второй раз.

— Нет. Я не стану тебя слушать.

— В таком случае, как я понимаю, придётся всем этим заняться мне, как я и делал, когда мы были детьми. Посмотри на меня, Дэвид!

— Нет.

Я пытался отвести глаза, но его взгляд, блестящий, гипнотический, удержал меня.

— Смотри мне прямо в глаза, Дэвид!

— Нет. Я не хочу! Не хочу!

Но я не смог уклониться от его взгляда. Я испытывал те же самые чувства, что и когда-то давно в детстве. Зрачки Ричарда расширились, пока не стали подобны озёрам, в которых я начал тонуть.

— Итак, Дэвид, я беру на себя управление телом, как и раньше. А тебе следует вернуться туда, где так долго находился я... на самое дно нашего сознания.

Ещё мгновение я боролся. Но его огромные глаза были совсем рядом и с каждой минутой приближались всё больше и больше... Затем внезапно Ричард исчез. И я понял, что он выиграл. Я был беззащитен. Я всё видел и слышал, но мне было невозможно вмешаться или воспрепятствовать ему делать то, что он хочет.

Луиза вернулась в комнату. Её глаза были полны уверенности.

— Ну, Дэвид, принял ли ты решение?

— Да, Луиза.

Голос Ричарда был более глубоким, более сильным, более убедительным, чем мой. Луиза казалась удивлённой произошедшей переменой.

— Выпиши мне чек на предъявителя, — сказала она, наконец. — Что касается развода, то он будет зарегистрирован в Лас-Вегасе. Никто не установит связи между мной и тобой. Карпентер очень распространённая фамилия.

— Не будет ни чека, ни развода, — объявил Ричард.

— В таком случае будет скандал. А это не поможет твоей карьере.

— А также не будет скандала. И к твоему сведению я не Дэвид, а Ричард.

— Ричард? — На лице Луизы мелькнула растерянность. — О чём ты, чёрт возьми, говоришь?

— Я брат-близнец Дэвида. Тот, кто совершает поступки, которые Дэвид не осмеливается совершить сам.

— Ты полный идиот. Я ухожу. Даю тебе время до девяти утра, чтобы передумать и вручить мне чек.

— Чека не будет. Ты не собираешься выполнять свои обещания, и я это знаю.

Ричард шагнул вперёд. В первый раз Луиза выглядела испуганной. Она повернулась, словно хотела бежать. Но он поймал её за руку и, дёрнув, развернул лицом к себе. Затем двумя ладонями обхватил её горло.

Я мог лишь смотреть, как его пальцы сдавливают шею Луизы и как её лицо меняет цвет. Полминуты она сопротивлялась, пытаясь ударить его ногой и оцарапать. Затем борьба прекратилась. Она потеряла сознание. Её щёки стали мертвенно-бледными, из уголков рта стекала слюна, глазные яблоки выпирали из орбит. Совершенно спокойно Ричард продолжал сдавливать горло Луизы до тех пор, пока её смерть не перестала вызывать сомнения. Затем он отпустил её, и она упала на пол, как мешок грязного белья.

— Ну, Дэвид, — сказал он, — теперь ты можешь говорить.

— Ты её убил!

— Это очень интересная тема для дискуссии. Убил я её или не убил? Была она живой или уже мёртвой, появившись здесь?

— Из-за тебя я всё путаю! — простонал я. — Разумеется, она была мёртвой. Я вижу сон, но...

— Но даже во сне не стоит оставлять труп на ковре своей комнаты, не так ли? Мне кажется, нужно отправить её туда, откуда она пришла. То есть, на кладбище Файерфилд.

— Но это невозможно.

— Для тебя это действительно было бы невозможным. Но не для меня. Я отнесу Луизу в лифт, спущу вниз, засуну в такси и отвезу на кладбище. Ты же будешь молчать, пока я не разрешу тебе говорить.

Не теряя спокойствия, он начал готовиться к выполнению своего безумного плана. Сначала он надел мою шляпу и перчатки. Затем из сумочки Луизы достал вуаль и приколот к её шляпке. Почистил ей пальто и поправил волосы, растрепавшиеся в пылу борьбы. Наконец он поднял труп и донёс его на руках, как спящего ребёнка до лифта.

Он нажал кнопку вызова и замер, что-то насвистывая, с Луизой на руках. Появился лифт, и Джимми, ночной лифтёр, открыл дверь.

— Небольшая неприятность, Джимми, — сказал Ричард, ставя ногу в лифт. Чтобы внести Луизу, ему пришлось проходить боком, и во

время этого движения сумочка мёртвой упала. Джимми наклонился подобрать её.

Тоном, которым говорят среди мужчин, Ричард заявил:

— Молодая леди начала пить, конечно же, ещё до своего прихода. Я предложил ей всего один коктейль, и она хлопнулась в обморок. Не могли бы вы вызвать такси к служебному входу?

— Конечно, мистер Карпентер.

Мне думалось, Джимми прекрасно понимает ситуацию.

Я приготовился к раскрытию преступления и нашему аресту. Но ничего подобного не случилось. Джимми подозвал такси. Ричард сел в него вместе с Луизой, и мы тронулись, словно это самое обычное дело катать в машине мёртвую женщину по улицам Нью-Йорка в полночь! Но каким бы хитроумным ни был Ричард, такой безумный план не мог осуществиться без сучка и задоринки. Такая задоринка обнаружилась, когда шофёр спросил адрес.

— На кладбище Файерфилд, — ответил Ричард.

— На кладбище Файерфилд? — переспросил шофёр. — Ночью? Вы шутите, мистер.

— Ни в малейшей степени, — холодно возразил Ричард, не любивший, чтобы его воспринимали не всерьёз. — Эта леди умерла, и я еду её хоронить.

Шофёр повернулся. Это был маленький грубый человек с покрасневшим от гнева лицом.

— Послушайте, мистер, мне не нравятся ни слабоумные из высшего света, ни подобного рода шуточки. Говорите куда ехать или выходите из моей машины.

Ричард немного поколебался и пожал плечами.

— Извините, — сказал он, — это было не смешно, а? Отвезите меня в Ривердэйл, к дому 937 по Западной 235-ой улице.

— Ладно, так-то оно лучше.

Вскоре мы уже пробирались по улицам, запруженным людьми, выходившими из театров. Ричард продолжал держать мёртвую Луизу на руках, как ребёнка. Он откинулся назад и принялся насвистывать сентиментальный вальс.

Всё происходящее могло происходить только во сне. На Таймс Сквер фонари высветили лицо Луизы сквозь вуаль. Несколько раз мы останавливались перед светофорами, и окружавшие нас пешеходы заглядывали в такси и смеялись. Регулировщики бросали на нас беглые

взгляды, ничуть не заинтересовываясь. Через самый большой город мира и самые оживлённые кварталы Ричард вёз труп, и ни у кого не возникло и малейшего подозрения.

Мы выбрались на автостраду Генри Гудзона и помчались к Ривердэйлу. А там остановились по указанному Ричардом адресу: перед домом, который я купил для нас с Анной. С тысячей предосторожностей Ричард вынес Луизу из такси, ухитрился достать из кармана десятидолларовую банкноту, заплатил и отпустил шофёра. Ночь была тёмной, а улица пустынной и тихой. Никто не видел, как Ричард с Луизой на руках взбежал по ступеням крыльца. Нашёл ключ и внёс мёртвую внутрь.

Не зажигая света, он прошёл в гостиную и бросил Луизу на диван. Сел напротив и закурил.

— Ты можешь говорить, Дэвид, — разрешил он.

— Ричард, — произнёс я с тоскою, — ты с ума сошёл. Привезти Луизу сюда ничуть не лучше, чем оставить в моей городской квартире. И что мы теперь будем делать?

— Как раз об этом я и размышляю, — отрезал Ричард. Он сильно раздражался, когда обстоятельства мешали осуществлению его замыслов.

— И в самом деле, жаль, что этот идиот шофёр отказался везти нас на кладбище.

И в этот момент Луиза на диване подняла голову.

Она села, пошатываясь, как больная. Её рука легла на горло, и когда она заговорила, голос был хриплым, и слова она выговаривала с трудом.

— Дэвид, — произнесла она, — ты... ты действительно пытался меня убить...

Ричард повернулся и посмотрел на неё. В темноте она выглядела призрачной и далёкой.

— У меня такое ощущение, — заметил он задумчиво, — что я чего-то не доделал.

— Ты пытался меня убить, — повторила она, словно не могла поверить. — Ты сядешь в тюрьму за покушение.

— Ты ошибаешься, — ответил он, вставая и направляясь к ней. — Просто я вынужден буду начать заново. Всего-навсего.

Луиза отстранилась, объятая страхом.

— О! нет, ради всего святого, не убивай меня, — завизжала она. — Я сожалею, что пришла, Дэвид. Я не должна была этого делать. Я сейчас уйду. Да, я опять исчезну. Я никогда больше не буду досаждать тебе, Дэвид.

— Я Ричард, а не Дэвид, — напомнил он, угрюмо насупившись. — А ты неподатлива на убийство, да, Луиза? Ты уже дважды умерла, но до сих пор живёшь. Но, может, третий раз будет удачным?

— Ричард, остановись, — крикнул я. — Дай ей уйти. Она говорит правду. Она уйдёт и больше никогда...

— Ты плохо разбираешься в таких женщинах, как Луиза, — хохотнул Ричард. — В любом случае, дело касается маленького недо-разумения между ней и мной. Ты становишься утомительным, Дэвид. Спи... спи...

Я чувствовал, что теряю сознание. Темнота поглощала меня. В моём сне всё происходило так же, как и в детстве: Ричард изгонял меня из нашего существования и действовал, как ему было угодно. Я ничего больше не знаю до того момента, когда обнаружил себя лежащим в пижаме на кровати. Ричард стоял посреди комнаты и улыбался.

— Ну, Дэвид, ты снова в полной форме, — сказал он. — Я ухожу, но я вернусь. Можешь быть в этом уверен.

— А Луиза? — вскричал я, — что ты сделал с Луизой?

Ричард зевнул.

— Забудь Луизу, — лениво произнёс он. — Она тебя больше не побеспокоит. Я убедил её принять твою точку зрения на это дело.

— Как? Что ты с ней сделал?

Ричард удовольствовался улыбкой.

— Спокойной ночи, Дэвид, — сказал он. — О! Я не хочу, чтобы, проснувшись завтра, ты терзал себя. Итак, запомни, это был всего лишь сон. Очень увлекательный сон.

И с этими словами он ушёл. Мгновением позже я открыл глаза и увидел, что уже девять часов утра, и будильник звонит. Таким был мой сон, доктор.

— Спасибо, Дэвид, теперь мне понятно. Сейчас я объясню вам этот сон, и он никогда больше не вернётся.

— Да, доктор.

— Перед тем как ваша первая жена Луиза умерла, вы желали её смерти, не правда ли?

— Да.

— И вот, когда она умерла, вы стали испытывать чувство вины, как если бы сами её убили. Накануне вашей свадьбы чувство вины проявилось в виде кошмара, в котором Луиза была жива. Вероятно, звонок вашего будильника заставил вас думать о телефоне, и именно так ваш сон начался... Луиза, Ричард, всё остальное. Понимаете?

— Да, доктор, понимаю.

— А сейчас вы немного отдохнёте; когда я скажу проснуться, вы проснётесь. И полностью забудете этот сон. И он никогда больше не будет вас мучить. Теперь отдохайте, Дэвид.

— Да, доктор.

— О! доктор Мэнсон...

— Что вы хотите, миссис Карпентер?

— Вы уверены, что у него больше никогда не будет этого кошмара?

— Абсолютно уверен. Его бессознательная вина, если можно так выразиться, вышла на поверхность, и таким образом он от неё избавился.

— Я так рада. Бедный Дэвид! Он был на грани нервного истощения. Ох! Извините, звонят в дверь.

— Конечно.

— Там доставили покрывала. Это свадебный подарок сестры Дэвида. Я посылала их к вышивальщице пометить нашими инициалами. Они симпатичные, правда?

— О! да.

— Я уложу их. У Дэвида такой прекрасный сундук из кедра. Крышка совершенно герметична и защищает от моли, как уверял столяр. Надеюсь, что так. Было бы ужасно, если бы такие прекрасные покрывала поела моль...

— Дэвид, вы можете проснуться... Как вы себя чувствуете?

— Замечательно, доктор. Только я не Дэвид, а Ричард. Я удивлён, что вы поверили, будто Дэвид рассказывает вам сон. Вы должны бы знать, что именно этим способом он прячется от реальности. В тот первый раз действительно звонил телефон и... Анна, не подходи к сундуку. Я не шучу... Не открывай его!.. Ну, тем хуже. Я предупредил, и всё же тебе понадобилось его открыть. И нечего теперь стоять перед ним и визжать.

Перевод – И. Логинов

АБСОЛЮТНО НАДЕЖНО

Зазвонил телефон. Бриссон снял трубку и сжал её так яростно, словно ощутил под пальцами белое мягкое горло Лизы, своей жены. За кого она себя принимает? Смеет говорить ему, что она...

— Мистер Бриссон? — голос из трубки достиг наконец его сознания.

— Слушаю.

— Это Адамс, из банка. Вы просили меня сообщать, как только счёт вашей жены...

— Да, да, — он попытался скрыть раздражение. — Что там? Перерасход?

— Не совсем. Но миссис Бриссон сейчас здесь и желает получить пять тысяч наличными, а денег на её счёте почти на тысячу меньше, и я подумал...

— Разумеется. Спасибо, мистер Адамс. Оплатите чек, я покрою перерасход.

Бриссон положил трубку и достал сигару из ящика. «Для чего это вдруг Лизе понадобились пять тысяч наличными? Она, вероятно, приехала в город сразу вслед за ним специально для этого. На новые платья, может быть? Но для этого у неё есть широкий кредит. Деньги на поездку? Чековая книжка гораздо удобнее. Может быть, она собирается приобрести новый автомобиль в свой западный вояж?» — подумал он угрюмо. Впрочем, бессмысленно пытаться угадать, что у Лизы на уме. Теперь она жила сама по себе, не советуясь с ним, и все её действия обычно оборачивались для него сюрпризом. Часто неприятным сюрпризом. Как сегодня утром, к примеру.

Бриссон взглянул на смятую в руке сигару и с ожесточением швырнул её в корзину для бумаг. Боже, как бы ему хотелось и с Лизой поступить так же! Взять её за горло и сжимать, сжимать до тех пор, пока она не будет окончательно вычеркнута из его жизни. Она и её частный детектив. Если только этот парень действительно детектив, а не что-нибудь похуже — шантажист, например.

До сих пор их союз, в котором каждый жил сам по себе, был не так уж плох. Но в это утро...

Бритьё доставляло ему удовольствие. Большинство мужчин не любит бриться, но он был не из их числа. Втайне он даже гордился жёсткостью своей стальной чёрной щетины, как и сломанной переносицей — результатом удара бейсбольной битой во время разгона забастовки лет двадцать назад.

Он проделал немалый путь с тех пор, как водил отряды штрейкбрехеров против бастующих рабочих во время депрессии тридцатых годов. Теперь ему принадлежит разросшийся завод и дом из пятнадцати комнат в фешенебельном предместье. Он уважаем самыми влиятельными людьми города. Они доверяют ему настолько, что обещали миллионную ссуду на расширение завода... Да, он далеко шагнул.

В хорошем настроении он спустился вниз к завтраку и обнаружил, что стол накрыт только на одного. Ну что ж, это не имело значения. Насмешливые зелёные глаза Лизы, чеканное совершенство её лица, так восхитившее его однажды, — он вполне мог обойтись за завтраком и без них. После плотного завтрака, рассчитанного на рабочего человека, но какого он не мог себе позволить, когда был рабочим, он прошёл в гостиную жены. Лиза читала, вытянувшись в шезлонге, и её пшеничные волосы сияли на солнце.

— Доброе утро, Джо.

Она говорила с гнусавым бостонским акцентом, разыгрывая из себя аристократку, но Бриссон-то знал, что дед её торговал железным ломом.

— Ты хорошо спал?

— Я всегда хорошо сплю.

Последние дни он стал резок с ней.

Его бесило, что она так же холодна и безжалостна, как и он сам, но к тому же ещё и хитрей, чисто по-женски.

Вначале их союз казался идеальным. Он мог обсуждать с ней свои планы, и она не только разбиралась в них, но и давала дельные советы. Все его успехи в обществе были её заслугой. Это в её голове созрели планы наиболее сложных его махинаций. И в первые годы супружества он часто с удовлетворением думал о том, какая они подходящая пара. Но потом пошли разногласия, и теперь он предпочитал женщин, над которыми мог властвовать.

— И я тоже хорошо сплю, — сказала она и отложила книгу в сторону. — Мне нужно обсудить с тобой кое-что.

— Это так срочно? — Он присел на краешек кресла и отхлебнул кофе из чашки, которую захватил с собой. — У меня масса дел сегодня и, полагаю, у тебя их тоже достаточно. Ведь мы отплываем на «Жуин Мэри» завтра утром.

— Об этом я и хотела поговорить, — она бросила в его сторону насмешливый взгляд. — Я не поплыву с тобой.

— Что это значит? — он уставился на неё поверх чашки. — Ведь мы же давно договорились. Всё уже упаковано, слуги отпущены, всем сообщено о нашем отъезде. Да и ты знаешь, что в эту поездку ты мне необходима для представительства. Сейчас, когда заканчиваются переговоры о наших филиалах в Англии и Франции...

— Извини, пожалуйста, — она смотрела на свои длинные сильные пальцы, — но мне пришла мысль, что вместо этого сейчас самый подходящий момент побывать в Рено. И я заказала билет на послезавтра,

— Рено? Что за шутки!

— Я не шучу. Наш брак — одно название. Мне тридцать пять. И уж если мне суждено начать новую жизнь, то следует делать это сейчас.

— Ты хочешь сказать, что собираешься снова выйти замуж?

— Да. Со временем, конечно. Если ты думаешь, что у меня кто-то есть, то это не так. Сейчас я просто хочу быть снова свободной, Джо. Наш брак уже ни тебе, ни мне не нужен.

Решение пришло быстро, хотя внутри него всё кипело от негодования. Пусть уходит. Это хлопотно, конечно, но издержки окупятся.

— Понятно. Ну что ж, если ты серьёзно решила...

— Совершенно серьёзно.

— Не смею удерживать. Какое обеспечение ты хочешь?

Она сплела пальцы на коленях и мило улыбнулась:

— Половину.

— Половину?! — он чуть не задохнулся от ярости. — Половину чего?

— Половину всего. Половину Бриссон Индастриз или соответствующую сумму наличными. В конце концов, это я помогала тебе создавать предприятие. Не будь меня, ты сейчас имел бы не промышленную империю, а паршивый заводик, который когда-то шантажом отобрал у владельца. Ты бы еле сводил концы с концами.

— Ты с ума сошла. — Он тяжело дышал. — Да ни один суд на свете не присудит тебе половину.

— А я и не думаю о судах. Я думаю о том, как повлияют на твоё положение, на твой бизнес, на твои планы относительно европейского рынка твои письма, когда их огласят в суде, а затем напечатают в газетах.

— Какие письма? — Но он уже прекрасно понимал, какие. Письма, которые он приказал Анне сжечь, когда...

— Письма, что ты писал в прошлом году своей маленькой приятельнице Анне, когда уезжал. Должна признаться, они открыли мне такие твои качества, о которых я и не подозревала. Тебе, должно быть, долго пришлось скрывать их.

Побагровев от злости, он вскочил на ноги:

— Как ты достала их?

— Видишь ли, дорогой, — произнесла Лиза почти нежно, — когда я стала подыскивать частного детектива, один из моих друзей упомянул о человеке, начисто лишённом какой-либо порядочности. Я переговорила с ним и убедилась, что это действительно так. Такой маленький человечек с очень приятной внешностью к тому же. В общем, именно то, что я искала. Ведь простого свидетельства, достаточного для развода, мне было, разумеется, мало. Он принёс мне эти

письма. Я не спрашивала, как он их раздобыл. Пришлось ему хорошо заплатить, конечно, но он этого стоил.

И тут его ярость, которую он научился сдерживать ещё во времена своего штрейкбрехерства, прорвалась наружу. И он швырнул в неё чашку с кофе.

Лиза увернулась, и чашка ударилась о спинку шезлонга. Кофе залил ей лицо и волосы, и он на миг почувствовал удовлетворение, увидев страх и ненависть в её глазах.

Не вытирая лица, не обращая внимания на кофе, стекающий на кружева её халата, Лиза выпрямилась, и то, что он прочёл в её взгляде, заставило его резко отвернуться.

— Ты сама добивалась этого, — прорычал он, — и отлично это знаешь. Мы ещё поговорим вечером. Я уже опаздываю.

Он вышел. И хотя он действительно спешил, но не отправился прямо в свой офис. Вначале была поездка на тайную (теперь, впрочем, не столь тайную) квартиру. Безобразная, слезливая сцена с Анной, с которой он познакомился в Германии три года назад.

Нет, она не сожгла его письма. Ведь они так много значили для неё. Они лежали в чемоданчике, в шкафу. Она даже не подозревала, что они исчезли. Нет, посторонних не было. Хотя, да... На прошлой неделе в квартире погас свет и приходил монтёр проверять проводку. Такой маленький человечек с приятной улыбкой. Ей пришлось уйти, оставив его одного, но...

Бриссон покинул её, рыдающей навзрыд...

Он раскурил новую сигару и попытался привести мысли в порядок. От Лизы придётся откупиться. Его настоящее положение было не слишком устойчивым. И если ему вдруг откажут в обещанном займе, может рухнуть всё здание Бриссон Индастриз. А если письма будут опубликованы, он тут же лишится своего так расчётливо завоеванного положения. А в том, что Лиза готова опубликовать их и погубить его даже в ущерб себе, он был уверен. Ненависть, которую он увидел в её глазах, не оставляла в этом сомнений. Она выждала момент, когда он оказался наиболее уязвимым, и тогда нанесла удар.

Негромкое, но настойчивое гудение селектора привлекло его внимание. Он нажал кнопку.

— Да?

— Мистер Бриссон, вас хочет видеть мистер Данкем. По предварительной договорённости.

— Отошлите его. Хотя, нет, — он быстро изменил решение, — просите.

Бриссон откинулся на спинку вращающегося кресла в приливе злобной радости от предстоящего разговора. Данкем пришёл сюда просить, и будет величайшим наслаждением отказать ему и объяснить, как ловко его провели. К слабым, вроде Данкема, он не питал никакой симпатии.

Дверь отворялась, и вошёл Данкем — высокий, сутулый человек, слишком седой для своего возраста.

— Привет, Данкем, — сказал Бриссон. — Садитесь. Что скажете?

Напряжённо держась, Данкем сел. Он прокашлялся, прежде чем заговорить.

— Я только хотел кое в чём удостовериться. Вы действительно закрываете мой завод?

— Мой завод... — Бриссон бросил на него взгляд поверх сигары. — Это пустяковый и малоприбыльный бизнес. Поэтому я его и закрываю.

— И вы с самого начала собирались это сделать? — Данкем с трудом произносил слова. — Когда вы выкупили его у меня, то обещали, что работа будет продолжаться, а я останусь управляющим. Теперь вы его закрываете и весь наш город оставляете без работы. Да и у меня нет ни цента. Вы решили разорить и меня, и город только из-за одной фразы, которая показалась вашей жене оскорбительной.

Бриссон глубоко затаился. Он вспомнил вечеринку, что состоялась года два назад после осмотра захудалого предприятия Данкема. Он, Лиза, Данкем с женой и всё заводское начальство собрались в доме Данкема. Тогда жена Данкема сказала что-то про деда Лизы. О, Лиза никогда не спускала таких вещей. И это была её мысль — купить завод, закрыть его и, понеся значительные финансовые потери (фиктивные, разумеется), выиграть в результате налоговую скидку.

Подумав о Лизе, Бриссон уже готов был изменить своё решение, просто назло ей, но в этот момент Данкем заговорил снова:

— Ты мерзкий подонок, — ноздри его побелели. Тон, каким он пронзёс это, был слишком спокойным и не звучал мелодраматически. Да и пистолет, который он вытащил из кармана, выглядел совсем не театрально. — Я слышал, как ты начинал, — продолжал он. — Шантажировал старого Энгуса Миллера, после того как сорвал для него

забастовку двадцать лет назад. Я знал, что просить тебя бесполезно, и пришёл, готовый к другому.

Бриссону угрожали и раньше, и пистолетами тоже. Но на этом пистолете он заметил глушитель и понял, что неестественное спокойствие Данкема было просто самообладанием человека, принявшего решение и больше не думающего о последствиях.

— Сидеть тихо, — предупредил Данкем, — и никаких кнопок.

Бриссон и не пытался этого сделать. Его кресло было отодвинуто от стола на добрый фут, и, для того чтобы вызвать секретаря, нажав на потайную кнопку, ему необходимо было нагнуться. А в том, что Данкем выстрелит, как только получит предлог, он не сомневался. Уверенность в этом потеснила на время ненависть к Лизе и так обострила его восприятие происходящего, что он почувствовал даже нечто вроде удовольствия.

— Не валяйте дурака, Данкем, — сказал он примирительно. — Не стоит, право, расставаться с жизнью лишь затем, чтобы сорвать на мне злость.

— Вы не оставили мне другого выхода, Бриссон. Я разорён, а у меня двое детей в колледже и больная жена. Да и моему городу нужен завод. Так что я меняю жизнь на благополучие моей семьи и моих рабочих.

— Каким же образом ваша казнь улучшит их положение? — спросил Бриссон, стараясь выиграть время.

— Я застрахован. И я намерен убить вас. Выстрел не будет слышен. Выйдя отсюда, я скажу секретарю, что вы просили вас не беспокоить. Если повезёт, я успею дойти до своей машины и выехать из города, прежде чем вас обнаружат. На шоссе я увеличу скорость. Всего в десяти милях от города есть крутой поворот. Я войду в него на скорости в семьдесят миль и, конечно, не выживу после аварии. Это будет смерть от несчастного случая, что удвоит выплату по страховке. Моя семья будет обеспечена, а без вас никто не проведёт решение через совет директоров, и завод будет продолжать работу. Считаю, что это выгодный обмен.

Данкем медленно поднялся, твёрдо держа пистолет с глушителем. Бриссон не сомневался, что он готов убить и умереть сам. Но он, Джо Бриссон, был гораздо меньше готов к смерти.

Он сидел, откинувшись в кресле, в довольно беспомощной позиции. И вместо того чтобы попытаться встать, он резко оттолкнулся ногой от стола, и кресло опрокинулось...

Данкем попытался поймать его на мушку во время падения, но хлопнул выстрел, и пуля, пролетев над головой Бриссона, звякнула о радиатор. Бриссон выбрался из кресла и вскочил на ноги. Теперь пистолет был для него не страшен. Он знал, что с глушителем можно сделать только один выстрел. Через несколько секунд он уже овладел пистолетом, а Данкем с вывернутой за спину рукой был в его власти.

Всё обошлось без лишнего шума, если не считать стука упавшего кресла и удара пули о радиатор.

Бриссон подождал, но никто не вошёл.

— Садитесь, Данкем, — облегчённо сказал он. — Давайте обсудим положение заново. Если уж вам так хочется кого-нибудь убить, я, кажется, могу сделать вам очень интересное предложение...

В баре первого класса Бриссон допивал свою рюмку бренди. «Куин Мэри» слегка покачивало, но это не раздражало. «Королева» была достаточно велика, чтобы не реагировать на обычную атлантическую погоду.

Чувствуя приятную расслабленность, он разглядывал пассажиров. Три хорошенькие женщины неуловимо давали ему понять, что охотно примут его ухаживания. Но он не был к этому расположен. Его поведение во время этой поездки должно быть безукоризненным.

Он отставил рюмку и поднялся по трапу в свою роскошную каюту из двух спален и гостиной, которую Лиза должна была разделить с ним. Он включил свет и, почувствовав, что в помещении душно, открыл дверь, выходящую на небольшую персональную палубу, и шагнул наружу. Океанский ветер был резким, но освежающим. Стоя у поручней, он наблюдал, как волны скалят зубы при свете луны. Он долго стоял там. И лишь когда основательно продрог, возвратился в каюту, закурил сигару и сел.

Весь этот день он чувствовал себя хорошо, очень хорошо. Всё было продумано с той чёткостью, которую он так любил. Сейчас половина двенадцатого. Около полуночи Говард Данкем остановит свой автомобиль в самом начале узкого служебного проезда за участком дома Бриссона. Затем он тихо пройдёт по тропинке, ведущей к задней двери, замок которой Бриссон испортил предыдущим вечером. Очу-

тившись за ней. Данкем поднимется по чёрной лестнице к спальне Лизы. В это время она обычно уже спит, когда ночует дома. А там ещё несколько секунд... и всё будет кончено. Кроме Лизы, в доме никого нет. Ведь слуги ввиду отъезда хозяев отпущены. У Данкема пистолет с глушителем. Завтра придёт водопроводчик, чтобы отключить воду... и обнаружит Лизу. В вечерней газете было опубликовано короткое сообщение о том, что мистер и миссис Джозеф Бриссон отплывают в Европу на довольно продолжительное время. Бриссон объяснит, что он дал напечатать это сообщение, так как он и жена не хотели гласности вокруг их развода.

А в действительности жена предполагала утром уехать в Рено, предоставив всем думать, что она с мужем отплыла в Европу. Очевидно, какой-то грабитель, прочитав это сообщение, решил, что наступил самый подходящий момент ограбить дом. Лиза оказалась для него неприятным сюрпризом, и он убил её.

Да, это было абсолютно надёжно. Уговорить Данкема оказалось легко. Бриссон облегчил ему выбор. Завод продолжит работу, если Данкем убьёт Лизу. Благополучие тысяч против жизни одной женщины. А тот факт, что именно Лиза хотела закрыть завод, помог убедить его в том, что, если она умрёт, это будет только справедливо. Позже ему придётся убрать и Данкема, но это будет уже не трудно. Самое главное то, что Лиза уйдёт с дороги, и подкопаться к этому будет невозможно.

Весь этот план пришёл ему в голову тотчас после выстрела Данкема. И всё же он чувствовал смутное беспокойство, колеблющее его уверенность. Лиза! Она была неизвестным элементом в расчётах, единственным непредугадываемым фактором.

Прошлым вечером они мирно поговорили. Бриссон извинился и принял её условия. В свою очередь, она согласилась остаться дома ещё на одну ночь, а затем улететь в Рено под чужим именем. Но что, если она передумала? Не возвратилась домой, например, или отправилась куда-нибудь немного развлечься с мужчиной, о котором он не подозревал?

Это объяснило бы, почему она сняла вчера со счёта пять тысяч наличными. Ведь чеки не очень-то годятся для таких дел. Чёрт! Если бы он только мог быть уверен, что она дома, тогда бы он знал наверняка, что всё будет в порядке. Эта проклятая неизвестность не даст ему заснуть всю ночь.

Но чем может повредить телефонный звонок? Согласно их плану, Данкем не должен войти в дом раньше, чем через полчаса.

Он решительно поднял трубку и назвал корабельному радисту номер телефона, установленного в спальне Лизы. Он слышал, как устанавливалась связь судна с берегом, как далёкий телефон на суше прозвонил несколько раз, прежде чем подняли трубку.

— Миссис Бриссон у телефона.

— Одну минутку, пожалуйста, вызывает «Куин Мэри». Говорите, сэр.

Но прежде чем Бриссон заговорил, начала Лиза:

— Алло? В чём дело? Что-нибудь случилось?

— Алло, Лиза, — он говорил нарочито спокойным тоном. — Ничего не случилось. Я просто хотел поговорить с тобой, только и всего.

— А, Джо... — она помолчала. — Я спала и не ожидала, что ты позвонишь так скоро.

— Прости, пожалуйста, я не подумал. Но я забыл спросить, где ты думаешь остановиться в Рено?

— В Рено?... Я ещё не знаю. Разве это имеет значение?

— Я хочу позвонить тебе из Лондона, когда мой адвокат составит проект соглашения о разделе.

— Да, конечно. Что же, как только я устроюсь, я сразу же дам тебе знать, — она казалась почти незаинтересованной.

— Прекрасно, — сказал Бриссон с наигранным воодушевлённым, — но помни, что это очень важно, чтобы о разводе не было ничего известно пока я не подпишу этих бумаг за границей.

— Ты уже говорил об этом. Тебе не о чем беспокоиться.

— Чудесно. Тогда всё. Спокойной ночи, Лиза.

И тут он услышал, как у неё перехватило дыхание, и она заговорила сдавленным шёпотом.

— В комнате кто-то есть. Я вижу его там, за шторами... Он движется...

Он услышал лёгкий вздох, и на другом конце наступила тишина. Бриссон немного подождал, но трубка молчала. Потом там, в полутёмной спальне, кто-то мягко нажал на рычаг телефона. Бриссон тоже положил трубку.

Значит, Данкем уже был там! Он, вероятно, не выдержал ожидания и проник в её комнату раньше. Телефонный звонок заставил его

спрятаться и выждать конца разговора, но она его заметила, и тогда он уже больше не мешкал. Ну, слава богу, теперь всё было позади!

Он почувствовал, что вспотел. Рука его дрожала, когда он стряхивал пепел с сигары. Своим звонком он чуть было не разрушил всего. Но зато теперь он знал. Этой ночью он хорошо будет спать.

Но одна маленькая деталь его всё же беспокоила. Не пять тысяч, нет.

Но то, что сказала Лиза, услышав, что ей звонят с «Куин Мэри». Словно она ждала звонка, ждала известий о том, что что-то...

— Бриссон...

Голос был тихим, но он вскочил, как ужаленный. В дверях спальни, которая предназначалась Лизе, если бы они плыли вместе, стоял человек. Маленький человечек с довольно приятной и ничем не примечательной внешностью. Но пистолет он держал вполне профессионально... и на нём тоже был глушитель.

В ту долю секунды, что они смотрели друг на друга, Бриссон понял, какие новости ожидала услышать Лиза и зачем ей понадобились пять тысяч наличными.

— Пойдите! — кричал он в отчаянии. — Я заплачу...

Но маленький человечек не дал ему закончить фразу. Хотя у него и не было совести, он всегда выполнял то, за что ему было заплачено.

Когда он закончил своё дело, Бриссон болтался в океане за несколько миль от «Куни Мэри».

Дверь на его палубу была открыта, пиджак и галстук лежали на стуле, словно он вышел на минутку проветриться, перед тем как лечь спать. Не было ничего, указывающего на то, что произошло в действительности. И в судовом журнале просто запишут: «Упал за борт». Смерть вследствие несчастного случая. Двойная компенсация по огромной страховке жизни и весь его бизнес.

Это был собственный план Лизы. Как и план Джо, он было хорош. Абсолютно надёжен. Как он часто думал, они хорошо подходили друг другу.

Перевод – А. Вускович, В. Затеplinский

Как избавиться от Джорджа

— Лаура, ты оделась? — крикнул Дейв Денис и громко постучал в дверь.

Лаура резко пришла в себя и задрожала от страха. Ей приснилось, что глазок кинокамеры превратился в глаз Джорджа и подмигнул ей. Она до сих помнила эту противную ухмылку, визитную карточку Джорджа и их номера.

Но Джордж, слава богу, уже пять лет мёртв. Он снился ей, когда она сильно уставала. Как сейчас, когда она от усталости задремала за туалетным столиком, одеваясь к вечеринке, которая была сейчас в самом разгаре.

— Минуточку, Дейв, — крикнула она, но дверь уже открылась.

В комнату вошёл глава отдела связей с общественностью киностудии «Формоуст филмс». На его маленьком лице было написано недовольство.

— Лаура, ты что, забыла про вечеринку? Да, премьера «Звёздной любви» прошла сегодня на ура, но нам не развить успех, если ты сейчас же не спустишься.

— Иду, Дейв, — с трудом сдерживаясь, ответила Лаура Лейн. Они с Денисом ненавидели друг друга. — Я просто сильно устала.

— Звезда не может уставать, — нравоучительно произнёс Дейв. — Звезда принадлежит публике и прессе.

— Выйди, пожалуйста, — попросила Лаура, и в её спокойном голосе послышались угрожающие нотки. — Или мне в тебя чем-нибудь бросить?

— Угомонись, Лаура! — он торопливо сделал шаг назад. — Сегодня не тот вечер, чтобы устраивать твои знаменитые припадки.

— Не беспокойся, — она отвернулась к зеркалу, — я буду улыбаться этим акулам пера и сделаю вид, что мне не хочется плюнуть им в лица. Хайла Френч и Билли Пирс уже приехали?

— Приехали и уже извелись в ожидании тебя.

— Ещё бы. Они всё обо мне знают. Даже то, сколько времени я чищу зубы. Хайла платит за информацию Марии, а Билли — Педро. Если я что-то скажу во сне, эти стервятники узнают об этом на следующий же день.

— Они очень важные люди, — пожал плечами Дейв. — Даю тебе не больше десяти минут. Да, кстати, новый репортёр из «Восточного синдиката» хочет взять у тебя маленькое интервью. Какие чувства испытывает женщина, по которой сохнет каждый мужчина, и всё такое.

— Хорошо, я отвечу на его вопросы. Скажи, пожалуйста, Гарри Лоуренсу, чтобы он принёс мне коктейль. Я скоро спущусь.

— И смотри, будь паинькой.

Лаура внимательно посмотрела на себя в зеркало. Ей было 35, но обычно она выглядела на 29. Правда, сегодня из-за усталости ей можно было дать все 40. Боже, как же она устала! Все эти съёмки и пере-съёмки, сегодняшняя премьера... Слава богу, всё кончилось. Она выдала три блокбастера подряд и выполнила все обязательства перед студией. Теперь никто не помешает им с Гарри открыть собственную киностудию и снимать то, что им нравится. Он уже договорился с «Юнайтед» на три фильма. Значит, они получают как минимум по миллиону каждый. К тому же они смогут снимать за границей, вдали от газетчиков, пять лет следивших за ней и пытавшихся узнать её прошлое, которое они с Гарри так усердно прятали.

Удивительно, что семь лет, период её жизни до Голливуда, не отразились на её лице. Семь лет гастролей по стране и выступлений в балаганах с отвратительным номером. Она раздевалась и пела, а Джордж шутил. Джордж взял всё, что у неё было, и бросил её, когда она заболела. Лишь раз в жизни Джордж совершил неэгоистичный поступок — когда позволил грабителью в Ньюарке убить себя.

Сейчас Хайла Френч и Билли Пирс многое бы отдали, чтобы раскопать эту историю и познакомить с ней сто миллионов читателей!

Если бы не Гарри Лоуренс... Слава богу, что у неё был Гарри, высокий и широкоплечий, с ласковым голосом и обворожительными манерами. Теперь они смогут открыть свою студию и пожениться.

В дверь вновь постучали. Лаура радостно повернулась.

— Входи, Гарри!

Дверь открылась, но это был не Гарри Лоуренс. На пороге стоял невысокий мужчина с прилизанными чёрными волосами. Большие очки в роговой оправе закрывали почти половину лица. Лауре показалось, что она его где-то видела.

— Кто вы? — возмутилась она. — Как вы смеете врыватья в мою комнату?

— «Истерн пресс», — представился репортёр. — Хотел взять у вас маленькое интервью. — Он закрыл за собой дверь и оглядел роскошно обставленную комнату.

— Я сказала Дейву, что встречусь с вами внизу.

— Но я подумал, что ты предпочтёшь поговорить наедине, Глория.

— Да как вы... — Лаура замолчала и в панике схватилась обеими руками за сердце. — Как вы меня назвали?

Брюнет снял очки и взъерошил приглаженные волосы. Потом медленно закрыл правый глаз и наполовину его открыл. Конечно, она не забыла эту грязную ухмылку.

— Нет! — вскричала она. — Этого не может быть! Ты же мёртв! О твоей смерти писали в газетах.

— некогда было исправлять ошибку репортёров: сидел в тюрьме под чужим именем. Вышел полгода назад. Долго же я искал тебя, детка. Новое имя, новый нос, новые зубы, новая карьера. Всё новое. От прежней Глории Гордон из номера «Джордж и Глория, стриптиз и юмор», почти ничего не осталось... Славная у тебя комнатка.

— Что тебе нужно? — она с трудом сдержала гнев. — Если деньги, то я готова заплатить 25 тысяч за развод.

— Развод? — Джордж показал в ухмылке гнилые зубы. — Это же я, Глория, твой любящий муж. Я вернулся после долгой разлуки и хочу восстановить нашу счастливую семью.

— Только через мой труп! Ты остался такой же дрянью... Ладно, 50 тысяч, чтобы ты уполз в свою нору и больше не показывался. Учти,

я помню, что случилось в Кливленде. Ты можешь опять угодить за решётку.

— Народ будет охать и ахать, читая, как голливудская звезда Лаура Лейн раньше выступала в стриптизе. Кстати, у меня сохранились фотографии, за которые жёлтые журналы заплатят любые деньги.

Лаура закрыла глаза.

— Сто тысяч, Джордж. Бери, пока я добрая, и исчезни. Я уже не та девчонка, которой ты помыкал, как хотел.

— Детка, ты не забыла, что это Калифорния, — подмигнул Джордж. — Великий штат, в котором имущество делится поровну между супругами. Здесь половина моего принадлежит тебе и наоборот. У тебя в банке, наверное, не меньше миллиона. Так что не надо предлагать мне крохи с барского стола. Лучше поцелуй своего муженька, у которого была амнезия и которого ты вернёшь к жизни.

Когда Лаура вскочила на ноги, Джордж бросился к ней и схватил её за плечи.

— Убери свои грязные руки!

— Веди себя вежливо, если хочешь, чтобы я вёл себя хорошо... Ну хватит дуться, поцелуй старину Джорджа, — он вывернул её левую руку и завёл её за спину так, что она была вынуждена закусить губу, чтобы не закричать от боли. — Так-то лучше. Иди же к своему супругу, как положено примерной жёнущке.

Боль и отвращение вспыхнули в её голове ослепительным белым пламенем. Она нащупала правой рукой серебряную статуэтку и ударила Джорджа, даже не поняв, что произошло. Изредка с ней такое бывало. Когда туман рассеялся, она стояла над лежащим Джорджем, хрипло дыша и сжимая в руке статуэтку. Его глаза были широко раскрыты, как от удивления, а левый висок превратился в кровавое месиво.

Кто-то вошёл в комнату. Лаура резко повернулась. Гарри Лоуренс стоял, прислонившись к двери. Его красивое лицо сильно побледнело даже под сильным загаром.

— Лаура, что здесь произошло?

Пока Лоуренс запирал дверь, Лаура кое-как добралась до столика. Рухнув на стул, она всё рассказала.

— Я думала, что он мёртв, — закончила она.

— Мертвее не бывает. Конечно, ты защищалась, но неужели нельзя было обойтись без проломленного черепа?

— Когда он схватил меня, я вышла из себя и начала бить его. Он явился шантажировать меня.

— Знаю, но ты могла как-нибудь задержать его, пока я не поднимусь... — Гарри Лоуренс вытер платком лоб. — Как только Хайла Френч узнает, что ты скрывала от неё такую сенсацию, она немедленно объявит тебе войну и представит Джорджа несчастным мужем, которого ты бросила. Выйдя на свободу, он пришёл к тебе за помощью, а ты вышибла ему мозги! Представь, как она это распишет!

— Гарри, но это будет означать... конец, да? Конец всему: нашей компании, нашей сделке с «Юнайтед», моему будущему...

— И, не исключено, срок в Сан-Квентине за преднамеренное убийство. Степень твоей вины будет зависеть от того, как сильно разозлятся Френч, Пирс и другие писаки. Даже если удастся отбиться от обвинений в убийстве, на твоей карьере и наших планах придётся поставить жирный крест.

— Нет, Гарри, только не это! Джорджа никто не знает. Он здесь под вымышленным именем. Если бы нам удалось избавиться от тела... Может, попросить помощи у Дейва Денниса? Ведь речь идёт об имидже киностудии.

— Возможно, — согласился Гарри, но тут же добавил: — Нет, ему нельзя доверять. Ради такой сенсации он перережет горло родной бабушке!

— Что же нам делать? — простонала Лаура. — Как его вынести отсюда? Мария и Педро следят за каждым моим шагом дома, а за его пределами подстерегают папарацци.

— Ты права, — кивнул Гарри Лоуренс. — Нужно хотя бы пока его спрятать. У тебя есть какой-нибудь сундук?

— В гардеробе. Я не выбрасываю его, потому что он достался мне от матери.

— Тебе нужно спуститься, так что одевайся. А я пока займусь Джорджем.

Лаура Лейн повернулась к зеркалу и начала краситься. Через минуту запертый сундук стоял у стены. Окровавленная статуэтка и Джордж исчезли.

— Джордж полежит в сундуке, пока я что-нибудь придумаю, — сказал Гарри. — Знаешь, Лаура, по-моему, всё же следует вызвать полицию. Думаю, адвокаты докажут, что ты защищалась, хотя о ка-

рьере, конечно, придётся забыть. Чем дольше будем тянуть, тем хуже будет становиться ситуация.

— Нет, Гарри! — решительно покачала головой Лаура. — Я взобралась на вершину Голливуда и не собираюсь бросаться вниз. Нужно что-то придумать.

— Ладно. Пойдём вниз, тебя ждёт пресса. И улыбайся, Лаура! Улыбайся так весело и ослепительно, как никогда не улыбалась...

С лица Лауры Лейн не сходила ослепительная улыбка.

— Где этот репортёр из «Истерна»? — спросил Дейв.

— Я уже ответила на его вопросы, — улыбнулась Лаура. — Наверное, поехал сдавать статью.

— Что-то ты сегодня бледная, милочка, — заметила Хайла Френч, высокая некрасивая женщина. — По-моему, ты чересчур много работаешь.

— Я люблю свою работу, дорогая Хайла. Иначе бы я здесь не была.

— А где твой агент? Скоро наденете цепи?

— Ты первая об этом узнаешь! — Лаура со смехом отправилась дальше.

— Я кое-что придумал, — прошептал Гарри Лоуренс. — Иди за мной. Дейв придёт в ярость, Хайла от злости подпрыгнет до потолка, но другого выхода у нас нет.

Она безропотно пошла за ним. Через минуту они стояли на лестнице. Рука Гарри лежала на её талии. Рядом стоял злой Дейв Деннис. Он несколько раз ударил в гонг, дождался, когда гости замолчат, и сказал:

— Ребята, хочу сообщить сенсационную новость, о которой только что узнал. Лаура и Гарри приняли решение 15 минут назад. Они... Нет, пусть лучше Гарри всё расскажет.

— Друзья, — взволнованно начал Лоуренс. — Я знаю, что все вы наши с Лаурой друзья. Новость на самом деле никакая не сенсационная, а самая простая. Лаура и я... мы давно любим друг друга. И сейчас, когда вышла картина, мы решили, что пришло время... В общем, мы решили стать мужем и женой. Сейчас мы отправимся в аэропорт, полетим в Юму и там женимся. Все желающие могут лететь с нами. Остальные продолжайте веселиться. Увидимся завтра. Мы вернёмся за вещами и отправимся праздновать медовый месяц.

Послышались аплодисменты, все одновременно заговорили. Лаура приготовилась к худшему, когда увидела, как к ней пробивается красная от злости Хайла Френч.

— Но почему, Гарри? — прошептала она. — Конечно, я рада, но почему?

— Потому что иначе нам не избавиться от Джорджа. Даже голливудская звезда имеет право на частную жизнь во время своего медового месяца...

Домой Лаура вернулась поздно вечером. Они с Гарри уже 12 часов были мужем и женой, но с тех пор практически ни минуты не оставались наедине.

— Мы сейчас спустимся! — крикнул Гарри гостям, запирая дверь.

Как только они остались одни, с лица Лауры сошла улыбка.

— Успокойся, дорогая, — он крепко обнял её. — Худшее позади.

— Я улыбалась и всё это время думала о Джордже. Думала, как он лежит в сундуке. Думала и... улыбалась.

Лоуренс обнимал жену, пока она не перестала дрожать.

— Спасибо, родной! Я взяла себя в руки. Что будем делать?

— Отправимся праздновать медовый месяц. Мария, вижу, уже собрала твои вещи. Мой чемодан тоже готов. Скажем, чтобы всё погрузили в мой фургон. Потом попрощаемся с гостями и только после этого избавимся от Джорджа.

В дверь постучали.

— Это Дейв Деннис, ребята.

— Входи, Дейв, — Гарри распахнул её.

— Как дела, голубки? Готовы к медовому месяцу?

— Да, — ласково ответила Лаура. — Спасибо за помощь. Ты здорово помог. Всё получилось так внезапно.

— И всё же могли бы предупредить заранее. Мы потеряли такую отличную возможность бесплатной рекламы. Сегодняшние газеты уже напечатали о вашей свадьбе на первых страницах. Будем стричь купоны все две недели, которые продлится ваш медовый месяц... Интервью, развороты со снимками и всё такое. Кстати, вы так и не сказали, куда отправляетесь.

— В Мексику! — ответил Гарри Лоуренс. — Только, Дейв, мы же тебя уже предупреждали, что не хотим, чтобы нас беспокоили. Никаких интервью, никаких фотографов.

— Стойте, ребята! — с лица Дейва слетела маска добродушия. — Вы кинули меня, а сейчас хотите добить?

— Даже в Голливуде ещё не отменяли право на медовый месяц, — твёрдо сказала Лаура. — Мы имеем право на несколько дней личной жизни.

— Но я уже пообещал Хайле Френч эксклюзивный материал о первом дне вашей супружеской жизни! — простонал Дейв. — Если вы хотите, чтобы она возненавидела вас и киностудию, которую вы собираетесь открыть...

— Хорошо, Дейв! — сдался Лоуренс. — Мы просим два дня. Всего два дня и ни минутой больше! Через 48 часов мы будем плясать под твою дудку. Хайла получит эксклюзивную историю не об одном, а о двух днях нашей семейной жизни.

— Договорились! — махнул рукой Деннис. — Два дня, да?.. Так ты сказал, что едете в Мексику?

— Да, у меня там живёт друг. Хочу немного поохотиться. Через два дня жди от нас звонка. Можешь передать Хайле, что она получит эксклюзивное интервью по телефону.

После того, как за Дейвом Денисом закрылась дверь, Лаура с глубоким вдохом покачала головой.

— Всё в порядке, Гарри. Я не подведу. Я уже даже придумала, что сказать: «Огромное всем спасибо! Все вы замечательные люди. Мы счастливы, что вы пришли сюда. А сейчас мы хотим попросить вас о последней услуге. Пожалуйста, дорогие друзья, не пытайтесь узнать, где будет проходить наш медовый месяц. Мы просим только об одном свадебном подарке — провести следующие 48 часов в полном одиночестве», — она нахмурилась и добавила: — Чтобы избавиться от трупа моего первого мужа Джорджа...

На лице Гарри Лоуренса, сидевшего за рулём, появились первые признаки усталости. Лаура прижалась к нему, набираясь сил от его теплоты и близости.

— Кажется, за нами никто не едет, — сказал Гарри. — Хорошо, что мы не ничего не сказали этому мерзавцу Деннису... Я рад, что мы поженились! За это мы должны сказать спасибо Джорджу.

— Старина Джордж поженил нас! — голос Лауры дрожал. — Счастливая жена едет праздновать медовый месяц и везёт с собой приданое — труп первого мужа.

Она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Гарри, я больше не могу! — жалобно сказала Лаура.

— Осталось совсем немного, дорогая. Через мило поворот. За нами никого нет, так что можно ехать сразу на место. Я ехал на юг, чтобы сбить со следа Дейва. Приедем около трёх часов. В это время года на озере никого нет.

— Поторопись, — прошептала Лаура. — Я всё время думаю о нём. Представляю, как он ухмыляется своей мерзкой усмешкой, довольный, что насолил нам.

Гарри нажал на педаль газа. Лаура Лейн напряжённо вглядывалась в дорогу. Наконец её глаза закрылись, и она уснула, прислонившись к плечу мужа...

Когда машина остановилась, Лаура проснулась. Вокруг царила мёртвая тишина. Не было слышно даже звуков ночных насекомых. Только в ветвях высоких сосен едва слышно шелестел ветерок.

На берегу озера стоял старый и большой дом, запущенный и нуждавшийся в ремонте.

— Приехали, — сказал Лоуренс. — Всё отлично. Последний час я не видел ни одной машины. Закопаем Джорджа в подвале, закрём дом и оставим его гнить.

— Меня до сих пор преследует ощущение, что он всё нам испортит.

— О Джордже можешь забыть, — Гарри вышел из машины и направился к задней дверце. — Кстати, мне даже понравилось вывезти старину Джорджа из-под носа у вездесущих репортёров. Может, когда-нибудь я даже сниму о нём картину.

— Даже не думай об этом, Гарри!

— Хорошо, держи ключ. Хотя попасть внутрь можно и через окно. Я принесу Джорджа, а ты иди вперёд и включи свет.

Лаура медленно побрела по усыпанной гравием дорожке к дому. Она устало поднялась на покосившееся крыльцо и начала совать ключ в замочную скважину. Когда открыла дверь, Гарри уже стоял у неё за спиной.

Она открыла дверь, вошла в дом и принялась шарить по стене в поисках выключателя.

— Не могу найти выключатель.

— Он на шнурке вверху... Знаешь, старина Джордж заметно потяжелел. С превеликой радостью уложу его спать.

Лаура наконец нащупала шнур и уже собралась потянуть его, но замерла, как вкопанная. Она услышала пьяные голоса и звуки шагов.

— Мексика! — весело произнёс Дейв Деннис слегка заплетающимся языком. — Так я ему и поверил. Я знал об этом домике с самого начала... А сейчас, ребята, давайте поприветствуем молодожёнов. Он наверняка несёт жену на спине. Снимай, Пит. Получится классный снимок.

— Вот идёт невеста... Вот идёт невеста... — затянул весёлый, но нестройный хор.

В этот миг темноту на долю секунды озарила вспышка фотоаппарата. Рука Лауры Лейн рефлекторно дёрнулась. Она дёрнула шнур, и комнату осветила люстра.

Через пару секунд, когда глаза привыкли к свету, пение стихло. В комнате воцарилась гробовая тишина.

— О господи!.. — пробормотал кто-то. Затем тишину разорвал истошный женский крик.

Гарри стоял около Лауры и держал на плече Джорджа. Лаура не видела ни Дейва Денниса, ни репортёров, ни закричавшей от ужаса женщины. Она только видела прямо перед собой лицо бывшего мужа. Трупное окоченение сыграло с ним злую шутку. Лаура, словно замороженная, смотрела, как его глаз медленно закрылся, потом так же медленно наполовину раскрылся. Он опять подмигивал ей своей фирменной грязной и знающей усмешкой.

Перевод – С. Мануков

Никто не отвечает

Харви Бенсон наблюдал за женой поверх раскрытой «Уолл-стрит Джорнел». Она читала, по крайней мере, держала в руках книгу. Но в течение последних пяти минут она ни разу не перевернула страницу.

Он опустил газету.

— Линда, интересную книгу ты читаешь? — спросил он.

Она подняла на него глаза, слегка вздрогнув от неожиданности.

— О да, очень интересную. Это новый детектив, о котором сейчас все только и говорят. — Она повернула книгу так, чтобы ему была видна обложка — очертания чёрного кинжала на тёмно-красном фоне. — Тебе понравится.

— А мне показалось, что она чертовски скучна, — Харви сбил пепел с сигары, — судя по тому, что ты уже несколько минут смотришь на одну и ту же страницу.

— Правда? Наверное, я просто задумалась.

Покраснела ли она, сказав это? Большинство женщин отличные лунии, размышлял Харви, но Линду к ним отнести никак нельзя. При свете зажжённого торшера лицо её было очень привлекательным в обрамлении светлых волос. Кроме того, она выглядела влюблённой. Но не в него, подумал он, ощущая поднимающуюся в нём ярость. Через пять лет супружеской жизни она влюбилась, но не в него.

— Мне очень жаль, что сегодня так получилось с твоим покером, Харви, — сказала Линда. — Я ведь знаю, с каким нетерпением ты всегда ждёшь среду, чтобы поиграть с друзьями в покер. — Она улыбнулась. — Возможно, дело в том, что ты всегда выигрываешь.

— Тем не менее, сегодня мы не собираемся, — ответил он. В действительности, всё было не совсем так. Это он решил остаться дома. Его неожиданное сообщение после ужина о том, что сегодня вечером он не уходит из дома, как ему показалось, расстроило её. Или он это просто выдумал?

— Боюсь, я уделял тебе слишком мало внимания.

— Ну, что ты, конечно, нет, дорогой, — ответила Линда. — У мужчин всегда много своих дел, приходится допоздна задерживаться на работе.

Возможно, в этом и была ошибка с моей стороны, зло подумал Харви. В этот момент зазвонил телефон. Он давно ждал этого звонка. Для своего крупного сложения он оказался весьма проворным. Линда только успела приподняться, а он уже держал трубку в руке.

— Я отвечу, Харви... — начала она, но тут же поняла, что опоздала.

— Это может звонить мой брокер, — бросил он через плечо и, повернувшись к трубке, сказал: — Алло?

Линда медленно опустилась обратно в кресло. Выждав несколько секунд, Харви вновь сказал «алло». Но лишь отдалённое потрескивание в трубке нарушило тишину. Помолчав ещё около минуты и в третий раз сказав «алло», он услышал щелчок отбоя и положил трубку на аппарат.

— Странно, — сказал он. — Никто не отвечает.

— Очень странно. — Линда подняла с колен книгу и перевернула страницу. — Может, телефон не в порядке?

— Нет, дело не в этом, — ответил Харви. — Я слышал щелчок, когда на том конце повесили трубку. Точно как тогда утром, когда я задержался дома перед уходом на работу. Ну, что ж, может быть, ошиблись номером. — Он утомлённо зевнул. — Как насчёт того, чтобы лечь спать? Завтра у меня может быть трудный день.

Следующим утром, придя на работу, Харви Бенсон как всегда яростно набросился на дела, чётко обозначив стоящие перед ним проблемы и решая их одну за другой, быстро и уверенно. На стене его кабинета висела табличка из гондурасского красного дерева, на которой было вырезано единственное слово — «Действуй!» Он презирал в людях нерешительность и чувствовал, что нерешительных как раз-таки большинство.

Он намеревался задержаться дома за чашечкой кофе, уйти на работу позже, чем делал это обычно, чтобышний раз убедиться, что телефон зазвонит, а когда он поднимет трубку, то ему никто не ответит. Но в этом теперь уже не было необходимости. В конце концов, вчера ему позвонил Мунго и сказал, что явится сегодня с отчётом. А он предупреждал Мунго, чтобы тот представил ему отчёт тогда и только тогда, когда сам будет окончательно во всём уверен. Очевидно, теперь Мунго знает всё наверняка.

Перед самым полуднем прожужжал зуммер внутренней связи. Секретарша сообщила, что мистер Мунго просит принять его.

— Пусть подождёт, — ответил Харви, подчиняясь внезапному импульсу. — Сначала я хочу, чтобы вы зашли ко мне, мисс Вудард.

— Слушаюсь, мистер Бенсон.

Через секунду секретарша, высокая костлявая женщина с последними следами молодости и несбывшейся надежды, задержавшись на лице, вошла в его кабинет с блокнотом в руке.

— Да, сэр? — проговорила она, присев на краешек стула.

— Блокнот вам не понадобится, — сказал он. — Просто мне захотелось немного поболтать с вами.

Она взглянула на него с внезапной паникой в глазах.

— Я не понимаю, мистер Бенсон. Что-нибудь не так?

Харви приятно было видеть, как пугались его служащие, когда он поступал неожиданно для них. И ему нравилось время от времени заставлять их врасплох, особенно, когда ему удавалось неприятно удивлять их. Это заставляло их быть настороже, не расслабляться.

— Просто мне захотелось поговорить с вами, вот и всё, — сказал он приятным голосом. — Мне кажется, раньше нам никогда не приходилось разговаривать, как человек с человеком, не так ли?

— Э... нет, сэр. — Она тихонько сидела на краешке стула, напряжённая и встревоженная.

— Дело в том, — продолжал Харви, — что тогда я не нуждался в совете женщины. Принимай решения сам и действуй — таков мой девиз. Но сейчас я хочу спросить вашего совета, не как секретарши, а как женщины.

— Э, я... я постараюсь быть полезной, если смогу.

— Хорошо. — Откинувшись на спинку кресла, он сплёл между собой сильные пальцы на своём массивном затылке. — Я хочу, чтобы вы представили себе женщину, мисс Вудард, женщину, которая всегда отличалась практичностью, выдержанностью и, скажем, хладнокровием. И вдруг эта женщина становится мечтательной и рассеянной. Она застывает в задумчивости на целые минуты. Вы обращаетесь к ней, а она едва слышит, что вы ей говорите. Какие из этого можно сделать выводы?

— Э... я бы предположила, что она влюбилась, — ответила мисс Вудард, и краска смущения залила лошадиные черты её лица.

— Именно. А теперь предположите, что эта женщина замужем. Представьте себе, что два раза, когда её муж неожиданно оказывается

дома в те часы, когда его обычно дома не бывает... Вы следите за ходом моей мысли, не так ли?

— Да, конечно, сэр.

— Представьте себе, что в этих двух случаях, когда муж неожиданно оказывается дома, звонит телефон, а эта замужняя женщина берёт трубку и говорит звонящему, что тот ошибся номером. Что вы об этом думаете?

— Ну, я думаю, такое может быть, мистер Бенсон — Мисс Вудард слегка нахмурилась. — Мне самой часто приходится отвечать на ошибочные звонки.

— Не сомневаюсь. Но теперь, мисс Вудард, — Харви наклонился вперёд и улыбнулся ей, показав ослепительный ряд ровных зубов, — представьте, что в двух других случаях, когда муж так же неожиданно оказывается дома и сам отвечает на звонок, то на другом конце ничего не говорят и молча кладут трубку.

— Ну... — мисс Вудард тщательно обдумала такую возможность, — это похоже на то, что кто-то хочет поговорить с женой, но не хочет, чтобы об этом разговоре знал муж.

— Именно. Я чувствовал, что не могу ошибаться. И вы своим мнением ещё более поддержали мою уверенность. Большое вам спасибо, мисс Вудард.

— Ну... э... не за что, мистер Бенсон. Очень рада, что смогла вам помочь.

— А теперь пригласите ко мне мистера Мунго.

Внезапный всплеск ярости заставил Харви Бенсона изо всех сил сжать зубами сигару. Конечно же, Линда влюблена. И так же определённо не он, собственный муж, является предметом её любви. Она не любила его тогда, когда он делал ей предложение, не полюбила его и позже. Но теперь влюбилась в кого-то другого. И эту любовь необходимо стереть, истребить любыми путями, иначе ему никогда не вернуть тот холодный здравый смысл, которым он так успешно руководствовался всю свою жизнь.

— Итак, я был прав? — строгим тоном спросил Харви Бенсон, когда, войдя в кабинет и обворожительно улыбнувшись, Мунго присел на стул, который только что освободила мисс Вудард. — Встречалась ли она с кем-нибудь из тех мужчин, фамилии которых я вам назвал?

— Да, сэр. — Улыбка Мунго стала ещё шире. — Встречалась.

— Ну, с кем из них?

— Не с тем, которого вы считали наиболее вероятным, мистер Бенсон. Не с врачом. Миссис Бенсон ходила на свидания к архитектору.

— К Аркрайту? Дональду Аркрайту?

— Да, сэр. Я провёл его до самого Кливленда, его родного города.

— Да, — сказал Харви, стараясь скрыть охватившее его нетерпение. — Миссис Бенсон тоже из Кливленда. Они были знакомы ещё там. Я сам рассказывал вам об этом.

— Да, сэр. — Улыбка Мунго теперь стала застенчивой. — Но вы не рассказывали, что там они ходили в одну школу и несколько лет поддерживали очень и очень тёплые отношения. Он хранит у себя дома её портрет и, кроме того, фотографию, на которой они сняты в обнимку на выпускном вечере. А подпись под фотографией сообщает, что они — счастливая парочка.

— Она никогда не рассказывала мне ни о чём подобном.

— Могу представить себе, — отозвался Мунго. — Так вот, за последние две недели они встречались несколько раз.

— Вот как, да?

— Больше она не встречалась ни с кем.

— Где они встречались?

— В ресторане «Дроверз», например, — сказал Мунго. — Честно говоря, там я был свидетелем только двух их свиданий...

— Вы только что сказали, что несколько раз.

— Да. Но не все их свидания происходили в ресторане. В пяти случаях, когда я следил за вашей женой, она приезжала из вашего дома в центр города. Каждый раз она заходила в ресторан «Дроверз». Три раза она обедала в одиночестве, расплачивалась по чеку и проходила в задние помещения, где расположена комната отдыха для женщин. Оттуда она не возвращалась. Очевидно, она выходила через заднюю дверь и присоединялась к нему на улице, чтобы продолжить э... рандеву.

— Вы не следовали за ней! — в ярости воскликнул Харви.

— Не мог же я находиться в двух местах одновременно, не так ли? В любом случае, у меня есть основания полагать, что в тех случаях, когда она ускользала из-под моего наблюдения, она шла на встречу именно с этим Аркрайтом. Потому что дважды он встречался с ней прямо в ресторане, и они обедали вместе. Сидели они очень близко

друг к другу и разговаривали тихими голосами. Я находился всего лишь в двух столиках от них, но не смог уловить ни слова. Оба раза он уходил первым, расплатившись по счёту. Миссис Бенсон заказывала себе ещё кофе, благодарила управляющего за обслуживание, затем минут через пятнадцать уходила сама. В первый раз они встретились там десять дней назад. Во второй — в прошлый понедельник.

Харви откинулся на спинку кресла. Да, именно в понедельник вечером Линда витала в облаках. И во вторник утром, когда Харви намеренно задержался за завтраком на целый час по сравнению с обычным временем своего ухода, и когда он в первый раз ответил на телефонный звонок, но не дождался никакой реакции на свои «алло».

— Я не удивлён, что им оказался Аркрайт, — сказал он Мунго. — Она упоминала о нём пару раз, стараясь, чтобы это прозвучало вскользь, как обычно делают женщины, когда хотят показать, что кто-то им совершенно безразличен. Что ещё у вас есть?

— Ну, он звонил ей пять раз за последний месяц, согласно журналу телефонистки, обслуживающей его квартиру. Значительно больше звонков, возможно, он сделал из телефонов-автоматов. Естественно, она ждала, когда он позвонит ей, потому что за звонок в город из вашего дома на тихоокеанском побережье взимается дополнительная плата, как за междугородный. И это отразилось бы в ваших телефонных счетах. Далее, если вы хотите, чтобы я следил за ней до...

— В этом нет необходимости.

— Можете быть уверены, что это он, — сказал Мунго, вставая. — Осмелюсь заметить, с вашего позволения, что у меня имеется достаточный опыт в подобных делах. И по лицу вашей жены, когда она входит в ресторан, очень хорошо видно, что она собирается встретиться с любимым человеком.

— Вы всё мне сказали, что хотели, не так ли?! — К собственному удивлению Харви обнаружил, что он почти кричит. — Я не расспрашивал вас, что вам подсказывает ваш богатый опыт!

— Да, сэр. — Мунго отступил к двери. — Я только хотел сказать, что мы, хоть и знаем, кто этот человек, но не имеем пока никаких доказательств... для развода, я хочу сказать.

— А с чего вы взяли, что мне нужны доказательства для развода? Всё, что от вас требовалось, это установить мужчину. Теперь давайте мне свой доклад и забудьте обо всём.

— Хорошо, мистер Бенсон. — Мунго нерешительно подошёл к столу, опустил на него сложенный вдвое листок бумаги и скользнул обратно к двери. — Я всё забуду, как вам будет угодно. Даже в собственных записях я ещё не сделал никаких пометок.

— Вот и не делайте.

— Мой счёт...

— Моя секретарша заплатит вам наличными. Когда вы будете выходить.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Мунго, выскользнул в дверь и исчез.

Нажав на столе кнопку, Харви распорядился, чтобы мисс Вудард расплатилась с Мунго наличными и внесла сумму на счёт его личных расходов. Затем, закулив новую сигару, он откинулся на спинку кресла и стал задумчиво выпускать к потолку облачка дыма. Да, думал он, Линда влюбилась. Первая любовь вспыхнула вновь после случайной встречи три месяца назад. И теперь она, несомненно, находится на грани того, чтобы попросить у него развод. Линда, как он знал, просто так не сдастся. Но есть одно обстоятельство, при котором ей всё же придётся сдаться.

Харви Бенсон обдумывал свой план ещё несколько минут, потом поднял со стола доклад, оставленный Мунго. В нём кроме всего прочего упоминались и номера телефонов Дональда Аркрайта, рабочий и домашний.

Запомнив оба номера, он разорвал отчёт на мелкие клочки и высыпал их в урну. Затем набрал один из номеров, воспользовавшись прямой линией. Через несколько секунд он услышал голос, запомнившийся ему после единственной встречи на новоселье у Джонсонов.

— Алло, Аркрайт! — прокричал он в трубку. — Это Харви Бенсон. Муж Линды. Слушайте, мне нужна помощь архитектора, который мог бы претворить свежие идеи в разработку моей земельной собственности. Не могли бы мы выехать туда вместе и осмотреть всё... ну, скажем, после обеда? Отлично! Значит, я заскочу за вами в два.

Положив трубку, он блаженно вздохнул и с громадным удовлетворением выпустил к потолку струю дыма. Лучше того плана, что был у него на уме, вряд ли можно было что-нибудь придумать.

Свернув с щебёночной дороги, Харви направил маленький импортный автомобиль по едва заметной тропе, пролежавшей на протяжении пятисот футов по заросшей пучками травы земле вплоть до самого края утёса. Сидевший рядом с ним высокий молодой человек с

песочного цвета волосами в нетерпении оглядывался по сторонам. В Доне Аркрайте была какая-то обаятельная ребячливость, которая, по мнению Харви, притягивала женщин. Линду, по крайней мере, привлекла.

— Это и есть ваша собственность, мистер Бенсон? — спросил он.

— Четыреста акров, — ответил Харви добродушным и приветливым тоном. — Четверть мили вдоль вершины утёса с видом на Тихий океан.

Маленькая машина была снабжена четырёхскоростной коробкой передач, и он переключился на вторую. Билл, готовя машину в гараже, предложил ему воспользоваться большим седаном; но он выбрал этот импортный автомобиль, несмотря на то, что он давно нуждался в мытье. «Там, куда я еду, будет много пыли, Билл», — сказал он тогда.

Теперь, вздымая позади себя клубы пыли, он вёл машину к самому краю утёса.

— Сейчас она не производит большого впечатления, — продолжал он. — Но если эту землю с умом застроить, она будет стоить миллионы. Я собираюсь создать здесь центр для проведения культурных мероприятий, такую жемчужину с превосходным видом на океан.

— Звучит заманчиво, — с воодушевлением отозвался Аркрайт. — В том случае, если, конечно, обеспечить необходимое водоснабжение.

— В том-то и вся проблема, — согласился Харви, — но думаю, что с этим мы справимся. Сейчас меня интересуют хотя бы предварительные намётки.

Он остановил машину в дюжине футов от края утёса, и они вышли из неё. Аркрайт с удовольствием потянулся и вдохнул запах океанского бриза. В сотне футов под ними синие волны Тихого океана облизывали белый песок, утыканный острыми скалами.

— Посмотрите, посмотрите туда! — закричал Аркрайт. Он вытянул руку в направлении севера. — Тюлени греются на скалах! Я и не знал, что они заплывают так далеко на юг.

— А, да. — Харви увидел десятка два крошечных чёрных тел, вытянувшихся на плоских скалах, выступавших из воды почти в полумиле от них. — Когда-то их было здесь очень много. Я слышал, что они опять начали сюда возвращаться.

Внимательным взглядом он обвёл простиравшуюся к северу местность. Деревьев в той стороне не было — только беспорядочное нагромождение скальных пород, и ни одной живой души: ни туристов, ни курортников, ни просто бездельников. Ничто не шевелилось. Он повернулся в другую сторону. На дороге, с которой они съехали несколько минут назад, не было видно ни одной машины. Южная сторона была столь же бескрайней и пустой. Можно было подумать, что они — два последних человека на земле, случайно оказавшихся в этом заброшенном месте. На эту заброшенность он и рассчитывал.

— Место сулит прекрасные возможности, — сказал Аркрайт в тот момент, когда Харви уже заканчивал свои наблюдения. — Поверьте, я невероятно признателен вам за то, что вы даёте мне возможность взяться за эту работу.

— Вашу кандидатуру предложила Линда, — ответил Харви и улыбнулся.

— Да? Как это мило с её стороны, — сказал Аркрайт. Он весело, по-мальчишески усмехнулся. — Я даже не был уверен, что она вспомнит меня, когда мы встретились на том новоселье.

— О, она вас очень хорошо помнит. — Тон Харви стал язвительным. Краем глаза он следил за одиноким седаном, который возник на щебёночной дороге, миновал их и исчез вдали. — Я заметил, как она была рада снова встретиться с вами. В конце концов, вы ведь любили друг друга ещё со школы.

— Да, мы действительно были вместе какое-то время, — ответил Аркрайт. — Подумать только, двенадцать лет уже прошло с тех пор! Трудно поверить. — Опустившись на колени, он заглянул за край обрыва. — Нам придётся снести этот выступ, — предложил он. — Просто в целях предосторожности.

— Я как раз эксперт в том, что касается предосторожностей, — проговорил Харви, подходя сзади к Аркрайту. — И это одна из них!

Только Аркрайт успел выпрямиться, как Харви, выставив вперёд обе руки, толкнул его в грудь, намереваясь спихнуть своего более молодого соперника с края утёса прямо в пропасть. Но Аркрайт в этот момент поворачивался, и удар пришёлся ему в бок, закрутив его вокруг оси и лишив равновесия.

— Мистер Бенсон! — воскликнул он. — Что вы делаете?!

— Принимаю меры предосторожности! — прорычал Харви и нанёс своему противнику удар кулаком в челюсть. Аркрайт пошат-

нул, но успел схватить Харви за руку. Харви рывком выдернул у него руку, упёрся ладонью в середину груди Аркрайта и толкнул. Яростно замахав руками, архитектор полетел спиной вперёд в пропасть с края обрыва.

— Нет! — прокричал он. — Ради Бога...

И пропал из виду. Вопль боли и ужаса, постепенно растворившись где-то внизу, тоже смолк.

Резко развернувшись. Харви огляделся по сторонам в поисках возможных свидетелей. Местность во всех направлениях была совершенно пустынной. Тяжело дыша, он подошёл к краю утёса и глянул вниз. Дональд Аркрайт распростёрся далеко внизу на усеянном скалами песке. Он был абсолютно недвижим и определённо мёртв.

Затем Харви Бенсон сел в свою маленькую машину, завёл двигатель и, предусмотрительно придерживая ногой педаль тормоза, медленно подвёл автомобиль к краю обрыва. На ходу выскользнув из машины, он включил автоматическую подачу газа и смотрел теперь, как его автомобиль, постепенно набирая скорость, перевалился через край утёса. Перевернувшись несколько раз в воздухе, он с оглушительным грохотом рухнул в нескольких футах от тела Аркрайта.

Харви ещё раз внимательно огляделся по сторонам, дабы удостовериться, что ни одного свидетеля, даже самого отдалённого, у него нет. Затем, удовлетворённый, он повернулся и пошёл в сторону дороги. Прошло ещё некоторое время, прежде чем проезжавшая мимо машина подобрала его и отвезла в полицейский участок, расположенный в шести милях к югу.

Разговор его с лейтенантом Грейлингом — молодым, вдумчивым, авторитетным — оказался коротким. Харви рассказал ему о случившемся, внеся в своё повествование некоторые необходимые изменения. Они с Аркрайтом выехали на утёс для осмотра земельного участка. Когда они уже собирались уезжать, Аркрайт вызвался развернуть машину. Вероятно, незнакомый с четырёхскоростной коробкой передач иностранной марки, он включил первую передачу вместо заднего хода. Охваченный паникой, он попытался выбраться из машины вместо того, чтобы остановить её, и они вместе полетели с утёса в пропасть.

— Никто больше не присутствовал при несчастном случае? — спросил Грейлинг, делая записи.

Харви покачал головой.

— Это очень изолированное место. Мне очень долго пришлось ждать машину, которая подвезла меня сюда. Я и не пытался спуститься на берег — бедняга Аркрайт наверняка разбился.

— Понимаю. — Грейлинг пометил что-то в блокноте. — Приблизительно в двух милях к северу от этого места находится лагерь бойскаутов. Я подумал, может быть, кто-то из ребят лазил в это время по скалам.

Никого там не было. Харви был совершенно уверен в этом. Грейлинг отложил в сторону свои записи и протянул руку к телефону.

— Сейчас я пошлю людей за телом, — сказал он. — Это займёт некоторое время, скалы там крутые и труднодоступные. Вы подождёте?

Харви вытер лицо носовым платком.

— Естественно, я просто потрясён, — сказал он. — Я бы хотел вернуться домой. Если я больше ничем не могу вам помочь...

— О нет, ответил Грейлинг. — Вы свободны. У меня есть ваш адрес. Если мне понадобится дополнительная информация, я позвоню вам. И, вы, конечно, понимаете, будет расследование.

— Разумеется, — сказал Харви. — Благодарю вас, лейтенант. Если бы вы вызвали мне такси...

В четыре тридцать такси доставило Харви домой, за добрых полтора часа до его обычного возвращения. Линда, ухаживавшая за цветами во дворике, удивилась, увидев его входящим в дом.

— Харви, — сказала она, — ты сегодня рано.

— Естественно, — ответил он. Его раширало необузданное веселье. Подойдя к бару, он достал из него бутылку «скотча» и налил себе на два с лишним пальца. — Интересный день был у меня сегодня, — сказал он, сделав первый глоток. — Очень интересный, Линда.

— Интересный? — озадаченно переспросила она.

— Встретил твоего дружка.

Руки её, занятые цветами, резко замерли в воздухе. От горла к щекам распространился стыдливый румянец.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Да ладно, перестань, Линда, — сказал он, усмехнувшись. — Ты ведь не можешь думать, что водила меня за нос последние несколько недель. Глядя на то, как ты застывала в мечтаниях, и идиот догадался бы, что ты влюбилась. И потом ещё эти телефонные звонки... когда ошибались номером, и те два раза, что я поднимал трубку, а

мне никто не отвечал... Господи, неужели ты думаешь, что я давным-давно не заподозрил, в чём тут дело?

— Ни в чём не было дела, — ответила она спокойно и уверенно. — Но ты прав, Харви, я влюблена. Сегодня вечером я собиралась рассказать тебе обо всём. Харви, я прошу дать мне развод.

Долгим глотком опрокинув в себя остаток виски, он рассмеялся.

— Развод, моя дорогая? На каком основании?

— На том, что я люблю другого. Я никогда не любила тебя. Ты сам это знаешь, Харви. Ты думал, что я, в конечном счёте, полюблю тебя, и я пыталась, но этого не случилось. Теперь...

— Теперь ты слегка запуталась, дорогая. Это случается с многими женщинами. Но ты сумеешь преодолеть в себе эту любовь. И сделать это тебе будет легче, зная, что твой дружок мёртв.

— Мёртв? — Руки её взметнулись к лицу. — Мёртв? Думаешь, я тебе поверю? Ты просто хочешь, чтобы я помучилась!

— Вовсе нет. Сегодня утром я позвонил ему. Договорились о встрече, о деловой встрече, так я ему и сказал. Отвёз его на тот земельный участок, что я приобрёл на утёсе. Мы вышли из машины... и он упал со скалы. Погиб на месте.

— Ты хочешь сказать... что ты убил его?

— Ну, конечно нет. Нужно быть конченным идиотом, чтобы сказать такое, — заметил он, — даже если так оно и было. Машина сорвалась с утёса, и он сорвался вместе с ней. Оба разбились вдребезги...

— Ты убил его!

— Ты расстроена, Линда, так что я, пожалуй, не буду обращать внимания на твои слова.

— Ты убил его, да?

— Постарайся думать обо мне, как о человеке, который защищает то, что принадлежит ему.

— Ах, ты думаешь, что я принадлежу тебе? Ну, конечно! Именно так ты и думаешь.

Выбежав из двора, она скрылась в комнате. Он услышал, как захлопнулась дверь, и в ней повернулся ключ. Не спеша он подошёл к её комнате и постучал.

— Линда, — позвал он и услышал за дверью шум выдвигаемых ящиков — она что-то доставала из них. — Линда!

— Я ухожу от тебя, Харви. — Голос её звучал приглушённо. — Я ухожу от тебя, как только упакую вещи

— Не глупи, Линда, — сказал он.

Она не ответила, и он, вернувшись во дворик, закурил сигару. На столе лежал её кошелёк. Он открыл его и достал оттуда двадцать три доллара — всё, что там было. Далеко без денег она не уйдёт, а счёта в банке у неё нет. Отсутствие денег быстро приведёт её в чувство.

Он успел выкурить половину сигары, прежде чем она вышла из комнаты. Она была одета в костюм и несла в руках сумку. На пороге она остановилась.

— Верни мне мой кошелёк, — сказала она. — За остальными вещами я пришлю позже.

— Ты расстроена, — повторил он. — Куда ты пойдёшь? У тебя нет денег. Как я только что убедился, тебе нечем даже заплатить за такси.

Схватив свой кошелёк, она заглянула в него и побледнела.

— Какое ты чудовище! — воскликнула она, дрожа от негодования. — Я пойду пешком. Если придётся, я буду спать на улице. Но сначала я пойду в полицию и расскажу им, что ты убил его.

— И все будут смотреть на тебя как на дуру. Это был несчастный случай, и никто никогда не сможет доказать обратного.

— Я знаю, какой ты хитрый. Но не думай, что это помешает мне попытаться доказать твою вину.

Внезапно он испытал прилив ярости. Шагнув вперёд, он схватил её за руку.

— Не будь дурой, Линда! Вбей себе в голову, что Дональд Аркрайт мёртв. Это был несчастный случай, и никто не будет тебя слушать, если ты попытаешься доказывать, что это было не так!

Удивление, изменившее её лицо, заставило его отпустить её.

— Дональд Аркрайт? — выдохнула она. — Ты убил... Дона Аркрайта?

— Этого я не говорил. Я сказал, что он погиб. Ну-ка, возьми себя в руки, Линда, и распакуй вещи. Ты сама знаешь, что тебе некуда идти.

Но она продолжала смотреть на него с неподдельным удивлением.

— Но Дональд для меня ничего не значил, — проговорила она.

— Ты хочешь сказать?..

— Он был просто моим старым другом, который чувствовал себя одиноко и позвонил мне пару раз. Иногда я соглашалась пообедать вместе с ним. Когда ты сказал о ресторане, я подумала, что ты действительно всё знаешь.

Харви смотрел на неё и не мог произнести ни слова.

— Я всегда ходила в ресторан «Дроверз» по той простой причине, что это давало мне возможность видеться с человеком, которого я люблю. Он работает там управляющим. И теперь я уйду к нему.

Она схватила свою сумку, развернулась, подбежала к двери и выскочила в неё. Он хотел было задержать её, но его остановил телефонный звонок. Уже предчувствуя, что его ожидает, он схватил трубку.

— Алло! — заорал он в неё. — Алло! — Подождав ещё несколько секунд, он уже тихо произнёс: — Алло?

Но ему никто не ответил.

Харви Бенсон был пьян, когда полчаса спустя приехал лейтенант Грейлинг в сопровождении двух детективов. Ему всё же удалось разыскать свидетелей, сказал Грейлинг. В нагромождении скал в восьмистах футах от того места, где он убил Аркрайта, прятались пятеро бойскаутов со своим руководителем, наблюдавшие за игравшими в воде тюленями. Когда Харви и Аркрайт остановились поблизости от них, они с любопытством обратили на них свои бинокли и видели всё происшедшее с начала и до конца.

Шестеро свидетелей...

Могилла от стены до стены, или Прогулка к смерти

«Бывают преступления похуже убийства», сказал невысокий человек в сером костюме. «И бывают наказания похуже электрического стула».

Я не знаю, почему люди вечно рассказывают мне истории, но они делают это — в барах, в поездах, в ресторанах. Этот невысокий человек казался скорее одиноким, чем общительным, и он едва ли принадлежал к тому типу людей, кто затевает разговор с незнакомцем. Его седая борода скрывала слабый рот, а глаза были слегка дальнозорки за толстыми очками. Он сидел в баре, а я ни с кем ещё не перекинулся даже словом. Я просто заказал ещё пива, когда общая дискуссия у телевизора обратилась к теме смертной казни, и кто-то сказал, что она недостойна нашей цивилизации.

«Цивилизации?», сказал невысокий, когда бармен подал мне пива. «Что это вообще такое? Тщательно культивируемый мир. Да мы просто дикари, живущие в меблированных пещерах. Дайте любому достаточный стимул, и в нём проявится варвар».

Он отпил скотча со льдом.

Возьмите в качестве примера Мортон (сказал он). Ну, вы понимаете — это не его настоящее имя. Если кого-то можно было считать цивилизованным, то, конечно, Мортон. Он любил музыку и искусство, был щедр на благотворительность, был приверженцем закона и никогда в своей жизни никого не обижал сознательно. Он был англосаксом, значит человеком не весьма эмоциональным, любил справедливость — или думал так — и конечно он любил свою дочь Люси. Потом в один прекрасный день Люси утопилась.

Вначале Мортон был сражён горем. Потом он узнал, что за самоубийство Люси несёт ответственность мужчина. И его горе обернулось ненавистью, он никогда не думал, что может чувствовать такое.

Человека, которого ненавидел Мортон, звали Дэвис. Это был атлет, футболист, бегун и пловец. Шести футов ростом, он был полон жизненной силы, словно громадный кот. Не вызывало удивления, что

Люси в него влюбилась. Она познакомилась с ним в колледже, когда училась на первом курсе, а он на последнем. Но он убил её чувства, а она убила себя.

Первоначальное горе Мортон обернулось ненавистью, не дававшей ему покоя. Он пытался уговорить себя, что должен остаться цивилизованным, что сделанное Дэвисом не хуже того, что делают многие другие мужчины. Но когда он узнал, что Люси вовсе не была первой девушкой, с которой Дэвис обошёлся так — на самом-то деле одна из её подруг по курсу тоже умерла, хотя в её случае это было результатом заражения крови — он решил, что должен взять закон в собственные руки и покарать Дэвиса.

Если бы Мортон обладал латинским темпераментом, он, возможно, застрелил бы Дэвиса лично. Но Мортон был англосаксом, и его ненависть, медленно возрастая, стала ледяным пламенем, которое нелегко было просто так успокоить.

Поэтому Мортон потратил определённое время, планируя, как именно он должен покарать Дэвиса, и в поисках места, которое в точности подходило бы для этого. Он путешествовал по множеству разных городов, пока не нашёл того, что искал — удобный пентхаус, ранее занимаемый артистом.

Пентхаус находился на крыше громадного здания, и Мортон снял его под вымышленным именем. Он прикидывался импортёром с частыми поездками за границу, и приезжал и уезжал без всякого порядка, иногда отсутствуя целыми месяцами. Во время таких периодов он, разумеется, просто возвращался домой к своему настоящему бизнесу. Он тщательно запирает квартиру, говоря суперинтенданту и агенту арендной компании, что в ней находится множество ценных и редких предметов, и что ни при каких обстоятельствах туда нельзя входить, как бы долго он не отсутствовал.

В течение первого года Мортон, уезжая, оставлял на всех дверях незаметные печати, поэтому мог судить, выполняются ли его инструкции, и не входили ли в квартиру в его отсутствие. Этого никогда не случалось. В дорогом многоквартирном доме аккуратно платящий арендатор может добиться любой степени уединения, и к его желаниям относятся с уважением, за исключением чрезвычайных происшествий, вроде пожаров или взрывов. Поэтому Мортон почувствовал, что можно без опаски сделать следующий шаг.

Он соорудил несколько фальшивых фирменных бланков и на одном из них написал Дэвису, обещая ему хорошую работу за высокую плату в несуществующей фирме. Для ответа он дал Дэвису номер почтового ящика.

Дэвис отозвался, говоря, что заинтересовался предложением, и тогда Мортон позвонил ему. Он предложил Дэвису приехать — расстояние было примерно в сотню миль — и встретиться следующим вечером в известном ресторане в районе, где он снимал пентхаус. Он обязал Дэвиса держать в секрете как саму встречу, так и предложение работы, и попросил привести с собой оригинал письма — он рассказал Дэвису историю, что другие руководители компании противостоят ему, поэтому он вынужден проявлять определённую осторожность, пока всё не устроится. Работа связана с секретностью, в большом бизнесе такое случается.

Конечно, если б Дэвис заартачился, Мортон придумал бы что-нибудь ещё. Но кто станет артачиться от перспективы хорошо оплачиваемой работы? Дэвис появился в ресторане точно в назначенное время, громадный, белокурый, излучающий животную энергию и в прекрасном настроении. Скромно сидя за столиком, Мортон видел, как поворачиваются женские головы, чтобы посмотреть на Дэвиса, шествующего по ресторану.

Мортон, конечно, узнал его сразу — он видел маленькую патетическую коллекцию фотографий этого человека, собранную Люси. Но сам Дэвис не имел ни малейшего понятия, как выглядит отец Люси. Мортон представился, они вместе выпили и через пятнадцать минут ехали в город на машине Дэвиса. Они встали в паре кварталов от здания с пентхаусом и прошлись пешком. Было уже поздно и в вестибюле было пусто. Даже в самых роскошных многоквартирных домах в наши дни используют автоматические лифты.

Мортон провёл молодого человека боковым входом, и они поднялись прямо в пентхаус, ни с кем не встретившись. Здесь Мортон, до сих пор чувствовавший себя напряжённо, расслабился. Он отпустил несколько шуток и смешал напитки. Дэвис, и в самом деле бывший великолепным животным, принял три бокала, прежде чем снотворное в скотче подействовало. Как раз тогда, когда Дэвис начал осознавать, что что-то не так, что его что-то щекотит. Но он потерял сознание до того, как подозрение стало ясным. Поразительно, каким безвредным

может казаться хорошо одетый, приятно говорящий человек, особенно когда он обещает вам хорошую работу.

Когда Дэвис в наркотическом забытии развалился в большом кресле, запрокинув голову, Мортон некоторое время рассматривал его. Молодой человек обладал трогательным шармом и на мгновение Мортон почувствовал, что его решимость слабеет. Тогда он вспомнил о папке документов, которую частная детективная фирма собрала о Дэвисе, и ещё раз достал из кармана снимок Люси на её шестнадцатом дне рождения и взглянул на него. Его решимость снова стала твёрдой.

Дэвис был большим и тяжёлым, но Мортону удалось затащить его по узкой лестнице, которая вела в комнату-студию на верху пентхауса. Это была необычная комната. Прежде всего, она была круглой. Когда-то в ней находился резервуар для воды. Потом построили больший резервуар, а этот превратили в комнату.

Они также была звуконепроницаемой. Мортону нужна была именно такая, но предыдущий арендатор-артист уже позаботился об этом.

В ней не было окон — только световой люк. Он был сделан из матового стекла и открывался всего на пару дюймов. Встроенный в стену кондиционер вдувал прохладный воздух, вентилятор в потолке вытягивал застоявшийся.

Здесь Мортон снял туфли Дэвиса, его ремень и опустошил его карманы. Он сделал ещё несколько мелочей, включая сожжение оригинала письма Дэвису, которое молодой человек любезно принёс с собой. Потом он спустился назад по узкой лесенке, заперев за собой тяжёлую дверь, которая была единственным входом в студию.

Теперь оставалась машина Дэвиса. Будучи найденной, она, конечно, привлечёт внимание к отсутствию Дэвиса и укажет на его пребывание в этом городе. У Мортонна не было возможности спрятать машину, однако он не беспокоился. У него были ключи, поэтому он поехал к игорному заведению с дурной репутацией и поставил машину на стоянке рядом. Он предполагал, что если оставит ключи в зажигании, то через день-два она исчезнет, и оказался прав. Понимаете, у него было воображение, и он просто работал теми инструментами, что оказались у него в руках. В большом городе есть потрясающее количество инструментов, которые с пользой может употребить решительный человек, например, автомобильные вору. Но вернёмся к Дэвису...

В конце концов, Дэвис проснулся. Его одежда поменялась, голова дико раскалывалась, левая лодыжка болела. Он нетвёрдо сел и огляделся. Он находился в круглой комнате около двадцати футов диаметром, приятно декорированной. Жужжал кондиционер. Телевизор, повернутый к кушетке, на которой проснулся Дэвис, был включён — передавали кулинарную программу. Дверь была закрыта, и он был в комнате один.

Дэвис попытался встать. Тогда он в первый раз понял, почему болит лодыжка. Её охватывала тесная металлическая манжета, и тонкая цепочка соединяла её с кольцом, вделанным в стену у ножек кушетки.

Поняв, что прикован к стене, Дэвис несколько минут сидел, пытаясь думать. Его мучила ужасная жажда, и когда в голове прояснилось, он увидел пластиковый кувшин с водой, стоящий на столе примерно в шести футах. Он похромал к нему и смог достать его, лишь вытягиваясь изо всех сил. Несколькими долгими глотками он отпил с кварту воды и бросил кувшин обратно на стол. Он увидел так же, что на столе сложено несколько буханок хлеба, но не был голоден. Утолив жажду, он вернулся на кушетку и попытался понять ситуацию.

Он ясно помнил предыдущий вечер и догадывался, что всё ещё находится в квартире Мортонна. Было достаточно ясно, что Мортон, должно быть опоил его, а потом зачем-то приковал к стене. Какова у Мортонна для этого причина, он не имел ни малейшего понятия, поэтому решил, что это, наверное, какой-то смешной розыгрыш.

Но если это розыгрыш, то цепочка, наверное, не должна по-настоящему удерживать его. Он несколько раз попытался разорвать её. Она казалась крепкой, как якорная цепь. Он изучил, как манжета закреплена вокруг лодыжки. Запирающий её замок был маленьким, но казался очень прочным и совершенно не поддающимся взлому.

Дэвис встал и по цепи добрался до стены. Другой конец цепи был прикреплён к кольцу, вделанному в стену, и когда Дэвис рванул его рукой, оно издало металлический звук, говоривший, что под штукатуркой кольцо прикреплено к металлу.

Так как цепь нельзя было вырвать, а манжета была слишком тесной, чтобы стянуть её, он исследовал звенья. Они не были массивными, но оказались заварены наглухо и, похоже, были сделаны из какой-то специальной стали, что и было на самом деле — специальный

шведский стальной сплав, который устоял бы и перед хорошим напильником.

Неуклюжими от последствий наркотика пальцами Дэвис полез в карман за сигаретами. Не оказалось ни сигарет, ни спичек, а также монет, бумажника, авторучки, карандаша и карманного ножа. Он подумал, что ножом смог бы поломать одно из звеньев, но потом понял, что, даже имея нож, наверное, не смог бы и поцарапать цепь.

Дэвис возвысил голос: «Мортон!», позвал он. «Мортон!»

Он подождал. По телевизору привлекательная девушка в белом платье говорила: «А теперь добавьте три яйца, хорошо взбитых». Жужжал кондиционер. На его крики, повторённые несколько раз, ответа не было.

Дэвис не обладал воображением, однако сейчас в первый раз запаниковал. Мортон что, помешался, чтобы устроить ему такое? Мортон, конечно, не казался безумным. Он попытался припомнить. Он вспомнил, как к нему пришло первое письмо, и как Мортон просил его ни с кем не обсуждать полученное предложение. Он вспомнил телефонный звонок, встречу в ресторане, просьбу Мортонна, чтобы он никому не рассказывал о поездке и привёз с собой оригинал письма.

Дэвис пунктуально следовал всем его инструкциям. Кроме нескольких смутных намёков парочке нынешних подружек, он ничего никому не сказал. Никто не знал, куда он уехал. Дома его холостяцкая квартира была просто заперта без всяких следов его нынешнего пребывания. Теперь он понял, что ничего не знает о Мортоне, не знает даже, каково его настоящее имя, не имеет реального доказательства действительного существования бизнеса, в котором Мортон, якобы, был частичным собственником. Всё это начало складываться в его мыслях в убеждение, что Мортон таким способом хитроумно заманил его сюда, и что ни у кого не осталось никаких ключей к разгадке, куда он уехал и почему.

Он вскочил на ноги и с десяток раз рванул цепь. Единственным результатом была сильная боль в лодыжке. Он начал кричать. Он возвысил голос до бычьего рёва и вопил о помощи, пока не охрип и не повалился в изнеможении на кушетку.

Ответа не было.

Ошеломлённый, он напомнил себе, что находится в здании, где должны быть сотни других людей. Этажом ниже, или, самое большее, двумя этажами ниже словом, в пределах тридцати футов от него —

должны находиться человеческие существа, которые могут спасти его. Но он не мог добиться, чтобы его услышали.

Не считая самого себя, единственным проявлением жизни был теневой мир телевизора, на котором сейчас улыбающийся мужчина с прекрасными белыми зубами говорил: «Леди, если вы хотите, чтобы ваш муж садился к вашим блюдам со вздохом счастливого предвкушения...»

Другими словами, Дэвис мог бы находиться на Луне.

Его сознание пока ещё отказывалось принять ситуацию более полно. Изнеможённый своими криками, он даже поспал немного — он не знал, сколько, но когда проснулся, люди на телевизионном экране играли в увлекательную игру в шарады, где призами для визжащих победивших женщин были электрические кухонные плиты и автоматические стиральные машины.

Он опять почувствовал жажду и встал, чтобы дотянуться до воды на столе. Но там её не было. Он увидел пластиковый кувшин, что отшвырнул, а потом заметил над столом резиновую трубку, которая вела в громадный резервуар, висящий на стене в нескольких футах. Каким-то способом трубка была подвешена так, что из неё сочились лишь одна-две капли в минуту. Капли падали на стол, потому что он не поставил под них пластиковый кувшин.

Теперь он не мог дотянуться до кувшина. Он отпихнул его слишком далеко. Как только он это осознал, жажда стала просто яростной. Он запаниковал и дёрнулся к кувшину, растянув до предела тело и руки. Ему удалось только скользнуть по кувшину кончиками пальцем и оттолкнуть его ещё дальше.

Осознав тщету всего того, что делал, он вынудил себя успокоиться. Ему надо как-то добраться до кувшина. Он попытался наклониться вперёд так, чтобы цепь на лодыжке удерживала его от падения, и протянул руки. Это позволило ему дотронуться до гладкого пластикового бока кувшина, и больше ничего. Тяжело дыша, наблюдая, как капли воды расходятся впустую на полированной поверхности стола, он облизывал пересохшие губы и пытался удержаться от воплей и судорог.

В конце концов он понял, как сможет снова достать кувшин. Сняв пиджак, он взял его за рукав и бросил так, что пиджак упал на кувшин. Тогда, пользуясь пиджаком, как сетью, он подтащил кувшин в пределы досягаемости и аккуратно поставил его под каплющую воду.

Через некоторое время кувшин должен наполниться. Надо только подождать.

Когда он бросил пиджак, то из нагрудного кармана выпала записка, которую он не заметил, когда осматривал карманы. Он подобрал её с пола и увидел, что она напечатана на машинке.

В ней говорилось:

«Извините, старина, мне надо уехать. Пожалуйста, оставайтесь моим гостем, пока я не вернусь. Я предоставил Вам самую лучшую комнату и оставил еду с водой, которой должно хватить на некоторое время. Я могу отсутствовать несколько дней, может быть, даже больше. Устраивайтесь поудобнее, пока я не вернусь.

Мортон».

Смысл записки доходил до него несколько минут. Мортон может отсутствовать несколько дней. Эта сумасшедшая шутка может продолжаться долго. Минимум на несколько дней Дэвис вынужден будет оставаться прикованным, как животное, ожидая, когда вернётся Мортон и освободит его.

Этот вывод снова привёл его к бешеным крикам.

На этот раз он устал гораздо быстрее. Он решил, что, наверное, в нижних квартирах никого не было достаточно близко, чтобы его услышать, потому что дело происходило днём и жильцы находятся на работе. Ему надо снова попытаться покричать ночью, когда кто-то будет в пределах дома. Тогда его, конечно, услышат.

Эта мысль его немного успокоила. В конце концов он начал полный, обстоятельный пересмотр своей ситуации.

Цепь была нерушимой. Он уже пришёл к такому выводу, хотя стоит продолжать попытки. Капли воды падали мучительно медленно, но постоянно. На столе в пределах досягаемости были сложены буханки хлеба, завернутые в вощёную бумагу. Он сосчитал их. Тридцать буханок.

Неожиданная мысль пришла к нему. Хлеб и вода. Буханка в день... Бог в Небесах!, неужели Мортон запланировал продержат его здесь прикованным тридцать дней? Целый месяц! Жить на хлебе и воде! Нет, этого не может быть, это лишь составная часть розыгрыша — чтобы испугать его. Скоро войдёт Мортон и отцепит его, они выпьют и хорошо посмеются вместе. Это всё часть фантастического эк-

замена, что придумал Мортон, некий тест на его способность оставаться спокойным, принять неудобную ситуацию...

Это соображение поддерживало его некоторое время — наверное, с час, хотя единственный способ, по которому он мог судить о времени, это наблюдать смену программ по телевизору. Сейчас уже играли в другую игру. В этой женщины-участницы смотрели на ряд коробок, из которых их приглашали выбрать одну. Одна женщина нашла в своей коробке кочан капусты и завизжала от недовольства. Другая нашла чек на тысячу долларов и сертификат, дающий право выбрать меховую шубу в универсальном магазине, и завизжала от удовольствия. Третья женщина обнаружила чек на пять тысяч долларов и упала в обморок от восторга.

Дэвис обратил взгляд на пластиковый кувшин. В нём собралось крошечное количество воды. Наверное, достаточно на один глоток. Он не смог устоять. Он потянулся к кувшину, хлебнул воды и с большой осторожностью поставил кувшин на место.

Позднее он попытался отломить от одной буханки хлеба. Но во рту было сухо и отдавало ватой, и он пока не был голоден.

Потом он некоторое время просто сидел. Жужжал кондиционер, телевизор ворковал, кудахтал и увещевал, а вода капала по одной капле, медленно, даже слишком медленно.

К вечеру Дэвис отошёл от эффектов наркотика. В голове пульсировало, однако она была умеренно ясной. Жажда была велика, но в кувшине собралось всего чуть больше полпинты воды. Он развернул одну из буханок хлеба, принудил себя съесть два куска, поднялся и выпил всю воду, что там собралась. Потом стал ждать, пока натечёт ещё.

Он узнал время — семь часов — ибо по телевизору пошла семичасовая программа новостей. Он не обратил внимания на новости, но ждал, пока они закончились и вкрадчивый, улыбающийся человек заговорил о достоинствах новых сигарет с двойным фильтром. Потом, рассудив, что теперь, как никогда, люди должны быть дома в своих квартирах, лежащих ниже в здании, он начал кричать.

«На помощь!», орал он. «На помощь! Спасите меня!»

Он подождал с минуту, потом повторил попытку. Он кричал с минутными интервалами полных пятнадцать минут. Потом, задохнувшись и охрипнув, он улёгся на кушетку ждать.

Никто не пришёл. Не было слышно никаких звуков, кроме бес-
содержательной скороговорки телевизора, по которому начиналась
программа жестокого вестерна. Через световой люк, приоткрытый на
пару дюймов, он мог слышать приглушённое бормотание громадного
города. И это было всё.

Но теперь он был более отдохнувшим и не оставил надежду, хотя
был уверен, что комната, в которой он находился, должна быть зву-
конепроницаемой. Какие-то живые существа должны быть в тридцати
футах от него — даже в пятнадцати. Конечно, он сможет породить
звук, способный пройти такую дистанцию, даже сквозь два этажа и
потолки, несмотря на всю звуконепроницаемость.

Он огляделся, чтобы найти чем постучать. Его туфли исчезли,
иначе он смог бы колотить ими по стене. Он попытался колотить ку-
лаками, но смог вызвать лишь мягкий, глухой звук.

Тогда он обратил своё внимание на кушетку, наверное, он смо-
жет разломать её и воспользоваться кусками, чтобы молотить по сте-
нам и по полу. Но кушетка была простой деревянной платформой,
скреплённой болтами, ножки крепко привинчены к полу, и всё по-
крыто пуфами из пенорезины. Изю всей силы он не смог даже поше-
велить раму. И в пределах досягаемости ничего больше не было.

Сердце подпрыгнуло, когда он понял, что деревянный стол, где
стоит кувшин воды, он достать может. Он быстро взял кувшин, выпил
несколько собравшихся капель и поставил его на пол. Потом попро-
бовал подвинуть стол.

Разочарование, настолько острое, что во рту стало горько, овла-
дело им, и он онемело повалился на кушетку. Стол тоже был привин-
чен к полу. Прошёл час, пока он вспомнил о водяном кувшине, он
потерял целый час для сбора воды.

У него не было ничего, чем можно устроить шум. Ничего, при-
годного в качестве орудия. Световой люк находился во многих футах
над головой и был лишь чуть-чуть открыт, даже если бы было чем
бросить в него. Он мысленно отказался от дальнейших попыток.

Медленно становилось очевидным, что Мортон предусмотрел
любое его действие, которое он мог предпринять.

Тогда он по-настоящему почувствовал страх. До сих пор он в
основном чувствовал изумление и гнев. Теперь все эмоции сменил
ужас.

Что способен сделать Мортон?

Когда Мортон вернётся?

В попытке сдержать свои страхи он уставился в телевизор. Программа сменяла программу, все они были населены чистенькими, улыбающимися людьми, которые выглядели выхолощенными, даже когда носили одежды вестернов и стреляли друг в друга. Когда какая-нибудь программа кончалась, он не мог вспомнить, о чём она была.

Под конец даже телевизор прекратил передачи. Экран превратился в мерцающую белую пустоту. Комнату освещал лишь свет кинескопа. Потом Дэвис наконец заснул. Пока он спал, скрытое в двери отверстие беззвучно отошло в сторону. Мортон посмотрел на него и так же беззвучно удалился.

На следующее утро он спал допоздна и проснулся голодным и жаждущим. Нога болела. Мгновение он лежал в полусне-полуяви, удивляясь, где это он. Потом вернулась память и он сел.

Ничего не изменилось. В пластиковом кувшине собралась пинта воды. Телевизор передавал интервью между болтливой женщиной с выступающими зубами и затрапезным мужчиной, написавшим роман.

Дэвис потянулся к воде, потом остановился. Вместо этого он поел немного хлеба. Пять или шесть кусков. Потом напился, позволив себе выпить только полпинты.

Он рассудил, что просачивание воды устроено так, чтобы за день накапливалось около кварты.

Он изучил резервуар, из которого выходила резиновая трубка. Он вмещал семь-восемь галлонов. Это приблизительно — тридцать кварт. Тридцать кварт воды — тридцать буханок хлеба. Тридцать дней.

Великий боже, значит ли это, что Мортон не вернётся в течении тридцати дней? Или это значит...

Дэвис начал пронзительно вопить и кричать, и орал с полчаса, пока в изнеможении не отключился.

Но никто не пришёл. Он снова попробовал вечером призывать на помощь. И снова никто не пришёл.

Никто не пришёл и на следующий день.

И ещё через день. И ещё через день никто не пришёл в кондиционированную темницу на верхушке роскошного здания в громадном современном городе, где Дэвис был прикован к стене за лодыжку...

Невысокий человечек в сером костюме взглянул на часы и поднялся.

«Мне надо успеть к самолёту», сказал он. «Надеюсь, я вам не наскучил?»

«Подождите!», сказал я. «Что же будет дальше?»

Он медленно покачал головой.

«Не могу сказать. Предполагаю, через тридцать дней закончится вода. И, конечно, может кончиться хлеб. Тогда...» Он пожал плечами.

«Но...», начал я и остановился.

«Никто не войдёт в эту комнату в течение двух лет», сказал серый человек. «Все счета аккуратно оплачиваются адвокатом, а суперинтендант с агентом арендной компании получают ежегодные поздравления к рождеству из того же источника. Они знают, что Мортон находится где-то в Европе и, возможно, останется там ещё на несколько лет. Им всё равно, пока вносится арендная плата. Конечно, когда-нибудь в квартиру войдут. Однако, могут пройти ещё годы, пока Мортон решит перестать платить».

Он взглянул на меня уголком глаза.

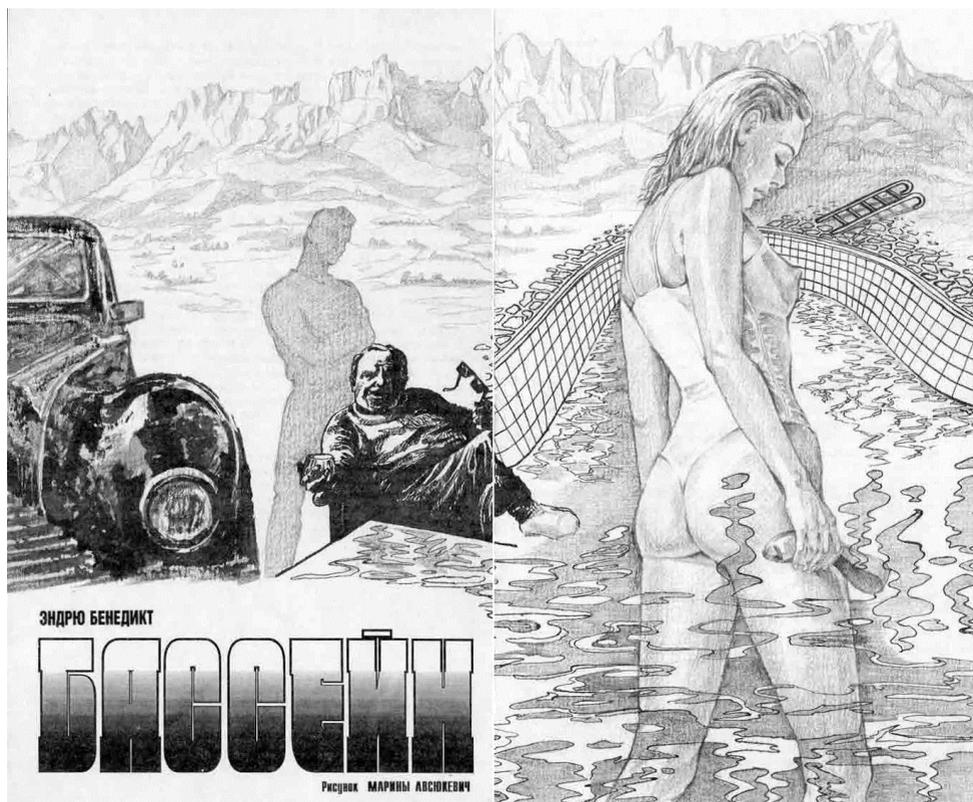
«Было бы интересно узнать, как люди, которые в конце концов войдут в студию, поймут, что именно они нашли», сказал он и направился к двери. «Не могу представить, что они отыщут какие-то ключи к настоящей личности Мортонна, да, собственно, и Дэвиса тоже».

Потом он улыбнулся и вышел. Мгновение я тупо смотрел ему вслед, потом выбежал за ним на улицу. Но он уже ушёл, затерялся в толпе прохожих.

Я постоял секунду, подняв глаза. Во всех направлениях вокруг меня неясно громоздились кварталы зданий, многие из которых с пентхаусами. И это был лишь один из по меньшей мере восьми громадных городов в пределах двух часов полёта на самолёте.

Я вернулся в бар и спросил бармена, знает ли он человека, с которым я только что разговаривал. Но невысокий человечек был чужаком, которого здесь никогда прежде не видели.

Перевод – Е. Гужов

Джордж Реймон откручивал болты, которыми хромированная стальная лестница крепилась к кафельному борту бассейна. Бассейн был очень глубокий, но к этому моменту вода уже спустилась настолько, что показалась последняя ступенька короткой, длиной в два фута, лестницы. Вторую лестницу, с противоположного борта бассейна, Джордж уже снял и отнёс в гараж.

— Эти ребята — сущие варвары, — сказал он Бет. — Берут или ломают всё, что попадётся на глаза. Просто так, для развлечения. Поэтому я и постараюсь оставить им поменьше соблазнов.

— Ты думаешь, они не смогут забраться в дом? — спросила Бет. Например, через эти большие окна.

— Придётся нам рискнуть, — ответил Джордж. — Если ты не будешь больше купаться, Бет, я сниму лестницу.

— Подожди, дорогой, я ещё чуточку поплаваю, если ты не возражаешь. Мне очень хочется попроцаться с моим чудным бассейном.

— Хорошо, Бет. Я пока оставлю лестницу. Может быть, когда упакуем все вещи, ты успеешь ещё немного поплавать.

— У меня уже никогда не будет такого бассейна, — с грустью сказала Бет и попыталась улыбнуться. — Мы надолго уезжаем, Джордж?

— Не знаю. Во всяком случае, сюда мы не вернёмся. Это уже решено.

— Да, я знаю.

Он взял её под руку, и они пошли к невысокому дому, уютно примостившемуся в глубине тенистого ущелья.

— Давай быстренько укладывать вещи, — сказал он. — Мы должны быть в международном аэропорту не позднее пяти часов. И не забудь, ты можешь взять всего два чемодана. Только самое необходимое. Никаких безделушек, никаких вещей на память. Я не беру даже пишущую машинку. Мы путешествуем налегке.

— И почему-то очень спешим, — сказала она. — Ты не хочешь объяснить мне, в чём дело, дорогой? У меня такое ощущение, что мы не просто едем путешествовать, а поспешно убегаем. Только не пойму, от чего. Может быть, ты расскажешь мне, чем тебя обеспокоило письмо, которое ты получил сегодня утром? Оно от твоего агента?

— Я всё расскажу тебе. Бет, когда мы будем уже в Испании, — терпеливо ответил он. — Сейчас это займёт слишком много времени. Сейчас мы просто перелётные птицы, и мы улетаем.

Бет была озадачена и немного напугана, но больше ни о чём не спрашивала.

Часом позже старый автомобиль с откидным верхом выехал из-за поворота шоссе, проходившего по каньону. Почти сразу же за поворотом шоссе обрывалось, и начиналась грунтовая дорога. Здесь машина остановилась перед запертой на замок тяжёлой цепью, натянутой между двумя столбами. На одном из столбов висела табличка: «Реймонд. Частное владение».

За рулём сидел толстый человек средних лет с красным от загара лицом. Он снял солнечные очки, посмотрел по сторонам, затем обернулся к своему молодому спутнику и сказал:

— Это здесь, Джо. Мы нашли Профессора.

— Он выбрал прекрасное местечко. Частная дорога. Железная цепь. Густые деревья до самого конца каньона. Здесь мало кто увидит его.

— На это он и рассчитывал, — сказал толстяк, вылезая из машины. — Дела у него сейчас идут хорошо. За последние три года — два бестселлера. Женитьба на красивой женщине. Между прочим, всего пару лет назад она входила в состав женской олимпийской сборной по прыжкам в воду.

Он подошёл к железной цепи и осмотрел замок. Затем вынул из кармана связку каких-то инструментов, напоминающих лезвия, немного повозился, и цепь упала на дорогу.

— Чем они больше, тем их легче открыть.

Молодой человек пересел за руль и проехал через валявшуюся на дороге цепь. После чего толстяк снова пристроил цепь на место.

— Ну, поехали к дому, — сказал он, усаживаясь в машину. — Поздороваемся с хозяевами.

Вскоре автомобиль выехал на усыпанную гравием площадку около бассейна. Молодой человек и толстяк вышли из машины.

— О, здесь ещё и бассейн имеется, — сказал толстяк. Огромный. Наверное, для жены. Наконец-то, Джо, мы попали в приличное место. Недаром говорят, что жить стоит только в Калифорнии.

Джо огляделся вокруг.

— Смотри, — сказал он, показывая на машину Джорджа Реймонда с открытым багажником, стоявшую перед гаражом. — Похоже, мы успели вовремя. Чемоданы уже в машине. Хозяева собрались путешествовать.

— Да, мы успели вовремя, — сказал толстяк, направляясь к дому. — Вода так и манит. Надеюсь, у Профессора найдутся лишние плавки. Мы бы с тобой порезвились в бассейне. Разумеется, после того, как он нас радушно поприветствует.

Они пересекли двор и пошли в дом, даже не подумав позвонить.

В это время Бет Реймонд закрыла вторую сумку и крикнула в соседнюю комнату:

— Джордж, я готова.

Он взглянул на часы и, подойдя к двери, сказал:

— Хорошо, у нас в запасе час. Ты можешь немного поплавать, и у нас ещё останется время, чтобы заехать в банк. Может, немного выпьем?

— Я сейчас принесу, — сказала Бет и направилась в гостиную.

Она уже вошла в комнату, когда вдруг увидела толстого краснолицего мужчину, сидевшего на стуле со стаканом бренди в руке.

— Привет, миссис Реймонд, — развязно обратился к ней толстяк.
— Присоединяйтесь ко мне.

— Кто вы? — строго спросила Бет. — Что вы здесь делаете? И как вы вошли в дом? Я не слышала звонка.

— А я и не звонил. Вы можете звать меня Максом, миссис Реймонд, — сказал толстяк, ухмыляясь. — У вас прекрасный бар. И вообще мне здесь очень нравится.

— Немедленно уходите отсюда. Или я позвоню в полицию.

— В самом деле? — захихикал толстяк. — Не думаю, что вам удастся это сделать.

— Сейчас вы это увидите.

Телефон стоял у неё за спиной. Она шагнула к нему и начала набирать номер. В этот момент кто-то подошёл к ней сзади, обхватил мускулистой рукой и крепко прижал к телу, пахнущему потом. Бет сразу поняла, что мужчина настолько силён, что ей с ним не справиться, и заставила себя не сопротивляться. Она повернула голову и взглянула на человека, державшего её. Он был молод, невысок, но атлетически сложен.

Наверное, он стоял в углу, у камина, где были развешены её фотографии с олимпийских игр шестидесятого года, и она просто не заметила его.

— Послушай, куколка, — шепнул он ей в самое ухо, — ты хороша не только на этих фотографиях, обнимать тебя — одно удовольствие. У Профессора недурной вкус.

— Отпусти её, Джо, — сказал Макс. — Мы не собираемся ссориться с хозяйкой дома. Не будем спешить.

— Ты прав, Макс, — согласился парень. — У нас ещё будет время познакомиться поближе.

Он отпустил Бет. Сдерживая дрожь, она отступила на шаг и обернулась. Парень бесцеремонно разглядывал её с ног до головы, не скрывая своего восхищения. Его взгляд оскорблял Бет.

— Я не понимаю, что всё это значит, — сказала Бет, стараясь придать своему голосу как можно больше твёрдости. — Имейте в виду, местная полиция очень строго относится к тем, кто врывается в частные владения.

— А знаете ли вы, — сказал Макс, нагло улыбаясь, — что ваш муж едва ли захочет, чтобы вы звонили в полицию. Не правда ли. Профессор?

Бет обернулась. Джордж подошёл к ней и, взяв её за руку, сказал:

— Нет, Бет, мы не будем звонить в полицию.

— Ты знаешь этих людей?

— Я знаю Макса. Мы когда-то... жили в одной комнате.

Макс хихикнул:

— Можно, конечно, и так сказать. Видите ли, миссис Реймонд...

— Я сам расскажу ей, Макс, — перебил Профессор.

Толстяк пожал плечами.

— И всё же пусть она узнает правду. Вообще-то женщины чересчур чувствительны к таким историям. Но миссис Реймонд, мне кажется, относится к другому типу.

— Джордж, о чём он говорит?

— Это то, о чём я хотел рассказать тебе в Испании, Бет... Именно из-за этой истории я никогда не рассказывал тебе о своём прошлом. Дело в том, что мы с Максом сидели в тюрьме, в Нью-Йорке, в одной камере. Восемь лет назад я сбежал...

— Не принимайте это слишком близко к сердцу, миссис Реймонд, — вмешался Макс, внимательно наблюдавший за ней во время разговора. — Дело было так. Профессор, то есть ваш муж, просто сидел в машине с парочкой хулиганов, которые решили ограбить бензоколонку. Случилось так, что служащий этой бензоколонки был убит. Ваш муж не имел к этому никакого отношения, но у него были кое-какие грешки в прошлом, и его отправили за решётку на двадцать лет.

— Мне очень жаль. Бет, — сказал Джордж, крепко сжав её руку. — Мне жаль, что ты узнала об этом таким образом.

— Не волнуйся, Джордж. Всё в порядке. Я же очень хорошо тебя знаю, лучше всех. Я знаю, что ты не способен на убийство.

— Спасибо, Бет... Макс, как вы здесь оказались?

Макс поднялся, не спеша подошёл к бару и снова наполнил свой стакан.

— Выпьешь, Профессор, за старое времечко? А вы, миссис Реймонд? Не желаете? Ну, потом не говорите, что я вам не предлагал.

Он вернулся к своему стулу и лениво растянулся на нём.

— Как мы здесь оказались? Видишь ли, Джордж. Я совершенно случайно прочитал твою последнюю книжку и узнал кое-что, о чём когда-то рассказывал тебе в камере 413. Меня разобрало любопытство. И когда меня освободили под честное слово, я решил найти автора

этой книжки. Джо помогал мне. Тут выяснилось, что этот весьма популярный автор, Джордж Реймонд, таинственная личность. Никто ничего не знает о нём. фотографии его нигде не печатаются. И адрес его нигде не значится. Многие из его почитателей думают, что это такой приём, рассчитанный на публику. Но я всё понял сразу. Я понял, что Джордж Реймонд — это Джордж Райе. То бишь, Профессор, мой старый приятель.

Он отхлебнул из стакана и облизнул губы.

— Я послал Джо поговорить с секретаршей твоего литературного агента. Джо умеет обращаться с женщинами, и ему удалось выудить у неё твой адрес. Мы купили старую машину и отправились на Запад. Я очень рад за тебя. Профессор. Живёшь ты весьма недурно.

— Мой агент написал мне, — сухо сказал Джордж. — Секретарша в конце концов ему всё рассказала. Давайте ближе к делу. Макс. Для чего вы искали меня? Что вы хотите? Денег?

— Денег? — переспросил Макс и снова захихикал.

Джо сидел около рояля и перебирал пальцами клавиши.

По его лицу блуждала издевательская усмешка.

— Деньги мы сами умеем зарабатывать. Но Джо сейчас разыскивает полиция, а я нарушаю своё честное слово. Нам бы хотелось установить новые связи, а пока нам нужно тихое местечко. Пожалуй, мы поедем с вами.

— Нет, — невольно вскрикнула Бет. — Мы уезжаем за границу.

— Вы собирались уехать за границу, — поправил её Макс. — Вы собирались смотаться до нашего появления здесь. Не так ли, Джордж? Джордж нехотя кивнул и, повернувшись к Бет, сказал:

— Когда я сегодня утром получил письмо от Питера, я понял, что кто-то напал на мой след. Поэтому мы стали так поспешно собираться в поездку.

— Я думаю, мы здорово проведём время вчетвером, — усмеялся Макс. — Пока мы с тобой будем вспоминать было, Джо и твоя жена смогут потанцевать. Она, наверное, любит серьёзную музыку, а он научит её играть буги-вуги. Джо, продемонстрируй свои таланты.

— С удовольствием, — сказал Джо и повернулся к роялю.

Он довольно бойко сыграл блюз. Затем поднялся, раскланялся и церемонно произнёс:

— Спасибо за внимание, ребята.

— Джо вполне мог бы зарабатывать на жизнь, играя в ночных клубах, сказал Макс. — Собственно, так он и начинал, пока в один прекрасный день не понял, что за убийство платят гораздо больше.

Бет взглянула на улыбающегося Джо. У него было красивое мальчишеское лицо. Оно чем-то напоминало обиженного ребёнка. Только глаза и губы придавали этому лицу какое-то иное, пугающее выражение.

— Что вы на меня так смотрите? Макс говорит сущую правду. Я действительно выбиваю людям мозги.

Он наставил на неё палец и быстро проговорил:

— Паф-паф-паф...

Так делают дети, изображая выстрел. Но Бет почему-то сделалось страшно. Она невольно вздрогнула и почувствовала, как Джордж крепче сжал её руку.

— Вот так, — продолжал Джо. — В сердце, в глаз, в череп. Куда захочу. Я ещё ни разу не промазал. И никогда не попадался.

— Но в последний раз ты был близок к тому, — сказал Макс и добавил, обращаясь к Бет и Джорджу, — именно поэтому полиция сейчас очень интересуется Джо.

Он поднялся, налил себе ещё и снова осушил стакан.

— Мы чертовски долго добирались сюда и буквально взмокли от жары. Джо, как ты относишься к тому, чтобы переодеться к ленчу, который организуют для нас наши друзья.

— Я бы хотел сначала поплавать в бассейне, — ухмыльнулся Джо. — Я ни разу в жизни не плавал в частном бассейне.

— О'кей. Профессор, надеюсь, у тебя найдутся лишние плавки?

— В комнате для гостей.

— Ну что, Джо, пойдём переоденемся. А Профессор с женой пока обсудят свои дела.

Они направились в комнату для гостей и закрыли дверь.

— Джордж, — начала Бет.

— Давай выйдем отсюда, — перебил он её.

Они вышли во двор и остановились возле бассейна.

— Бет, — сказал Джордж. — Честное слово, я был уверен, что мне ничего не угрожает. Иначе бы никогда не женился на тебе. Теперь есть только один выход. Я остаюсь здесь, а ты сейчас сядешь в машину и уедешь. Куда угодно. Это не имеет значения. А потом ты разведёшься со мной. Я очень прошу: забудь меня.

— Прежде чем решать за меня моё будущее, — ледяным тоном сказала Бет, — может быть, ты всё же расскажешь мне немного о своём прошлом. Но на этот раз только правду.

— Честно говоря, это не очень красивая история. Я был беспризорным мальчишкой. И как-то само собой получилось — сделался воришкой. К двадцати годам я уже успел побывать в тюрьме. Там я много читал, и мне захотелось учиться. Но как только я оказался на свободе, меня затянула прежняя среда. И вскоре произошёл этот случай с убийством на бензоколонке, о котором рассказал Макс. Это всё правда. Я действительно разъезжал с двумя парнями, которые мне не слишком нравились. И в конце концов — доигрался. Посадили не их, а меня, так как я уже раньше отбывал наказание в тюрьме. Мне было тогда двадцать четыре года. Я снова стал ходить в тюремную библиотеку, и меня даже сделали помощником библиотекаря. Тогда же я получил эту кличку Профессор. И писать я начал тоже в тюрьме — это были рассказы о людях, которых я знал. И вот однажды я сбежал. Всё получилось неожиданно просто: я вышел вместе с группой врачей, которые инспектировали тюрьму. Затем уехал в Калифорнию. Долгое время жил в лачуге, скрываясь от посторонних глаз, и писал. Когда книги стали издавать и пришёл успех, я не разрешил публиковать свои фотографии. Вообще я старался как можно меньше бывать на людях и общался только с несколькими преданными мне людьми. К тому моменту, когда мы с тобой познакомились, мне казалось, что и внешне я уже изменился настолько, что вряд ли меня сможет узнать кто-нибудь из прежних знакомых.

— Что же будет теперь? — спросила Бет.

— Теперь я во власти Макса. Если он сообщит обо мне в полицию, я снова окажусь в тюрьме. Но ты ничем не связана, Бет. Ты должна уехать. Пожалуйста, оставь меня.

— Покинуть тебя сейчас? За кого ты меня принимаешь? Я никогда не сделаю этого.

Он на мгновение замолчал, потом взволнованно проговорил:

— Спасибо, Бет. Большое спасибо.

— Но что же нам делать? — спросила она. — Я чувствую, что если они останутся, случится что-то страшное. Этот Джо, он ужасен. Я боюсь его. Он...

— Бет! Иди в полицию. Сейчас у меня есть деньги. Я смогу нанять адвокатов и надеюсь, что меня оправдают.

— Нет! — она схватила его за руку. — А если тебе не удастся выиграть процесс? Нет, Джордж. Я не буду так рисковать. Я не могу. Я никому не отдам тебя.

Она оглянулась и увидела Макса и Джо, направлявшихся к бассейну. На Максе были красные плавки. А на Джо цветастые, с гавайским рисунком.

— Эй, — крикнул Джо, когда они подошли поближе. — Вода в бассейне опускается. В чём дело?

— Мы начали спускать воду, — ответил Джордж. — Мы ведь собирались уезжать.

— Теперь в этом нет нужды — перекрой воду. К тебе приехали друзья, и ты никуда не едешь.

— Хорошо.

Джордж подошёл к клапанам: завернул выходной и отвернул входной.

Джо взглянул на Бет.

— Я показал тебе, как я играю на рояле, — с ухмылкой сказал он. Надеюсь, теперь ты покажешь мне, как ты умеешь прыгать. Кажется, тут ты мастерица, куколка. Конечно, если здесь достаточно воды.

— Здесь достаточно воды, — сказала Бет. — Сейчас я надену купальник.

Она побежала в дом, и Джо проводил её взглядом.

Макс, хихикая, обратился к Джорджу:

— Ну что, Профессор, поделился наконец с жёнущкой некоторым подробностями своей прошлой жизни?

— Я рассказал ей всё, — резко сказал Джордж.

— Прелестная куколка, — сказал Макс, продолжая хихикать. — Мы кое-что читали о ней: занималась музыкой, была бронзовым призером на Олимпиаде, давала концерты и даже сама сочиняла музыку. Я думаю, ты женился на ней, потому что был уверен, что ты уже в полной безопасности. Да, я должен признаться, ты совершенно не похож на того костлявого парня, с которым я когда-то сидел в одной камере. Я не узнал бы тебя, если бы не был уверен, что это ты.

— Чего же ты всё-таки хочешь, Макс? — спросил Джордж. — Если тебе нужно только убежище, то на какое время?

— Посмотрим, посмотрим, — уклончиво ответил Макс. — Мне нужно время, чтобы установить связи с друзьями. После этого ты и твоя жёнущка будете свободны, как птицы. Ну и само собой разуме-

ется, теперь, когда ты живёшь припеваючи, тебе захочется кое-чем поделиться со старым приятелем.

— Шантаж?

— Ты к этому привыкнешь, Джордж. Да я и не слишком часто буду докучать тебе. Смотри, вон идёт твоя прелестная жена. Знаешь, мне кажется, Джо начинает ей нравиться. Все женщины от него без ума. Послушайся моего совета, Джордж, — не ревнуй.

И они оба посмотрела на выбежавшую из дома Бет в купальнике и шлёпанцах на деревянной подошве.

— Нет, Макс, — с яростью сказал Джордж. — Это всё не для меня. Я сейчас же иду в полицию...

Он не успел договорить до конца, когда Макс быстрым неуловимым движением заломил ему руку за спину.

— Джо, — позвал Макс.

Джо подошёл к ним и, лениво улыбаясь, залепил Джорджу две оглушительные пощёчины. Затем с силой ударил его кулаком в челюсть. Джордж повис на руках у Макса. Тот опустил его на кафельный пол.

— Джордж, — вскрикнула Бет и опустилась на колени около мужа. — Вы ударили его. Он потерял сознание.

— Не волнуйся, куколка, — сказал Джо, не переставая улыбаться. — Это всего лишь маленький урок. Лёгкий нокаут. Скоро он придёт в себя и будет как огурчик.

— Он собрался ехать в полицию, — объяснил Макс. — Я советовал бы вам поговорить с ним, когда он очнётся. Если он не передумает, мы будем вынуждены действовать более решительно. Тогда бы я не позавидовал ни ему, ни вам. Может, даже скорее вам...

И он посмотрел на Бет долгим взглядом, от которого холодок пробежал у неё по спине.

— Нам бы не хотелось причинять неприятности такой красотке, делать ей больно и всё прочее, — добавил Джо. Пусть Профессор приходит в себя, а мы пока что проведём урок плавания, который ты мне обещала. Позже и я кое-чему тебя научу.

Он помолчал и снова ухмыльнулся:

— Может быть, играть буги-вуги.

Бет вздохнула и медленно поднялась с колен. Джордж был всё ещё без сознания, но дыхание стало ровным и спокойным.

— Ладно, — сказала Бет. — Похоже, у меня нет выбора.

Она подошла к вышке, скинула шлёпанцы, взбежала вверх, замерла на мгновение на краю помоста и нырнула.

Подплыв к бортику, она сказала:

— Ну, теперь вы убедились, что воды достаточно. Я думаю, около шести футов. Вообще глубина бассейна девять футов, так что нырять нужно не слишком глубоко, если, конечно, вы сможете.

— Я смогу всё, что можешь ты, — ответил Джо, прыгнул с края борта и вынырнул рядом с ней. — Это занятие мне по душе. В бассейне я готов быть твоим учеником.

Он помахал рукой Максу и крикнул:

— Иди сюда. Макс. Здесь очень здорово.

— Ладно, — хихикнул Макс. — Поплаваю немножко, пока Профессор не очнулся. — Потом, надеюсь, нас всё-таки покормят. А бассейн теперь в нашем распоряжении, и времени у нас предостаточно.

Он уселся на край бассейна, опустил ноги в воду, неловко спрыгнул и, вынырнув, долго пыхтел и отфыркивался.

— Да, Джо, малыш, — наконец проговорил он. — Вот это жизнь.

— Что надо, Макс. А? Как раз для нас.

— Сейчас я вам ещё кое-что покажу, — прервала их восторги Бет.

Она подплыла к лесенке и выбралась из воды.

— Мы ждём, куколка, — сказал Джо. — Чем ещё ты нас удивишь?

Бет наклонилась над водой, быстро вытащила болты, которые почти вывернул Джордж, вынула лестницу из воды и положила её в нескольких футах от края бассейна.

— А теперь, — сказала она, — вы научите меня кое-чему. Например, как выбраться из бассейна, где нет мелких мест, нет ни одной лестницы и вода спустилась слишком низко.

— Эй, — крикнул Макс с внезапной тревогой. — Она вытащила лестницу, Джо, как мы выберемся отсюда? Здесь слишком высокие борта.

— Я тебе покажу, куколка, — со злостью сказал Джо. — Ты решила немного поразвлечься. Я научу тебя развлекаться.

Он быстро подплыл к борту, опустил глубоко под воду и резко выпрыгнул. Закруглённый край бассейна был в трёх футах над уровнем воды, но ему всё же удалось кончиками пальцев зацепиться за

борт, и он стал дюйм за дюймом медленно подтягиваться, пока голова его не поднялась чуть выше бортика.

Тогда Бет, внимательно наблюдавшая за ним, взяла один из своих шлёпанцев на деревянной подошве и стукнула его по пальцам. Сильно, будто прихлопывая муху, она ударила его сначала по правой, затем по левой руке.

Джо вскрикнул от боли и упал обратно в бассейн. Он выплыл, задыхаясь и ловя ртом воздух.

— Ну смотри, — прохрипел он. — Ты очень пожалеешь об этом, куколка, когда я до тебя доберусь.

— В самом деле, Джо? — она наклонилась над водой и посмотрела ему прямо в лицо. — Тогда выбирайся поскорей. Я ещё не видела человека, которому удалось бы вылезти из бассейна, где так мало воды и не за что ухватиться.

Она наклонилась ещё ниже.

— Послушай, что я тебе расскажу. Несколько лет назад я оказалась в такой же ситуации, и мне пришлось проплыть три часа, пока мне не помогли выбраться. Но я хорошая пловчиха. А ты, Джо, сможешь проплыть три часа? А может быть, три дня. Я всё время буду здесь, рядом. И всякий раз, когда ты захочешь вылезти, я буду бить тебя по рукам.

— Джо, — в отчаянии закричал Макс. Он был в панике, беспорядочно молотил руками по воде, захлёбывался, с трудом пытаясь держать голову над водой. — Джо, мне нужно выбраться отсюда. Я очень нервничаю и почти выбился из сил.

— Ну ты, клоун, — зло огрызнулся Джо. — Ложись на спину и успокойся. Плавать можно очень долго. Это я тебе говорю.

Он быстро поплыл к противоположному борту, а Макс что-то жалобно кричал ему вслед. Джо снова попытался выпрыгнуть и ещё раз сумел ухватиться пальцами за край. Скривившись от боли, он попытался подтянуться, но в это время подошла Бет и, встав над ним, спросила:

— Ещё один урок, Джо?

И она вновь ударила его по рукам. Джо упал в воду, непристойно ругаясь. Затем он немного отдохнул, чтобы восстановить дыхание, и опять поплыл к противоположному борту. Но Бет уже ждала его там.

Некоторое время он медленно плавал туда-сюда, не делая новых попыток выбраться. Он не спускал глаз с Бет. И она глядела на него с отвращением.

— Вы сами во всём виноваты, — сказала она. — Вы бесцеремонно проникли в наш дом, ударили моего мужа. Вы причиняли боль людям, убивали, но никто никогда не причинял боли вам, не так ли?

— У тебя ничего не выйдет, куколка, — прерывисто дыша, сказал Джо. — В любую минуту кто-нибудь может прийти.

— Сюда никто не приходит без приглашения, — спокойно сказала Бет. — И криков ваших никто не услышит. Мы живём слишком уединённо. Вы хотели уничтожить моего мужа и наше счастье, вместо этого сами попали в капкан. Неужели вы этого ещё не поняли?

— Джо, — в отчаянии сказал Макс, — она говорит серьёзно. Послушайте, миссис Реймонд, это была просто шутка. Понимаете, просто шутка. Мы вовсе не собирались оставаться у вас. Спустите нам лестницу, и мы сразу уйдём. И никогда больше не побеспокоим Профессора.

Голос у Макса был заискивающий, но Бет жёстко ответила:

— Нет, Макс. Вы не шутили. Вы пришли сюда, чтобы остаться. И вы останетесь здесь. Там, где вы сейчас находитесь. В бассейне.

— Макс. — резко сказал Джо. — Плыви к одному борту, я — к другому. Она не сможет остановить нас обоих.

Макс с сомнением посмотрел на возвышающиеся над водой три фута гладкой стены и, чуть не плача, сказал:

— Бесполезно, Джо. У меня руки короткие. Я не смогу уцепиться за край. Ты высокий, а я — коротышка. Мне отсюда не выбраться.

— Ты уже сдаёшься, Макс, — в голосе Бет прозвучала насмешка, — не слишком ли быстро. Вы такие сильные храбрые бандиты, вам всё нипочём. Все женщины, в вашем представлении, слабые и пугливые. Их вовсе не следует принимать во внимание. С ними можно делать всё, что заблагорассудится. Теперь вы видите, что ошибались. Женщина на многое способна, если она за что-то борется. А я борюсь за своё счастье.

Она ходила по краю бортика, а двое мужчин с ненавистью наблюдали за ней.

— Твой план плохо продуман, куколка, — сказал Джо. — Рано или поздно здесь появится полиция, и твоего Профессора арестуют.

— Не думаю, — спокойно возразила Бет. — Когда вы устанете плавать, мы отгоним вашу машину миль за тридцать-сорок в горы, здесь много ущелий... И если вас всё же когда-нибудь найдут и опознают, ничто не будет связывать вас с моим мужем, ничто.

— Джо, — прохрипел Макс. — Я немного передохнул, но долго мне не продержаться. Даже на спине. Я очень слаб. Ты должен что-нибудь придумать, Джо.

— Не ной. Я уже придумал, — грубо сказал Джо. — Мой рост — шесть футов. Если ты встанешь ко мне на плечи, то легко выберешься из бассейна.

— Понятно, — радостно затараторил Макс. — Ты подплывёшь к борту, я взбираюсь к тебе на плечи и вылезаю отсюда. И тогда мы её схватим.

Бет предупреждающе подняла свои шлёпанцы.

— Ты не забыл, что тебя ждёт, Макс?

— Ха, — фыркнул Макс.

Он уже плыл к стенке бассейна вместе с Джо.

— Дай мне только добраться до тебя, куколка, я тебе все ноги перелломаю. А может, и хребет. А может, стащу тебя сюда, тогда посмотрим, что ты запоёшь. Во всяком случае, от пары ударов я не умру.

Джо вынырнул из воды, и Макс неуклюже попытался взобраться ему на плечи. Первая попытка не удалась, но они начали снова. Бет, понаблюдав за ними с минуту, побежала в гараж, схватила шланг, которым они пользовались для мытья кафельной площади вокруг бассейна, и быстро вернулась назад. Джо уже выпрямился в воде, и голова Макса показалась над краем бассейна. Он упал грудью на кафель и, цепляясь за плитки и задыхаясь, дюйм за дюймом поднимался вверх. Бет торопливо привернула шланг к трубе и открыла кран. Со шлангом в руке она подбежала к бортику и остановилась в трёх футах от Макса.

— Попробуй это, Макс, — крикнула она и направила на него шланг.

Сильная струя воды ударила Максу в лицо. Задыхаясь, он соскользнул с бортика, судорожно ловя ртом воздух. Он попытался сделать вдох, а вместо этого наглотался воды и плюхнулся в бассейн прямо на Джо. Пытаясь удержаться на поверхности, он схватил Джо за шею, и они оба ушли под воду.

— Отпусти меня. Макс, ты нас обоих утопишь, — с трудом прохрипел Джо, вынырнув на мгновение.

Макс не отпускал его, и они снова скрылись под водой.

Через несколько секунд они в последний раз показались на поверхности, но лишь на секунду. Бет услышала последний отчаянный вопль Джо, и в это же время у неё за спиной тихо застонал Джордж.

Бет подбежала к нему и, опустившись на колени, прошептала:

— Джордж, дорогой.

Он глубоко вздохнул и, открыв глаза, осмотрелся. С трудом улыбнувшись, он спросил:

— С тобой всё в порядке. Бет?

— Да. У меня всё хорошо. А как ты себя чувствуешь?

— Как-то не очень здорово. Помоги мне подняться, пожалуйста.

Через несколько минут Джордж был в порядке и, как бы вспомнив случившееся, осмотрел бассейн и площадку вокруг него.

Бассейн был пуст, поверхность воды спокойна. На площадке тоже никого не было.

— Где они? — спросил Джордж. — В доме?

— Нет, — сказал Бет, крепко держа его за руку. — Их там нет.

Он недоумённо посмотрел на неё.

— Тогда где же они?

— Мы избавились от них. Я и мой бассейн. Я сразу поняла, что сделаю это, как только они захотели искупаться. Я знаю, ты бы этого не позволил. Но это необходимо было сделать. Бандиты не пощадили бы нас. Я — женщина, Джордж, а женщина любой ценой защищает своё счастье. Никто не сможет разлучить нас, Джордж, никогда.

Она спрятала лицо у него на груди и разрыдалась.

Придя в себя, она объяснила Джорджу, что ещё они должны сделать, чтобы уничтожить все следы происшествия. Выглядела она совершенно спокойной и удовлетворённой.

Перевод – В. Полищук

Старая фотография

Задрезжал звонок на переезде, и пассажирский поезд пронзило светом автомобильных фар.

— Должно быть, подъезжаем к вокзалу Милуоки, — сказала Грейс Ашер, оторвав взгляд от книги. — Да и пора бы уже: девять вечера. Мы опаздываем на четыре часа.

— Мистер Бингхэм будет беспокоиться, не случилось ли с нами чего, — согласилась Флоренс Ашер.

Она расправила чёрный жакет и привела в порядок причёску. Флоренс гордилась своей молодостью: ей было семьдесят — на два года меньше, чем Грейс.

— Во всяком случае, — отметила Грейс, — опоздание дало мне возможность дочитать две последние вещи Карра и Квина. Право же, захватывает! Я обожаю хорошие детективы.

— Я непременно должна их прочитать. — Флоренс сделала пометку в маленьком красном блокноте, достав его из кожаной сумки, которая вполне могла сойти за небольшой чемодан.

— Грейс, ты позаботилась о носильщике?

— Чтобы дать ему четверть доллара чаевых?! Полное безрассудство! Мы в силах сами справиться с багажом.

— Но я думала, он поможет нам с такси и подскажет, как добраться до конторы мистера Бингхэма.

— Прошу тебя, Флоренс, не будь провинциалкой. В конце концов Милуоки — город, и только. И хотя нам раньше не приходилось бывать в больших городах, мы достаточно много знаем о каждом из них. Боже мой, зачем тогда мы прочитали больше тысячи детективов? О Лондоне мы знаем по Агате Кристи и Маргери Алингхэм, о Майами — по Бретт Халлидэй, о Чикаго — по Крейгу Райсу, о Париже, Сан-Франциско, Нью-Йорке...

— Да, — прервала её Флоренс, — всё это так, мы и впрямь многое знаем о жизни только из детективов, но в то же время...

— Я считаю, что благодаря этим знаниям мы вполне готовы к любой ситуации, — твёрдо сказала Грейс. — А сейчас лучше всё-таки сойти с поезда. Мистер Бингхэм будет ждать нас. Во всяком случае, я надеюсь на это.

Мистер Бингхэм действительно ждал. Ждал, нервно расхаживая по обшарпанной конторе, на стеклянных дверях которой красовалась табличка:

Э. Бингхэм
Практикующий адвокат
Недвижимость и страхование

Он сосал мятную таблетку, наливая чай для Грейс и Флоренс Ашер. Чай был заварен и стоял на плитке, на которой перед этим он готовил себе кофе, достаточно крепкий, чтобы пережить прошедшую ночь.

— Как предусмотрительно! — воскликнула Грейс. — Ничто так не освежает после долгой дороги, как чашечка хорошего чая. Вы знаете, мы проехали на Запад целых 50 миль.

— Я очень беспокоился за вас, дорогие леди, — заверил их Бингхэм. Улыбка обнажила жёлтые зубы, но он всё равно не произвёл приятного впечатления. Благостному эффекту мешали огромный нос и маленькие, близко посаженные глаза. — Я боялся, а вдруг вы не придете получить своё скромное наследство?

— Все мосты сожжены, — заявила Флоренс. — Получив ваше письмо, уведомляющее о смерти племянника Вальтера и о том, что он завещал нам дом и мебель, мы продали библиотеку, которую собирали с тех пор, как перестали учительствовать, распрощались со всеми и приехали сюда, чтобы остаться здесь навсегда.

— Видите ли... — Грейс слегка подалась вперёд, её шляпка качнулась. — Семьдесят лет мы прожили, можно сказать, в глуши. Поэтому сейчас нам бы очень хотелось расширить свои представления о мире.

При этих словах мятная таблетка встала поперёк длинного, с острым кадыком горла мистера Бингхэма.

— Конечно, м-да, конечно... Э-э... Я думал, как только вы продадите дом вашего племянника, вы вернётесь в Кискишоу и...

— О господи! Нет! — воскликнула Грейс. — Мы хотим жить, мистер Бингхэм! Мы собираемся переделать дом Вальтера в пансион для писателей и артистов.

— Будем встречаться с милейшими творческими людьми, — вступила в разговор Флоренс. — Беседа за обеденным столом — бальзам для наших изголодавшихся душ.

Мистер Бингхэм поставил чашку.

— Мне кажется, — сказал он глухо, — дом племянника следовало бы продать. Он ветшает, налоги растут, да и соседство отвратительное.

— Мы справимся, — возразила Грейс. — А сейчас расскажите нам что-нибудь о бедном Вальтере. Ведь в последние двадцать пять лет мы не видели его.

— Как он умер? — с живым интересом спросила Флоренс, теребя перчатки.

Мистер Бингхэм раздражённо потёр высокий лоб.

— Он умер от сердечной недостаточности. Однако...

— Всё так, конечно, — согласилась Грейс. — Три пули в сердце вполне можно считать причиной сердечной недостаточности.

— Две пули, — поправила Флоренс. — Медицинская экспертиза показала, что третья прошла от сердца в нескольких дюймах. Мы, мистер Бингхэм, прочитали об этом в милуокской газете ещё до того, как пришло ваше письмо, так как стараемся постоянно следить за криминальной хроникой. Конечно, в тот день мы не знали, что убитый был нашим племянником. Но вовсе не удивились, узнав об этом, поскольку всегда чувствовали, что Вальтер плохо кончит.

— Ещё мальчишкой он мучил щенков, — добавила Грейс, — и был исключён из трёх колледжей, как и его отец.

— Знаете, наш брат Генри исчез много лет назад. — Флоренс кокетливо взяла небольшую красивую чашку. — Мы подозреваем, что он попал в каторжную тюрьму. Но если он там был, то вряд ли под своим именем. Генри всегда им гордился.

Мистер Бингхэм приложил к губам далеко не свежий носовой платок.

— Конечно, — сказал он, — это очень похвально. И Вальтер тоже называл себя Вальтером Смитом. До тех пор, пока среди его бумаг я не нашёл завещания, составленного в вашу пользу, я не знал ни его настоящего имени, ни того, что у него были родственники. Он был... э-э... как бы это поточнее выразиться, человек-загадка. Источники его доходов неизвестны, но он владел огромным домом на окраине города, и никто не знает, как он его приобрёл. В прошлом

месяце, около полуночи, он подходил к своему дому и уже у самого порога был застрелен таинственным убийцей. Полиция не смогла схватить преступника и даже выяснить мотивы убийства.

— Уверена, тот, кто это сделал, имел серьёзные основания, — сказала Грейс, поджав губы. — Когда Вальтер был молодым, мы сами не раз хотели его убить.

— О да! Понимаю, — мистер Бингхэм нахмурил брови.

Он с сочувствием посмотрел на двух старых женщин, их провинциальные платья, старомодные шляпки и седые волосы. Мысли их прыгают, как крикетные мячи на неровной лужайке, но в то же время клиентки они въедливые, весьма трезвые и рассудительные.

— И всё-таки, дорогие леди, лучше вам продать дом племянника. В самом деле, там весьма сомнительное соседство, вечное напоминание об убийстве. А у меня есть покупатель, он хочет дом снести и построить на этом месте автозаправочную станцию, так что...

— Нет! Мы намерены там жить и открыть пансион для интеллектуалов, — твёрдо сказала Грейс. — А сейчас, мистер Бингхэм, пожалуйста, дайте нам ключи, напишите адрес, мы возьмём такси и отправимся туда.

Мистер Бингхэм, который однажды имел дело с железной волей тётушки своего покойного клиента, достал ключ и написал адрес.

— Вот, — пробормотал он недовольно, — надеюсь, что ночь... будет спокойной. Я очень на это надеюсь.

— Нет причин думать иначе, — сказала Грейс. — Пошли, Флоренс, я сгораю от нетерпения увидеть наше наследство. Я уже думаю, как назвать его. Вправе ли мы назвать его «Дом Ашеров»?

Дамы удалились. Из окна мистер Бингхэм наблюдал, как они, раскрыв зонтики, ловили такси. Он тяжело вздохнул и после некоторого колебания направился через мрачный холл к другой двери, в которую, прежде чем войти, осторожно постучал.

Здесь, в старинном кожаном кресле, покуривая сигару, вальяжно развалился крупный мужчина в безукоризненном костюме. Комната была обставлена с большей изысканностью, нежели у мистера Бингхэма, а на двери висела табличка:

ГОРДОН ИНКОРПОРЕЙТЕД

Гарри Гордон выпускал очередное колечко дыма в тот момент, когда вошёл Бингхэм.

— Ну, Эд, во что обошёлся мне этот дом?

— Они не будут продавать его, Гарри.

— Не будут? — Гигант опустил ноги со стола на пол. — Может быть, ты говорил недостаточно убедительно?

— Они собираются открыть там пансион под названием «Дом Ашеров». Им надоело захохотеть, — печально вздохнул Бингхэм, — хотя бы обосноваться в мегаполисе вроде Милуоки и жить, как аристократы. Эти фурии обладают железной волей.

— Ты сказал, что там прикончили их племянника?

— Само собой! И то, что место пользуется дурной славой, и что племянник их был сомнительным типом, и всё прочее...

— А ты не рассказал им, каким он был искуснейшим вымогателем? Гарри Гордону никогда не приходилось иметь дело с такими.

— Конечно, нет.

Глаза Гордона злобно сверкнули. Он помрачнел и произнёс:

— Хотел бы я знать, где, чёрт возьми, он спрятал эти вырванные из гробуха страницы. Они наверняка где-нибудь в доме.

— Но мы уже три раза обыскали дом и ничего не нашли. Не дай бог, если они когда-нибудь попадут к прокурору.

Гарри стиснул зубами сигару.

— Если мы не найдём бумаг, — сказал Бингхэм, — они там так и останутся. Что до старух, то они скоро устанут от этого склепа — вот тогда мы и купим его по дешёвке и снесём. Беспокоиться не о чем.

— А может, их слегка припугнуть?

— Нет-нет! Ни в коем случае! В это дело может вмешаться полиция. Газеты и общественное мнение всегда на стороне таких «одуванчиков». Они каждому напоминают мать.

— И всё-таки их можно припугнуть, как следует, и заставить бежать, — пробурчал гигант. — Я пошлю туда сегодня ночью Тини Тинкера. Пусть ещё раз всё осмотрит. Если они наткнутся на него, то сразу же решат продавать дом немедленно. Тини не тот парень, с которым старухи захотели бы встретиться в старом тёмном доме поздно ночью.

— Неужели это и есть тот самый большой дом? — с сомнением проговорила Флоренс Ашер. — Какой тёмный, ужас!

— Все дома тёмные, когда не освещены. Давай войдём внутрь и зажжём свет, — ответила Грейс.

Они подняли чемоданы, и пошли по дорожке, ведущей с плохо освещённой улицы к старому коричневому зловещему дому за чахлыми деревцами. Заскрипели ставни, и Флоренс тихо вскрикнула.

— Пожалуйста, Флоренс, держи себя в руках. Любая детективная история всегда полна всяких звуковых эффектов вроде скрипа ставен и прочего. Но это означает только то, что петли пора смазать.

Флоренс передала Грейс ключ, и та вставила его в инкрустированный замок массивной входной двери. Дверь открылась, и при этом ничего не заскрипело. Они вошли в холл и долго шарили по стене руками в поисках выключателя.

Зажётся верхний свет.

— Очень недурно, — одобрительно сказала Грейс, — и обстановка прелесть! У Вальтера и в самом деле водились деньги, хотя и сомнительно, чтобы он их зарабатывал... Флоренс, что это?

— Я слышу шум, — прошептала Флоренс.

— Не надо давать воли воображению... — одёрнула сестру Грейс и тут же понизила голос: — Наверху кто-то есть, должно быть, грабитель. Он знал, что дом пуст и воспользовался моментом, чтобы порыскать тут.

— Давай уйдём, — дрожащим голосом пролепетала Флоренс, — вызовем полицию и... и пойдём на ночь в гостиницу.

— Не будь курицей, Флоренс! Ведь мы знаем, как обезвредить грабителя — это подробно объяснялось во многих детективах. Выполняй мои приказания, и мы проучим мистера Грабителя!

— Лучше не надо! — возразила Флоренс.

Но Грейс на цыпочках уже направилась к лестнице. Она сняла туфли и осталась в одних чулках, жестом приказав сестре сделать то же самое. Вдвоём они стали медленно подниматься, шурша юбками.

Когда добрались до второго этажа, звуки, свидетельствующие о чьём-то присутствии, послышались громче. Шум доносился из-за закрытой двери у самой лестницы.

Грейс и Флоренс на цыпочках приблизились к ней. Грейс выглядела уверенной, Флоренс — несчастной.

— Тише. Дай-ка я посмотрю в замочную скважину.

Грейс нагнулась. Внутри горел свет. Невысокого роста грузный мужчина с лицом, напоминающим яичницу, кулаками простукивал

стены. Тини Тинкер, а это был он, когда-то был победителем среди боксёров-тяжеловесов.

— Там мужчина, он что-то ищет, — сообщила Грейс. — Мы должны заставить его выйти.

— Я не хочу, чтобы он выходил, — прошептала Флоренс. — Прошу тебя, давай уйдём.

Грейс проигнорировала её просьбу.

— Прочитав тысячу детективов, — сказала она, — мы знаем, как это сделать. Практически везде говорится, что каблуки женских туфель могут стать опасным оружием. А поскольку у нас обувь от доктора Бордена с особо крепкими каблуками, я уверена — мы хорошо вооружены. Сейчас я встану с одной стороны двери, а ты с другой. И каждая возьмёт в правую руку по туфле, а одну я брошу с лестницы...

Тини Тинкер услышал грохот. «Крысы», пробормотал он и продолжал простучивать стену. Но через некоторое время звук повторился: это Флоренс, после некоторого нажима сестры, бросила с лестницы и свою туфлю. Тини, не отличавшийся сообразительностью, решил, что пора выяснять, в чём дело. Он открыл дверь и, получив удар по голове, погрузился в темноту.

— Что-о? — только и спросил он.

И тут же все удары, которые он когда-либо, наносил соперникам, обрушились на него с бешеной скоростью.

— Всё в порядке, мы делаем успехи, — уверенно произнесла Грейс Ашер, взглянув на поверженного Тини Тинкера.

Сёстрам удалось втащить его в комнату, но поднять тело, на диван они не смогли. За дверью нашли верёвки, скрученные из ярких цветных нитей, и крепко привязали ими Тина: ноги к дивану, а руки, закинув их над головой, — к великолепному массивному столу красного дерева.

Распластанный на полу, как туша, Тини Тинкер походил на кабана, приготовленного на обед людоеду.

— Ну, а теперь мы можем вызвать полицию? — спросила Флоренс.

— Конечно, нет! Взгляни на этого грабителя. Заметь, как хорошо он одет. Это не просто вор. (Тини и не был вором, он был телохранителем Гарри Гордона).

— Ну и что? Он так безобразен, что я содрогаюсь от отвращения.

— Флоренс, ты меня разочаровываешь. — Грейс неодобрительно посмотрела на сестру. — Столько лет мечтать о настоящей жизни и приключениях, а сейчас, когда мы действительно окунулись в эту жизнь, ты хочешь звать полицию. Я, в самом деле...

В этот момент зазвонил стоявший на столе телефон. Грейс устремила к нему.

— Но, Грейс...

— Вдруг это нас?

— Кто может нам звонить, Грейс?

Грейс уже сняла трубку.

— Алло? — кокетливо произнесла она и, закрыв трубку рукой, сказала: — Это нас! Это мистер Бингхэм!

— Да, мистер Бингхэм? — уже в трубку повторила она.

На том конце слышалось тяжёлое дыхание мистера Бингхэма.

Он интересовался, всё ли в порядке, всё ли спокойно, и с большим трудом удерживался от вопроса о каких-нибудь необычных звуках.

Рядом с ним стоял жующий сигару Гарри и нашёптывал ему в ухо:

— Тини скорей всего уже там! И сейчас они наткнутся на него.

Флоренс, не веря своим ушам, слушала, как Грейс убеждала мистера Бингхэма, что всё спокойно, дом производит приятное впечатление, и поблагодарила его за заботу. Затем она повесила трубку, оставив на том конце провода мистера Бингхэма и Гарри Гордона глазеть друг на друга в полном недоумении.

Гордон выругался.

— Может, Тини ушёл до того, как они приехали. Дадим ему ещё полчаса, потом отправимся туда и посмотрим, что происходит.

В загадочном доме племянника Флоренс и Грейс тоже стояли, уставившись друг на друга.

— Грейс, как ты можешь так лгать? Он позвонил бы в полицию, и она забрала бы этого... этого детину!

— Но нам не надо, чтобы его забирали! — И, теряя уже терпение, Грейс пояснила: — Сначала мы сами расспросим его.

— Расспросим его? О чём?

— О смерти Вальтера и о том, что он здесь искал. Может быть, Вальтер что-то спрятал. Боже мой! Неужели ты не понимаешь? Это же

настоящая детективная история! И мы оказались в самой гуще событий. Это случай, о котором мы могли только мечтать!

— О чём ты говоришь?

— Я считаю, что нам представилась возможность разгадать загадку, как и всем тем начинающим сыщикам, про которых мы читали.

— Но, по-моему, среди них не было ни одной женщины, — заметила Флоренс.

— Хилдергард Визер у Стюарта Палмера была женщиной. И, кстати, она тоже была школьной учительницей. Не думаю, чтобы мы не справились с чем-нибудь, что смогла сделать она. Начнём с осмотра этой комнаты.

— Ладно, давай, — согласилась Флоренс, её щёки слегка покраснели от возбуждения. — Но сначала мы должны тщательно обследовать комнату и выяснить, куда можно спрятать то, что искал этот человек.

Вдвоём они внимательно обследовали помещение, которое служило чем-то вроде библиотеки. Далее следовала спальня Вальтера. Всё было обставлено дорогой мебелью: стол из красного дерева, несколько лёгких стульев, полки с книгами (сплошь детективы), дорогие обои, персидский ковёр, на столе дорогая ручка в подставке, пресс-папье и две фотографии в рамках. На одной была изображена экстравагантная молодая особа. Трогательная надпись сообщала: «Вальти с любовью от Пичес». Другое фото приятно удивило Флоренс, смягчив выражение её лица.

— Смотри, — сказала она, — Вальтер, ты и я двадцать пять лет назад. Признаться, я всегда испытывала лёгкое чувство вины, дав ему возможность получить степень.

— И, как оказалось, он действительно не заслужил её, — согласилась Грейс, рассматривая помятую фотографию: Вальтер, стоящий между ними, на голову выше, у него довольно узкое лицо, тонкие губы, Колючие глаза, едва разделённые переносицей, и красивые волнистые волосы. — Я и забыла, что у Вальтера были такие глаза. А мы выглядим здесь вполне прилично. Да и фигуры у нас были ничуть не хуже, чем у этой дамы, с которой, похоже, Вальтер был весьма дружен.

— Ну что ты, Грейс! — Флоренс бросила возмущённый взгляд на тихо постанывающего Тини Тинкера, — Эта бестактность — говорить подобное в присутствии незнакомого человека — в твоём духе. Между тем в Вальтере было что-то хорошее. Он помнил о нас все эти годы и

позаботился оставить нам этот дом. Наверно, мы были слишком жестоки по отношению к нему.

— Возможно, — сказала Грейс, и лицо её несколько смягчилось. — Несмотря на все его проделки, он, похоже, любил нас. Но вернёмся к делу. Комната обыскана, стол осмотрен, стулья проверены, ковёр поднят, диван перевернут. Очевидно, тут поработал этот тип. Надо заставить его рассказать нам, что он искал.

Обе женщины посмотрели на Тини Тинкера и обнаружили, что он приходит в сознание, поскольку его лицо исказилось от боли.

— Флоренс, а что, если этот человек убил Вальтера и теперь вернулся на место преступления искать то, что он не сумел найти вовремя? — задумчиво предположила Грейс.

— Убил Вальтера? — Флоренс чуть заметно вздрогнула. — Значит, он не просто грабитель, он — убийца. Грейс, мы обязаны вызвать полицию!

— Тебе когда-нибудь попадался детектив, в котором преступление раскрывалось бы полицией?

— Пожалуй, нет...

— Конечно, нет! Поэтому мы займёмся этим делом сами. Мы должны быть уверены, что справедливость восторжествует, даже если Вальтер и был мошенником. Смотри, этот тип приходит в себя. Сейчас мы его допросим.

Тини Тинкер открыл один глаз и посмотрел на них затуманенным взором.

Флоренс задрожала.

— Почему ты думаешь, что он будет отвечать на наши вопросы? — поинтересовалась она.

— Уверена. Ведь тысяча прочитанных детективов научила нас правильно строить допросы! Нам не стоит быть слишком вежливыми, а если понадобится жестокость, надо быть жестокими.

— Ты никогда в жизни мухи не обидела, — возразила Флоренс, — как это вдруг ты станешь жестокой?

Грейс не обратила внимания на вопрос Флоренс.

— Тише! Он открывает другой глаз.

Тини Тинкер смотрел на них полузакрытыми, полными страдания глазами.

— Кто меня оглушил?

— Это мы, молодой человек, — сообщила ему Грейс, — изо всех сил дали вам каблуками наших туфель фирмы доктора Бордена, а затем крепко привязали руки и ноги, и теперь вы не можете дать нам сдачи.

Чтобы убедиться в правильности сказанного, Тини Тинкер подёргал руками и ногами. Его похожее на омлет лицо выражало благоговейный страх.

— Сёстры Ашер! Вот вы, наверное, кто, чёрт возьми! — заключил он.

— Очень подозрительно, что вы узнали нас, — дерзко сказала Флоренс, предварительно убедившись, что разноцветные верёвки продолжают держать его достаточно крепко.

— Слушайте, вам же будет лучше, если вы развяжете меня, — пригрозил Тини Тинкер. — Гарри скоро начнёт искать меня.

— Флоренс, запиши: «Этот тип работает на какого-то Гарри», — приказала Грейс.

— Обязательно. — Флоренс отыскала в столе листок бумаги, карандаш и написала: «Работает на кого-то по имени Гарри».

На лице пленника появилась тревога.

— Я ничего такого не говорил, — запротестовал он. — Что вы ко мне пристали?

— Всё очень просто, — пояснила Грейс. — Вы убили нашего племянника Вальтера.

Тини Тинкер заёрзал.

— С чего вы взяли? Вы сумасшедшие! Я не делал этого!

— Ага! — Грейс победно посмотрела на сестру. — Мы продвигаемся вперёд! Этот человек допускает, что он убил бедного Вальтера.

— Я не убивал! — заорал Тини. — Ничего подобного! Я не убивал его и ничего не допускал! И лучше всего для вас же развязать меня как можно скорее. Вы вмешиваетесь в дело, слишком для вас сложное.

— Так! — усмехнулась Грейс. — Флоренс, отметь: «Заключённый признаёт себя причастным к большой преступной группе».

— Слушаюсь, Грейс. — Флоренс сделала пометку.

Тини не на шутку разволновался.

— Нет, ничего подобного я не говорил! Что вы мне шьёте?!

— Мы самым обычным способом, принятым в тысяче детективных романов, пытаемся раскрыть преступление, — сообщила ему

Грейс. — А сейчас, молодой человек, расскажите нам, кто такой мистер Большая Голова?

— Кто-кто?

— Большая Голова. Мистер Биг... О господи! На кого ты работаешь, бестолочь?

— Я работаю на Гарри Гордона, и не называйте меня бестолочью. Кто вас знает, что вы имеете в виду...

— Флоренс, запиши: «Арестованный называет главарём преступной группы некоего Гарри Гордона».

— Минуточку! Минуточку! — Тини почти рыдал от беспомощности. — Я никогда не говорил ничего подобному!

— Что за чудовищный язык! — воскликнула Флоренс. — В какой школе вы учились?

— В какой школе? — хитро прищурился Тини. — Зачем вам это знать?

Тини мог противостоять целой команде профессиональных сыщиков на протяжении сорока восьми часов, но методы сестёр Ашер ставили его в тупик.

— Не возражайте, — добродушно сказала Грейс, — и дайте нам подвести итоги. Вы признались, что убили нашего племянника Вальтера, что работаете на некоего Гарри Гордона, который является главой крупной преступной группы, и наконец вы искали в этом доме что-то очень нужное Гарри Гордону. Что это может быть? Наркотики? Бриллианты? Украденное долговое обязательство? Печатный станок для фальшивых денег? Если расскажете, мы вас отпустим.

Он внимательно посмотрел в серо-стальные глаза сестёр. Взгляд таких же глаз вселял в него ужас много лет назад, в школьные годы. Он вздрогнул.

— Согласен, может, и правда отпустите, — выдавил он. — О'кэй, я расскажу, потому что вы всё равно ничего не сможете сделать. У Гарри всё схвачено! А дело было так...

Тини Тинкер начал свой рассказ, а Флоренс продолжила записи. Тини взглянул на часы. Если он будет говорить достаточно долго, Гарри, очевидно, доберётся сюда и найдёт способ справиться с этими старыми ведьмами, облачёнными в чёрную тафту и маленькие нелепые шляпки. Гарри посадит их на две метлы и отправит на Луну.

— Теперь мы имеем полную картину происшедшего! — заключила Грейс, когда Тини наконец закончил. — Вальтер был бухгалтером у этого Гарри Гордона и украл какие-то записи о его преступной деятельности. Но вместо того чтобы отправить их в полицию, он спрятал их и шантажировал Гордона, которому в конце концов надоело платить, и он послал этого... Как вас там?

— Называйте меня просто Тини, — вздохнул Тини.

— ...послал этого Тини обыскивать дом. Вальтер вернулся слишком рано, и мистер Тини застрелил его. Но никто так и не смог найти криминальные документы. Они всё ещё находятся где-то в доме.

— Вот, должно быть, почему мистер Бингхэм пытался помешать нам приехать сюда! — догадалась Флоренс. — Он тоже в этом замешан.

— Сейчас мы близки к тому, чтобы нанести сокрушительный удар и разорвать этот порочный круг. — Грейс вздохнула, и глаза её заблестели: — Какая радость, какая победа, Флоренс! Нами мог бы гордиться сам Ниро Вульф. Всё, что нам осталось, — это найти спрятанные бумаги и передать их прокурору, и тогда Гарри Гордон, мистер Бингхэм и многие другие тёмные личности будут арестованы.

— Что-что? — нахмурился Тини.

Флоренс же выглядела не такой уверенной.

— Как мы можем надеяться найти пропавшие бумаги, если их не смогли найти эти бандиты? — спросила она. — Я по-прежнему считаю, что следует позвонить в полицию.

— Флоренс, ты считаешь неправильно. Прежде всего мы должны попытаться думать так, как думал Вальтер. Мы должны поставить себя на его место. Предположим, что мы вымогатели. Где бы мы спрятали компрометирующие документы?

— Так... — Флоренс сдвинула брови.

— Какой величины эти документы? — спросила Грейс у Тини.

— Страницы из бухгалтерской книги. Вальтер забрал их около двадцати.

— Они могут поместиться в чемоданчике средних размеров, — задумчиво произнесла Грейс. — Так, дай подумать. Если бы я была Вальтером...

— Я считаю... — начала Флоренс.

Но голос из-за двери прервал её, заставив сестёр повернуться.

— Леди, пожалуйста, продолжайте. Вы не будете возражать, если я войду?

В комнату, попыхивая сигарой, вошёл Гарри Гордон. Вокруг него нервно приплясывал мистер Бингхэм. Гарри Гордон надвигался на Грейс и Флоренс, как вагонетка на двух серых котят. Он остановился и, бросив на них сардонический взгляд, сказал:

— Ладно, леди, вы уже поразвлеклись с моим мальчиком Тини, не правда ли? Но сейчас представление окончено. Довольно. Садитесь сюда и не вставайте, пока Эд и я не развяжем Тини, А потом мы решим, что с вами делать дальше.

Тини Тинкер, освобождённый от пут, сидел в углу, Гарри Гордон развалился на одном из стульев и указывал сигарой на Грейс и Флоренс, прижавшихся друг к другу на диване, подавленных, но всё же ещё не побеждённых, похожих на двух нахохлившихся куриц.

— Они заставили Тини говорить, — прогремыхал Гордон. — Придётся засунуть их в холодильник.

— Нет-нет, Гарри, — мистер Бингхэм нервно наморщил лоб. — Поверьте, суд ничего не сможет доказать. А как я уже говорил, эти старушки вроде динамита. Тронь их — и газеты поднимут страшный шум. Каждая наша попытка прижать их выйдет нам боком. Поверьте мне, Гарри, что бы вы ни делали, но этих бабулек нам нельзя даже пальцем тронуть.

— И что же ты предлагаешь? — Гарри задумчиво посмотрел на сестёр.

— Выставить их из города, и так, чтобы быть уверенными, что они не вернутся обратно.

— Ну, уж назад они точно не вернутся.

— Если вы думаете, что сможете запутать нас, то глубоко заблуждаетесь! — рассвирепела Грейс.

Флоренс повернулась к ней с негодованием:

— Он не ошибается. Он сумел запугать нас. Во всяком случае, меня. И я собираюсь заключить с ним сделку.

В чёрных глазах Гарри Гордона вспыхнул интерес.

— Какого рода сделку, сестрица?

— Вам нужен этот дом, потому что в нём спрятаны какие-то важные бумаги. Хорошо, мы продадим вам дом со всем, что в нём есть, и вы сможете найти ваши бумаги.

— Продолжайте.

— А мы отправимся в кругосветное путешествие сразу же, как получим деньги.

— Флоренс, я не хочу заключать сделку с преступниками! — закричала Грейс.

— Спокойно, Грейс! До сих пор командовала ты, теперь же преимущество у меня. Мистер Гордон, ну как, вы согласны?

— Заплатите и избавьтесь от них, — уговаривал Гордона Бингхэм. — Мы найдём бумаги или снесём этот дом.

— Не согласен. — Гарри Гордон выпустил колечко дыма. — Дешевле будет их сжечь.

— Мы не хотим быть сожжёнными, вы слышите? — забеспокоилась Флоренс. — Мы... мы воскреснем и будем преследовать вас в кошмарах.

— Не удивлюсь, если и вправду будет так, — сказал Гарри Гордон. — Хорошо, даю вам десять тысяч наличными за этот дом, и вы сегодня же ночью покидаете город.

— Пятнадцать, — поправила его Флоренс.

— Почему? Этот дом стоит как минимум двадцать тысяч долларов! — возмутилась Грейс.

— Леди, вы не в том положении, чтобы торговаться, — сказал Гарри Гордон. — Согласен на пятнадцать тысяч.

— Наличными. И вы отвезёте нас прямо на вокзал, — выставила свои условия Флоренс.

— Договорились. Наличные мы возьмём у меня в конторе. Тини!

— Что, босс?

— Эти старухи... Эти леди не нашли никаких бумаг, пока я ехал сюда?

— Нет, босс. Они не трогали ничего, кроме меня. Только и делали, что допрашивали. — Тини беспокойно вращал глазами. — К счастью, они не применяли силу.

— Ладно, пошли. Тини, оставайся здесь. Не выходи из дома до тех пор, пока не найдёшь то, что мне нужно. Или я вызову рабочих и разрушу его до основания.

— Хорошо, босс.

— И ещё! — Флоренс встала. Её подбородок выражал твёрдую решимость. — Нам нечего читать в поезде. Мы предпочитаем детективы и хотели бы взять с собой парочку книг Вальтера.

— О, пожалуйста, пожалуйста! — сказал Гарри Гордон елевым голосом. — Какие именно книги вы бы хотели?

— В конце полки, две зелёные.

— Хорошо. Дай-ка их мне, Тини! — Беря книги в руки, Гордон внимательно изучал лицо Флоренс.

— Умница, сестрица. Вы считаете, Вальтер сфотографировал документы и припрятал плёнку в этих книгах, не так ли? Эд, помоги мне обследовать эти... — он прочёл название: — «Собрание сочинений Эдгара Алана По», том первый и второй.

Вместе с Эдом Бингхэмом они принялись усердно уничтожать две старые книжки: оторвали обложки, корешки, мяли, перелистывая страницы. Наконец Гарри Гордон раздражённо протянул Флоренс распотрошённые книги. Она открыла свою объёмистую сумку и бросила их внутрь.

— Всё, пора собираться, — прорычал Гордон, — я устал от вас и ваших идей. Полагаю, вы и в самом деле хотели взять что-нибудь по-

читать. Но если вы затеяли поиграть со мной... — Он посмотрел на них, затем в сторону двери. — Поторапливайтесь, есть ещё ночной поезд.

Поезд начал набирать скорость.

— Только что пробило полночь, — недовольно сказала Грейс, сидя в купе пульмановского вагона.

— Флоренс, ты представляешь, мы были в Милуоки всего три часа!

— Да, но это были захватывающие часы. — Флоренс зевнула. — Однако пора уже ложиться спать. Сон нам необходим.

— Как ты можешь думать о сне после сделки с шайкой душеителей и головорезов? Лично я не могу. Боже! Мы позволили убийцам Вальтера уйти безнаказанными всего за какие-то несколько тысяч долларов.

— Вальтер всегда был мошенником, — ответила Флоренс. — Я совсем не намерена была ради него рисковать жизнью.

— И всё-таки ничего подобного не случилось ни в одной прочитанной нами книге. Я чувствую себя подавленной.

— Не думаю, что тебе следует так себя чувствовать, Грейс. Вспомни, у нас ведь есть две книги Вальтера, не так ли? — Флоренс достала сочинения Эдгара По и положила их на колени сестры.

— Какой в них прок? — возразила Грейс. — Преступники тщательно их обследовали. Они не нашли в них ни документов, ни микроплёнки.

— Их там и нет. Там есть только ключ.

— Какой ключ?

— Ты говорила, мы должны рассуждать, как Вальтер. Мы познакомили его с Эдгаром По, когда он был мальчиком, помнишь? Мы подарили ему эти два тома. То, что он их ещё хранил, говорит нам, что он по-прежнему любил По. Вот это и дало мне ключ к его рассуждениям.

— Ты говоришь загадками, — с раздражением сказала Грейс.

— Совсем нет. В одном из томов «Похищенное письмо» следует сразу за «Падением дома Ашероу» — нашим и Вальтера любимым рассказом.

— О! — Догадка осветила лицо Грейс. — История о том, как объёмистый документ был положен в старый пакет и оставлен на самом видном месте.

— Точно! Поэтому... — Флоренс залезла в свою вместительную сумку и вынула фотографию в рамке, фотографию, на которой были она сама, Грейс и Вальтер. Меньше часа назад она ещё стояла на письменном столе Вальтера. — Вальтер был так же сентиментален, как гремучая змея. Почему, спрашивается, он хранил нашу фотографию? Только потому, что изображение себя и двух тётушек не вызывает подозрения. Никто ни секунды не задумался над этой фотографией.

— Но как ты это поняла? — спросила Грейс. — Я даже не видела, как ты её взяла.

— В суматохе, когда мистер Гордон и мистер Бингхэм нагнулись развязать Тини, я просто скинула её себе в сумку. Теперь, если я права, мы найдём микроплёнку, которая посадит мистера Гордона и всех остальных на скамью подсудимых. Ну что, Грейс, давай посмотрим?

Микрофильмы оказались там.

— Эллери Квин гордился бы тобой, Перри Мейсон и лорд Питер Вимсли тоже гордились бы тобой. Все сочинители детективов Америки гордились бы тобой, и сам Эдгар По, их святой.

— Спасибо, — застенчиво улыбаясь, сказала Флоренс. — В Нью-Йорке мы должны запланировать посещение их ежемесячных собраний. Я абсолютно уверена, мы имеем все права стать членами ассоциации. После этого мы сядем на корабль...

— Какой корабль? — удивилась Грейс.

— Как какой? В Лондон, конечно. У нас пятнадцать тысяч долларов, поэтому мы совершим кругосветное путешествие — и нашей первой остановкой будет Лондон.

— Лондон... — Грейс выпрямилась. — Лондон, город сэра Скотленд-Ярда. Кто знает, какие приключения ждут нас на туманных улицах Лондона? Сможем ли мы помочь Скотленд-Ярду привлечь к суду какого-нибудь преступника, который без нас сумел бы ускользнуть?

Её взгляд устремился куда-то вдаль. Голос стал мечтательным.

— Возможно, нам даже удастся снять меблированную комнату на Бейкер-стрит.

Перевод – Е. Розанова

Роберт Артур (Robert Arthur)

Страна: США

Родился: 10 ноября 1909 г.

Умер: 2 мая 1969 г.

Псевдонимы:

Эндрю Бенедикт (Andrew Benedict)

Полина Смит (Pauline C. Smith)

Роберт Артур (полное имя — Роберт Джей Артур-младший / Robert Jay Arthur, Jr.) родился 10 ноября 1909 года на Филлипинах. Его отец — сэр Роберт Артур (Robert Arthur) — был офицером в армии США, мать — Сара Фи Артур (Sarah Fee Arthur) — уроженка Нового Орлеана. Детство Роберта Артура прошло в частых переездах с места на место, что было связано с родом деятельности отца. Роберт и его брат Джон (род. 1914) учились в школах Массачусетса, Мичигана, Канзаса и других.

Хотя был принят в Вест Пойнт (West Point), Роберт Артур отказался идти по стопам отца и поступил в колледж Уильяма и Марии (William and Mary College) в Уильямсбурге (Williamsburg), штат Вирджиния, в конце 1926 года. Два года спустя перешёл в Мичиганский университет в Анн Арборе (Ann Arbor), где проживал в течение нескольких лет, когда его отец преподавал там военные науки и тактику. Артур закончил университет со степенью бакалавра в 1930 году. После этого работал редактором, а затем вернулся к учёбе, и в 1932 году получил магистерскую степень по специальности журналистика.

Артур переезжает в Нью-Йорк; в это время начинает писать рассказы для палп-журналов. В 1930-х гг. его произведения издавались в таких изданиях как «Wonder Stories», «Mystery», «Amazing Stories», «Detective Tales», «Thrilling Detective», «Startling Stories», «The Phantom Detective», «Unknown Worlds», «Black Mask» и других. Кроме того, в это время Артур работал и как редактор различных изданий.

В феврале 1938 года впервые женится на Сюзан Смит Кливленд (Susan Smith Cleveland), актрисе, сотрудничавшей с радио, с которой развелся в 1940 году. В том же году встретился со своей второй женой — Джоан Ватцек (Joan Vaczek).

Тогда же Артур познакомился со своим будущим партнёром по перу Дэвидом Коганом (David Kogan). Вместе они создали радиопостановку «Таинственный путешественник» («The Mysterious Traveler»), которая выходила на радио с 1944 по 1953 годы и которая завоевала премию Эдгара Аллана По как Лучшее Мистическое Радиошоу в 1952 году.

В декабре 1946 года Артур женился вторично, у него родились двое детей: Роберт Эндрю Артур (род. 1946) и Элизабет Энн Артур (род. 1953). В 1953 году, когда радиошоу неожиданно закрыли, писатель отдаляется от радио, но продолжает писать и издавать рассказы.

В 1959 году, после развода с Джоан Ватцек, Артур отправляется в Голливуд, где начинает работать с телевидением. Он писал сценарии для сериала «Сумеречная Зона» («The Twilight Zone»), а также для телешоу «Альфред Хичкок представляет» («Alfred Hitchcock Presents»). В 1962 году возвращается в Кейп-Мэй, Нью-Джерси, где и прожил с тётей своего отца, Маргарет Фишер Артур (Margaret Fisher Arthur) до самой своей смерти в 1969 году. Из-за его совместной с Альфредом Хичкоком деятельности издательство «Рэндом Хаус» («Random House») предлагает писателю выступить редактором ряда антологий в качестве «литературного негра».

В это же время он редактирует антологии для юных читателей под именем Альфреда Хичкока, а также несколько антологий под своим именем. Выходят также два сборника писателя, куда вошли исключительно его произведения.

Однако наибольшую славу автору принесла серия детских детективов: «Альфред Хичкок и три сыщика».

В 1959 году Артур предлагает Уолтеру Ретану, главному редактору издательства «Рэндом Хаус» («Random House»), свою идею о новой серии книг для детей, где использовалось бы не только имя Хичкока, но его персонаж. Так возникли три молодых юноши, которые жили в Южной Калифорнии и раскрывали загадочные тайны. Эти книги должны были иметь качество описания характеров героев в произведениях для детей. Ретану, несомненно, идея понравилась, и первые два произведения — «Тайна замка ужасов» и «Тайна попугая-заики» — были опубликованы в 1964 году. Полностью написанные Робертом Артуром (в том числе и вступления Альфреда Хичкока), книги имели красивые иллюстрации и изображения на обложке, предоставленные Гарри Кэйн и Эдом Вебеллом соответственно. Так

родилась серия про Трёх Сыщиков. С 1965 года до своей смерти в 1969 году Роберт Артур писал две книги в год, работая с Уолтером Ретаном и Гарри Кэйн. «Книги быстро стали известны во всем мире. В 1968 году из-за плохого здоровья Артур решил, что время передать своё дело другим авторам».

Роберт Артур умер в Филадельфии, штат Пенсильвания, 2 мая 1969 года, в возрасте пятидесяти девяти лет.

Некоторые псевдонимы автора: Benedict, Andrew; Fall, Andrew; Fleming, A. A.; Forbes, Robert; McCullen, Andrew; Morton, Anthony; Mysterious Traveler, The; Norman, Jay; Saxon, Andrew; Smith, Pauline C.; West, Andrew; West, John; Williams, Mark.

© *Кел-кор*

Библиография Роберта Артура в русских переводах

1. Call for Help, 1938

1991 – **Крик о помощи** – сб. «Любимые рассказы А. Хичкока и прочие истории. 1 выпуск», Свердловск: Микс (Ночь мягкого ужаса), 100 000 экз., м/о, 192 с. – с. 58-70, Е. Васильченко.

1991 – **Смертницы** – сб. «От убийства на волосок. Детективные и приключенческие рассказы писателей США и Латинской Америки», М. ДПИ, м/о, 160 с. – с. 91-108.

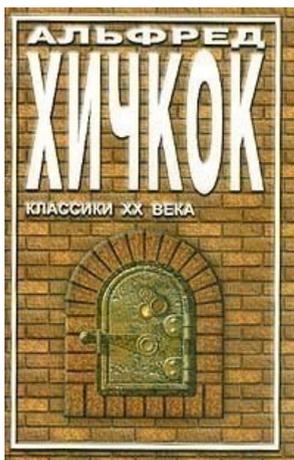

2. Wonderful Day, The (Miracle on Main Street), 1940

1992 – **День чудес** – сб. «Чёртова дюжина, или 13 историй, рассказанных на ночь», М.: Знание, ISBN: 5-07-002307-1, 210 000 экз., м/о, 288 с. – с. 62-97, В. Вебер.

1992 – **День чудес** – ж. «Юный техник», № 2-3, с. 34-42, № 4-5, с. 34-45 – В. Вебер.

2001 – **День чудес** – сб. «Галерея призраков», Ростов-на-Дону: Феникс (Классики XX века), ISBN: 5-222-01870-9, 10 000 экз., т/о, 224 с. – с. 118-152, А. Курчаков.

3. **Wonderful Stamps Of El Dorado, The** (Postpaid to Paradise; Postmarked for Paradise), 1940

1986 – **Марки страны Эль Дорадо** – ж. «Юный техник», № 5 – с. 38-46, А. Корженевский, илл. О. Тарасенко.

1988 – **Марки страны Эль Дорадо** – сб. «Современная фантастика», М.: Книжная палата (Популярная библиотека), ISBN: 5-7000-0020-2, 200 000 экз., т/о, 704 с. – с. 538-550, А. Корженевский.

1989 – **Марки страны Эль Дорадо** – кн. «Марки страны Эль Дорадо», М.: Вся Москва (Листая старые страницы), ISBN: 5-7110-0028-4, 100 000 экз., м/о, 16 с. – А. Корженевский.

1990 – **Марки страны Эль Дорадо** – сб. «Чудовище», Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, ISBN: 5-7507-0389-4, 10 000 экз., м/о, 196 с. – с. 166-178, А. Корженевский.

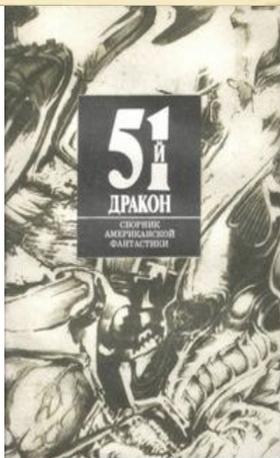
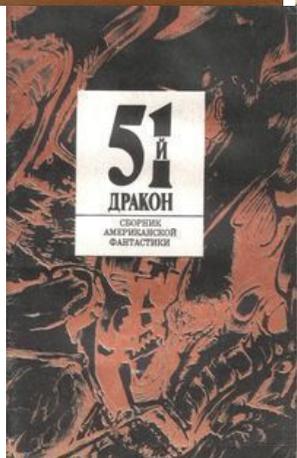
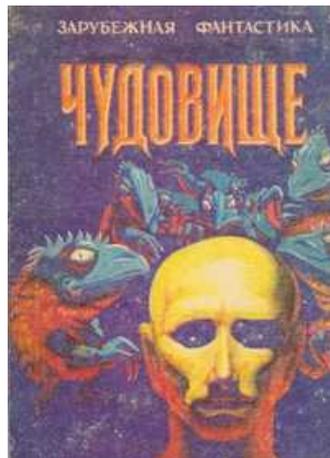
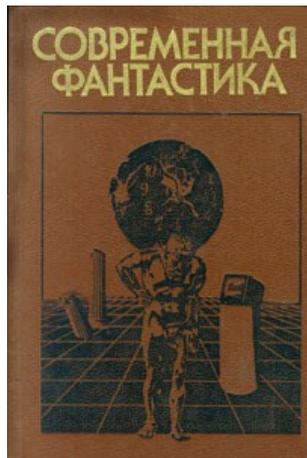
1990 – **Марки страны Эль Дорадо** – сб. «51-й дракон», М.: ИМА-Пресс (Библиотека газеты «Волжский комсомолец»), ISBN: 5-7070-0006-2, 100 000 + 40 000 экз., м/о, 96 с. – с. 13-26, А. Корженевский.

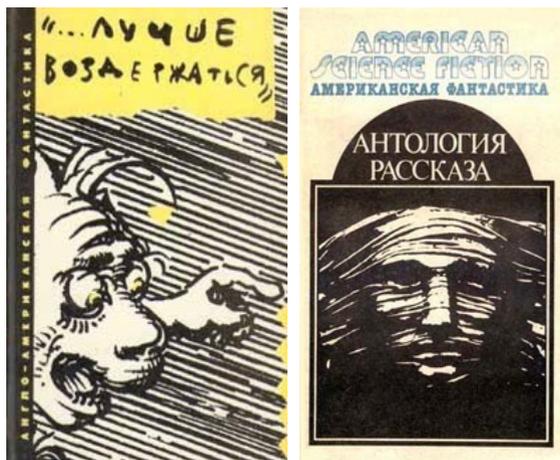
1990 – **Почтовый билет в рай** – сб. «Почтовый билет в рай», Алма-Ата: Кайнар (Зарубежная фантастика), 200 000 экз., м/о, 16 с. – с. 3-8, С. Степанов.

1991 – **Марки страны Эль Дорадо** – сб. «...Лучше воздержаться», М.: ИМА-Пресс, ISBN: 5-7070-0031-3, 100 000 экз., т/о, 352 с. – с. 24-37, А. Корженевский.

1992 – **Марки страны Эль Дорадо** – сб. «Антология рассказа», М.: Всё для вас (Американская фантастика), ISBN: 5-86564-001-1, 5-86564-015-1, 550 000 экз., м/о, 416 с. – с. 342-355, А. Корженевский.

1994 – **Путешествие в рай** – ж. «Сельская молодёжь», № 7 – с. 46-51, Ст. Никоненко.

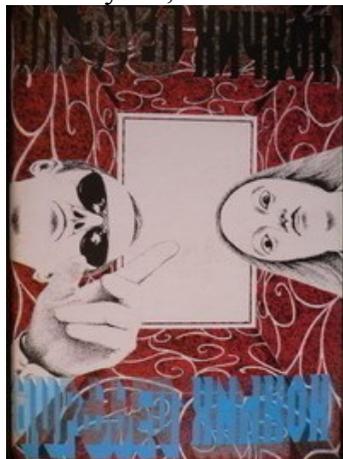
4. **Just A Dreamer** (Wilfred Weem; Dreamer), 1941

1995 – **Мечтатель** – сб. «Домашние убийства: Альфред Хичкок представляет», М.: Пресса, ISBN: 5-253-00817-9, 25 000 экз., т/о + с/о, 448 с. – с. 19-28, Г. Доновский.

2001 – **Мечтатель** – сб. «Умри последним», М.: Вече (Альфред Хичкок. Коллекция ужасов), ISBN: 5-7838-0935-7, 7 000 экз., т/о, 416 с. – с. 161-169, Г. Доновский.

2005 – **Мечтатель** – сб. «Змея», М.: Вече (Коллекция ужасов Альфреда Хичкока), ISBN: 5-9533-1035-8, 5 000 экз., т/о, 352 с. – Г. Доновский.

2014 – **Просто фантазёр** – г. «Совершенно секретно», № 11/306 – С. Мануков, ил. М. Златковский.

5. **Obstinate Uncle Otis**, 1941

1968 – **Упрямый дядюшка Отис** – сб. «31 июня», М.: Мир (Зарубежная фантастика), м/о, 404 с. – с. 80-91, Н. Евдокимова.

1992 – **Упрямый дядя Отис** – сб. «Чёртова дюжина, или 13 историй, рассказанных на ночь», М.: Знание, ISBN: 5-07-002307-1, 210 000 экз., м/о, 288 с. – с. 49-61, В. Вебер.

1992 – **Упрямый дядюшка Отис** – сб. «Неделя ужасов», М.: Ф. Грег (Чёрный юмор зарубежных писателей), ISBN: 5-87202-021-X, 200 000 экз., т/о, 320 с. – с. 135-144, Н. Евдокимова.

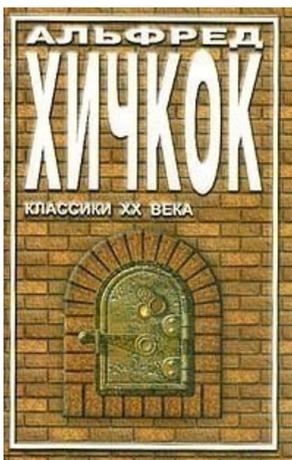
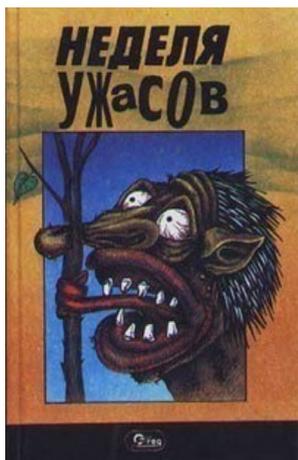
1992 – **Упрямый дядя Отис** – ж. «Искатель», № 2, март-апрель, 3 000 000 экз., 128 с. – с. 118-126, В. Вебер.

1994 – **Упрямый дядюшка Отис** – ж. «Юный техник», № 4 – с. 42-49, Н. Евдокимова, илл. Ю. Сарафанова.

2001 – **Упрямый дядюшка Отис** – сб. «Галерея призраков», Ростов-на-Дону: Феникс (Классики XX века), ISBN: 5-222-01870-9, 10 000 экз., т/о, 224 с. – с. 188-199, А. Курчаков.

2002 – **Упрямый дядя Отис** – г. «Мир зазеркалья», М., № 20 (119) – с. 12, В. Вебер.

6. **Satan and Sam Shay**, 1942

1996 – **Сатана и Сэм Шэй** – ж. «Если», № 4 – с. 9-14, Н. Григорьева, илл. О. Дунаева, А. Жабинский.

2002 – **Сатана и Сэм Ши** – сб. «Комната-могила», М.: Вече (Альфред Хичкок. Коллекция ужасов), ISBN: 5-94538-126-8, 5 000 экз., т/о, 416 с. – с. 394-412, Ю. Р. Соколов.

2006 – **Сатана и Сэм Шей** – сб. «Заложник», М.: Вече (Коллекция ужасов Альфреда Хичкока), ISBN: 5-9533-1098-6, 5 000 экз., т/о, 384 с. – с. 3-20, Ю. Р. Соколов.

2015 – **Сатана и Сэм Ши** – сб. «Всё, что в тебе есть», Киев: Мой Друг Фантастика (ШФ, Продолжатели), 20 экз., т/о + с/о, 1056 с. – с. 7-19, Ю. Р. Соколов.

2015 – **Сатана и Сэм Ши** – сб. «От Артура до Эсплунда», Харьков: Проект «Самиздат» (ШФ, Продолжатели), т/о + с/о, 1236 с. – с. 5-18, Ю. Р. Соколов.

7. Haunted Trailer, The (Death Thumbs a Ride), 1942

1992 – **Трейлер с привидениями** – ж. «Вокруг света», № 1 – с. 60-64, В. Вебер.

1992 – **Трейлер с привидениями** – сб. «Чёртова дюжина, или 13 историй, рассказанных на ночь», М.: Знание, ISBN: 5-07-002307-1, 210 000 экз., м/о, 288 с. – с. 98-120, В. Вебер.

1997 – **Трейлер с привидениями** – сб. «Тени старинных замков», М.: Издательский дом «Прибой» (Неведомое, необъяснимое, невероятное), ISBN: 5-7735-0052-3, 15 000 экз., т/о, 448 с. – с. 260-276, В. Вебер.

2001 – **Трейлер с привидениями** – ж. «Смена», № 4 – с. 32-44, В. Вебер.

2001 – **Проклятый трейлер** – сб. «Галерея призраков», Ростов-на-Дону: Феникс (Классики XX века), ISBN: 5-222-01870-9, 10 000 экз., т/о, 224 с. – с. 68-91, А. Курчаков.

8. **Wheel of Time, The, 1950**

1985 – **Колесо времени** – г. «Литературная », № 8 (1152) , 22 февраля – с. 22-23, И. Баданов.

1985 – **Колесо времени** – сб. «Патруль времени», М.: Мир (Зарубежная фантастика), 100 000 экз., м/о, 496 с. – с. 327-345, И. Баданов.

2006 – **Колесо времени** – сб. «Золотое время», М.: Эксмо (Шедевры фантастики), ISBN: 5-699-18076-1, 5 000 экз., т/о + с/о, 736 с. – с. 185-198, И. Баданов.

9. **Knife, The** (The Knife That Murdered), 1951

1992 – **Нож** – сб. «Истинное лицо», СПб.: Логос, ISBN: 5-87832-001-0, 100 000 экз., т/о, 352 с. – с. 284-290, А. Юрчук.

1993 – **Нож** – сб. «Ярмарка страха», СПб.: Лениздат, ISBN: 5-289-01575-2, 75 000 экз., м/о, 192 с. – с. 32-37, А. Юрчук.

10. **People Next Door, The**, 1952

1991 – Полина Смит. **Соседи** – сб. «Истории для ночного чтения», М.: Бобок (Библиотечка журнала «Бобок»), 50 000 экз., м/о, 144 с. – с. 115-120, И. Логинов.

1992 – Полина Смит. **Соседи** – сб. «Зарубежный детектив. Книга 4», Гомель: Сигма (Зарубежный детектив в восьми томах, в семи книгах), 100 000 экз., т/о, 312 с. – с. 261-264, И. Торубаров.

11. Jokester, The, 1952

1966 – **Шутник** – г. «Ленинская смена», Алма-Ата, 13 ноября.

1967 – **Не надо больше шутить** – ж. «Сельская молодёжь», № 12 – с. 44-46.

1991 – **Подшутил** – ж. «Дон», № 8 – с. 114-118 – А. Левенко.

1991 – **Шутник** – сб. «Маркиза», Краснодар: Бэт Букс, 100 000 экз., м/о, 240 с. – с. 87-95.

1992 – **Остряк** – сб. «Чёрный нимб и другие истории, исполненные неизъяснимого ужаса», Донецк: Донбас, М.: Поиск (Библиотека «Мир приключений»), ISBN: 5-7740-0515-1, т/о, 100 000 экз., 344 с. – с. 260-267, А. Боргардт.

1992 – **Шутник** – сб. «Истинное лицо», СПб.: Логос, ISBN: 5-87832-001-0, 100 000 экз., т/о, 352 с. – с. 276-283, А. Юрчук.

1992 – **Мастер розыгрыша** – сб. «Нечто по Хичкоку. Дэшил Хэммет. Худой мужчина», Тбилиси: Грузинформкино, Смоленск: НТИ «Аста», 100 000 экз., т/о, 352 с. – с. 168-173, Е. Андреев.

1992 – **Подшутил** – ж. «Финист» (Приложение к журналу «Уральский следопыт»), Свердловск, № 1 – с. 22-24, А. Левенко.

1993 – **Шутник** – сб. «Ярмарка страха», СПб.: Лениздат, ISBN: 5-289-01575-2, 75 000 экз., м/о, 192 с. – с. 25-31, А. Юрчук.

12. **Rose-Crystal Bell, The** (Ring Once for Death), 1954

1994 – **Колокольчик из розового хрусталя** – ж. «Если», № 11-12 – с. 39-43, Е. Канищева, илл. Н. Бальжак.

13. **Attractive Family, An**, 1957

1973 – **Милое семейство** – г. «Литературная Россия», М., 11 мая, № 19 – с. 22-23, Н. и С. Никоненко, илл. Е. Скакальского.

1990 – **Милое семейство** – сб. «Тайна третьей девушки», М.: Интербук, Панас (Остросюжетный детектив), ISBN: 5-7664-0469-7, 100 000 экз., т/о, 256 с. – с. 178-188, Н. и С. Никоненко.

1991 – **Такая милая семья!** – ж. «Крыніца (Родник)», № 5 – с. 6-11, В. Рассолько.

1991 – **Милое семейство** – ж. «Крестьянка», № 6 – с. 28-31, Н. и С. Никоненко, илл. А. Остроменцкого.

1991 – **Милое семейство** – ж. «Чёрный журнал», № 3 (4) – с. 8-20, О. Драчевская.

1991 – **Такая милая семья!** – сб. «Исчезновение», Минск: Род-пресс Лтд, РИКЦ «Родник» (Библиотека для ночного чтения), 200 000 экз., м/о, 128 с. – с. 40-59, В. Рассолько.

1991 – **Милое семейство** – сб. «Э. Куин. Божественный свет. Р. Артур. Милое семейство», М.: ИПО «Автор» (Зарубежный детектив), ISBN: 5-85212-003-0, 300 000 экз., м/о, 96 с. – с. 79-93, Н. и С. Никоненко.

1992 – **Интересная семейка** – сб. «Memento Mori. Рассказы не для нервных», Минск: Паблицити, Старый свет, ISBN: 5-7207-003-X, 5-86958-015-3, 200 000 экз., т/о, 320 с. – с. 263-277, В. Иванов.

1992 – **Милое семейство** – сб. «Тайна третьей девушки», М.: Интербук, Панас (Остросюжетный детектив), т/о, 256 с. – с. 178-188, Н. и С. Никоненко.

2003 – **Милое семейство** – альманах «Подвиг» (Детектив СМ), № 8.

2005 – **Милая семейка** – сб. «Бомба № 14», М.: Вече (Коллекция ужасов Альфреда Хичкока), ISBN: 5-9533-0874-4, 3 000 экз. т/о, 384 с. – с. 34-50, Ю. Р. Соколов.

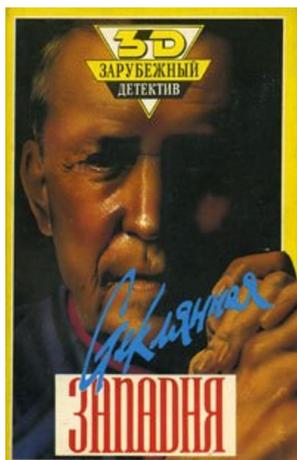
2016 – **Милая семейка** – сб. «Если свет твой — тьма...», Харьков: проект «Самиздат» (ШФ. Продолжатели), т/о + с/о, 1152 с. – с. 521-532, Ю. Р. Соколов.

14. **Glass Bridge, The**, 1957

1993 – **Мост из стекла** – сб. «Стеклянная западня», Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство (ЗД: Зарубежный детектив), ISBN: 5-7529-0549-4, 100 000 экз., т/о + с/о, 448 с. – с. 396-412.

15. **Death Is a Dream**, 1957

1991 – **Смерть — это просто сон** – ж. «Мозаика», Уфа, № 2. – с. 47-58, Р. Контюков.

1991 – **Смерть есть сон** – сб. «Истории для ночного чтения», М.: Бобок (Библиотечка журнала «Бобок»), 50 000 экз., м/о, 144 с. – с. 130-141, И. Логинов.

1991 – **Смерть – это просто сон** – сб. «Муха», Л.: Издательская фирма «Абрис», 176 с. – с. 51-62.

1991 – **Смерть есть сон** – сб. «Смерть есть сон», М.: Бобок (Альманах Бобок. Выпуск 11. Из коллекции Альфреда Хитчкока), 50 000 экз., м/о, 40 с. – с. 17-27, И. Логинов.

1992 – **Смерть есть сон** – альманах «Бобок», № 3 – с. 56-62, И. Логинов.

1992 – **Смерть — это сон** – сб. «Зарубежный детектив. Книга 4», Гомель: Сигма (Зарубежный детектив в восьми томах, в семи книгах), 100 000 экз., т/о, 312 с. – с. 254-261, И. Торубаров.

1992 – **Смерть — это сон** – сб. «Истинное лицо», СПб.: Логос, ISBN: 5-87832-001-0, 100 000 экз., т/о, 352 с. – с. 291-301, А. Юрчук, И. Петрушкин.

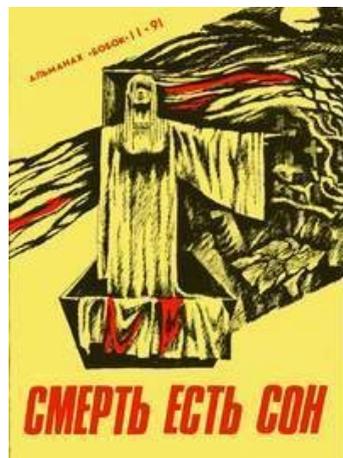
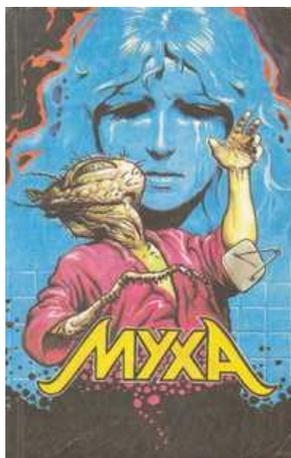
1993 – **Смерть есть сон** – г. «Воскресная газета», № 26, июнь — с. 7-10.

1993 – **Смерть — это сон** – сб. «Охотник за головами», Минск: Белая Русь (Мистика, ужасы), ISBN: 5-86728-027-6, 100 000 экз., т/о, 448 с. – с. 435-446, И. Торубаров.

1993 – **Смерть — это сон** – сб. «Ярмарка страха», СПб.: Лениздат, ISBN: 5-289-01575-2, 75 000 экз., м/о, 192 с. – с. 38-47, А. Юрчук, И. Петрушкин.

2001 – **Смерть – это вечный сон** – г. «Мир зазеркалья», М., № 14 – с. 10-11, С. Мануков.

2001 – **Смерть — это сновидение** – ж. «Студенческий меридиан», № 2 — с. 50-54, А. Григорьев.

16. **Completely Foolproof**, 1958

1970 – **Абсолютно надёжно** – г. «Литературная Россия», № 52 (416), 25 декабря – с. 22-23, А. Вускович, В. Затеplinский.

17. **Getting Rid of George**, 1961

1990 – **Как избавиться от Джорджа** – сб. «Перст судьбы», М.: Рос-Маркетинг, 100 000 экз., м/о, 80 с. – с. 4-16, А. Васильков.

1993 – **Как избавиться от Джорджа?** – сб. «Как избавиться от Джорджа?», СПб.: Лениздат, ISBN: 5-289-01472-1, 50 000 экз., м/о, 448 с. – Екатерина Коротнян.

1996 – **Как избавиться от Джорджа?** – ж. «Домовой», № 8-9 – с. 132-142, В. Бернацкая.

2010 – **Как избавиться от Джорджа** – г. «Совершенно секретно», № 8 (255) – с. 38-39, Сергей Мануков.

18. **No One on the Line**, 1961

199? – **Никто не отвечает** – сб. «Коллекция Альфреда Хичкока. Т. 2: Истории, которые моя мама никогда не рассказывала», Ставрополь: АСОК, ISBN 5-87208-030-1, т/о, 444 с. – с. 34-50.

19. **Wall-to-Wall Grave, The** (Walk up to Death; Step Up To Death), 1962

1995 – Эндрю Бенедикт. **Гроб с кондиционером** – сб. «Домашние убийства: Альфред Хичкок представляет», М.: Пресса, ISBN: 5-253-00817-9, 25 000 экз., т/о + с/о, 448 с. – с. 29-34, Г. Доновский.

2001 – Эндрю Бенедикт. **Гроб с кондиционером** – сб. «Умри последним», М.: Вече (Альфред Хичкок. Коллекция ужасов), ISBN: 5-7838-0935-7, 7 000 экз., т/о, 416 с. – с. 156-160, Г. Доновский.

2002 – Эндрю Бенедикт. **Восхождение к смерти** – сб. «Из моря», М.: Рипол Классик (Дом ужасов), ISBN: 5-7905-1277-1, 7 000 экз., т/о, 416 с. – с. 309-325, И. Зивьева.

2002 – Эндрю Бенедикт. **Комната-могила** – сб. «Комната-могила», М.: Вече (Альфред Хичкок. Коллекция ужасов), ISBN: 5-94538-126-8, 5 000 экз., т/о, 416 с. – с. 187-203, Ю. Р. Соколов.

2005 – Эндрю Бенедикт. **Гроб с кондиционером** – сб. «Змея», М.: Вече (Коллекция ужасов Альфреда Хичкока), ISBN: 5-9533-1035-8, 5 000 экз., т/о, 352 с. – Г. Доновский.

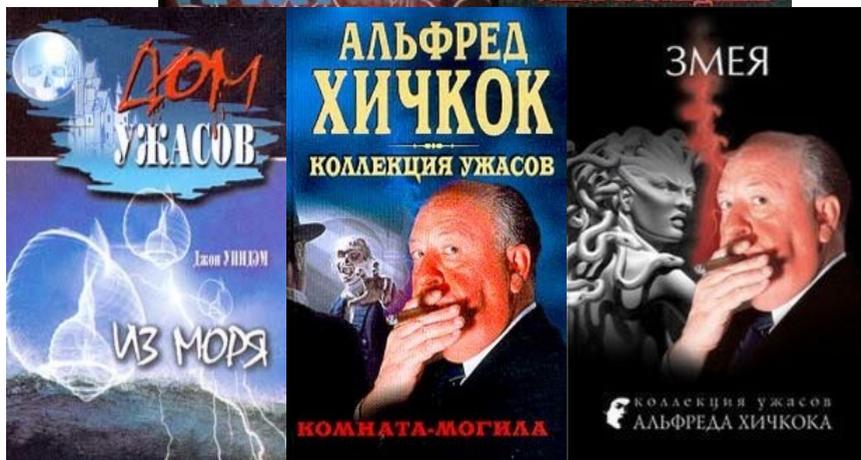
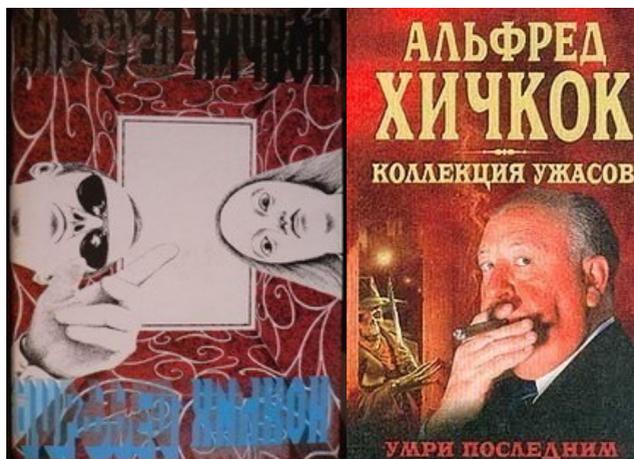
2006 – Эндрю Бенедикт. **Комната-могила** – сб. «Заложник», М.: Вече (Коллекция ужасов Альфреда Хичкока), ISBN: 5-9533-1098-6, 5 000 экз., т/о, 384 с. – с. 21-35, Ю. Р. Соколов.

2007 – Эндрю Бенедикт. **Комната смерти** – ж. «Супер Триллер», № 6 (129), март, 82 000 экз., 64 с. – с. 1-6.

2015 – **Комната-могила** – сб. «Всё, что в тебе есть», Киев: Мой Друг Фантастика (ШФ, Продолжатели), 20 экз., т/о + с/о, 1056 с. – с. 766-776, Ю. Р. Соколов.

2016 – **Комната-могила** – сб. «Если свет твой — тьма...», Харьков: проект «Самиздат» (ШФ. Продолжатели), т/о + с/о, 1152 с. – с. 354-365, Ю. Р. Соколов.

Могила от стены до стены, или Прогулка к смерти – Е. Гужов.

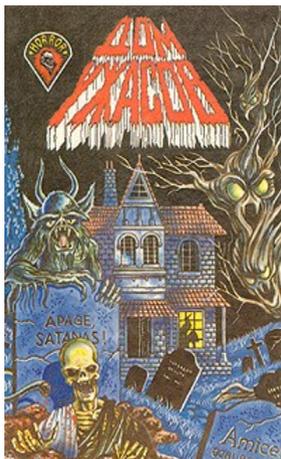

20. Pool Party, 1969

1992 – Э. Бенедикт. **Бассейн** – сб. «Дом ужасов», М.: Рипол, Джокер, Молэксимп (HORROR), ISBN: 5-87012-004-2, 100 000 экз., т/о, 432 с. – с. 244-257, В. Полищук.

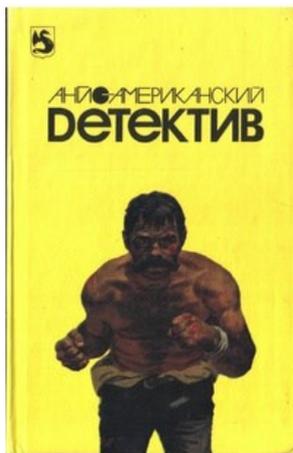
1996 – Эндрю Бенедикт. **Бассейн** – ж. «Смена», № 2 – с. 125-138, В Полищук, илл. М. Авсюкевич.

2005 – Эндрю Бенедикт. **Бассейн** – ж. «Супер Триллер», № 17 (68), июнь, 81 000 экз., 64 с. – с. 33-38, С. Мануков.

21. Старая фотография

1992 – **Старая фотография** – сб. «Англо-американский детектив. В двух томах. Том 1», М.: Змей Горыныч, ISBN: 5-85912-012-5, 100 00 экз., т/о, 656 с. – 637-655, Е. Розанова.

Содержание

А. Лапудев. Угадай, кто?	3
Смертницы	4
День чудес	23
Марки страны Эль Дорадо.....	57
Просто фантазёр	68
Упрямый дядюшка Отис.....	79
Сатана и Сэм Шэй	93
Проклятый трейлер	109
Колесо времени.....	132
Нож	146
Соседи.....	153
Мастер розыгрыша	159
Колокольчик из розового хрусталя.....	167
Такая милая семья!	180
Мост из стекла	194
Смерть есть сон	211
Абсолютно надёжно.....	223
Как избавиться от Джорджа	234
Никто не отвечает.....	244
Могилы от стены до стены, или Прогулка к смерти.....	258
Бассейн	270
Старая фотография	285
Кел-кор. Роберт Артур	303
А. Лапудев. Библиография Роберта Артура	306